



Альманах
История. Культура. Литература
УЧРЕДИТЕЛИ:
НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. ЯРОСЛАВА МУДРОГО,
АДМИНИСТРАЦИЯ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ
издается с 1995 года №1 (20) 2001 год

СОДЕРЖАНИЕ:

К 2000-летию РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Сергей МАНТЕЙФЕЛЬ - Стихи 2
Юлий ЦИРКИН - НАЧАЛО ХРИСТИАНСТВА 7

НОВГОРОД

Ирина САВИНОВА - НОВГОРОДСКАЯ ЕПАРХИЯ 11
Валентина ГРЕКОВА - КОГДА МУЗЕЮ НЕТ АЛЬТЕРНАТИВЫ 16
Владимир ЯДРЫШНИКОВ - РЕСТАВРАЦИИ МНИМЫЕ
И ПОДЛИННЫЕ: ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ДО XX ВЕКА 22
Людмила СЕКРЕТАРЬ - СТРОИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В НОВГОРОДСКОМ ЮРЬЕВОМ МОНАСТЫРЕ В XVIII ВЕКЕ 29

ЭХО

Илья СМЕРНОВ - ДУХОВНЫЕ СЕМИНАРИИ
ПРИ КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОМ МОНАСТЫРЕ 33
Наталья ПЕТРОВА - СОБРАНИЕ ИКОНОПИСИ
КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА 37
Андерс ШЁБЕРГ - ПРАВОСЛАВНАЯ МИССИЯ В ШВЕЦИИ В XI ВЕКЕ 40

КАФЕДРА

Виктор ДУДКИН - ПРОВИДЕЦ ДОСТОЕВСКИЙ 45
Валерий ВАСИЛЬЕВ - ОБОЙТИ ВСЮ РУСУ И ЛАДОГУ 48

АРХИВ

Юрий МАРКИТАНОВ - ВОЕННОЙ ГАЛЕРЕИ ГЕНЕРАЛ 53
Владимир АНДРЕЕВ - БОЕВОЙ ПУТЬ ДИВИЗИИ 61
Татьяна ДАНЬКО - «...А ЖИЗНЬ НАША — ГОРЬКАЯ» 72
Наталья МОРЫЛЕВА - О ВИКТОРЕ КРЕНКЕ 78

EX LIBRIS

Людмила ПЕТРОВА - БИБЛИОТЕКА НОВГОРОДСКОГО
ЦЕРКОВНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА 85
Тамара СИГАЛОВА - «ДОБУЖИНСКИЕ ЧТЕНИЯ» 89

ПЕРО

Владимир ВИКТОРОВ - Стихи 90
Игорь БУТКЕВИЧ - УЧИТЕЛЬ 96
ТАНЕЦ НЕРП 98
Александра ЗВЕГИНЦЕВА - Стихи 99
Владимир ТЮРИН - ЭТО БЫЛО НЕДАВНО, ЭТО БЫЛО ДАВНО... 100
Анатолий ОБЪЕДКОВ - Стихи 104

МАСТЕРА

Юрий БОЛЬШАКОВ - ЖЕЛЕЗНАЯ ПЕСНЯ РУСИ 106
ЗА ТРИДЕВЯТЬ ЗЕМЕЛЬ
Владимир ЯРЫШ - «СИРЕНЕВЫЙ ТУМАН» В СТРАСБУРГЕ 113
Константин БУЗУЛУЦКИЙ - РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО-СЛАВЯНСКИ 118
Маттиас ОГРЕН - Я ВОЗВРАЩАЮСЬ ДОМОЙ 121



РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор
Тамара СИГАЛОВА

Леонид БАРАНОВСКИЙ
Валерий БОЛЬШАКОВ
Марина БУРЬЯК
Сергей ВИТУШКИН
Анатолий ДОНЧЕНКО
Виктор ДУДКИН
Татьяна ЗОЗУЛЕНКО
Геннадий ИГНАТЬЕВ
Вячеслав ИЩЕНКО
Геннадий КОВАЛЕНКО
Наталья МОРЫЛЕВА
Людмила ПЕТРОВА
Владимир ПОВЕТКИН
Эдуард РАНЕНКО
Ирина САВИНОВА
Наталья САУКОВА
Людмила СЕКРЕТАРЬ
Владимир ТЮРИН
Владимир ЯДРЫШНИКОВ
Владимир ЯРЫШ



Сергей МАНТЕЙФЕЛЬ

МЕЧТА О ДЕТСТВЕ

Я хотел бы стать ребенком,
прыгнуть в белую постель
и чтоб кто-то очень добрый
рассказал мне о Христе.
О святых его деяниях,
очень нужных чудесах.
И во мне бы
вместе с лаской
переплелся
нежный страх.
А потом,
заране помня
о страданиях его,
попросил бы:
расскажите
то, что радостней всего.
Как, — целованный Иудой,
он не кончился,

воскрес!

И, сияя от восторга,
упивался бы я всрой
в это чудо из чудес...

Октябрь 1989 г.

ПРИЧАСТИЕ

*И я воскрес для жизни и добра
М. Лермонтов*

Непостижимо:
Богочеловек
в моих надеждах поздних поселился.
А я-то ведь не тёмный печенег,
что в древности под Киевом крестился.

И высший подвиг,
и крушенья стон
теперь связую
с именем Христовым.
Вот так пещерец был ошеломлён,
назвав светило мира — кратким словом.

Теперь мне ведом символ чистоты
и всенасущной правды человечей.
Поклон мессии,
но без суеты,
какою в нищих культ его отмечен.

Не на знамёнах чествую — в миру
подвижника,
поэта-страстотерпца.
Кого ещё на помощь призову,
когда отчаюсь выгоревшим сердцем?..

Февраль 1989 г.

Дм. Бортнянскому

Когда совсем немного прихожан
и **Свете тихий** серебрят пространство
отзывчивого храма, и туман
постылого житейского пасьянса
в ничто расплавлен огоньками свеч,

и жить осталось — будто лишь сегодня,
тогда

какой восторг — себя увлечь
(не с помощью ли близости Господней?)
в бессмертие!..
А женщины поют,
и я всё больше наполняюсь верой:
то не игра,
Христос и вправду — тут;
перешагни последние барьеры...

1 мая 1994 г.

ПЕСНЬ НЕБА

Рассеяв оцепление молекул,
скрипичные изливы зорьих звёзд
с желаниями Богочеловека
меня соединили;
чудный мост —
он весь из музыки,
из горести и счастья, —
для нежности, готовой принести
любую жертву на алтарь согласия
с Великопевцем;
Господи, прости,
Любовь моя, Ты видишь, со свечою
(хоть и пуста бездарная рука)
блаженно приближаюсь к аналою
(я сам, а не чернильная строка)
и упадаю, жалкий, на колени
и плачу, не смущаясь солнц и лун;
сейчас и я — потусторонний
гений,
умеющий внимать воззванью струн —
о Справедливом Дне поющих струн...

Сентябрь 1991 г.

СТРАШНЫЙ СУД

Я видел сон.
Сквозь бую зала,
откуда-то из задних врат-дверей,
решительно
(но, чуялось, — устало)
на сцену прорывался

Святодей.

То был — Христос!
В плаще крылатом
(как знамя развевался алый плащ!)
Он страстно устремился на эстраду.
То был Господь —
карающ и щадящ.
Сюда Он

не на проповедь явился,
здесь ждал Его —
зловещий самосуд.

Вертеп кипел
и вовсе не молился —
угрозами взрывался там и тут.
И виделись неслышимые крики,
в немом кино всё корчилося хулой..
Оцепнев,
я созерцал великий
спектакль, рожденный трусостью людской.

Какое же ничтожное величие...

И —

кто всю эту нечисть раскачал?..
Озлобленным, тупым упрямством бычим
хрипел и бесновался грешный зал.
А Он, Христос,
воспламенившись взором
из тёмных разлетевшихся кудрей,
плащом гасил скверноголосье хора.
Вперёд, вперёд!
И всё скорей, скорей..
Уже на сцене — под секирой ада.
Поворотился и взглянул

в упор...

Сон оборвался.

Так, наверно, надо:

чтоб

сам я вынес Правый Приговор.

14 июля 1988 г.

О СОПРИЧАСТНОСТИ

1. Самонадеянное

Хоть и не гожусь я в боговеры,
но Христа-печальца возлюбил.
Жизнь была бы карою мегеры,
если б я Ему не приоткрыл
щель в мою холодную обитель.
Сумрачно в ней было... А сейчас
на судьбу смотрю как победитель:
мнится мне (прости меня, Спаситель!..) —
будто это я изгоя спас...

2. Без эйфории

Мне жаль Его, и потому — люблю.
Сердечная любовь — из сострадания.
Подбитому бедняжке журавлю
вот так же, осторожным пленением,
скорбя, перевязал бы я крыло
и полюбил бы страждущую птицу.
А тут... Заступы нет... И на чело
из-под шипа святая кровь струится..
Да разве станет *чтивом* эта казнь?!
Всё — вновь и вновь свершается пред взором;
я будто сам в крови... И не боязнь
палящей боли — стыд кровавит поры
духо-телесной немощи моей:
Христа не уберёг...

Хотя бы журавлей
врачуй... без шума...

Октябрь 1989 г.

ТАК МЫ ЛЮБИМ

О, искушенье — выудить награду
за жертво-эгоизм наш, за любовь,
столь преданную слёзному параду
в спектаклях, где

ни в грош чужая кровь.

Рекламоуслашенье Иисуса,
разыгранное нами прозапас, —

оно несносней укусных укусов,
предложенных

Жалеющему нас.

Нам не расслышать пыточного стона
за собственной елейною божбой.
Целуем золочёную икону
и рады:

нарисован, не живой...

Декабрь 1993 г., 1999 г.

ХРИСТОВА ДОЛЯ

Памяти С.И. Пустовойтова

*Как от гвоздья, — сберечь от суесловья,
от ханжеских мздоищущих затей...*

Спасти бы от невольничьих постромок
водимого по ярмаркам Христа.
Святошеский театр и нагл и громок
и лжив, как все базарные места.

Торгуют нимбом, притчами, шипами,
вонзавшимися в чистое чело.
Куда ж их, соблазнённых пятаками,
в какие же иудства занесло!

Забыли, что не карла, не медведь он —
затаскивать с Голгофы в балаган.
За счёт того, кто жертвен был и беден,
милэют — с распродажи вечных ран
наспекулированной медью —
пришитый к совести карман.

Февраль 1999 г.

ИСКУШЕНИЕ

Остатки любимого раньше вина
предательски — вон выливаю.
На уголья, в грязь — принимай, сатана!
Лью белое... Радуйся — лужа черна!
Лакай мои грёзы о рае.

Ты пьешь

вдохновенье,

глотаешь

мечты...

Ах — совестью вдруг поперхнулся
моею... Не бойся — вчерашнюю. Ты
прокашляйся... Кстати, — понюхай цветы:
с букетом к тебе я вернулся.

Нарциссами — спесь,
белладонною — ложь
и ненависть — чертополохом.
Надеюсь, доволен подарком?

Ну что ж —

ну что же не спросишь: мол, как ты живёшь,
мол, сыт ли сей жизнью, дурёха?

По горло! По темя! И, кажется, трезв.
Взгляни: мошкаркой на тычинках —
сластёны-людишки... А наперерез
бегут паучата — с крестами и без
на солнечно-чёрненьких спинках.

И я в мельтешеньи... (Приметен едва...)
На зеркало сетовать неча...
То хлюпик, то циник... Порой голова
твои сатанизмы вползает в слова;
теперь — откровенная встреча.

Прости, ты какой-то мне задал вопрос?
Займись этим венником... Кушай...

...Вновь чудится:
ландыш под елью пророс
и будто пеняет:
«А как же — Христос? —
не Он ли, припомни-ка,
ждёт твою душу?»

4 ноября 1994 г.

Нет своей лампы,
пустота в углах.
Нету — и не надо,
нешто я монах...

Так во мне и жило
это пустовство.
И таланту было —
лишь на мотовство.

Растрянжирил веру
в добрые дела.
Совесьть — пылью серой
густо обросла.

Никакой отрады
на скончаньи лет.
Мне б теперь лампаду,
да иконы нет.

Мне б найти обитель
с ласковой семьёй:
я бы, как проситель,
утомясь виной,

заходил к сердечным
посидеть в тиши,
погрустить о вечном
отдыхе души,

помечтать несмело
против огонька,
чтоб лампада грела
слёзы старика...

Октябрь 1990 г.

Забыв ручательства благие,
подсказку нового пути,
с утра я нацепляю гири
всего того, за что —

«прости» —

молить придётся, умирая,
стыдясь людей, себя кляня...

А мне ведь чудилась иная
дорога с нынешнего дня...

Опять лукавая отсрочка.
А Тот, Кого я обманул, —
Он всё ещё не ставит точку
и снова ждёт моих посул...

О, Боже, многим же терпением
одариваешь Ты глупца!..
Чу... слышу...
ангельские перья
тепло качнулись у лица...

Август 1993 г.

ПЕРЕД КАРТИНОЙ В. ПОЛЕНОВА «ХРИСТОС НА ГЕНИСАРЕТСКОМ ОЗЕРЕ»

Один в прибрежной россыпи камней,
вдыхая вечность утомлённой грудью,
неузнанный, уходишь от людей —
идёшь к не узнающим Бога людям.

В какую человеческую даль
погружена участливая дума?..
Нам и в мольбе не обойтись без шума,
а тут — о нас — безмолвная печаль...

29 марта 1992 г.

Так младенец ходит босичком
к матери за нежным утешеньем,
не заботясь мыслями о том,
что и сам он — нежность и прощенье.

Так идёт легонько, не шумя,
белый старче с белою свечою;
ничего не нужно, окромя
радости — услышанной Тобою...

...Милый, Ты незримо по земле
ходишь от порога и к порогу,
от души к душе... В студёной мгле,
знать, не ломит раненные ноги...

Тихо, как когда-то во плоти,
можешь просветлением явиться,
хоть и злоугрюмы к нам пути
и не вдохновенны наши лица.

Сиднями пожертвованья ждём —
Твоего Святого Посещения.
Будто и не знаем — где Твой Дом..
Знаем, да спелёнуты мы ленью.

Как и вера, нам трудна любовь.
Только без неё — найдём ли Бога?
Вот и оставляешь Ты свой кров,
ходишь от порога и к порогу...

...Тёмные, холодные места..
Одичанье... Далее — всё глуше...

Мы не слышим...
Но порою — души
чуют приближение Христа...

Июль 1993 г.

В ОЖИДАНИИ ПАСХИ

Усталость духа?
Помню... знаю...
Но я всерьёз покончил с ней.
То было... в молодости... в мае...
Уже декабрь, и я вздыхаю
о бренности календарей...

А впрочем, — некогда и плакать.
Нарадовавшись Рождеству,
осило пост,
а там и слякоть,
и вербных веток я нарву.

Дождусь Христова Воскресенья
и — может статься — в первый раз
узнаю цену вдохновения:
без ностальгических прикрас

пойму небесную свободу,
когда в сиянии голубом
Явление Христа народу
представлю явью, а не сном.

И братьям, иссушившим юность
в багровом зное майских звёзд,
скажу я: встаньте, не сутулясь;
пусть не для рая мы проснулись,
но —
ад покинуть в полный рост...

12 декабря 1990 г.

ВЕЛИКОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Пальмовую,
вербную ли почкой
взращено прозрение души, —
главное, чтоб не было отсрочки:
мирную молитву — доверши.

В этот ясноликий день пасхальный,
хоть и жил ты, грешный, без поста,
скинь с себя доспехи лжи кабальной,
и узришь — душа твоя чиста.

Без пудовых лат, незащищённый,
станешь светел и неуязвим
и, как инок новообращённый,
подобреешь к слабостям людским.

7 апреля 1991 г.

ОДОЛЕНИЕ ЗЛА

«Не впусти в себя зло», —
умоляют морщины усталых...
«Не впусти в себя зло», —
у Ассоль голубеет в глазах...
Простоту этих слов

я расслышал в нетоптанных травах...
А вернувшись в Злоград, —
на церковных прочёл парусах...

Не дари себя злу,
коль намерился с ним побороться.
Как похмелье — гони
затаённость его из себя.
Очень трудно смотреть
на огромное ясное солнце.
Что ж — на землю смотри,
даже — камни ее возлюбя.

23 ноября 1990 г.

Ни холодного, ни огнестрельного,
ни дреколья, ни подлой пращи;
нам бы — силы креста нательного,
да любви в бытие скудельное,
да сухариков в постные щи.

Апрель 1992 г.

МИМОЕЗДОМ

Без жаворонка плоски и скучны
молчание моря голубизны.
Тоскует небо. Хоть и шлёт улыбку,
но — будто виноватся за ошибку...

Утраченностью, тенью по селу
расплата за беспесенную мглу:
не замерцает издали платочком —
приманчивым церковным куполочком...

Но вот душа святого дождалась!
Дорога словно в музыку влилась!
Вдали — церквушка! Зазвеневшим светом,
не прячущимся — вверненным секретом

над избами и ворохом раки
она — давно любимая — струит
такую нежность в огорченья сырых,
такое счастье возвращенья к миру!..

*21 июня 1997 г.,
в пути из Троице-Сергиевой лавры*

С ПАМЯТЬЮ О ПРОТОИЕРЕЕ АЛЕКСАНДРЕ МЕНЕ

1.

Благодарю, Господь, что позволяешь
приблизиться к его душе — моей.
Ты, насмотревшись на земное, знаешь:
мне было бы — дыхания милей
здесь, под угрюмым наволоком неба,
когда в потерянности устаю дышать,
посланца Твоего вдруг повстречать,
из рук его кусить Святого Хлеба...

Теперь... хотя б могиле поклониться,
покаяться бы — как перед Тобой...

НАЧАЛО ХРИСТИАНСТВА

Христианство возникло в Палестине в первой трети I века. В это время там существовала римская провинция Иудея. Это была небольшая провинция, и управлял ею прокуратор, то есть чиновник второго ранга, в значительной степени зависящий от наместника соседней Сирии. Ни в экономическом, ни в социальном, ни в политическом плане она не отличалась от других восточных провинций Римской империи. Оригинальность Иудеи заключалась в ее религии.

Иудейская религия отличалась от всех тогда существовавших рядом необычных черт. В первую очередь это — последовательное единобожие, монотеизм. Для иудеев Йахве — не один из богов, не верховный бог и даже не единственный бог самих иудеев: это — единственный Бог вообще, создатель и правитель мира, и все другие — лжебоги, а любая уступка их культу — величайший и непоправимый грех. Союз между иудеями и Богом основан на договоре. После потопа Бог заключил договор с Ноем как предком всего послепотопного человечества, а затем договор был заключен уже с патриархами — предками иудеев Авраамом, Исааком и Иаковом (Израилем). Затем Бог на Синае дал свои заповеди Моисею, и, наконец, после окончательного обретения Учения при царе Иосии был возобновлен договор между Богом и народом. Отсюда вторая черта иудейской религии — богоизбранность. Третья черта — мессианство. В конце времен явится в мир божественный спаситель, помазанник Божий (Мессия буквально — помазанник), который накажет всех врагов избранного народа и установит царство Божие. Его приходу будет предшествовать вторичное появление на земле пророка Илии, в свое время взятого живым на небо. Все эти положения были закреплены в Священном писании, так что иудейская религия стала религией Книги. Эти представления смешиваются с воспоминаниями о прежнем величии царства. Фигуры Давида и его сына Соломона в народной памяти стали образами идеальных монархов, а их государство — царством права и справедливости. Поэтому и Спаситель обязательно будет происходить из дома Давидова.

Принятие всех этих положений накладывало отпечаток на отношение иудеев к римским властям и другим народам, а также на внутрииудейские отношения. Всякое политическое и социальное движение превращалось в религиозное, а любое религиозное становилось политическим. В результате внутри иудейского общества возникли различные религиозно-политические течения, ведущие между собой ожесточенные споры, ибо каждая группировка рассматривала свои взгляды как абсолютную истину, а другие — как величайший грех, компромисс с которым невозможен. Так, саддукеи, представлявшие собой верхушку

иудейского жречества, из числа которых выходили первосвященники, возглавлявшие иудейскую религиозную общину, отрицали устное толкование Учения, закона, им определяемого, и выступали за сотрудничество с римской властью. Фарисеи (это слово тогда не имело никакого отрицательного значения) стремились приспособить Учение к новым условиям и поэтому придавали большое значение его устному толкованию, настаивали на тщательном соблюдении всех предписаний ритуала и выступали за решительный отказ от всяких связей с неиудеями, в том числе и римлянами, а самые решительные из них — за освободительную войну с ненавистным Римом.

Ессеи, или эссены, полагали, что официальное жречество вообще изменило Божественным установлениям, и они полностью порвали с существовавшей общиной. Они организовывали свои общины, главным образом в пустыне и других местах вне городов, создали свое толкование Учения, свой календарь, чтобы отмечать праздники в другие дни, чем остальные иудеи. Ессеи считали, что они заключили с Богом новый договор, новый завет. Возможно, что к ессеям была близка группировка, возглавляемая Иоанном, который учил о возрождении к новой жизни посредством ритуального омовения в водах реки Иордан и которого его ученики считали воплощением Илии.

В это время мессианство широко распространилось. Многие объявляли себя пришедшими спасателями, призывая к последней войне с Римом. Римляне при поддержке иерусалимского жречества жестоко расправлялись с такими движениями и их вождями.

И вот в такой накаленной духовной и политической атмосфере начал свою проповедь Иисус из галилейского города Назарета. Галилея была северной областью Палестины, довольно отсталой, и Иисус скоро вместе со своими учениками покинул ее и перебрался в Иерусалим, где принял активное участие в тамошних религиозных дебатах.

Иисус объявил себя (или согласился с объявлением его) Мессией, спасителем. Однако выступил он не за национальное освобождение, а за моральное преображение человека, его внутреннее освобождение, установление личной связи с Богом. По его словам, спасутся не все иудеи, а только поверившие в его миссию. Это — нищие духом и алчущие правды, кроткие и милостивые, чистосердечные и миротворцы. Эти люди должны быть праведны не внешней праведностью фарисеев, а по чистоте души своей. Праведные никого не должны обижать ни действием, ни даже помыслом, жить в мире со всеми людьми, отдать имущество беднякам, не прелюбодействовать ни на деле, ни мысленно, не противиться злу, любить врагов, быть в согласии с собой, миром и Богом, а главное — быть чистыми душой.

Таким образом, Иисус перенес центр тяжести с внешнего мира внутрь человека, и объектом освобождения стала не этническая или политическая группа, народ, нация, а конкретная человеческая личность. Отрицая строгое следование внешним ритуалам, Иисус основной акцент делал на моральном самоусовершенствовании и, считая это самым главным, полагал возможным тесное общение с такими людьми, которых господствующая мораль считала нечистыми, включая представителей римской власти. Это противопоставило Иисуса и его учеников фарисеям и основной массе иудеев, идущей за фарисеями.

И фарисеи, и еще больше саддукеи решительно выступали против людей, объявлявших себя мессиями, видя в этом величайший грех. С другой стороны, римские власти, не разбиравшиеся в тонкостях восточных вероучений и различий внутри иудейской религиозной мысли, всех подобных деятелей считали мятежниками против императора. В результате по наущению верхушки иерусалимского жречества и по приговору прокуратора Понтия Пилата Иисус был казнен. Он был предан распятию, самому жестокому и позорному виду казни, предназначенному для беглых рабов и особенно мятежников.

После казни Иисуса его ученики стали проповедовать среди иудеев, живших вне Палестины, а таких к тому времени было уже большинство. Так, Петр отправился в сам Рим и стал основателем тамошней общины, а его брат Андрей переправился на северный берег Черного моря. Довольно скоро новое учение стало пропагандироваться и среди язычников, то есть неиудеев. Языком и иудеев, живших вне Палестины, и язычников, населявших восточную часть Римской империи, был греческий. И слово Мессия — помазанник было буквально переведено на греческий язык и стало звучать Христос. Соответственно почитателей Христа стали называть христианами. Распространение христианства среди язычников связано с именем Павла.

Вообще роль Павла в истории раннего христианства трудно переоценить. Он не был непосредственным учеником Иисуса и поверил в него уже после его гибели. Для Павла Иисус — не учитель, не пророк, а Спаситель, помазанник, сын Божий и сам — Бог. Бог послал на землю своего сына, чтобы спасти человечество, и тот, приняв мученическую смерть, этой жертвой освободил человечество от первородного греха и страха смерти, ибо истинно верующие воскреснут в царстве Божию. Смерть Христа — не позорная казнь, а победа над смертью вообще, и тот, кто принял акт крещения (а им является особое омовение, подобное тому, какое совершил Иоанн над Иисусом в Иордане), уже тем самым сопричащается к гибели и воскресению Иисуса и предназначен к вечной жизни. При этом главным является вера, а происхождение человека не имеет никакого значения. Сам Иисус обращался только к иудеям, заявляя, что пришел к заблудшим овцам стада Израилева, но провозглашенные им ценности имели общечеловеческое значение. И Павел сделал следующий шаг, не только обратясь к язычникам, но и утверждая полную космополитичность христианства, ибо, по его словам, нет ни эллина, ни иудея, ни варвара, скифа, раба, свободного, но все и во

всем — Христос.

Эти утверждения Павла столь резко противоречили обычным иудейским представлениям, что вели христианство к полному разрыву с иудейской религией. И сам Павел полагал, что мученичество Христа отменило старый закон, старое Учение, старый договор и само означало заключение нового договора, Нового Завета Бога с человечеством, и именно со всем человечеством, а не только с избранным народом. Все, о чем говорится в Библии, исчерпало себя, ибо все пророчества исполнились с приходом Христа. Поэтому христиане должны порвать со старым законом. Не все христиане были готовы к такому решительному шагу, но сама жизнь подтвердила правоту Павла.

В 68 году иудеи восстали против Рима. Перевес, естественно, оказался на стороне римлян. В 70 году они взяли Иерусалим и разрушили храм Йахве, а в 73 году был уничтожен последний очаг восстания. Вскоре после этого собрался высший орган иудейского жречества — синедрион, который установил более твердые правила религии, покончив со всеми прежними спорами, и с этого времени можно говорить об окончательном оформлении иудаизма. В частности, было установлено, что Мессия еще только придет и все объявлявшие себя таковыми — самозванцы. Принятие этого положения лишало христианство своей основы — веры в пришествие и воскресение после казни Спасителя. И пойти на это христиане не могли.

Отношение к иудаизму и иудейской Библии еще долго дебатировалось в христианских общинах. Были те, кто настаивал на соблюдении иудейского религиозного канона, но их взгляды были отвергнуты, так как их принятие означало бы растворение христианства в иудаизме. С другой стороны, появились такие люди, которые призывали полностью отказаться от Библии и рассматривали Йахве как злое начало, противоположное Христу. И эти взгляды тоже были отвергнуты, ибо они лишали Христа историко-религиозного обоснования. В конце концов была принята «средняя линия», в основных чертах совпадающая с мнением Павла. Иудейская Библия была принята как священная, явление Христа — как исполнение библейских пророчеств, а его смерть и воскресение — как заключение нового договора. Соответственно, никаких контактов с теми, кто продолжал соблюдать старый закон, уже не могло быть. Разрыв с иудаизмом стал полным.

Этот разрыв имел далеко идущие последствия. В Римской империи появилась вторая монотеистическая религия. Но в отличие от иудейской она была обращена не к определенному народу, а к отдельному человеку независимо от его национальной принадлежности, гражданского статуса, политического или административного поста и даже свободного или рабского состояния. Это была принципиально мировая религия, резко рвущая со всеми существовавшими в то время представлениями. Она практически по всем своим параметрам отличалась от всех других религий того времени.

Эта особенность христианства открыла ему путь к довольно быстрому распространению в Римской империи. Особенно значительными были успехи новой религии в

городах Сирии, Малой Азии, Египта. Египетская Александрия стала одним из самых значительных центров христианства. Существовали христианские общины и в других местах империи, в том числе в самом Риме. Первыми сторонниками христианства были низшие слои свободного населения. Но постепенно число христиан росло, и в общинах стали появляться более богатые и знатные люди. При императоре Домициане (81-96 годы), по преданию, христианами были даже его двоюродный брат Климент и жена Климента Домицилла. Притягательность христианства резко возросла с наступлением кризиса античного общества и его идеологии. Утратив старые ценности и ища новые идеалы, многие люди обратились к христианству. Христианских общин становилось все больше, их внутренняя структура усложнялась, они устанавливали связи друг с другом. Возникает и абстрактное понятие Церкви как земного партнера Бога, а с ним и мысль, что в то время как отдельные христиане, даже из духовенства, могут быть грешными, Церковь в целом святая и безгрешная. По мере развития христианства и становления вселенской Церкви нарастало противостояние ее и империи.

Утверждая, что власть Христа «не от мира сего», христиане в принципе были лояльны к государству и императору. Однако их взаимоотношения часто оказывались конфликтными. Преследования властью христианства именуя гонениями. Первое гонение произошло в 64 году при императоре Нероне. Но оно имело чисто политическое основание: император хотел отвлечь от себя обвинения в поджоге Рима и обвинил в этом христиан. Другие гонения были более принципиальными.

Образ жизни христиан, столь отличавшийся от обычного в то время, вызывал подозрения и даже ненависть со стороны язычников, ибо большинство людей, особенно в низах населения, не терпит, чтобы кто-нибудь жил иначе, чем они. Христиан обвиняли в атеизме, так как они не почитают всеми признанных богов, в безнравственности, ибо они собираются на трапезы братской любви, куда не допускаются посторонние и поэтому неизвестно, что там происходит, в ненависти к роду человеческому, так как они проповедуют о конце света. Нелогичность, а порой и вызывающая антиразумность ряда христианских постулатов, привели к выступлению против христиан многих античных интеллигентов.

С подозрением относилась к христианам и императорская власть. Их общины, с точки зрения юриспруденции, были незаконными коллегиями, и уже поэтому их члены могли преследоваться. Христиане отвергали все языческие культы, в том числе культ императора, и это ставило их под удар закона «об оскорблении величества». С созданием церковной иерархии в империи появилась структура, параллельная государству, для своих членов не менее действенная, чем государство, но с ним не совпадающая. Появление такой параллельной структуры вызывало подозрение императоров. Пока императорская власть была достаточно сильна, она могла не обращать особого внимания на такую структуру. С кризисом власти, особенно в III веке, это становилось уже излишней роскошью, и на

христиан обрушились репрессии. Пока отдельные церкви были автономны, и гонения ограничивались отдельными городами или провинциями. С возникновением, хотя и в зачаточном виде, общеперской церковной структуры, и гонения приобрели общеперский характер.

Глубинной причиной гонений, едва ли осознаваемой самими участниками событий, была противоположность христианских принципов и мировоззрения античному. Христианство не стало еще одной религией римского мира, оно явилось отрицанием основ, на которых строился этот мир. В центре античного мировоззрения и миропорядка стоял гражданин, противопоставленный негражданам. Христианство принципиально космополитично. Античное мировоззрение антропоцентрично, то есть в центре стоит человек, и сами боги понимаются как идеальные люди. Христианское — теоцентрично, в его центре — Бог. Для язычников мир — прекрасно устроенной космос, частью которого являются боги, люди, животные, растения, неорганическая материя. Для христиан мир — творение Бога, находящегося за пределами этого мира. Можно привести и другие примеры несовместимости античного и христианского миров.

Последнее, самое крупное и жестокое гонение произошло в начале IV века при императоре Диоклециане. Этот император создавал практически новое государство после разрушительного кризиса предшествующего столетия. Одним из шагов нового режима было создание официальной религии на основе старой, и все люди, отказывающиеся поклоняться старым римским богам, автоматически становились государственными преступниками. 23 февраля 303 года был издан специальный эдикт против христиан. Пожалуй, только один соправитель Диоклециана Констанций Хлор, первой женой которого была христианка Елена, пытался на своей территории смягчить суровые нормы эдикта.

Однако гонения не только не уничтожили христианство, но даже укрепили его. Произошло и укрепление церковной организации. Дело в том, что уничтожить христианство было невозможно, ибо оно отвечало потребностям времени и людей этого времени. Оно явилось ответом на кризис языческих представлений и ценностей. И отсюда мощное распространение этой религии по всей империи и среди всех слоев ее населения. Социальный состав церкви стал подобен социальному строю империи, а ее организация в значительной степени повторяла имперскую. Обе силы стали подобны друг другу, и это предопределило их сближение. Произошло оно, когда власть взял сын Констанция Хлора и Елены Константин.

Константин, как и Диоклециан, понимал все значение идеологического фактора в укреплении государства. Но он предпочел рассматривать церковную структуру как союзницу, а не как соперницу. В 313 году, встретившись в Милане со своим соправителем Лицинием, он издал вместе с ним эдикт о веротерпимости. По этому эдикту, называемому Миланским, все религии, в том числе христианство, объявлялись терпимыми и всякие преследования на религиозной почве запрещались. А вскоре Константин, побе-

див Лициния и став единственным повелителем империи, перешел к прямому покровительству христианской церкви. Христианское духовенство было освобождено от налогов и личных повинностей, на церкви было распространено право убежища, а произведенное в церкви освобождение раба признавалось законным. Было разрешено делать имущественные взносы в церкви и запрещено привлекать христиан к языческим праздникам. По инициативе Константина в 325 году в городе Никее был созван первый вселенский собор, то есть съезд всех епископов империи, на котором был принят символ веры, в кратком виде выражающий сущность христианского учения в том толковании, которое победило на этом соборе. Это толкование было объявлено единственно правильным — православным. Все другие были объявлены ересью. Перед самой своей смертью Константин принял крещение, став, таким образом, первым христианским императором.

Это еще не было окончательной победой. Еще шли ожесточенные споры внутри церкви, и некоторые императоры отказывались от никейского символа веры в пользу другого толкования христианских постулатов. В 361–363 годы император Юлиан, считавший, что христианство виновато в упадке империи, попытался возродить язычество и стал преследовать христиан, хотя до официального гонения дело не дошло. Но после его гибели христианство снова перешло в наступление. Его окончательная победа связана с именем императора Феодосия.

По инициативе Феодосия в 381 году в Константинополе был созван новый вселенский собор, который подтвердил и частично дополнил принятый в Никее символ веры. Этот символ, в частности, утверждал, что Иисус Христос рожден прежде всех веков, не сотворен, единосущен Отцу и ради спасения человечества вочеловечившийся и воплотившийся. Церковь, принявшая этот никейско-константинопольский символ веры, была объявлена не только православной, но и вселенской, католической, и всякие другие

верования отныне были запрещены.

Еще раньше эдиктом от 28 февраля 380 года Феодосий предписал всем своим подданным исповедовать только христианскую веру в той форме, в какой ее проповедовал в Риме святой Петр. Теперь таковой была признана лишь вера, основанная на никейско-константинопольском символе веры. Все те христиане, которые этот символ не признавали, сурово преследовались. Не менее суровые преследования Феодосий обрушил и на язычников. Были запрещены жертвоприношения, разрушались храмы. В 391 году было запрещено поклонение старым богам даже в частных домах. В 392 году были последний раз отпразднованы Олимпийские игры, которые затем возродились уже в совершенно новом виде только в конце XIX века. В 394 году из здания сената в Риме была вынесена статуя богини победы Виктории, которую старые римляне считали залогом своих побед. Был потушен очаг богини Весты. Язычество было окончательно запрещено, хотя в Риме и в других местах империи, особенно на Западе, оставался еще слой языческой интеллигенции. Все это означало полный разрыв со старой античной традицией и торжество христианства в его никейско-константинопольской, то есть православно-католической форме.

В это время христианство еще шире распространяется в империи и даже за ее пределами. Еще в 301 году оно стало официальной религией Армении. Это произошло до Никейского собора, и армянское христианство отличается от никейско-константинопольского. Христианство стали принимать германские варвары, хотя большинство их тоже в иной форме. А в Римской империи приблизительно в середине IV века произошел окончательный перелом, когда христианство стало широко распространяться не только в городах, но и в сельской среде. К концу этого века оно стало не только официальной религией империи, но и верой подавляющего большинства населения. Христианство окончательно победило.



НОВГОРОДСКАЯ ЕПАРХИЯ

Новгородская епархия является старейшей в Русской Православной Церкви. Ее история отмечена многими знаменательными событиями, в которых отразилась судьба христианства в России. Подобно тому, как Русская земля, принявшая крещение от Византии, образовала не самостоятельную Церковь, а только одну из митрополий Константинопольского патриарха, точно так же и Великий Новгород, получивший христианство из Киева в конце X века, вошел в число простых епархий, находившихся в зависимости от Киевского митрополита.

Главные условия этой зависимости заключались в принятии из Киева церковных властей и в сосредоточении верховного управления по делам Новгородской епархии в Киеве, в руках Киевского митрополита, носившего титул русского первопрестольника и наместника Константинопольского патриарха. Как киевский князь посылал в Новгород светских правителей, точно так же шли в Новгород и церковные власти.

Надзор Киевского митрополита над делами Новгородской епархии выражался в двух формах. С одной стороны, Киевский митрополит, как верховный глава всей Русской церкви, мог посещать Новгородскую епархию с целью контроля. Поскольку на Новгородской святительской кафедре находилось его же доверенное лицо, митрополит пользовался этим правом весьма редко. Гораздо чаще применялась вторая форма — вызов новгородских епископов в Киев. Поводом служила, по всей вероятности, потребность в соглашении по административным мерам, в которых нуждалась Русская Церковь. Но нередко новгородские владыки призывались в Киев и для суда, на котором первопрестольники давали знать Великому Новгороду все значение своей власти. Уже один из первых новгородских епископов, Лука Жидята, был призван в 1055 году в Киев по доносу холопа Дудики. Митрополит Ефрем осудил его на заключение, и только по прошествии трех лет Лука был отпущен в Новгород, где и поспешил жестоко расправиться со своим доносчиком. Такая же участь выпала не менее известному епископу Нифонту. И ему пришлось узнать силу папской власти Киевского митрополита и поплатиться продолжительным заключением в Киеве за свою попытку противодействия главе Русской Церкви.

В первоначальной форме Новгородская церковь существовала до тех пор, пока новгородский гражданский строй не проявил стремления к самостоятельности. Успехи новгородцев в политической сфере побуждали их и к самостоятельности церковной, к возвышению Новгорода в степень местной Церкви, глава которой занимал бы относительно Киева возможно независимое положение. Однако новгородцы не рассчитывали полностью разрывать церковную связь с Киевом — они хотели посредством устранения митрополита от назначения своего владыки придать последнему большую

независимость и сделать его из пришлеца одним из первых граждан Великого Новгорода. В 1156 году, воспользовавшись вакантностью митрополичьей кафедры, новгородцы сами выбрали нового владыку Аркадия, а через два года послали его в Киев на посвящение: новый митрополит Киевский Константин посвятил присланного кандидата в епископы без всякого прекословия. С тех пор назначение владык стало внутренним делом Великого Новгорода. Сан Новгородского архиепископа (с 1165 года) дал ему возможность занять между русскими иерархами почетное место после главы Русской Церкви.

Чем менее юридической определенности представляло новгородское политическое устройство, тем более оно нуждалось в содействии со стороны общественных сил. Единственною же силою в Новгороде, способною к деятельности, была именно Церковь, чье вмешательство в гражданскую жизнь заметно всюду. Именно Церковь восполнила недостаток политического сознания новгородцев религиозной идеей о связи Великого Новгорода с его патрональной святыней — с храмом Святой Софии Премудрости Божией. Под влиянием этого представления Великий Новгород со всеми его пригородами и волостями стал в глазах новгородцев как бы отчиною Святой Софии. Со Святой Софией тесно связывалось у новгородцев само понятие об Отечестве. Об этом свидетельствуют известные слова, сказанные в 1215 году Мстиславом Удалым от лица новгородцев в ответ на притязания князя Ярослава управлять Новгородом из Торжка: «Да не будет Новый Торг Новгородом, ни Новгород — Торжком, но где Святая София, там и Новгород!»

Обширное поприще для влияния Церкви на гражданскую жизнь предоставляли слабые стороны новгородского общественного устройства. Как известно, органом народной воли в Новгороде было народное собрание — вече. Но вечевая деятельность отличалась такой неопределенностью, что открывала простор для частного произвола. Пока княжеская власть еще пользовалась в Новгороде остатками своего первоначального значения, она служила некоторым противовесом этой частной управе. С введением в XIII веке обычая управлять Новгородом посредством великокняжеских наместников княжеская власть совсем упала. Естественным явилась потребность в другой силе, которая возместила бы потерянную в обществе опору. Такой силой стала Церковь и ее представитель — новгородский владыка. Благословение владыки являлось в Новгороде не простым свидетельством религиозного настроения общества, но действительным фактором общественной жизни.

Влиятельной силой обладал новгородский владыка при примирении враждующих партий, которые всегда существовали в Новгороде, раздор между ними, особенно на вече, до-

стигал порой вооруженных столкновений. И только появление владыки с собором духовенства в священном облачении и с крестами умирало страсти: противники вступали в переговоры с владыкой и благодаря его содействию и призыву к благоразумию если не примирялись, то, по крайней мере, расходились по домам без свалки и кровопролития.

Кроме этого владыка в Новгороде являлся представителем исполнительной власти. Одной из его обязанностей стало и представительство Новгорода в переговорах с соседями, причем роль владыки носила примирительный характер.

В новгородской истории имеется много примеров, показывающих, что представительство владыки сопровождалось для новгородцев благими последствиями, что благодаря ему Великие князья Восточной Руси нередко делали уступки в своих требованиях к Великому Новгороду. Известно, что владыка Нифонт, хотя и не смог склонить в 1148 году Юрия Долгорукого к миру с Новгородом, тем не менее сумел добиться освобождения из плена новгородцев и всех новгородских купцов. Владыке Феофилу удалось побудить Ивана III к некоторому уменьшению контрибуции, наложенной на Великий Новгород после окончательного присоединения к Москве.

Было благотворным посредничество новгородского владыки и в сношениях с иностранцами, которые жили в Новгороде, прибывали сюда на торги и составляли заморскую общину. Он имел много возможностей быть полезным для иноземного купечества в отношениях с новгородцами, за что и был уважаем.

Наравне с внешней деятельностью владыка участвовал и во внутренней жизни Новгорода. В особенности это было связано с торговлей — одним из главных занятий жителей города. Владыка вел наблюдения за орудиями веса и мер и вершил суд в случае нарушения правил. Участвовал он и в судебных делах: разбирал семейные разлады, выступал посредником в других тяжбах.

Помимо духовной власти новгородский владыка обладал большими материальными ценностями, хранившимися в Софийском соборе, отчего они имели название «Софийской казны», а также большими земельными угодьями. При такой экономической мощи Великий Новгород считал себя вправе смотреть на эти богатства как на общественную казну и прибегал к помощи владыки в каждом затруднительном случае.

Содействовал владыка и сооружению общественных построек. В городе не было собственных зданий для общественных учреждений. Они помещались или при церквях, или на Владычном дворе. Известно, что в комнатах владыки происходили как новгородский суд, так и совещания правительственных лиц. Архипастырь, как глава Церкви, обязан был заботиться о постройке храмов, о придании благолепия Св. Софии, для чего и содержал свои собственные дружины мастеров и даже вызывал их из других краев Древней Руси, а иногда и из немецких городов. Неудивительно, что владыка был в Новгороде чуть ли не постоянным распорядителем и даже производителем общественных работ.

Большое распространение в Новгородской епархии получили монастыри, которые не только обладали значительными земельными угодьями, но и были светильниками нравственной и умственной жизни, собирателями священных

церковных книг и их распространителями по всей Новгородской земле.

Подобно киевским предшественникам, московские митрополиты, к которым в XIV столетии перешло представительство Русской Церкви, пользовались в отношении Новгородской епархии всеми правами по каноническим законам. Их несомненную принадлежность составляли как общий надзор за состоянием Новгородской церкви, так и верховный суд по духовным делам.

В своих отношениях к митрополиту новгородское духовенство тяготилось не столько церковным подчинением в собственном смысле, сколько его следствием — материальным, заключавшимся в постоянных поборах. Каждый «подъезд» митрополита в Новгород сопровождался значительными расходами на продовольствие и дары в пользу главы Церкви и его многочисленной свиты. Большие затраты представляли и визиты новгородских владык в Москву. Зависимость Новгородской церкви от Московского митрополита была обременительной не только для духовенства, но и для всего Новгорода.

В период войны Ивана III с Новгородом жребий возвел на кафедру владыку Феофила, который был сторонником тесной связи с Москвой, поддерживал идею единого централизованного Русского государства. На его стороне была значительная часть новгородцев. В мирный трактат 1471 года было внесено условие, по которому новгородцам вменялось в обязанность ставить своих епископов не иначе, как только в Москве и у Московского митрополита. По этому трактату новгородский владыка еще сохранял свою епархиальную власть, свои права на ведение церковей и десятин в Вологде и на Волоке, тогда как Новгород уже уступил сам эти земли Московскому князю. Ограничение владычной власти в этих краях явилось только после окончательного падения Великого Новгорода. С подчинением его Москве начинается процесс, низвергший Новгородскую церковь на степень простой епархии. С введением в новгородскую жизнь нового московского порядка владыка уже не мог сохранить за собой ту роль, которую он играл прежде в политических делах. Его влияние ограничилось исключительно одною церковною областью, святительским судом. Вскоре и назначение владыки стало зависеть не от народной воли, а от согласия Великого князя и митрополита.

Около двухсот лет длился епархиальный период с подчинением московскому митрополиту. Делами в епархии управлял митрополичий разряд, возглавлял который епархиальный архиерей. В начале XVIII века в Новгороде служили митрополит Иов, архиепископы Феофан (Прокопович), Феодосий, Амвросий, Стефан. Восшествие на престол Петра I разительно изменило положение Церкви в государстве: начался «синодальный» период. По новому административному делению в 1708 году новгородские земли вошли в состав огромной Ингерманландской губернии. Вместо «приказного» устройства епархиальных управлений создаются духовные консистории. В 1720 году новгородский «приказ» составил опись всех церковей с характеристикой их состояния. Большинство зданий были деревянными, стояли более ста лет. Требовалась перестройка. К этой работе приступила уже консистория в

начале 30-х годов. В Новгороде духовная консистория была создана в 1721 году. Несмотря на то, что город к этому времени стал глубокой провинцией, в нем не угасала духовная жизнь, которую поддерживали монастыри с вековой историей, а также очаги духовного образования. Еще в 1706 году Новгородский владыка создал при архиерейском доме духовную школу. К 1740 году в ней насчитывалось более 1000 учеников при двух лишь учителях. 24 мая 1740 года был издан указ об учреждении Новгородской духовной семинарии, 29 мая из Вологды прибыл архиепископ Амвросий (Юшкевич), считающийся основателем семинарии. Для нового учебного заведения было предоставлено здание в Антониевом монастыре.

В 1775 году при новом административном разделе образовались две самостоятельные губернии — Петербургская и Новгородская. Но епархия была учреждена одна — Петербургская. Это объяснялось прежде всего экономическими соображениями, так как Санкт-Петербургская епархия в то время была еще очень малочисленна. Лавра ее бедна, и у петербургских архиереев было мало дела и недостаточно средств. Возглавил епархию митрополит Новгородский, Петербургский, Эстляндский и Финляндский.

К концу XIX столетия положение дел существенно улучшилось в обеих епархиях, и общественность губерний стала настойчиво говорить о необходимости иметь в Новгороде самостоятельного епархиального архиерея. Это отделение было необходимо в интересах Церкви вообще и Новгородской (а также Финляндской) епархии в особенности. Что представляла из себя Новгородская епархия в конце XIX века? Ее территория занимала 107499 кв. верст. На этом пространстве проживало 1200000 человек. В ней насчитывалось около 1000 церквей, из них 700 — приходских, около 2000 священников, 32 мужских и женских монастыря с 400 монашествующими, духовная семинария, шесть мужских духовных училищ и одно женское.

Практика показывала, что неравномерность заселения губернии, нахождение административного центра в западной части затрудняло управление из самого Новгорода, не говоря уже о Петербурге. Митрополит очень редко бывал в Новгороде, и тем более — в самой губернии. Как показала статистика, за 50 лет на каждое пятилетие выпадал всего один приезд и то на короткое время — на две-три недели. Единственным средством управления были викарий (викарный епископ, чаще всего Кирилловский) и консистория.

Со смертью Высокопреосвященного митрополита Исидора вопрос о разделении епархий зазвучал настойчиво, и он получил положительное решение: Санкт-Петербургская митрополия была поделена на три самостоятельные епархии. 21 ноября 1892 года Высочайшим Указом архиепископом Новгородским и Старорусским назначается Высокопреосвященный архиепископ Владимирский Феогност (Лебедев). Он уже был знаком с Новгородской епархией в бытность свою преподавателем в Кирилловском духовном училище и в Новгородской духовной семинарии, поэтому активно принялся за разрушение векового покоя, царившего в епархии до его прибытия.

В Новгороде раздалась давно неслышанная архипастыр-

ская проповедь, учреждается епархиальный комитет для рассмотрения катехизических поучений, слов и кратких поучений, произносимых духовенством в церквях, по всей епархии по распоряжению владыки Феогноста стали отправляться вечера с акафистами и с внебогослужебными собеседованиями. Особенное внимание владыка обратил на деятельность Братства Святой Софии: оживилась противораскольническая миссионерская деятельность духовенства; была изменена церковная и благочинная отчетность, при храмах предписывалось обязательное ведение церковной летописи. Постоянное внимание Высокопреосвященный уделял духовному образованию юношества, регулярно посещал учебные заведения, старался лично побеседовать с теми, кто собирался стать священником. Журнал «Епархиальные ведомости» получил неофициальное приложение. Началась реставрация Софийского собора.

В 1900 году Высокопреосвященный Феогност получает назначение в Киев, а Новгородскую кафедру занимает архиепископ Гурий, который был уже немолод и не имел энергии своего предшественника. Запомнился он новгородцам добрым спокойным нравом, стремлением мирно улаживать все недоразумения. В 1910 году владыка Гурий уходит на покой, а на его место прибывает из Пскова архиепископ Арсений, который останется здесь до 1922 года, переживет трагические дни 1917 года и его последствия. Период с 1893 по февраль 1917 года можно считать наиболее благоприятным для Новгородской епархии, временем ее подлинной самостоятельности, расцвета духовных сил в обществе, достижений в деле религиозно-нравственного воспитания прихожан.

Первая мировая война, разразившаяся в августе 1914 года, значительно подняла и укрепила авторитет Церкви в народных массах. Архиепископ Новгородский и Старорусский Арсений регулярно обозревал уезды, особенно отдаленные, обращаясь к пастве со словами отеческой поддержки. Церковь оказывала материальную поддержку вдовам и сиротам, перечисляла денежные взносы на счет Общества Красного Креста. Залы в духовной семинарии и Епархиальном доме были предоставлены под госпитали. В декабре 1916 года их посетила императрица с членами семьи. 7 января 1916 года при учительской семинарии в селе Григорово под Новгородом владыка Арсений освятил новый храм во имя Святого Александра Невского.

В 1916 году в Новгородской епархии имелось 65 благочинных, действовали 24 мужских монастыря и 21 женский. Приходов в епархии насчитывалось 759, в них имелось 13 соборов и 762 церкви. 70 протоиереев и 641 священник имели семинарское образование, шесть — высшее академическое.

В 1917 году Новгородский владыка Арсений выдвигается в кандидаты на престол Патриарха Русской Православной Церкви, но жребий достался Тихону. Указом Синода от 29 ноября 1917 года Новгородский архиепископ Арсений был возведен в сан митрополита.

В полной мере испытала на себе Новгородская епархия жесточайшие репрессии и гонения, которые обрушились на Русскую Православную Церковь после Октябрьского переворота. Годы с 1918 по 1938 можно назвать «черным двадцатилетием».

Первый удар нанес Декрет Совнаркома от 23 января 1918 года — об отделении Церкви от Государства. Была закрытая Духовная консистория, ее заменили Епархиальным советом при епархиальном архиерее. Церковь лишалась всего имущества, прав юридического лица. Следующий ударом явилось изъятие в 1922 году церковных ценностей, которое производилось под видом оказания помощи голодающему Поволжью. Но главной целью этого нападения было не желание помочь страждущим, а стремление расправиться, расправиться жестоко, с духовным противником и соперником. Только у новгородских монастырей было отобрано ценностей почти на три миллиона рублей золотом. Ценности изъятые из всех церквей и соборов. Народные массы сопротивлялись неслыханному грабежу, не обошлось без выступлений и кровопролития, но сила и закон были на стороне новой власти.

Последующие 20–30-е годы характеризовались планомерным уничтожением духовной жизни в епархии. После ареста и высылки из Новгорода митрополита Арсения осенью 1922 года епархия осталась без владыки и в скором времени перешла под управление Ленинградского митрополита. Епархия снова на несколько десятилетий потеряла свою самостоятельность.

Одна за другой закрываются церкви в районах и городах области, особенно активизировалась эта кампания к концу 30-х годов. Например: в Шимском районе за 1936–1938 годы было закрыто 18 церквей и часовен, в Валдайском — 19, в Боровичском — 39, в Крестецком — 24, в Новгородском — 35. (Данные приведены не по всем районам). Сталинские репрессии 1937–1938 годов жестоко обрушились на духовенство епархии. Только за эти два года было арестовано и по приговору особой тройки НКВД расстреляно более 800 священников.

Следующую страницу в историю Новгородской епархии вписала Великая Отечественная война. С июля 1941 по февраль 1944 года значительная часть территории области находилась в оккупации. Тяжелые испытания, выпавшие на долю населения: боевые действия, гибель близких людей, потеря имущества, зверства фашистов, угон в рабство, — усилили в людях тягу к Церкви, к Богу, у которого они стремились найти душевное успокоение, моральную поддержку. Учитывая настроение масс, отдавая должное Русской Православной Церкви за ее вклад в победу над врагом, советское правительство смягчило свою политику: в стране стали повсеместно открываться закрытые ранее храмы, монастыри. Патриарший местоблюститель митрополит Сергей избирается Патриархом Московским и всея Руси.

В послевоенные годы Новгородская епархия по-прежнему входит в состав Ленинградской митрополии, возглавлял которую митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий. Управление епархией осуществлялось через канцелярию. Государство устанавливает свой контроль за деятельностью епархии через уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР, который был назначен в Новгород в сентябре 1944 года.

1945 год стал знаменательным в жизни нашей страны — победой закончилась кровопролитнейшая война с фашистской Германией. Пасхальные праздники в тот год совпали с

последними залпами войны, что придавало богослужениям особое настроение. Как сообщал уполномоченный, средняя посещаемость верующими в Пасхальное воскресенье по сельским церквям составляла от 600 до 1000 человек, в Валдае — 4000, в Боровичах — 8000. Новгород в это время еще весь лежал в развалинах. В связи с одержанной Красной Армией победой во всех церквях в торжественной обстановке прошли благодарственные молебны. Настоятели произнесли соответствующие патриотические проповеди, посвященные героическому русскому народу и его вождю И.В. Сталину. Они призывали верующих еще лучше трудиться на колхозных полях, чтобы получить больший урожай и тем самым скорее залечить раны, нанесенные нашей стране фашистскими захватчиками. Уполномоченный также сообщил, что новгородское духовенство активно поддержало Государственный заем.

Значительным событием в жизни верующих новгородцев стало освящение восстановленного Никольского собора, которое состоялось в ноябре 1945 года. Празднества продолжались с 13 по 25 число, на них собралось духовенство (благочинные) области и гости из Ленинграда. Митрополит Григорий из-за болезни прибыть не смог.

Общее число приходов на 1 января 1946 года по епархии составило 27, на 31 декабря — 36. Из них 30 — сельские, шесть — городские, в 31 имелись постоянные священники. Монастырей, духовных училищ, свечного завода в епархии в 1946 году не было.

Благочинных имелось четыре округа: Новгородский, Солецкий, Боровичский, Старорусский.

В первые послевоенные годы духовенство испытывало большие материально-бытовые трудности. Источником дохода являлись, в основном, добровольные подаяния прихожан. В городах священники и все служащие при храмах получали хлебные и продуктовые карточки. В селах такие карточки не выдавались. Бедственное положение было и с жильем, поскольку минувшая война разорила большинство населенных пунктов. В селах священники зачастую жили вместе с хозяевами частных домов, в городах — в приспособленных помещениях.

К сожалению, послевоенная оттепель в отношениях с Церковью через неполных двадцать лет закончилась. На епархию вновь обрушилась волна притеснений и гонений. Началось массовое закрытие церквей. В Новгороде от верующих отбирается Никольский собор (1962 год), взамен которого предоставляется церковь во имя апостола Филиппа, в Сольцах закрывается Ильинский собор. За 1960, 1961 и 1962 годы в епархии были сняты с регистрации 16 религиозных обществ, соответственно столько же храмов прекратили свою жизнедеятельность. На 1 ноября 1962 году действующих церквей оставалось в епархии 25. В девяти районах области церквей не имелось вообще.

И все же в народе чувствовалось скрытое сопротивление взятому правительством курсу. Несмотря на закрытие церквей, на активизацию различных комиссий по антирелигиозной пропаганде, прихожане по-прежнему посещали свои действующие храмы. Об этом свидетельствуют данные справки за первое полугодие 1962 года. В дни больших религиозных праздников бывший Никольский собор посещало около 1500

человек, а 29 апреля 1962 года, в праздник Пасхи, богослужение посетило около трех тысяч верующих. Церковные доходы, на взгляд уполномоченного Совета, все еще оставались значительными: за первое полугодие 1962 года они составили 73850 рублей.

В Новгороде сохранялся высокий процент отправления церковных обрядов: крещения, венчания, отпевания. Например, за шесть месяцев 1962 года было совершено таинство крещения 588 детей (из 717 родившихся), 83 отпевания (из 275), девять венчаний из 397.

В это же время шло притеснение непосредственно самих священнослужителей, чему способствовало постановление Совета Министров СССР от 16 марта 1961 года «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах». Все духовенство области отстранялось от руководства финансово-хозяйственной деятельностью в своих приходах. От них изъяли круглые печати и угловые штампы, исполнительным органам (старосте, его помощнику, казначею) выданы печати и штампы нового образца. Кассово-финансовые отчеты стали отправляться не в епархиальное управление, а непосредственно уполномоченному Совету. Все церковное и культовое имущество, ранее числившееся за настоятелями церквей, передано исполнительным органам. Взносы на содержание епархиального управления и Московской Патриархии стали приниматься только на добровольных началах.

В целях ослабления материальной заинтересованности духовенства в совершении большого количества религиозных обрядов и служб все служители культа с 1 апреля 1962 года были переведены с доходов от треб на твердые денежные оклады. (В сельских приходах священники получали от 60 до 150 рублей в месяц, в городских — от 200 до 400). Были введены и квитанционные книжки для учета всех совершаемых обрядов с записью фамилий обратившихся в церковь. Как сообщал уполномоченный, «при установлении порядка выдачи квитанции на совершение треб 4 мая

1962 года Новгородский епископ Сергей в беседе работникам епархии заявил: «Теперь коммунисты и комсомольцы, да и другие советские активисты не будут крестить в церкви своих детей, побоятся, так как надо будет им называть свою фамилию и адрес». Тем не менее, если в 1960 году в церквях епархии было окрещено 5033 ребенка, то за первое полугодие 1963 года — 2310.

Наиболее посещаемыми были и остаются, конечно, соборы и церкви в городах области. Менее активно проявляли свои религиозные чувства жители Демянского, Маловишерского, Хвойнинского, Солецкого, Шимского районов, в которых имелось десять действующих церквей. Советские, партийные, различные общественные организации прилагали немало усилий, чтобы привлечь на свою сторону основную часть населения, но все попытки если и давали результаты, то незначительные и непрочные.

Многолетняя борьба Государства с Церковью уже в 60-е годы еще раз подтвердила силу и незыблемость христианского учения, его непреходящие нравственные ценности. Обнадеживающие перемены в обществе вселили надежду и на изменения в отношениях с церковью. Первым таким значительным шагом следует, наверное, считать возвращение Московской Патриархии Свято-Данилова монастыря в качестве резиденции Патриарха в 1983 году. Особенно стали заметны интерес и внимание к Церкви в период подготовки и празднования 1000-летия Крещения Руси. Торжества были всенародными.

Для Новгородской епархии знаменательным стал июнь 1990 года — год избрания Патриархом Московским и всея Руси Алексия II, бывшего митрополита Ленинградского и Новгородского. С его избранием снова стал вопрос о воссоздании самостоятельной Новгородской святительской кафедры. 20 июля 1990 года решение было принято в пользу Новгородской епархии. Ее кафедру занял Преосвященный Лев, епископ Новгородский и Старорусский.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карташов А.В. Очерки по истории русской церкви. М., 1997.
2. Одинцов М.И. Государство и Церковь. М., 1994.
3. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995.
4. Савинова И.Д. Лихолетье. Новгородская епархия и советская власть. 1917–1991. Великий Новгород, 1998.
5. Документы Государственного архива Новгородской области (ГАО): Ф-480 — духовная консистория; Р-261 — финансовый отдел губисполкома; Р-262 — административный отдел губисполкома; Р-4110 — уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви.



Валентина ГРЕКОВА

КОГДА МУЗЕЮ НЕТ АЛЬТЕРНАТИВЫ

«...и я особенно приветствую, что они [восстановленные ковалевские фрески — В.Г.] будут включены в музей фресок, который будет создан в Новгороде и который будет первым музеем такого рода в мире.

*Николай Бенуа
7.VI.86.»*



Январь 1978 г. — идет заседание Президиума Научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. В итоге впервые четко сформулирована идея создания в Новгороде музея древнерусской монументальной живописи:

«Президиум Научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР, рассмотрев вопрос об экспонировании фресок ц. Спаса Преображения на Ковалеве близ Новгорода, пришел к следующему решению:

...Считать целесообразным создание в г. Новгороде специального музея для экспозиции памятников древнерусской монументальной живописи («Музей новгородской фрески»), вплоть до строительства нового здания, обеспечивающего оптимальные условия для их сохранения и возможность расширения экспозиции за счет будущих поступлений восстановленных фресок из раскопок руинированных памятников архитектуры г. Новгорода (ц. Успения на Волотовом поле, собор Сковородского монастыря и др.).»

Да, первопричиной этого решения, действительно, были восстановленные ковалевские фрески, уже к этому моменту значительно превышавшие 100 м². В то же время, к началу 70-х гг. стало ясно, что архитектурный новодел по своим характеристикам непригоден для возвращения туда живописи — в нем ей грозит неотвратимая гибель. Есть и некоторые экспозиционно-эстетические соображения в пользу музеефикации. Однако, даже тогда речь идет не о музее ковалевской, а о музее новгородской фрески — и это естественно.

Уже неоднократно говорилось и писалось, что идея создания не просто экспозиции, а музея древнерусской монументальной живописи («фрески») именно в Новгороде представляется вполне обоснованной и давно назревшей.

Л. Лифшиц в своей монографии «Монументальная живопись Новгорода XIV–XV вв.» отмечает глубокую закономерность особого интереса, проявляемого к монументальной живописи Новгорода, поясняя, что «вызван он не только высоким качеством большинства росписей, но и тем, что ни в одном другом старом русском городе не сохранилось такого числа древнейших фресковых ансамблей... О целых эпохах в истории древнего русского искусства мы можем судить прежде всего по росписям Новгорода»¹. При этом Лифшиц подчер-

кивает исключительное место монументальной живописи в ряду других видов изобразительного искусства древней Руси: «...Монументальная живопись — искусство более интеллектуальное»²... «Роспись [храма — В.Г.] представляет собой ... целостную мировоззренческую систему, которая основывалась не только на канонически неизменных универсальных схемах декора, ... но и включала всякий раз множество подвижных элементов ... В их (росписей) программе находили отражение актуальные идеи времени, раскрывалась духовная атмосфера эпохи»³.

Русская монументальная живопись недолго была слепым подражанием византийской, откуда пришла вместе с христианством, — уже на самом раннем этапе становления она выдвигает своих талантливых мастеров, приобретает свои особые черты как в иконографии раскрытия тем, художественных решениях, так и в технике. По мере развития самостоятельности ее все более углубляется, хотя она никогда не стремится к изоляции, активно идет на творческий взаимообмен. И в пределах самой Руси заметно кристаллизуется несколько направлений-школ, каждая из которых достаточно отличается «лица необщим выражением». И именно новгородская школа на протяжении многих веков была среди них сильнейшей. Немало способствовали тому благоприятные исторические судьбы Новгорода. До его присоединения к Москве в конце XV в. Новгород являлся одним из крупнейших и сильнейших центров не только Древней Руси, но и всей средневековой Европы. Он находился на средоточии путей обмена между Востоком и Западом, Севером и Югом, в период расцвета Новгородская республика охватывает огромные территории с такими блестящими культурными центрами, как Псков, Вологда, Великий Устюг, Кириллов и др. Новгород избежал татаро-монгольского нашествия, принесшего страшный разгром и даже полное уничтожение многим русским городам, — тяготы 300-летнего ига сказались на нем лишь юридическим признанием своего подчиненного Орде положения, моральным гнетом да, подчас нелегкой, данью.

И тем не менее на сегодня многие звенья из цепи развития Новгородской монументальной живописи оказались вырваны под воздействием времени, стихийных бедствий, позднейших исторических событий, в том числе и разрушений в ходе Великой Отечественной войны.

¹ Л.И. Лифшиц. Монументальная живопись Новгорода XIV–XV вв. М., 1987. С. 7.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 8.

Л. Лифшиц в своей монографии отмечает: «Одним из наиболее важных и сложных вопросов истории монументальной живописи Новгорода является вопрос о соотношении местной художественной традиции и внешних влияний, ... проблема закономерности смены одних стилистических фаз в развитии монументальной живописи... другими.

Случайность и разрозненность дошедших до нас сведений о мастерах, гибель большинства памятников, сложность датировки и атрибуции сохранившихся произведений чрезвычайно затрудняют ответы на эти вопросы, равно как и на вопрос об истинных масштабах распространения того или иного стиля на почве Новгорода»⁴. Однако, развернувшиеся в последние десятилетия реставрационные работы показали, что многие из казалось навсегда утраченных звеньев восполнимы: возрождены десятки квадратных метров ковалевской росписи (и работы продолжаются), извлечены тысячи фрагментов живописи Феофана Грека (а еще, вероятно, десятки тысяч этого ждут), предпринимаются попытки восстановить хотя бы что-то из уцелевших фрагментов нередицких росписей, ведутся работы на завалах церкви Успения на Волотовом поле (и уже получены первые обнадеживающие результаты), немало может быть собрано из фрагментов росписей Никольского и Георгиевского соборов, храмов Антониева монастыря и других.

В перспективе — работы на завалах собора Михаило-Воробейского монастыря (где кроме находок возможны и сенсационные открытия, т.к. значительная часть росписи до войны оставалась под забелкой), может быть и Гостиницкого. Все это пополнит нашу художественную сокровищницу и, безусловно, позволит решить не одну из перечисленных и неперечисленных выше научных проблем в истории нашей культуры. Однако, чтобы ввести этот материал в научный и музейный обиход, его должно как можно скорее сделать доступным для обозрения, причем в достойной подаче. При этом надо принять во внимание тот факт, что стенописи, восстановленные из фрагментов, неизбежно переходят до некоторой степени в иное экспозиционное качество: они наиболее полноценно и оптимально для их сохранности могут продолжать свою художественную жизнь только в условиях специализированной музейной экспозиции, тем более, что для части из них первоначальное местоположение на стене определить невозможно, для некоторых оно занято позднейшей росписью, а подчас нет и самих стен.

В 1980 г. на совместном заседании Президиума областного Совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и Ученого совета Новгородского Государственного объединенного музея-заповедника член-корреспондент (ныне академик) АН СССР В.Л. Янин, выступая в прениях, заявляет: «Мое личное мнение — фрески надо из памятников переносить в специальный музей, музей фрески. (Фрески, находящиеся в памятниках, для туристов не доступны, т.к. они в плохом состоянии). В памятниках экспонировать фрески-копии»⁵.

Думается, это — слишком радикальная постановка вопроса, но в отдельных случаях, когда стенописи грозят неизбежная гибель и другие средства бессильны, такое решение, бе-

зусловно, оправдано. Однако, и без изъятия росписей из храмов в Новгороде более, чем достаточно материала для солидной экспозиции.

В России до настоящего времени нет профильного музея фресок — то, что как-то экспонируется, экспонируется отрывочно, большей частью в случайных, совершенно неподходящих помещениях, без надлежащего оформления и от этого много теряет. Эта ситуация наблюдается и в Новгороде. Ввиду уже сегодня чрезвычайного обилия экспозиционного материала и исключительно широких перспектив столь неблагоприятное положение тут ощущается острее, чем где бы то ни было. Поскольку именно Новгородский музей унаследовал коллекцию М.К. Каргера, богатую в том числе и фрагментами вневороговских фресок домонгольского периода, есть возможность создания музея древнерусской монументальной живописи в целом, а не собственно новгородской. Задача такого музея не только показать отдельные произведения монументальной живописи или ее ограниченные комплексы — в экспозиции должны быть, где возможно на подлинниках, а где невозможно, на высококачественных копиях, представлены пути развития древнерусской монументальной живописи, особенности ее отдельных школ, их взаимовлияние, связь с зарубежными (преимущественно православными) школами, своеобразие не только иконографических, стилистических, художественных решений, но и технологий.

Сразу же было ясно, что подобному музею нужны немалые площади — фраза: «Вплоть до строительства нового здания» в Решении Президиума НМС не случайна. Однако, первоначально делаются попытки найти что-то готовое.

Реализация Решения затягивается: с одной стороны, в Новгороде у ряда лиц оно вызвало скрытое или открытое сопротивление, с другой — найти соответствующее помещение — дело нелегкое, т.к. необходимо соблюсти сумму весьма жестких требований, — о них уже как-то говорилось на страницах печати, однако, основные из них, вероятно, есть смысл повторить.

Музей монументальной живописи, как, может быть, никакой другой, нуждается в помещениях архитектурно-нейтральных относительно демонстрируемого материала, просторных и высоких, чтобы экспонаты (как правило, крупногабаритные) можно было не только развесить на стенах и стендах или поместить в витрины, но в ряде случаев и воссоздать макеты со схемой росписи, а в натуральную величину если не интерьеры целиком, то хотя бы отдельные компартименты, где разместить композиции в первоначальном взаиморасположении, а так же их научные копии-реконструкции. Кроме того, необходимы помещения под администрацию, под научные отделы, под лекционно-демонстрационные залы, под фонды, под технические нужды и т.д. Нельзя забывать и про выставочные залы для временных экспозиций из фондов других музеев России и зарубежья, а также про резервные экспозиционные залы. На многие десятилетия должны быть предусмотрены весьма значительные площади под мастерские копиистов и особенно реставраторов. В случае многэтажности не обойтись без технических лифтов. И все это необходимо обеспечить в комплексе, уж не говоря о более мелких, частных требованиях — задача, действительно, не из простых.

⁴ Там же. С. 11.

⁵ Протокол Заседания от 18 июля 1980 г. Новгород.

Возникают сомнения в реализации Решения президиума НМС о создании музея, а вместе с тем и опасения за дальнейшую судьбу возрожденных ковалевских фресок. В ситуацию активно вмешивается академик Д.С. Лихачев. В результате появляется сначала Постановление коллегии МК РСФСР от 22-VII-82 г., затем целевой Приказ МК РСФСР от 20-V-83 г., в котором предлагается:

«В целях подготовки к созданию Музея фрески в составе Новгородского государственного объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, организуемого в соответствии с постановлением коллегии Министерства культуры РСФСР от 22 июля 1982 г. № 69...

1. Принять предложение Управления культуры Новгородского облисполкома о размещении Музея фрески в Архимандритском корпусе Юрьева монастыря в г. Новгороде.

2. Управлению культуры Новгородского облисполкома (т. Вотинцев П.И.), Новгородскому государственному объединенному историко-архитектурному и художественному музею-заповеднику (т. Ярош Л.И.):

- обеспечить в течение 1983–1984 гг. разработку с привлечением специалистов тематической структуры и тематико-экспозиционного плана Музея фрески;

- осуществить в период 1983–1985 гг. выявление и комплектование материалов фондов Музея фрески;

- обеспечить своевременный заказ и финансирование работ по изготовлению копий фресок;

- разработать и в установленном порядке внести предложения по методике экспонирования фресковой живописи в музейных условиях.

3. Управлению музеев (т. Евстигнеев В.С.), Главному управлению охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры (т. Орешкина А.С.) в 1984 г. рассмотреть с привлечением специалистов ВНИИ искусствознания Министерства культуры СССР, НИИ культуры Министерства культуры РСФСР, Института археологии АН СССР, объединений «Союзреставрация» и «Росреставрация», Государственного Исторического, Государственного Русского музеев и других заинтересованных организаций научную концепцию Музея фрески. Оказать содействие в привлечении специалистов к разработке методики экспонирования фресковой живописи в музейных условиях.

4. Объединению «Росреставрация» (т. Дворяшин В.М.):

- обеспечить разработку по заданию Новгородского Управления культуры проектной документации на реставрацию и приспособление под музейные цели Архимандритского корпуса Юрьева монастыря и производство реставрационных работ по данному объекту;

- выполнить работы по реставрации и подготовке к музейному показу фрагментов Новгородских фресок из фондов музея-заповедника.

5. Управлению учреждений изобразительных искусств (т. Воробьев В.П.), Управлению музеев (т. Евстигнеев В.С.) рассмотреть и решить по предложению Управления культуры Новгородского облисполкома вопрос о передаче Новгородскому музею-заповеднику материалов для Музея фрески из других музеев РСФСР.

6. Всероссийскому художественному научно-реставрационному центру им. академика И.Э. Грабаря (т. Быковский

В.А.) провести на базе ВХНРЦ стажирование художников-копиистов и оказать помощь в проведении работ по копированию фресок.

7. Принять к сведению, что объединение «Союзреставрация» примет меры к ускорению работ по реставрации и подготовке к монтажу фресок ц. Спаса на Ковалеве.

8. Контроль за исполнением приказа возложить на Управление музеев (т. Евстигнеев В.С.) и Главное управление охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры (т. Орешкина А.С.).».

Как видим, речь идет уже не о музее новгородской фрески, а о музее древнерусской фрески, предполагается привлечение соответствующих экспозиционных материалов из других музеев, т. е. это уже музей общегосударственного значения. Документ, безусловно, масштабный, казалось дело сдвинулось с мертвой точки, но, увы, радость была преждевременной. Пока собирались с силами для проведения необходимых ремонтно-реставрационных работ, Архимандритский корпус вместе с монастырем был возвращен Епархии.

В то же время актуальность создания музея за истекшие почти четверть века еще больше возросла. В связи с чем появляются новые рекомендации специалистов и Заключение Комиссии Министерства культуры от 26.06.98 г., в котором говорится:

«Комиссия Министерства культуры Российской Федерации ознакомилась с основами научной концепции, заключениями, отзывами ученых и специалистов, памятниками монументальной живописи (комплекс Спаса на Ковалеве, Никольский собор, фрагменты Волотовских фресок, фонды музея-заповедника).

Комиссия подтверждает исключительную актуальность и своевременность создания Всероссийского Музея фрески в городе Новгороде.

...Музей должен обладать статусом научно-исследовательского центра и иметь высококвалифицированные кадры для научно-просветительской и реставрационной деятельности.

В экспозиции музея найдут достойное место коллекции монументальной живописи из других областей России.

...И хотя ряд крупных отечественных музеев экспонирует небольшие образцы росписи XI–XVII веков, подобные направления не создают единой целостной картины. Музей уровня будущего Новгородского станет единственным по качеству, значительности и полноте коллекций в России.

Только Новгород в состоянии предоставить столь внушительный и принципиально важный для русской культуры материал, демонстрирующий не только развитие собственно новгородской художественной традиции, но и российской в целом.

По нашему мнению, указанный Музей должен иметь самостоятельный статус.

...Полагаем, что единственным в настоящее время подходящим зданием для Музея является здание бывшего Дворянского Собрания. По своему центральному местоположению оно в полной мере соответствует важности экспонируемых материалов, условиям хранения и нормальной организации реставрационных работ.

Комиссия считает необходимым принятие неотложных мер по созданию Музея».

В унисон с этим Заключением министерской Комиссии звучит и письмо Д.С. Лихачева, практически в то же время направленное им в М.К. России и Новгородскому губернатору М.М. Прусаку:

«...Новгород, как ни один город России, уже обладает (помимо росписей, находящихся на стенах храмов) ... богатым собранием древней монументальной живописи всех периодов ее существования, достаточным для создания ... интереснейшей и совершенно уникальной экспозиции мирового уровня — продолжать держать такие сокровища под спудом недопустимо. Ядром ее первоначально станет восстановленная ковалевская живопись. Остальную часть составят фрагменты росписи церкви Успения на Волотово, Спаса на Ильине, Спаса на Нередице, Никольского собора, Антониева монастыря, Георгиевского собора Юрьева монастыря, фрагменты из собрания М.К. Каргера (главным образом домонгольской живописи), переданного Новгородскому государственно-му объединенному музею-заповеднику, и другие. По мере расширения собрания акценты, вероятно, будут несколько меняться. Конечно, кроме подлинников, в экспозиции должно быть место и высококачественным копиям...

Думаю, что наиболее целесообразно, чтобы это был самостоятельный музей федерального уровня (но двойного подчинения), вобравший в себя, кроме музейных экспонатов в узком понимании, также памятники древнерусской монументальной живописи, находящиеся в храмах Новгорода и области, естественно без изъятия их оттуда, за исключением непоправимо катастрофических ситуаций. В структуре такого музея наряду с экспозицией и фондами должны, безусловно, быть научный и популяризаторский отделы, реставрационные мастерские и мастерские по копированию монументальной живописи, а также необходимые сопутствующие отделы и службы...

Создание такого музея, сделав доступным огромный бесценный материал, значительно расширит базу научных исследований, повысит квалификацию реставраторов-монументалистов и копистов, будет способствовать подъему общего культурного уровня и престижа города и страны в целом, привлечет не только отечественных, но и зарубежных туристов и специалистов.

Из всего вышеизложенного считаю безотлагательное решение о создании в Новгороде музея древнерусской монументальной живописи насущно необходимым для дела культуры не только в российском, но и в мировом масштабе. Новгородские сокровища достойны экспозиции мирового уровня». Однако у директора Новгородского государственного музея-заповедника Н.Н. Гринева иные виды на здание бывшего Дворянского Собрания, и в итоге на сегодняшний день Музей древнерусской фрески снова оказался без реальной перспективы рождения. Между тем, фонды подлинников монументальной живописи музейного хранения, как уже говорилось, растут и впереди еще можно сказать неисчерпаемые резервы. За тот же период выполнено и множество копий, которые должны стать неотъемлемой частью экспозиции. Безусловно, создание первого в мире специализированного музея древнерусской монументальной живописи — дело исключительной сложности не только организационно, материально, но и концептуально.

Сам экспозиционный материал диктует характер будущего музея прежде всего как музея художественного, в котором однако наряду с экспозиционной должна вестись и научно-исследовательская работа по профилю музея. Вся остальная деятельность вытекает из этих двух направлений — это пополнение и обеспечение реставрации и сохранности экспозиционных материалов, разработка экспозиционных принципов, экскурсионно-популяризаторская, издательская деятельность и т.д.

Таким образом, по своей структуре музей будет представлять собой сложный организм, в котором основным станет экспозиционно-выставочный отдел, так как доминантой является экспозиция, но наряду с ним в его состав войдут научно-исследовательский, и информационно-издательский отделы, задача которых в том числе и публикация памятников монументальной живописи (в форме открыток, буклетов, альбомов) и исследовательских монографий о них, отдел просветительно-популяризаторский, основным для которого будет проведение лекций по тематике музея, демонстрация фото-, киноматериалов, видеосеансов и т.п., реставрационно-консервационные мастерские, мастерские профессионального копирования памятников монументальной живописи, отдел учета и хранения фондов, комплектования и каталогизации, включающий экспедиционные группы по выявлению материалов в России и за рубежом как для пополнения фондов, расширения постоянной экспозиции, так и для организации выставок стенописи в новгородском и других музеях страны и зарубежья, в него же войдут климатическая, химико-биологическая и фотолаборатории. Кроме того, должна быть административно-хозяйственная часть и инженерные службы.

Возглавляет всю эту систему дирекция музея, в состав которой, может быть, целесообразно пригласить и представителя Новгородской Епархии, поскольку в ее владении не один храм с древней живописью — тем самым будет положено начало возрождению, хотя и в значительно видоизмененной форме, некогда существовавшего при Новгородской Епархии Древлехрамнища.

Наиболее сложным представляется построение экспозиции, поскольку не только в отечественной, но и в мировой практике, нет прецедента такого масштаба.

Безусловно, что в основе ее должен быть хронологический и географический принцип, начиная с материалов коллекции М. Каргера, так как только он позволит наглядно представить и весь общий ход развития древнерусской монументальной живописи и особенности отдельных школ. Причем строится экспозиция на сочетании подлинников с копиями и макетами-реконструкциями и включает материал в горизонтальных и вертикальных витринах в виде наиболее художественно выразительных отдельных фрагментов изображений (личное, части одежд, орнаменты и т. п.), композиции и изображения в процессе подборки (периодически сменяемые) и свободно или взаимосвязанно расположенные восстановленные и смонтированные композиции, а также компартименты интерьера с восстановленной росписью — это все подлинники. Наряду с этим попутно или самостоятельно демонстрируются копии и схемы росписей. А для тех памятни-

ков, для которых это возможно, представляются в достаточно крупном масштабе макеты интерьеров с реконструкцией стенописи и даже, как это сделано, например, в «Музее человека» в Париже, части интерьеров с реконструированной росписью в натуральную величину, дающие возможность представить первоначальный ансамбль в его пространственном решении, так как по справедливому замечанию Л. Лифшица, «...специфические выразительные возможности фресковой росписи раскрывались только в ее связи с внутренним пространством храма, с архитектурой интерьера»⁶. В каких-то случаях такие реконструкции могут быть весьма гипотетичны, тогда это оговаривается в аннотации. В залах обеспечивается возможность создания специального освещения, имитирующего храмовое (свечное) для приближения к аутентичному звучанию живописи.

Что касается копий, то наряду с экспонируемыми совместно с оригиналами (там, где они помогают восприятию последних), безусловно, будут и образующие самостоятельный раздел. Это копии и с оригиналов, представленных в музее, но не нуждающихся в сопровождении, и с новгородских росписей на сегодня утраченных или находящихся на стенах храмов, и выполненные с композиций в храмах и музеях не только России, но и православного зарубежья. Кроме того, несомненно, целесообразна демонстрация копий-дубликатов, так как, хотя в идеале копия должна быть абсолютно объективна и соответственно идентична подлиннику, практически большей частью она в той или иной степени несет на себе отпечаток руки автора, что, однако, само по себе представляет своеобразный интерес при непосредственном сопоставлении.

В помещениях, предваряющих основные экспозиционные залы, развертывается вводная текстовая, фото- и витринно-экспозиционная информация о древнерусских фресках, в том числе об их технологии, а также общеориентирующие сведения о росписях, находящихся в новгородских храмах, об истории реставрации монументальной живописи, что особенно важно для одиночных посетителей. Для них же, при желании, знакомство с экспозицией сопровождается через индивидуальную аппаратуру пояснениями аудиогuida или церковной музыкой. Группам предоставляется экскурсовод.

В тематических экскурсиях экспозиция в залах музея фрески увязывается с росписями, находящимися на стенах храмов, как входящих в структуру музея, так и принадлежащих Новгородской Епархии, в том числе и поздних, позволяющих показать трансформацию церковной монументальной живописи в XVIII–XIX вв., а также с экспозициями иконописи, древнерусского прикладного искусства (церковной утвари, шитья, одеяний и т.п.), книжного дела, археологии и архитектуры, развернутых в залах НГОМЗ, что придаст будущую целостность, глубину и осязаемость представлению о духовной жизни той эпохи.

Совершенно уникальным элементом экспозиции и, в каком-то смысле, даже ее «изюминкой» станут реставрационные мастерские, где ведется восстановление рунированной стенописи. Под них в музее должны быть отведены помещения всецело удовлетворяющие потребности производствен-

ного процесса. Размещение мастерских в здании музея даст, безусловно, очень существенный положительный эффект, как в производственном плане, так и в экспозиционном. В первом — за счет увеличения рабочих площадей резко возрастет темп подборки фрагментов, а следовательно и выхода готовых композиций в экспозицию, причем при более высоком уровне восстановления. Кроме того, совмещение в одном здании музея и мастерских позволит при обнаружении среди разрозненных фрагментов дополняющего уже смонтированную композицию попутно проверить предположение и при совпадении вставить этот фрагмент на место, облегчит транспортировку готовых композиций в экспозиционные залы, даст возможность выполнять тонировки, участвовать в решении экспозиционных вопросов при передаче очередных композиций, в наблюдении за состоянием экспонатов, а при необходимости и принимать квалифицированно экстренные меры, с минимальным ущербом для основных работ. Во втором плане — позволит, как бы включив их (мастерские) в экспозицию, раскрыть перед заинтересованными посетителями саму «кухню» возрождения композиций из «хаоса цветных кусочков». Для этого в закрытые горизонтальные витрины и ковалевские и других возрождаемых аналогичных памятникчиков безболезненно для хода работ, будет возможно поместить несколько периодически сменяемых уже значительно подобранных композиций, не находящихся на какой-то момент в активном производственном процессе, благодаря чему на этом «полуфабрикате» будет наглядно продемонстрирован промежуточный этап восстановления. Помимо этого, достаточно широкий круг экскурсантов с помощью специальной аппаратуры на периодически организуемых сеансах получит возможность увидеть живой процесс самих работ, а специалисты и любители, более углубленно интересующиеся предметом, при желании заглянут в мастерскую, не входя в нее и не мешая реставраторам, через застекленный участок стены, который будет открываться, например, раздвижными жалюзи — это безусловно станет мощным притягательным моментом Музея, так как созерцание ковалевской мастерской всегда производит на посетителей сильное впечатление, никого не оставляя равнодушным. Таким «элементом экспозиции» не располагает ни один музей не только в России, но и в мире.

Организация экспозиции исходит из возможностей личного материала и из обеспечения решения поставленной перспективной задачи, то есть существенного пополнения как за счет подлинников, так и за счет копий. Ввиду этого первоначально экспозиция занимает лишь часть из предназначенных под нее площадей, а другая часть (достаточно значительная), зарезервированная для новых поступлений растущего и развивающегося музея, первоначально используется под выставки или в качестве дополнительных под реставрационные мастерские. (В отдаленном будущем под экспозицию, вероятно, отойдет и часть основных площадей реставрационных мастерских).

В русле этой задачи на первом этапе надо, выполнив в ближайшее время и в предельно сжатые сроки необходимые консервационные и реставрационные операции на экспозиционной части фрагментов монументальной живописи из хранения, создать максимально полную экспозицию из мате-

⁶ Л.И. Лифшиц. Монументальная живопись... С. 9.

риалов, уже имеющих в музее, и сразу же, параллельно с этим, планомерно начинать целенаправленную работу по умножению экспозиционного фонда. Силами экспедиционного отдела совместно с реставраторами, музейными и привлекаемыми со стороны, должна быть развернута активная деятельность по извлечению фрагментов стенописи из завалов руинированных памятников, из раскопок строительного мусора между разновременными полами в храмах, из культурного слоя на территориях, прилегающих к храмам с древней росписью (после тщательной разведывательной шурфовки), их камеральной обработке и доведению до экспозиционного состояния. Во избежание повреждения монументальной живописи при реставрационных, археологических или хозяйственно-строительных работах при музее должна быть постоянно ведущая наблюдение за этими работами мобильная группа специалистов, наделенная правом их корректировки, а в случае нужды и приостановки.

В задачу экспедиционной группы может входить также обследование, выявление, инвентаризация и постановка на учет памятников с монументальной живописью, в том числе и поздней, не находящейся до сих пор на учете.

Вновь поступающие в музей экспонаты-подлинники первоначально помещаются в специальные карантинные боксы, где проходят первичную обработку, и лишь после этого передаются в фонды или реставрационные мастерские. Для материалов, не представляющих достаточного экспозиционного интереса, в музее создаются фонды открытого хранения, дающие доступ к ним специалистов.

Музейные реставраторы наряду со сторонними должны осуществлять все необходимые работы не только на фрагментах, но и на росписях, находящихся на стенах храмов (в том числе и поздних, выходящих за хронологические рамки музея), для обеспечения их оптимальной сохранности.

В планах перспективного развития музея предусматривается пополнение фондов не только подлинников, но и копий. Для этой цели налаживается, во-первых, их поиск, как в запасниках музеев, так и в частных коллекциях России и зарубежья. В случае невозможности приобретения выявленных материалов организуется хотя бы их временная экспозиция. Во-вторых, обязательное проведение систематического копирования древнерусской монументальной живописи силами штатных копиистов музея, а также сторонних высококвалифицированных мастеров. И, наконец, в-третьих, создание обменного фонда для приобретения с его помощью наиболее интересных копий зарубежной древней православной монументальной живописи, в частности Болгарии, Югославии, Византии, Греции, Афони и т.д., связанной с древнерусской общими традициями или несущей следы взаимовлияния. Выставочная деятельность музея должна максимально широко включать экспонирование фондов монументальной живописи других музеев России, а при возможности и зарубежных. Целесообразен и обмен выставками.

При музее необходима организация постоянно пополняющегося кино-, фото- и видеоархива, а также собрания слайдов и изоматериалов по тематике музея, создание специализированной научной библиотеки.

Наряду с экспозиционной, реставрационной научной и

собирательской деятельностью музеем необходимо развернуть и популяризаторскую работу, в русле которой проводить не только экскурсии, но и лекции, как по отдельным вопросам, так и по тематическим циклам, помогающие более глубокому пониманию музейной экспозиции, в том числе, например, по иконографии, истории православия и т.п., возможна и организация видео- и киносеансов, а также концертов духовной музыки. Рационально создание при музее для массовых посетителей небольшого читального зала, видеотеки и фонотеки с магазинами специальной литературы, наборов слайдов, открыток, буклетов, видеофильмов, аудиозаписей духовной музыки.

Кроме чтения лекций, целесообразно формирование искусствоведческих кружков по профилю музея, а также проведение стажировок, реставрационных и экспедиционных практикумов с предварительной подготовкой их участников, что поможет воспитанию будущих музейных кадров. Для художественно одаренных — возможны и практикумы по копированию под наблюдением копиистов-профессионалов.

Вероятно, въезд в музей у профессиональных музейных работников окажется в той или другой мере иным — что ж, им и карты в руки, лишь бы музей наконец состоялся и экспозиция была достойна экспонатов. Тем более, что связанная с созданием музея перспектива экспонирования, безусловно, стимулирует и финансирование работ по реставрации руинированных росписей, в том числе тех же феофановских фрагментов.

Этот год открывает третье тысячелетие христианства, и мы должны наконец получить полноценный доступ к духовным сокровищам его православной ветви, создававшимся русским народом на протяжении веков. Люди изголодались по этой пище, чему свидетельство тот резонанс, который вызвала открывшаяся 9 февраля сего года в выставочном зале Новгородского музея в общем-то скромная по объему, хотя и прекрасно оформленная, экспозиция. А дело в том, что экспонаты ее редкие — копии (даже не подлинники) новгородских фресок — эдакое маленькое звеньишко будущего музея. Отсюда и резонанс.

Так что в любом случае создание музея древнерусской монументальной живописи будет, безусловно, с энтузиазмом встречено и специалистами, и широкой общественностью как нашей страны, так и зарубежья — при сегодняшних богатствах ее фондов и при неисчерпаемых резервах их пополнения музеем древнерусской монументальной живописи поистине нет альтернативы.

И все же временами жаль, что никогда уж не вернуться этим росписям в храм, не услышать наших чудных служб, что не затеплятся перед ними свечи и лампады, не осияет их свет паникадил, не овеет аромат ладана, что никто не осенит себя крестным знаменем при взгляде на них, не опустится на колени с молитвой. Хотя столь дивны и святы эти образы, столь намолены за века своей церковной жизни, что и теперь исходит от них благодать, и всякий, в ком не умерла душа, это чувствует, и может и в залах музея кто-то, пусть и не вслух, а про себя, прошепчет молитву о чем-то самом заветном, и станет ему легче и светлее. Да буди, буди. Да продлится их духовное служение и в новой жизни.

Владимир ЯДРЫШНИКОВ

РЕСТАВРАЦИИ МНИМЫЕ И ПОДЛИННЫЕ: ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ДО XX ВЕКА

Великий Новгород недаром называют историческим сердцем России, одним из главных культурных центров Древней Руси. Он знаменит во всем мире своим славным прошлым, обилием замечательных памятников архитектуры, монументальной живописи, иконописи, книжности, декоративно-прикладного искусства, а в наше время — достижениями историков, археологов, реставраторов. Трудно вообще указать область материальной и духовной культуры, где бы наш город в средневековье не занимал ведущего места. В значительной степени эпитет «великий» подразумевает именно это, а не только огромные земельные владения, величину города или его богатство.

В данном случае нас интересует отношение к памятникам архитектуры, их сохранению и реставрации. Оказывается, и в этом аспекте Новгород «велик», интересен и показателен. Для того, чтобы со знанием дела говорить о новгородской реставрации, этом, по выражению талантливого журналиста Геннадия Нарышкина, «ярком феномене мировой культуры», необходимо совершить экскурс в далекое прошлое и проследить, как менялось отношение к историческому наследию в средние века и новое время.

Путь к современному пониманию памятника культуры как самодовлеющей ценности, который обладает целым рядом аспектов (исторический, художественный, мемориальный, технический и пр.) был очень долгим, сложным, порой мучительным и противоречивым. Культовые памятники архитектуры (а именно об этом виде сооружений будет в основном идти речь) во все времена и у всех народов почитались и поддерживались в порядке. Главным образом, объектом поклонения служило само священное место и его духовное содержание (исторические события и легенды, связанные с ним). Конкретные же формы и элементы отходили на второй план, ими дорожили, но не принципиально. В случае гибели храма новый старались поставить на старом месте. Если священное здание ветшало, его, как правило, сносили и строили новое на том же месте, большее по размерам, более пышное и престижное, наконец, более модное. Однако иногда древнюю постройку сохраняли, укрепляли и включали как составную часть в новые объемы. Это наблюдается уже в Древней Греции и Риме: греки и римляне гордились своей историей, материальным воплощением которой являлась старая архитектура. Но и здесь все было противоречиво: с одной стороны, хотелось сохранить древнюю святыню («боги не любят, чтобы менялся древний облик»). С другой — растущее величие, слава и богатство города, области, империи требовали более соответствующих этому памятников. Каждый случай индивидуален, на выбор решения оказывали влияние множество факторов — значимость и состояние памятника, общий культурный уровень общества и лично заказчика, эко-

номические и технические условия, стабильность населения и его традиции и так далее. Повторение старых форм (будь то в новом или сохраненном храме) носило обобщенный, весьма приблизительный характер.

Нечто подобное происходило и на Руси, но в силу ряда причин было менее ярко выраженным. Есть немало фактов, когда рухнувший древний храм восстанавливали, пытались повторить его образ, силуэт, главные отличительные особенности. Известный новгородский исследователь и реставратор Г.М. Штендер приводит следующие примеры таких «восстановлений»: северная галерея Софийского собора, рухнувшая и отстроенная преимущественно в старых формах в 1270-х годах; церковь Федора Стратилата на Щиркове улице 1292 г., повторившая план и, возможно, силуэт своей предшественницы XII в.; церковь Параскевы Пятницы после пожара 1342 года. Принцип восстановления наглядно виден в последнем примере. При пожаре обрушился юго-западный угол здания. Восстанавливая его, мастера сохранили яркую отличительную особенность памятника — «пучковые пилястры», — но сделали их упрощенно, «схематично»; окна размещены на прежних местах, однако стали более узкими, «по моде» XIV века¹.

Именно в Новгороде проведена и первая на Руси (а может быть, и в Европе) весьма масштабная кампания по «реставрации» памятников архитектуры. Это было на закате Новгородской республики, во время правления архиепископов Евфимия II и Ионы (1430–1460 годы). Владыка Евфимий — ярчайшая личность в истории Новгорода. Его подробная биография еще не написана, хотя необходимость в этом давно назрела. Евфимий занимал архиепископскую кафедру в очень сложный, драматичный период острого противостояния Новгорода и Москвы (1429–1458 годы), когда динамично развивающееся Московское княжество усиливало давление на огромную, но уже клонившуюся к упадку боярскую республику. Владыка энергично, страстно и целеустремленно принялся за укрепление всех сторон новгородской жизни, причем главное внимание уделял духовному началу — местному патриотизму, древним культурным традициям, идеологии. В борьбе с Москвой он опирался на великую, гордую историю Новгорода, его глубокую религиозность, обилие святынь. Евфимий разработал и осуществил целую программу возрождения старины: были канонизированы многие деятели новгородской истории, составлены их жития, установлены новые местные религиозные праздники, в огромных масштабах велось строительство храмов, крепостей, гражданских зданий, расписывались и украшались церкви, организовывались иконописные мастерские. Характерная особенность строительной деятельности Евфимия — возведение храмов «по старой основе»: древние здания, пришедшие в ветхость, разбирались поч-

ти до основания и на остатках стен строились заново. Так делали иногда и раньше, но теперь это было возведено в принцип, стало массовым. Летописи перечисляют следующие каменные церкви, поставленные «по старой основе»: Святых Отцов (1430), Петра Митрополита на Владычном дворе (1437), Бориса и Глеба в Околотке (1441), Спаса в Русе (1442), Богоявления Благовещенского монастыря (1447), Николая на Людогощей улице (1452), Иоанна Предтечи на Опоках (1453), Михаила Архангела на Михайловой улице (1454), Введения на Прусской улице (1455), Ильи Пророка (1456), Успения на Торгу, Всех Святых (1457). Из них до настоящего времени дошли только пять (Спаса, Иоанна Предтечи, Михаила Архангела, Ильи Пророка и Успения), причем все они позднее были перестроены, а изучены эти памятники недостаточно. И все же проведенные исследования позволяют утверждать, что в новой кладке строители Евфимия повторяли не только плановое решение и основные типологические характеристики древней святыни, но и высотные размеры, схему размещения окон, форму завершения, устройство хор и так далее². Исключение составляет лишь церковь Спаса в Русе, где мастера повторили только план, а остальные формы решили в традициях XIV–XV веков; видимо, к этому времени — 1442 году — «реставрационная концепция» владыки еще не сложилась в окончательном виде. Однако воссозданные храмы не являлись точной имитацией древних, здесь присутствуют и соответствующие времени Евфимия архитектурные элементы: форма окон, некоторые детали декора, междуэтажное перекрытие, делящее интерьер на собственно церковь и подцерковье. И все же общий образ перестроенного памятника легко узнавался и живо напоминал славные времена истории Новгорода. Легко заметить, что Евфимий предпочитал строить «по старой основе» наиболее старые, домонгольские храмы XII века (6 из 12), тем самым как бы «удревняя» облик города. Разумеется, к научной реставрации, для которой важнее всего подлинность памятника, мероприятия Евфимия отнести трудно, но для своего времени это было важное, этапное событие, оказавшее большое влияние. Владыка проводил

не только решительные, радикальные воссоздания с разборкой старых форм, но и, говоря современным языком, «ремонтно-консервационные работы». В 1445 году в церкви Георгия XII века в Ладоге архиепископ «понови и подписа, идеже опало, и покрыю чешуею»³ (то есть лемехом).

Очень интересно, что «рес-

таврационная деятельность» некоторое время продолжалась и после смерти Евфимия. Его преемник архиепископ Иона проводил совершенно иную политику: он старался не вступать в конфликт с Москвой, пытался сгладить все противоречия, в некоторых отношениях пошел на сближение с великим князем и митрополитом. Однако и Иона провел два воссоздания храмов «по старой основе» — церковь Дмитрия Солунского XIV века (1462) и церковь Воскресения на Мячине



Ц. Дмитрия Солунского.
Одна из «реставраций» архиепископа Ионы

XII века (1463). Обе они сохранились и изучены. Материалы исследований показывают, что здесь применены те же принципы, которые разработал и использовал Евфимий. Эти «реставрации» уже совершенно не соответствовали политическому и идеологическому курсу Ионы, а объяснялись, вероятно, мощным воздействием личности Евфимия, его авторитетом, и инерцией процесса. Следует заметить, что «реставрированные» в XV веке новгородские памятники сыграли важную роль в развитии местного зодчества: доказано, что первая большая каменная церковь, поставленная после присоединения Новгорода к Москве и длительного перерыва в строительстве (церковь Жён Мироносиц, 1510 г.), сооружена по образцу евфимиевских воссозданных построек, в частности храмов Иоанна на Опоках и Успения на Торгу⁴. В свою очередь, церковь Жён Мироносиц повлияла на архитектуру следующих зданий — церкви Филиппа Апостола, церкви Успения в Колмове и других.

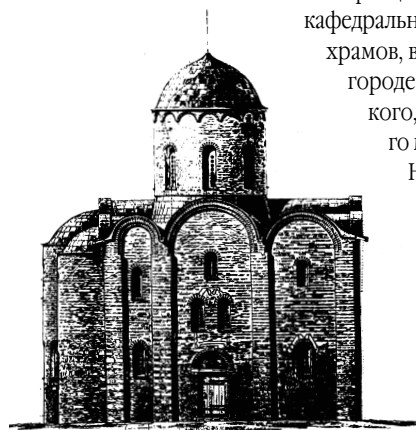
Самое интересное то, что «реставрационные» мероприятия Евфимия — Ионы произвели впечатление в масштабах всей Руси и имели отклик в других регионах. В 1471 году, видимо, с учетом новгородского опыта проведено восстановление рухнувшей церкви Георгия XIII века в Юрьеве-Польском зодчим Василием Ермолиным, причем, как указывает летопись, он «собрал вси изнова и поставил, как и прежде». Здесь принципиально важно, что намечается, кажется, понимание ценности не только места и истории памятника, но и его подлинных частей, отдельных элементов. В действительности, однако, ермолинский храм оказался весьма далеким от здания XIII века, он сделан более низким, приземистым, изменились его пропорции, завершение, фасадные каменные плиты с рельефом установлены на иных местах⁵. После этого Ермолин сделал еще несколько ремонтов-«реставраций» во Владимире.



Ц. Иоанна на Опоках.
Одна из «реставраций»
архиепископа Евфимия

Возможно даже, евфимиевские идеи «реставрации» повлияли и на государственное строительство кремлевских соборов в Москве в конце XV — начале XVI веков. Как известно, великий князь повелел итальянскому зодчему А. Фиораванти осмотреть и обмерить Успенский собор XII века во Владимире и сделать по этому образцу одноименный собор на месте старого в Москве. Нам кажется, что здесь ясно прослеживается новгородский идеологический принцип «воссоздания старины», имитации древнего знаменитого храма с целью укрепления культурных традиций, «связи времен». В дальнейшем Успенский собор Московского кремля, в свою очередь, послужил образцом для целой серии

кафедральных и монастырских храмов, в том числе и в Новгороде — соборов Хутынского, Сыркова, Клопского монастырей, церкви Никиты Мученика.



Ц. Благовещения на Мячине.
Реконструкция Л.Е. Красноречьева
на XII век

Таким образом, «реставрация» Евфимия косвенно оказала влияние на развитие всего русского зодчества, подняли на новую ступень строительство «по образцу», привлекли внимание заказчиков и зод-

чих к русским древним памятникам, в конечном итоге повернули весь архитектурный процесс.

Ликвидация боярской республики явилась первым шагом на пути ослабления, угасания сильной местной традиции в искусстве и бережного отношения к памятникам. Этому в немалой степени содействовало выселение коренных новгородцев, причем наиболее активной части, и появление московских «переведенцев» в конце XV — начале XVI веков. Затем последовали новые бедствия — голод, эпидемии, опричный разгром Новгорода Иваном Грозным (1570 год), «шведское разорение» 1611–1617 годов. Как отмечено в Росписи новгородских монастырей и церквей 1615 года, «большая часть сих монастырей и церквей шведами, во время пребывания их в Новгороде, ограблены, разрушены и сожжены»⁶. Все эти несчастья сопровождалось обезлюдением региона, почти полной утратой местных традиций в зодчестве, ослаблением исторической памяти населения, разрухой.

После изгнания шведов многие храмы и монастыри так и не были восстановлены и погибли (среди них такие почитаемые в прошлом памятники, как церкви Бориса и Глеба в Дестинце, Бориса и Глеба в Торгу, Сорока мучеников на Щирковой улице, Константина и Елены на Росткиной улице и другие). Большинство разрушенных зданий все-таки было возобновлено во второй половине XVII века, но, как правило, без всякого стремления воспроизвести древние формы, упрощенно и чисто функционально: вместо рухнувших сводов и барабанов делались иногда деревянные перекрытия и главы (церкви Петра и Павла на Славне, Власия), постройки оказывались более низкими, иным становилось их завершение (церкви

Благовещения на Мячине, Иоанна Милостивого на Мячине, Рождества Богородицы на Молоткове, Покрова Зверина монастыря и другие), менялись расположение и форма окон, декор, в конечном итоге — весь образ, характер памятников.

Коренная ломка всех основ русской жизни и насаждение западноевропейских ценностей при Петре I потрясли страну. Наступившая эпоха была крайне противоречива: с одной стороны, началось развитие науки, музейного дела, с другой, — разрушались (порой сознательно) вековые культурные традиции и обычаи. Кроме того, некоторые указы Петра I (и особенно позднее — Екатерины II) подорвали экономическую основу русской церкви и косвенно послужили причиной постепенной гибели многих храмов и монастырей. Наконец, именно со времени Петра резко усиливается и ускоряется процесс превращения Новгорода из крупного торгового и культурного центра (каковым становился Петербург) в провинциальный губернский город. За весь XVIII век нам не известен ни один яркий факт бережного, заботливого отношения к местным древностям. Обветшавшие или пострадавшие от пожаров храмы без особого сожаления разбирались, перестройки проводились совершенно без учета прежней архитектуры. Нарушилась связь времен, и новые архитекторы уже не понимали и не ценили старых мастеров, древние постройки рассматривались как нечто варварское, отсталое, второсортное по сравнению с Западной Европой и Петербургом. В течение XVIII века в Новгороде (в пределах окольного города, не считая Кремля) уничтожено 16 каменных церквей. В Кремле по описи 1615 года числилось 25 каменных храмов, а к началу XIX века осталось шесть⁷. Особенно большой урон памятникам нанесли многочисленные пожары и радикальная перепланировка города в конце XVIII века.

Значительная часть XIX века также прошла в основном под знаком равнодушия городских властей и обывателей к

местным древностям. В быденном сознании славная история Новгорода, его культурные традиции уже практически забылись и как бы заново открывались в немногочисленных трудах историков и писателей. Не слишком заботились о сохранении памятников и церковные власти (как центральные, как и местные). Если не хватало средств на возобновление обветшавшего храма, не находились жертвователи, здание разбиралось (не менее 12 церквей) или обрушивалось само по себе. Когда такие «доброхотные датели» находились, памятник капитально перестраивался в стиле провинциального



Ц. Благовещения на Мячине.
Вид после перестройки XVII века

классицизма или вообще без всякого стиля. Обычно при таких перестройках старательно уничтожались все декоративные элементы, все индивидуальные особенности, фасады оформлялись симметрично («регулярно»), расширялись и делались одинаковыми окна, стены сверху выравнивались под типовую четырехскатную кровлю, менялась форма главы и так далее. Характерные примеры таких «возобновлений», когда облик зданий менялся до неузнаваемости, — церкви Никиты Мученика, Благовещения на Городище, Михаила Архангела на Прусской улице и на Михайловой улице, Власия, многие храмы Старой Руссы. Впрочем, радикальной перестройки не избежал ни один храм. В результате «урегулирования» планировки в конце XVIII — первой половине XIX веков ликвидированы многие монастыри в черте города (Евфимий, Павлов, Варваринский, Розважский, Иоанно-Предтеченский). Таким образом, три последних века досоветской истории Новгорода (XVII–XIX) — самые трагичные для памятников, когда их гибель была массовой. Но если в XVII столетии для этого имелись какие-то оправдания (вражеская оккупация, разорение региона), то XVIII — первая половина XIX веков проходили под знаком непонимания древнерусской культуры, стремления к унификации, унылого прагматизма.

В первой половине XIX столетия судьба памятников решалась в высших сферах власти — лично императором, отчасти — в Сенате, Синоде, Министерстве внутренних дел. В 1820-х годах появляются первые робкие законодательные акты (циркуляры МВД об охране исторических зданий), однако речь в них идет в основном о збмках и крепостях. В 1842 году последовал указ Синода «О запрещении производить перестройку и заменять древнюю роспись старинных церквей», а в 1848 году — указ Сената «О запрещении разрушать старинные архитектурные и исторические памятники и о необходимости следить за их сохранностью»⁸. В основе этих циркуляров и указов лежали личные распоряжения императора Николая I, которого можно считать одним из зачинателей дела охраны памятников в России. Дело, видимо, в том, что император прислушивался к советам образованнейших людей своего времени — Н.М. Карамзина, В.А. Жуковского, А.Н. Оленина⁹, — он же явился инициатором реставрации Дмитриевского собора во Владимире в 1830-х годах (см. ниже). Однако даже хорошие законы не гарантируют быстрого улучшения ситуации: власти на местах и общество в целом еще не прониклись идеями просветительства, имели слабое представление о русской истории и культуре. Для иллюстрации состояния дел на местах можно процитировать отрывок из рапорта Новгородского викария епископа Леониды Синоду от 1847 года: «Из пяти же прочих ветхих церквей Всемилошного Спаса в 1841 г. найден в развалинах и сделано распоряжение об уборке материалов, Предтеченская и Яковлевская в прошедшем 1846 г. от ветхости упали и разобраны..., а церковь Дмитрия Солунского разобрана с разрешения Св. Синода... церковь же Успения Богоматери в Аркажах доныне стоит без исправления...»¹⁰ (добавим, что через несколько лет был уничтожен и этот храм).

В первой трети XIX века в Западной Европе и в России проведен целый ряд реставраций, названных позднее «романтическими». Их еще нельзя считать научными: история средневекового зодчества практически не была разработана, не было умения и потребности исследовать конкретный па-

мятник, отсутствовали опытные специалисты. Целью реставрации считали не столько раскрытие конкретного памятника с индивидуальными, только ему присущими особенностями, сколько создание обобщенного образа определенного стиля (романского, готического, «византийского»); это была скорее фантазия реставратора, импровизация. Зачастую старое подлинное здание при этом разбирали и ставили новое в «улучшенном», «исправленном» виде. Примерно в середине XIX века, когда стали более углубленно изучать средневековое искусство, на смену «романтическим» пришли реставрации «стилистические», «художественные». По-прежнему главной задачей считалось целостное восстановление памятника «в стиле» соответствующей эпохи, но уже более детально и пристально исследуется сам объект, воссоздание производится на основе полученных материалов, путем «оживления» в образ, «соавторства» с древними мастерами. Крупнейшим идеологом и практиком этого направления был француз Э. Виолле-ле-Дюк (он, кстати, написал первую историю русского зодчества). Действительно крупный ученый, теоретик и историк архитектуры, художник и писатель, неутомимый деятель, он провел целую серию работ на выдающихся памятниках Франции (соборах, замках). Виолле-ле-Дюк хорошо знал древнее зодчество, приступая к реставрации, исследовал и конкретный объект. Однако его самоуверенность, упование на логику и интуицию, стремление к «единству стиля» сослужили плохую службу. Он считал, что «реставрировать здание — это не значит поддерживать его, чинить или восстанавливать его прочность, это значит восстанавливать его в законченном виде, который, возможно, никогда не существовал»¹¹. Эта посылка привела к невосполнимым утратам: нередко ради «чистоты стиля» подлинные романские элементы уничтожались и заменялись готическими или, наоборот, готические — романскими; особенно много вреда принесли менее талантливые ученики и последователи Виолле-ле-Дюка. «Стилистические» реставрации, для которых характерно увлечение художественным аспектом памятника в ущерб историческому, получили большое распространение в Европе. Однако вскоре раздалась критические голоса. Впрочем, они раздавались и ранее, но не всегда к ним прислушивались. Еще в 1825–1832 годах Виктор Гюго выступил со статьями против необоснованных реставраций под общим заголовком «Война разрушителям». В 1849 году вышла в свет и произвела большое впечатление книга английского писателя и художественного критика Дж. Рескина «Семь светочей архитектуры», где он ратовал за бережное отношение к памятникам, за «консервацию» против реставрации, парадоксально определяя последнюю как «наиболее тотальное разрушение, которое может претерпеть здание»¹². Против скороспелых, «деструктивных» реставраций выступали такие известные деятели, как Проспер Мериме, Анатоль Франс, Огюст Роден. В Англии В. Моррис, поэт, архитектор, художник, друг Дж. Рескина, выступил с парадоксальным призывом: «Довольно реставраций, никаких реставраций больше, иначе у нас не останется ни одного древнего сооружения»¹³. Он же основал в 1877 году «Общество охраны старинных зданий», одним из главных аспектов работы которого являлась борьба с разрушительными «восстановлениями» (число их в Англии было особенно велико)¹⁴. Для полноты картины считаем полезным привести оценку стилистических реставраций с точки зрения совре-

менных специалистов. Вот мнение одного из авторитетных ученых, с которым солидарны и все остальные: «Не владея научной методикой реставрации, не умея и не считая для себя обязательным проводить глубокие предварительные исследования памятников, архитекторы XIX века часто вовсе не пытались точно восстановить утраченные детали, не сохранили подлинных, но пострадавших от времени фрагментов, а попросту заменяли их новыми, изготовленными на основе их собственных домыслов. Многие из них считали, что зна-



Софийский собор. Вид до реставрации

ют архитектуру прошлого чуть ли не лучше ее современников, и нередко «поправляли» авторов, стремясь «улучшить» памятник или привести его в соответствие с бытовавшими в то время представлениями о готике, романской архитектуре, барокко. Нечего и говорить, что в процессе такой «реставрации» памятники теряли своеобразие, оригинальные детали, утрачивали достоверность и превращались в новоделы, стилизованные «под старину». Самое печальное состояло в том, что такой реставрации подвергались в первую очередь самые лучшие, знаменитые памятники. В своем желании их сохранить, спасти архитекторы губили наследие, часто стирая черты его первоначального состояния... Результатом такой реставрационной практики являлась не только утрата памятников, но и искажение представления об архитектуре прошлого, которую они представляли...»¹⁵.

Перелом в общественном мнении, в теории и практике реставрации наступил к концу XIX века. «Романтические» и «стилистические» реставрации были признаны ошибочными и уступили место «археологическим», названным так по аналогии с тщательностью, методичностью, скрупулезностью изучения археологических объектов.

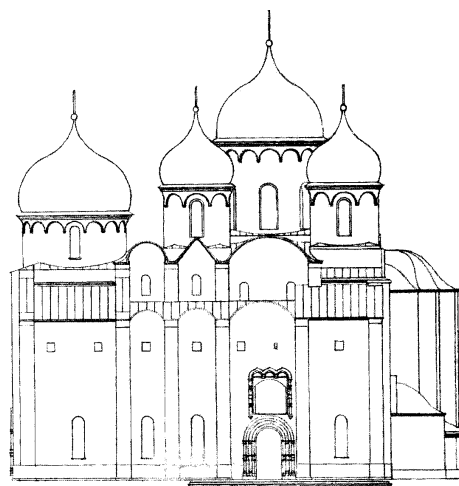
В России реставрационная практика прошла те же этапы, что и в Западной Европе, но здесь, в силу ряда причин, они были менее масштабными и показательными. Первые реставрации также являлись воссозданиями в «свободном стиле». В 1810–1814 годах архитектор Мироновский восстановил незадолго до этого разобранный Печатный двор XVII века в Москве. Он оформил постройку в «древнем вкусе» (в стиле «псевдоготики»), в результате новая весьма отдаленно напоминала старую. В 1820–1840-х годах на обнаруженных фундаментах Десятинной церкви в Киеве известным зодчим В.П. Стасовым сооружен собор в «русско-византийском стиле», который, естественно, мало походил на храм X века.

В случаях же, когда здание сохранялось в достаточно

полном объеме, российские реставраторы были, кажется, менее радикальными, более осторожными и бережными, чем их коллеги на Западе, хотя, конечно, и здесь случались досадные промахи и ошибки. В 1834–1843 годах проведена реставрация Дмитриевского собора во Владимире (архитектор Е.Я. Петров). Император Николай I лично распорядился привести памятник в «первобытный вид». Реставратор восстановил древние окна, уменьшил скат кровли, уничтожил пристройки, окружавшие собор с трех сторон. Эти пристройки были сочтены за позднейшие, хотя, как недавно доказано, некоторые из них являлись первоначальными¹⁶.

Большие работы проведены в 1830-х годах в новгородском Софийском соборе. Они были вызваны плохим состоянием некоторых объемов, в частности северной галереи. Руководил работами архитектор И.Ф. Соколов при консультациях В.П. Стасова и участии архитектора М.М. Праве. Галерею разобрали и построили новую «по старому образцу», но она в действительности оказалась далеко не точным повторением древней. Произвольно были расширены некоторые окна основного объема собора, изменена форма центральной главы, но в то же время многие подлинные элементы бережно сохранены¹⁷. В этой работе, как и во всех других, имелись сильные и слабые стороны. Впрочем, это скорее была не реставрация, а функционально обусловленный ремонт, выполненный с уважением к древнейшему храму.

С середины XIX века методы научной реставрации постепенно, шаг за шагом, входят в практику. Все глубже становятся исследования, тщательнее — фиксация работ, лучше — качество проектов, более бережным и взвешенным — отношение к позднейшим частям, пристройкам. Этому способствовали многие факторы: изменение художественных вкусов и идеалов, ведущим стилем выступает уже не классицизм, а «историзм», ориентирующий на старое национальное зодчество (в России это «русско-византийский стиль»); новые приоритеты стимулируют изучение национального культурного достояния, появляются красочные публикации памятников искусства, возникают и набирают силу специальные



Софийский собор. Проект реставрации В.В. Суслова

организации, ведающие вопросами охраны и реставрации памятников (в России это Императорская Археологическая комиссия и Московское Археологическое общество). Огромные достижения науки (и в частности археологии) побуждают

применять научную методику для исследования и реставрации зданий, которые все более понимаются не только как произведения искусства, но и как исторический источник, под-



Ц. Спаса на Нередице. Вид до реставрации

лежащий сохранению со всеми его частями. Разумеется, принципы стилистических реставраций полностью не были изжиты (они существуют и сегодня), но важно, что акценты начинают смещаться в сторону подлинности, достоверности, вырабатываются методика, общие правила, традиция.

В России за последнюю четверть XIX века наиболее значительными и плодотворными обычно считаются реставрации кремля в Коломне (А.М. Павлинов, 1886–1887 гг.), Успенского собора во Владимире (И.Е. Забелин, Н.В. Никитин, И.О. Карабутов, 1888–1891 гг.), Софийского собора в Новгороде (В.В. Суслов, 1893–1900 гг.). Все эти работы важны и заслуживают внимания, но нас, естественно, прежде всего интересуют последние. Ее автор, Владимир Васильевич Суслов, — крупнейший исследователь древнерусского зодчества, историк и теоретик архитектуры, один из виднейших реставраторов дореволюционной школы. До начала работ в Софийском соборе он уже провел удачные реставрации многих древних памятников — церкви Георгия в Юрьеве-Польском, собора Мирожского монастыря во Пскове, крепости в Старой Ладоге, храмов Переславля-Залесского. Исследования Софийского собора, выполненные В.В. Сусловым на высоком уровне, были образцовыми для своего времени: заложено множество шурфов и зондажей, зафиксированы в графике все этапы работ, составлено несколько вариантов проекта. Довольно бережно автор подошел к поздним наслоениям, и в значительной мере они были сохранены (главы, окна, порталы). В то же время некоторые формы без достаточного обоснования были «исправлены» с использованием кирпичных облицовок и цементной штукатурки, устроено позакомарное завершение боковых галерей, никогда не существовавшее, и др.¹⁸ Современные исследователи видят в этом еще не изжитые идеи стилистических реставраций. Однако нужно учитывать условия, в которых приходилось работать: недостатки проведенной реставрации во многом объясняются давлением и диктатом заказчика (епархиальных властей), который определял состав, сроки и очередность работ и мало заботился научной стороной вопроса¹⁹. Несмотря на критические замечания, большинство ученых считают восстановление Софийского собора В.В. Сусловым одной из первых в России (может быть, и в Европе) научных реставраций.

Одновременно с работами на Софии В.В. Суслову довелось исследовать еще один знаменитый храм в Новгороде —

церковь Спаса на Нередице XII века. В связи с предстоящим ремонтом Императорская Археологическая комиссия в 1898 году предложила ему провести предварительное обследование памятника и высказать свои соображения. В.В. Суслов в общих чертах определил характер первоначальной архитектуры, нашел следы древних окон, порталов, завершения фасадов, выполнил несколько обмерных чертежей. Он предложил раскрыть все обнаруженные древние формы, в том числе и позакомарное завершение (вскоре, однако, автор рекомендовал сократить перечень работ). Несколько лет ушло на поиски необходимых средств, а когда все было готово, В.В. Суслов по ряду причин отказался от руководства. Возглавить реставрацию поручили штатному архитектору Археологической комиссии П.П. Покрышкину, для которого это была первая крупная работа. Основываясь на материалах В.В. Суслова, П.П. Покрышкин провел тщательное всестороннее исследование здания, подготовил проект и приступил к строительному циклу, методично фиксируя все этапы (1903–1904 годы). За два года автор проекта почти полностью вернул памятнику первоначальный облик: были раскрыты все древние окна и залицованы поздние, восстановлено посводное (позакомарное) покрытие, все конструкции укреплены, участки с обетшавшей кладкой перелицованы кирпичом на цементном растворе, в завершениях фасадов воссоздан карниз из двух рядов «зубцов», фасады оштукатурены цементным раствором. Поздняя форма главы оставлена без изменения. Пристройка (паперть) XVIII века из-за ненадежных фундаментов разобрана. Некоторые работы из-за нехватки средств не были выполнены (понижение уровня пола до древнего, раскрытие боковых порталов, срезка грунта вокруг церкви).



Ц. Спаса на Нередице. Вид после реставрации П.П. Покрышкина

В целом реставрация Нередицы и в начале XX века, и сегодня оценивается как почти образцовая и безукоризненная, одна из лучших в России. Но любая реставрация не лишена недостатков. Были они и здесь. Главной ошибкой П.П. Покрышкина считают широкое применение цемента. Это можно объяснить тем, что в то время еще не были известны отрицательные свойства этого нового и удобного строительного материала. Второй недостаток — большие перелицовки стен новым материалом и воссоздание богатого карниза без достаточного обоснования. Наконец, в упрек реставратору ставится уничтожение паперти (позднее П.П. Покрышкин исправил часть ошибок)²⁰.

Реставрация Нередицы явилась очень важной, этапной, она сыграла большую роль в становлении научной методики подобного рода работ. Она принесла известность и автору проекта: П.П. Покрышкин вскоре становится академиком архитектуры и одним из ведущих реставраторов России. Петр Петрович сделал очень много для развития реставрационной теории и восстановления памятников. В 1904–1905 годах под его руководством проведены исследовательские и проектные работы по комплексу зданий Ферапонтова монастыря (не реализованы из-за нехватки средств). В 1909–1914 годах П.П. Покрышкин провел очень осторожную и тонкую реставрацию церкви Спаса на Берёстове в Киеве, в которой наиболее полно отразились строгие научные принципы²¹. Петр Петрович часто бывал в Новгороде, следил за состоянием памятников, много фотографировал, давал консультации. Однако крупных реставрационных мероприятий здесь в дореволюционный период больше не проводилось.

Итак, в начале XX века научные принципы реставрации победили и в западной Европе и в России, были признаны всеми специалистами. На Западе большую роль в этом сыграли итальянские архитекторы Л. Бельтрами, К. Бойто, Г. Джованнони, грек Н. Баланос. В России — Н.В. Султанов, А.М. Павлинов, Г.И. Котов, В.В. Суслов, П.П. Покрышкин, И.Э. Грабарь. Основные принципы научной реставрации можно сформулировать следующим образом:

- главная ее цель — продление жизни памятника, а не совершенствование его художественного облика; отсюда — предпочтительность щадящих методов (укрепление, консервация, а не восстановление на первоначальную дату;

- стремление к подлинности; отсюда — максимальное сохранение старых форм и материала, следов естественного старения (патина времени), бережное отношение к поздним наслоениям и минимум новых дополнений;

- обоснованность, аргументированность принимаемых решений на основе тщательного всестороннего исследования памятника в контексте общего развития искусства данного периода и региона, изучения близких аналогий;

- подробная фиксация памятника и его элементов на всех этапах работ, то есть составление возможно более полного проекта;

- гласность и коллегиальность принимаемых решений; никто не имеет права определять судьбу памятника единолично;

- применение сигнации (обозначения новых дополнений иным материалом, цветом, маркировкой и так далее).

Важно отметить, что в конце XIX — начале XX веков российская реставрационная школа ни в чем не уступала зарубежной (а может быть, и превосходила их)²². Образовалась значительная группа опытных и квалифицированных исследователей и реставраторов, которые продолжали свою деятельность и после 1917 года.

Роль Новгорода в становлении научной реставрации в России трудно переоценить. Здесь работали самые крупные специалисты в этой области, и результат их работы и ныне оценивается как первоклассный. Конечно, количество дореволюционных реставраций в Новгороде сравнительно невелико (как в целом в России), если сравнивать его с послевоенным периодом (с 1944 года). Научно обоснованные ремонты или реставрации были тогда скорее исключением, чем правилом: не хватало средств, не было заинтересованности заказчиков, не было законов об охране памятников. Но важно то, что, начиная с 1870-х годов, в городе не погиб от небрежения или по прямому указанию ни один древний храм. И в этом видится поворот общественного сознания к пониманию ценности подлинного исторического наследия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Штендер Г.М. Реставрация памятников новгородского зодчества // Восстановление памятников культуры (проблемы реставрации). М., 1981. С. 45.

² Петров Д.А. Новгородская церковь Иоанна на Опоках: храм XII в. глазами мастеров XV в. // Архитектура и строительство России. 1991. № 6. С. 30–31.

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950. С. 424.

⁴ Петров Д.А. Место и значение церкви Жён Мироносиц в новгородской архитектуре конца XV — начала XVI вв. // Архив архитектуры. Вып. VII. Церковь Жён Мироносиц в Новгороде. Материалы исследований. М., 1995. С. 32.

⁵ Подъяпольский С.С., Бессонов Г.Б., Беляев Л.А., Постникова Т.М. Реставрация памятников архитектуры. М., 1988. С. 31.

⁶ Памятники отечественной истории. Вып. 3. Опись Новгорода 1617 года. М., 1984. С. 330.

⁷ Там же. С. 326.

⁸ Охрана памятников истории и культуры в России XVIII — начала XX веков. Сборник документов. М., 1978. С. 39–53.

⁹ Славина Т.А. Исследователи русского зодчества. Л., 1983. С. 49.

¹⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 127. Д. 1663. Л. 10–15.

¹¹ Цит. по: Подъяпольский С.С. и др. Реставрация памятников архитектуры. С. 19.

¹² Там же. С. 16.

¹³ Цит. по: Грабарь И.Э. О русской архитектуре. М., 1969. С. 378.

¹⁴ Рыцарев К.В. Некоторые тенденции западноевропейской архитектурной реставрации XIX века // Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования. Вып. II. М., 1995. С. 12.

¹⁵ Швидковский О.А. Говорящие камни // Сансоне В. Камни, которые надо спасти. М., 1986. С. 224–225.

¹⁶ Современный облик памятников прошлого (историко-художественные проблемы реставрации памятников архитек-

туры) / Под ред. А.С. Щенкова. М., 1983. С. 72–74.

¹⁷ Штендер Г.М. Реставрация памятников новгородского зодчества... С. 45.

¹⁸ Суслова А.В., Славина Т.А. Владимир Суслов. Л., 1978. С. 46–60; Штендер Г.М. Реставрация памятников. С. 45–46.

¹⁹ Суслова А.В. Некоторые данные к характеристике деятельности академика архитектуры В.В. Суслова в области реставрации и охраны новгородских памятников (1891–1900) // Новгородский исторический сборник. Вып. 9. Новгород, 1959. С. 202.

²⁰ Ядрышников В.А. Спасо-Нередицкий монастырь: история строительства и реставрации // Новгородский исторический сборник. Вып. 8 (18). СПб., 2000. С. 71–82.

²¹ Михайловский Е.В. Реставрация памятников архитектуры (развитие теоретических концепций). М., 1971. С. 131–138.

²² Там же. С. 137.

СТРОИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В НОВГОРОДСКОМ ЮРЬЕВОМ МОНАСТЫРЕ В XVIII ВЕКЕ

Данная тема нашла отражение в трудах дореволюционных исследователей: Амвросия Орнатского, архимандрита Макария, иеромонаха Юрьева монастыря Валентина Ключарева¹. Богатое архивное наследие, хранящееся в различных архивах (большая часть в Российском государственном историческом архиве), остается малоизученным и практически не введено в научный оборот. Начало изучению архивных материалов положила московский искусствовед Е.И. Острова — автор исторической справки по Юрьеву монастырю. Историческая справка написана как комментарий к выпискам из литературы и архивных источников². В нашей работе мы привлекаем сделанные ею выписки из документов, а также фотографии с фиксационных чертежей, выполненных архитектором Н. Ефимовым около 1830 года. В то же время использованы обнаруженные в различных архивах и отсутствующие в работе Е.И. Островой документы, а также материалы натурных исследований новгородских реставраторов, начиная с 1940-х годов.

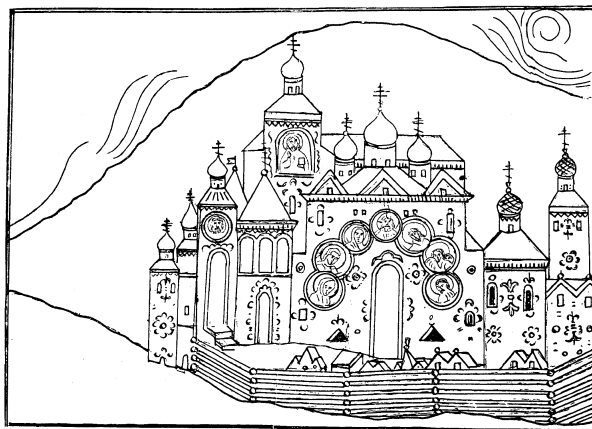
XVIII век явился в архитектурной истории древнего Юрьева монастыря переломным и во многом роковым. Это было время, с одной стороны, невосполнимых утрат, разрушения ценнейших памятников новгородского зодчества, с другой — создания нового архитектурного ансамбля на регулярных началах. Для того, чтобы понять, насколько существенно изменился архитектурный облик монастыря в XVIII веке, надо представить, каким он был до начала радикальных преобразований.

Архивные документы, архитектурные аналогии, изображение монастыря на знаменитой иконе «Видение пономаря Тарасия» позволяют в какой-то мере представить уникальный средневековый ансамбль, сформировавшийся в XVI веке и с некоторыми изменениями сохранявшийся до XVIII столетия.

Архитектурной доминантой монастырского комплекса, его главной святыней на протяжении нескольких столетий оставался Георгиевский собор — выдающееся произведение древнерусского зодчества XII века, творение мастера Петра³. До XVIII века собор не подвергался серьезным перестройкам и хорошо сохранял первоначальные архитектурные формы. Поставленный на вершине холма, устремленный вверх, трехглавый, с мощной лестничной башней, он сохранил главенствующее положение и после строительства в XVI веке двух поставленных сравнительно близко от него монументальных каменных зданий: церкви в честь свт. Алексия, митрополита Московского, с трапезной палатой, построенной в 1539–1540 годах, и звонницы, точная дата строительства которой остается неизвестной⁴. Ее появление, скорее всего, можно связать с возведением трапезной палаты, предполагавшей устройство в обители общежительного устава. Все эти три каменные постройки упоминаются в описях монастыря XVII

века. Опись 1619 года фиксирует некоторые особенности построек XVI века и их состояние. Церковь в честь Алексия митрополита Московского названа одноглавой, трапеза стояла в то время без кровли, а стены «поращелялись», каменная «четвероугольная» колокольня была крыта пятью шатрами⁵. Стенообразные колокольни с шатровыми завершениями в XVI веке известны и в Новгороде (Софийская звонница), и в других городах: Тихвине, Пскове, Ростове. Особенностью Юрьевской колокольни являлось украшение ее снаружи росписью. Этот факт отмечен в описании монастыря 1732 года⁶. Опись 1685 года упоминает рядом с колокольней каменную кладовую палатку, а за трапезной — старинную квасоваренную палату⁷.

Кроме этих зданий документы XVII века называют еще каменную церковь Преображения Господня над святыми вратами. В начале XVII она имела одну главу с чешуйчатым покрытием и тесовую кровлю⁸. В описи 1615 года значится храм Рождества Христова «на посадце», который стоял за пределами монастыря вблизи от него⁹. Известно, что каменная надвратная церковь была построена в 1166–1173 годах. В летописях она названа Спасской¹⁰. О строительстве церкви «на посадце» в 1419 году говорится в Новгородской первой лето-



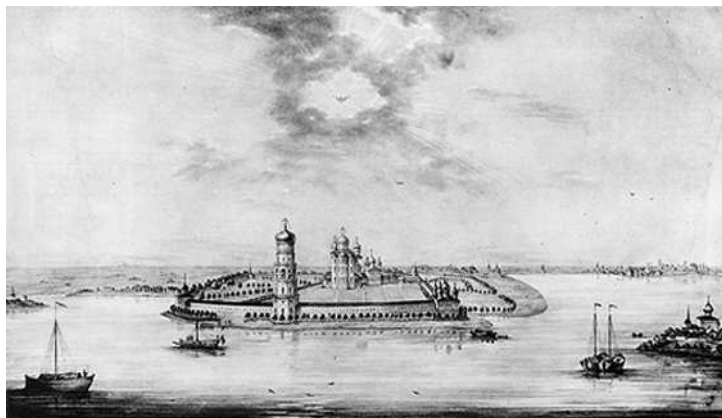
Пропись иконы «Видение пономаря Тарасия»

писи, но с другим посвящением — в честь Рождества Богородицы¹¹.

На иконе «Видение пономаря Тарасия», хотя и в условной манере, запечатлена панорама монастыря с северной стороны — от города¹². Хорошо узнаваем Георгиевский собор с палаточным завершением и тремя главами. К югу от него изображена Алексеевская церковь с трапезной палатой, к востоку — шатровая звонница с тремя пролетами и висящими в них колоколами и одноглавый надвратный храм. Первым атрибутировал эти постройки П.Л. Гусев¹³.

Тесно сгруппированные разновременные и разновысотные храмы и колокольня, завершенные главами и шатрами, создавали сложное композиционное единство с живописной асимметрией объемов и неповторимым силуэтом.

XVIII век для монастыря начался с обновления интерьера Георгиевского собора и пристройки к нему в 1706 году каменной паперти. Тогда же храм украсил многоярусный резной иконостас в стиле «петровского» барокко. В его создании участвовали резчики Петр Казанец и Иван Петров¹⁴. Архимандрит Фотий написал о нем в монастырской описи 1827 года: «Иконостас древний резной готической архитектуры отличного высокого мастерства...»¹⁵.



Юрьев монастырь. Общий вид. Литография 1820-х гг.

Бурная строительная деятельность в монастыре началась в 1720-е годы. 1720–1730-е годы — это первый строительный этап, заложивший основы новой регулярной планировки.

За два строительных сезона — 1724–1725 годов — были отстроены «новоманерные» деревянные архимандритские кельи на каменных погребках с каменными же сенями. Опись 1732 года подробно рассказывает о внутреннем убранстве интерьеров и наружном облике здания. Снаружи кельи были обнесены тесом, для кровельного покрытия использован гонт — клиновидные дощечки со специальными пазами. Возможно, кровля была мансардной, с переломом, как принято в постройках «петровского» барокко. Главный фасад разделялся пилястрами. Большие «красные» окна имели мелкую (на десять частей) расстекловку, характерную для того времени. Ставни были расписаны «под орех». Фасады окрашены черленью — красно-коричневой краской.

В двух кельях, крестовой и спальней, стены были обиты шпалерами, а потолки гладко «подмазаны» алебастром. Печи в них устроены двух фазонов: традиционные с зеленой поливой и модные «петербургской работы по белой земле», — вероятно, голландского типа — с синей росписью по белому полю. Двери и оконные переплеты расписаны «под орех», а рамы вокруг них — «под мрамор».

Как следует из описания монастыря, сделанного в начале XIX века Амвросием, кельи располагались в одной (западной) линии с пристроенными к ним в 1760-х годах, каменными настоятельскими кельями, церковью Федора и Александра Невского и трапезным корпусом¹⁶. Относительно каменных построек 1760-х годов деревянные кельи располагались к югу, а относительно Георгиевского собора — к юго-западу. Позднее, в 1736 году, к настоятельским кельям пристроили деревянную

Никольскую церковь. По сведениям Амвросия, на месте ее в 1764–1765 годах возвели новую. А в 1818 году деревянные кельи с церковью полностью разобрали¹⁷.

К 1720–1730-м годам относится возведение двух каменных зданий. Корпус казначейских и наместнических келий, сооруженный, по данным описи 1732 года, в 1729 году, был «крыт в два теса с переломом», то есть имел мансардную кровлю¹⁸. Амвросий называет датой возведения этих келий 1731 год, при этом указывает размеры здания — 20х5 сажень и наружную окраску — черленью. Второй корпус братских келий был возведен в 1731 году (по Амвросию, в 1732) размером 15х4,5 сажени¹⁹. Первый корпус располагался к северу от Георгиевского собора, второй — к северо-востоку, как показано на плане 1819 года²⁰. На плане 1826 года эти здания отсутствуют, не упоминаются они и в описи 1827 года²¹.

С 1724 года началось возведение восточной (береговой) линии — каменной ограды с пристроенными к ней изнутри монастыря корпусами²². Судя по описи 1732 года в момент ее составления восточная линия застройки находилась в процессе строительства. Между святыми и водяными воротами возводились служебные кельи размером 20х4 сажени — «от святых ворот солодожня и овин... а от водяных ворот братская пустыня...» (то есть братские кельи). Святые ворота на планах показаны к юго-востоку от Георгиевского собора, водяные — к югу от святых ворот. В течение 1731–1732 годов отстроили две каменные угловые (юго-восточные) кельи.

В 1725 году был разведен новый яблоневый сад, и в нем устроена деревянная галерея с большими «окончинами», окрашенная «под орех» и «под мрамор». Около нее посажены деревья и цветы.

Следующий этап интенсивной строительной деятельности в монастыре относится к 1750–1760-м годам и связан с именами настоятелей Павла (1744–1758) и Иоанникия I Святоши (1759–1768). В 1740 годы больших строительных работ в монастыре не велось. Известно только, что в 1745 году при настоятеле Павле к Георгиевскому собору с юга пристроили ризницу²³. В 1750 годы достраивалась и частично реконструировалась восточная ограда с кельями в южной части и заново возводилась южная ограда, так и не доведенная в XVIII веке до конца в западном направлении²⁴. Это хорошо видно на плане 1819 года. Южная ограда в описи монастыря 1763 года охарактеризована следующим образом: «...ограда каменная до угла к реке Волхов с внутренним нижним и верхним ходом длиною 28, шириною 1 сажень»²⁵.

При настоятеле Павле в 1758 году была разобрана первая древняя каменная постройка — колокольня XVI века²⁶. В то же самое время по его инициативе произведен ремонт церкви с трапезной палатой, стены укреплены контрфорсами. К надвратной церкви в его бытность пристроили каменную паперть взамен деревянной²⁷.

Сменивший Павла настоятель Иоанникий I, отличавшийся непомерным честолюбием, в 1761 году приказал разобрать и надвратный храм, и церковь с трапезной, хотя в этом не было никакой необходимости. Ветхостью эти памятники не отличались. Иоанникию понадобился материал для вновь «заведенного» каменного строения. Решение Иоанникия, не

согласованное с монахами и служителями монастыря, вызвало их протест. Два служителя в 1762 году обратились к царю с челобитной, в которой жаловались, что настоятель ведет двойные книги прихода и расхода денег, выплатил деньги подрядчикам, с которыми заключил договоры «без братского совету» за сооружение нового трапезного корпуса с церковью, в то время как они «по надлежащему еще эти здания и не построили». Самое большое возмущение служителей вызвала разборка двух древних храмов и трапезной палаты. В челобитной они писали, что Иоанникий приказал «срушить» «состоящие в реченном Юрьеве монастыре старинного строения церкви первую во имя Святителя Алексия митрополита московского да предел во оной благоверного князя Гавриила Псковского чудотворцев весьма с пространнейшею утверденную на едином каменном столпе трапезною и под нею с монастырскими службами — хлебнею, братскою и хлебными житницами, каковых трапез и во всем Вашего Императорского Величества Российском государстве немного находится...»²⁸. Последней была разобрана в 1766 году «церковная развалина» за монастырской оградой, — по-видимому, остатки церкви Рождества Богородицы²⁹.

Планы у Иоанникия были грандиозными. В 1761 году началось сооружение трапезной палаты, настоятельских келий и церкви Федора и Александра Невского в западной линии застройки — к западу и северо-западу от Георгиевского собора. Здание имело вытянутый по оси «север — юг» прямоугольный план, осложненный тремя выступами: центральный — на пять оконных осей, боковые — на три. В центральном повышенном объеме размещалась церковь. Примыкающие к ней объемы занимали трапезная, хозяйственные службы и кельи. Первый этаж с небольшими окнами являлся цокольным, полуподвальным. Восточный фасад церкви завершался полуциркульным фронтоном, на котором был установлен крест на небольшом пьедестале. Боковые выступающие объемы завершались также фронтонами — треугольными или полуциркульными. На гравюре 1830 года хорошо виден полуциркульный фронтон. Храм показан на ней с пятью главами³⁰. Фасады обработаны пилястрами. Окна с лучковым завершением украшали сложные барочной формы наличники с полуциркульными и треугольными сандриками, ушками и замками. Наличники были исполнены из тесаного кирпича³¹. Часть декора XVIII века сохранилась до настоящего времени и не была срублена при реконструкции 1820 годов. Трапезный корпус после перестройки XIX века запечатлен на чертежах Н. Ефимова (около 1830 года)³².

Одновременно, с 1763 года, началось возведение каменной пивоварни к северу от трапезного корпуса, объединенного с ней воротами. Пивоваренный корпус хорошо виден на гравюрах 1820-х годов, зафиксирован он и на чертеже Н. Ефимова³³.

Начиная с 1760 года велось также строительство северной линии — наместничьих и ризничьих келий с угловой северо-восточной церковью, так и оставшейся не освященной³⁴. К моменту составления описи в 1763 году выстроили каменный четверик храма до сводов верхнего этажа³⁵. 1763 годом датируется подрядный договор на возведение деревянного восьмерика «на каменном квадрате, т. е. четвериковом основании»³⁶.

В 1810 году пожар уничтожил деревянный восьмерик церкви с купольным завершением, и в 1820-е годы на прежнем

каменном основании были надстроены пять глав. Фасады при этом утратили первоначальный декор. На чертеже Н. Ефимова здание предстает после реконструкции 1820 года³⁷. Собор был освящен как Крестовоздвиженский.

На основе текста подрядного договора 1763 года, приведенного в исторической справке Е.И. Островой, а также натурных исследований, автор проекта реставрации Крестовоздвиженского собора Л.Ш. Яковлева и архитектор И.Б. Аблизина выполнили проект реконструкции южного фасада безымянной церкви с фрагментом северного корпуса на XVIII век³⁸. Это редкий для Новгорода памятник стиля барокко в его завершающей стадии — переходе к стилю раннего классицизма. Ордер в оформлении фасадов использован в пилястровом варианте. Пилястры выполнены качественно, тонко, со знанием правил построения ордерных форм. Выполненные из кирпича наличники с ушками и замками обрамляют большие оконные проемы с характерной для барокко мелкой расстекловкой окон. Архитектура зданий отличается профессионализмом, столичным уровнем и, скорее всего, является работой петербургского архитектора.

В 1763 году к юго-востоку от Георгиевского собора был заложен фундамент значительного по своим размерам сооружения — церкви Преображения с колокольней³⁹.

Но размах строительства в 1760-е годы был настолько велик и не соразмерен с возможностями, что, заложенный в 1763 году фундамент простоял 20 лет, прежде чем на его основаниях началось строительство. К тому же Юрьев монастырь после известного указа Екатерины II 1764 года о секуляризации церковных владений лишился своих земельных вотчин. Только с 1783 года продолжили сооружение колокольни, а фундамент церкви так и остался не использован-



Настоятельский и трапезный корпуса со Спасским собором

ным. В 1784 году, спустя год, колокольня была отстроена⁴⁰. Это было монументальное сооружение нового монастырского комплекса высотой 12 саженей (около 26 метров). Высокая пятиярусная постройка, явно подражающая колокольне Ивана Великого, изображена на литографии 1825 года и гравюре 1830 года. На литографии она ошибочно помещена в восточной линии застройки⁴¹. Показана колокольня на планах 1819 и 1826 годов. Простояла она недолго и уже в 1830-е годы была по какой-то причине разобрана.

Следы бурной строительной деятельности XVIII века начали раскрываться реставраторам при первом внимательном изучении памятников Юрьева монастыря, когда встал вопрос об их восстановлении и использовании после серьезных раз-

рушений, полученных в годы Великой Отечественной войны. На обнажившейся после обрушения штукатурки кладке хорошо читались следы срубленных кирпичных наличников, первоначальные формы окон и дверных проемов, четко обозначился характер перестроек XIX века. Работы в конце 1940-х и в 1950-е годы вели специалисты Новгородской реставрационной мастерской под руководством Л.М. Шуляк. Боль-



Юрьев монастырь. Общий вид с высоты птичьего полета. Фото 1980-х гг.

шая часть обмеров того времени выполнена архитектором Д.М. Федоровым. В 1950-е годы не ставилась цель реставрации памятников на первоначальную дату. Раскрытые тогда

формы XVIII века остались зафиксированными в обмерных чертежах, зарисовках. Проведенный в 1980-е годы под руководством Г.М. Штендера большой комплекс научно-исследовательских работ позволил глубже изучить памятники XVIII века, реставрировать фасады четверика Крестовоздвиженского собора и южный фасад северного корпуса на XVIII век, выявить в южных корпусах восточной линии застройки два строительных периода XVIII века и следы перестройки XIX века. В 1970-е годы исследованиями и реставрацией восточных корпусов с оградой занималась Т.В. Гладенко, в 1980-е — И.Б. Аблизина под руководством Г.М. Штендера. К сожалению, начатые в 1989 году работы по исследованию Спасского собора (бывшей церкви Федора и Александра Невского), а также настоятельского и трапезного корпусов, остались не завершенными. Не разработан проект графической реконструкции зданий на XVIII век. В работе принимали участие новгородские реставраторы (руководитель группы В.А. Дружинин, научный руководитель Г.М. Штендер).

Заложенный в XVIII веке принцип периметральной линейной застройки монастыря оказался жизнеспособным. Конфигурация планов северной, восточной и южной линий застройки практически не изменилась до настоящего времени. Только западные корпуса XVIII века оказались внутри монастырского комплекса, так как в первой половине XIX века сформировалась новая западная линия застройки — ограда с хозяйственными, жилыми корпусами и двумя фланкирующими башнями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Амвросий. История Российской иерархии. М., 1815. Ч. VI. С. 739–749; Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Т. 1. С. 403–422; Макарий. Описание новгородского общежительного первоклассного Юрьева монастыря. М., 1858. С. 4–30; Ключарев Валентин. Юрьев Новгородский первоклассный монастырь. Новгород, 1893.

² Архив УГКОИПИК. Р-1337. Острова Е.И. Архитектурный комплекс XII–XIX вв. Юрьев монастырь. Историческая справка. 1986.

³ НПЛ. С. 122; Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 189.

⁴ Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 326.

⁵ Амвросий. История Российской иерархии. Ч. 6. С. 738.

⁶ РГАДА. Ф. 1208. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 7. 1732. Л. 14–83. В исторической справке Е.И. Островой указаны листы, из которых у нее сделаны выписки.

⁷ ОПИ НГМ. № 11300. Л. 72–80.

⁸ Амвросий. История Российской иерархии. Ч. VI. С. 738.

⁹ Опись Новгорода 1617 года // Памятники отечественной истории. Вып. 3. Ч. 2. М., 1984. С. 325.

¹⁰ НПЛ. С. 151; Новгородские летописи. С. 192.

¹¹ НПЛ. С. 412.

¹² Икона экспонируется в художественном отделе Новгородского музея.

¹³ Гусев П.Л. Новгород XVI в. по изображению на Хутынской иконе «Видение пономаря Тарасия». СПб., 1900. С. 45.

¹⁴ ОПИ НГМ. № 11188. Л. 84.

¹⁵ ГАНУ. Ф. 526. Оп. 1. Д. 10. 1827. Л. 34 об.

¹⁶ Амвросий. История Российской иерархии. Ч. VI. С. 745–746.

¹⁷ Там же. С. 744.

¹⁸ РГАДА. Ф. 1208. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 7. Л. 14–83.

¹⁹ Амвросий. История Российской иерархии. С. 747.

²⁰ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 22253.

²¹ ГАНУ. Ф. 526. Оп. 1. Д. 2. 1826. Л. 2. Д. 9. 1827.

²² Амвросий. История Российской иерархии. С. 748, 749.

²³ Там же. с. 743.

²⁴ РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 3890. Л. 100б; Амвро-

сий. История Российской иерархии. С. 748. ²⁵ РГАДА. Ф. 1208. Оп. 1. Ч. 3. Кн. 51. 1763. Л. 31–35.

²⁶ Там же. Ч. 2. Кн. 31. 1763. Л. 223; РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 3890. Л. 90б.

²⁷ ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 1209. 1762. Л. 99об.

²⁸ Там же. Л. 99.

²⁹ РГАДА. Ф. 1208. Оп. 1. Ч. 3. Кн. 38. 1866.

³⁰ ГИМ-ОАрг., № 42949. Л. 13043. 1830.

³¹ РГАДА. Ф. 1208. Оп. 1. Ч. 3. Кн. 38. 1763. Л. 26–27.

³² РГАДА. Ф. 1208. Оп. 3. Д. 133. Л. 3.

³³ Там же. Оп. 3. Д. 133. Л. 7.

³⁴ Макарий. Описание новгородского... С. 6. ³⁵ РГАДА. Ф. 1208. Оп. 1. Ч. 3. Кн. 51. 1763. Л. 31–35.

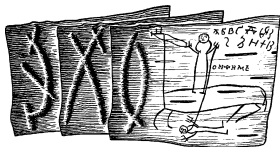
³⁶ Там же. Ч. 2. Кн. 32. Л. 335–336. ³⁷ Там же. Оп. 3. Д. 133. Л. 5, 6.

³⁸ Архив УГКОИПИК. Р-2269. 1988. Яковлева Л.Ш. Крестовоздвиженский собор Юрьева монастыря. Графическая реконструкция на 1763 год.

³⁹ РГАДА. Ф. 1208. Оп. 1. Ч. 2. Кн. 31. 1763. Л. 21.

⁴⁰ Там же. Ч. 4. Кн. 56. 1783. Л. 56.

⁴¹ ГИМ-ОАрг. № 53408. Л. 13044.



ДУХОВНЫЕ СЕМИНАРИИ ПРИ КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОМ МОНАСТЫРЕ

Кирилло-Белозерский монастырь основан в 1397 году. В XV–XVII веках он был крупным духовным, хозяйственным, культурным, военным центром Русского Севера. Учебные заведения существовали в монастырских стенах на протяжении ста сорока лет — срок немалый даже в более чем пятисотлетней истории самого монастыря. Они не просто арендовали у обители свободную площадь. Монастырские власти ревностно заботились об устройстве учебных заведений, о финансировании, о комплектовании преподавательского корпуса. Настоятели монастыря, иноки не раз выступали в роли духовных наставников и преподавателей подрастающего поколения. Такая монастырская традиция имела глубокие корни. Достаточно вспомнить пример с обучением и воспитанием отрока Мартиниана, которое осуществлял по поручению и с благословения пр. Кирилла Белозерского монастырский дьяк Олеша Павлов. Традиции духовного наставничества, практики, когда к молодому иноку приставляли умудренного жизнью и духовным опытом старца, почти всегда были характерны для Кирилло-Белозерского монастыря.

С 1777 по 1795 год в стенах Кирилло-Белозерского монастыря размещалась духовная семинария¹. На причину, обстоятельства, связанные с ее возникновением, указывает неизвестный автор, написавший, вероятно, в 1778 году «Историческое описание монастыря преподобного Кирилла находящегося в Новгородской губернии на Белоозере». Опубликовано это сочинение в Москве в 1805 году². Автор сообщает, что у истоков первой кирилловской семинарии стояли архиепископ Вологодский и Белозерский Ириней (Братанович) и наместник Новгородский, Псковский и Тверской Я.Е. Сиверс.

Яков Ефимович Сиверс в 1770-е годы проводил административную реформу в Новгородском крае. В связи с этим он побывал во многих местах, в том числе и в Кирилло-Белозерском монастыре. Здесь он и отметил свой очередной день рождения — 25 июля 1775 года. При осмотре монастырской территории Яков Сиверс обратил внимание на многочисленные пустующие сооружения обители и заметил, что они могут быть удобны для размещения различных учреждений³. Это обстоятельство и сыграло решающую роль при выборе места для размещения столицы вновь созданного в 1776 году Кирилловского уезда. Преобразование монастырских слобод в уездный город Кириллов, размещение на территории монастыря ряда городских и уездных учреждений и послужило хорошей основой для появления духовной семинарии на территории монастыря. Ее необходимость автор «Исторического описания...» объясняет тем, что «окружающие Кириллов страны (территории — И.С.) лишены училищных свободных наук». Этот же автор приводит слова Я.Е. Сиверса об «удобствах и благопристойности» размещения: «Строений много каменных для учения, для житья учителям и ученикам способным. Настоятель же монастырский может быть ректором, духовное правление близ находя-

щееся будет способствовать касательно священных и церковно-служительских дней».

Архиепископ Вологодский и Белозерский Ириней (1775–1796) активно способствовал развитию духовного образования в епархии (Кирилловский уезд Новгородской губернии до 1796 года находился в юрисдикции Вологодской архиерейской кафедры). Он дал соответствующее благословение и в июне 1778 года назначил ректора в семинарию⁴. Первым кирилловским ректором стал архимандрит Кирилло-Белозерского монастыря Иакинф Карпинский.

Деятельность Иакинфа Карпинского вызывала неоднозначную оценку как у его современников, так и в последующие времена. В исторической литературе второй половины XX века его деятельность, как правило, оценивается негативно. Однако нам кажется, что такая односторонняя оценка не объективна. Иакинф Карпинский получил хорошее образование. Он закончил Курскую семинарию и Киевскую духовную академию, ряд лет преподавал в различных учебных заведениях, был ректором ряда семинарий и настоятелем многих крупных и известных монастырей, был членом Московской синодальной конторы. Отец Иакинф хорошо знал латинский язык, написал и опубликовал целый ряд статей и проповедей, среди ученых монахов он слыл «Цицероном». Причиной частых переводов и незначительного роста по службе, в сравнении с его знаниями и опытом, являлся, видимо, горячий характер архимандрита, его чрезмерное честолюбие. Он так и не стал епископом, хотя по старшинству и достоинству он мог быть не раз посвященным⁵.

В августе того же года в семинарию назначили префекта, в сентябре собрались ученики, а открытие семинарии состоялось 15 октября 1778 года. Под учебный корпус семинарии монастырские власти выделили «великолепное и обширное благопристойное по своей красоте и обширности, отделен-



Яков Ефимович Сиверс, наместник Новгородский, Псковский и Тверской

ное от других монастырских строений» двухэтажное каменное здание (бывший «Никоновский корпус» — И.С.). Минимальный набор учебной литературы семинаристы получили от архиепископа Ириней и Я.Е. Сиверса. Кроме того «один учения любитель не малое число книг назначил в семинарию»⁶. Анализируя такую подробную информацию о состоянии монастыря и учреждении в нем первой семинарии, учитывая несомненный литературный, богословский талант и опыт автора, его образованность, ссылки на доступность ему монастырского архива, время написания работы, нам кажется, что вероятным автором «Исторического описания...» мог быть Иакинф Карпинский.

На существование семинарии указывал и Петр Иванович Челищев, посетивший монастырь в 1791 году. По мнению П.И. Челищева, семинария была создана «для обучения российской грамматике, церковному и латинскому языкам да синтаксису». Семинария состояла из двух классов. А единственным учителем семинарии был игумен Пахомий, посланный из Новгорода⁷. В настоящее время нам удалось дополнить информацию Петра Ивановича новыми сведениями о составе преподавательских кадров семинарии. В 1780–1782 годах в ней работал учителем священник Стратонников, переведенный позднее в город Белозерск. Вероятно, в кирилловской семинарии работал и преподаватель С. Малиновский, так как в его послужном списке есть соответствующая запись, но почему-то она касается 1795–1798 годов⁸. Количество учащихся семинарии, по словам П.И. Челищева, доходило до 100 человек. Они жили за свой счет. Лучшим ученикам после окончания семинарии предоставлялось право продолжить обучение в Петербурге⁹. Вероятно, в число учащихся, указанных Петром Ивановичем, вошли и бывшие белозерские семинаристы, так как по указу Новгородской Духовной Консистории от 28 августа 1790 года, подписанному Митрополитом Новгородским и Санкт-Петербургским Гавриилом, Белозерская духовная семинария «по недостатку средств» была закрыта, а ученикам предложили перевестись в Кириллов.

Белозерская духовная семинария, как и Кирилловская, была создана в 1778 году по ходатайству священнослужителей Белозерского уезда с одобрения и разрешения Вологодского архиепископа Ириней. Размещалась она в деревянном Архиерейском доме на территории Белозерского кремля. Сохранялась семинария только за счет ученической платы, которая была не более одного рубля в год. Число учащихся Белозерской семинарии доходило до 97 человек. Расходы на содержание семинарии распределялись обычно таким образом: жалование учителям — 40 рублей на человека, покупка дров — около четырех рублей, приобретение парт и скамеек — около трех рублей, писчей бумаги требовалось на 70 копеек в год, свечей — на 24 копейки. Нетрудно подсчитать, что расходы явно превышали доходы. Обучали в Белозерской семинарии следующим предметам: священному писанию, грамматике, риторике, поэзии, латыни¹⁰. Какая часть белозерских семинаристов перебра-

лась в Кириллов, нам выяснить не удалось, но, вероятно, значительная.

Из выпускников первой Кирилловской, или Кирилло-Белозерской семинарии можно назвать Василия Кириллова, впоследствии ставшего протоиереем и смотрителем (директором) благочиния Кирилловского приходского уездного училища, в формуляре (послужном списке) которого имеется запись: «Обучался первым началам латинского языка в прежде бывшей Кирилловской семинарии»¹¹.

К концу XVIII столетия это учебное заведение прекратило свою деятельность. Однако вскоре им заинтересовался митрополит Амвросий Подобедов, много сил и времени уделявший делу духовного просвещения русского народа. На его запрос ответил архимандрит Кирилло-Белозерского монастыря Назарий Романовский (1800–1802). Из его донесения известно, что кирилловские семинаристы жили на «отцовском кошге», а на содержание семинарии выделялась сумма до 500 рублей в год. Деньги поступали от Новгородской консистории через Кирилловское уездное казначейство. В монастырской библиотеке сохранилось от того времени и немалое количество семинарских учебников. Подробный их список вместе с отчетом архимандрита Назария был отослан в Новгород¹².

В начале XIX века по инициативе митрополита Амвросия на территории Кирилло-Белозерского монастыря была вновь открыта семинария. Однако объяснять ее появление только его личным желанием было бы слишком упрощенно. Открытие семинарии в самом удаленном от губернского города уезде, отстоящем от него на 600 км и почти не связанном с митрополией удовлетворительными путями сообщения, было делом закономерным. На эти обстоятельства указывается в Определении от 5 февраля 1802 года, подписанном Амвросием Подобедовым. В нем, в частности, говорится: «...много из священнослужителей Белозерского уезда (с 1796 по 1802 год, временно, территория упраздненного Кирилловского уезда входила в состав Белозерского уезда, а Кириллов был заштатным городом — И.С.), желая детей своих обучать в семинарии, за отдаленностью от Новгородской епархии просят отдавать их в Вологодскую (расстояние от Кириллова до Вологды 130 км — И.С.). В отвращении такого затруднения для просящих признали за нужное учредить и учреждаем по-прежнему духовное училище в Кирилло-Белозерском монастыре для обучения нижним классам детей священно-церковно-служительских как того Белозерского уезда так и смежных уездов для желающих в оном учиться, а не в Новгородской семинарии детей своих начальным наукам обучать...»¹³.

В Определении оговаривались и экономические условия содержания нового учебного заведения. Ученикам предлагалось жить за свой счет. На содержание зданий, на денежное вознаграждение преподавателям рекомендовалось расходовать 1000 рублей из процентных монастырских сумм, разме-



Амвросий (Подобедов), митрополит Санкт-Петербургский. Гравюра по оригиналу Ф. Яненко. 1806 г.

щенных в банках (проценты с капитала — И.С.). Из остатков этой суммы планировалось делать выдачи бедным ученикам при условии их хорошей успеваемости. Начальником Кирилло-Белозерского духовного училища — ректором назначили архимандрита Венеамина Жукова (1802—1809), сменившего на этом посту архимандрита Назария.

Определение указывало и на то, что первоначально новому учебному заведению придавался лишь начальный «элементарный» статус — в его составе учреждались лишь «начальные классы» с изучением «начальных» наук. В последующем предполагалось расширить курс обучения и довести его до полного семинарского. Об этом сообщал своему другу в Воронеж в письме от 6 февраля 1802 года префект Александр-Невской академии, в последующем епископ Старо-Русский, викарий Новгородской епархии, а затем митрополит Киевский Евгений Болховитинов: «...митрополит наш решился в первоклассном Кириллове монастыре завести семинарию и чуть было синодальные (видимо, чиновники из Синода — И.С.) не уговорили меня на это дело, но митрополиту не угодно это было...»¹⁴. При всей важности и значимости этого проекта митрополит, вероятно, не решился отпустить в Кириллов своего близкого и верного помощника. Торжества по поводу открытия училища — основы будущей семинарии — состоялись в Кириллове 9 марта 1802 года¹⁵. В городском Казанском соборе отслужили молебен с водосвятием, а затем двадцать учеников в сопровождении наставников и с крестом в руках торжественным строем прошли на территорию Кирилло-Белозерского монастыря. Под учебный корпус училища монастырские власти выделили старое каменное двухэтажное здание священнических келий (Никоновский корпус). В него и ввел учеников училища его начальник — архимандрит Венеамин. После окропления святой водой учащиеся вернулись в церковь, где присутствовали на провозглашении многолетия Царствующему Дому, Святому Синоду, митрополиту Амвросию, учителям и учащимся. На церемонии открытия нового учебного заведения присутствовала только часть учеников, а первая училищная ведомость зафиксировала всего 22 человека.

К концу учебного года эта цифра увеличилась вчетверо. Такой значительный рост произошел вследствие того, что «учившиеся в Вологодской семинарии новгородцы прослышали об утверждении «семинарии» в Кириллове и стали переводиться в нее». Экономическое положение училища в первые годы было благоприятным. Из положенных на 1802 год сумм израсходовали только две трети. Активно способствовала безбедному существованию училища и монастырская власть. Монастырь купил учебных пособий на 41 рубль 30 копеек¹⁶. С учеников за утраченные учебники взыскивали их стоимость, и эта сумма за первый год составила 8 рублей 20 копеек. Первоначально всем преподавателям училища было назначено одинаковое денежное вознаграждение в сумме 100 рублей. Однако вскоре выяснилось, что эта сумма явно не достаточна, и по ходатайству главы монастыря она была уве-

личена: учитель поэзии получил 150 рублей в год, учитель высшего грамматического класса — 40, низшего класса — 120. К 1805 году в полтора раза увеличилась и в целом сумма, отведенная на содержание училища. К тому времени в штатном расписании появилась новая единица — врач. Примечательно, что в его функции входил не только надзор за состоянием здоровья учащихся и их лечение, но и обучение основам медицинского дела. Последнее внедрялось по рекомендации митрополита Новгородского.

13 мая 1806 года открыли в Кириллове философский класс, и курс обучения в училище приблизился к среднему семинарскому. Преподавание этой сложной дисциплины поручили архимандриту Венеамину. Его деятельность на посту начальника

училища была отмечена благодарностью митрополита Амвросия (резолуция от 9 января 1808 года). С доброй воли Венеамина часть учеников высшего класса получила возможность жить на территории обители. К 1807 году духовная семинария при Кирилло-Белозерском монастыре окончательно сформировалась. Количество ее учащихся выросло до 264 человек, девять из них содержались за счет монастыря, а двое к тому же были его послушниками. Училищный бюджет к тому времени пополнился на 100 рублей в год за счет процентов с двухтысячной суммы, дарованной училищу от бывшего наместника монастыря Епифания. Перечень изучаемых предметов окончательно сформировался и стал довольно внушительным: пространный катехизис, философия, высшая и низшая риторика, история и география, арифметика, латинский, греческий, немецкий, французский языки¹⁷.

О качестве преподавания этих предметов, степени готовности учащихся к дальнейшему продолжению обучения в средней и высшей школе можно косвенно судить по судьбам учеников — уроженцев соседнего Белозерского уезда. Дело в том, что в Кириллове духовное училище-семинария возникло одним из первых в Новгородской губернии. Аналогичные учебные заведения появились в соседних уездах позднее: в Каргопольском — в 1805 году, в Белозерском — в 1809-м¹⁸. По распоряжению Новгородской консистории предписывалось направлять во вновь открытые духовные училища учащихся, живущих недалеко от них и пожелавших перевестись во вновь открытое учебное заведение. В связи с этим 54 ученика кирилловского училища заявили о переходе в Белозерск. 20 июля 1809 года ректор-архимандрит Венеамин написал в Новгород о переводе их после каникул в Белозерское уездное духовное училище¹⁹. Среди этой группы были ученики разных классов. После предварительных испытаний (экзаменов), состоявшихся 24 сентября 1809 года, оказалось, что восемь человек «несведущи в предметах приходского училища», и они были зачислены в Белозерское приходское училище. Основная группа была зачислена в состав уездного училища. Они составили его основной костяк и были выпускниками первых двух выпусков (1811, 1813 годов — выпуски были раз в два года) и частично третьего — 1815 года.

Первый выпуск в составе восемнадцати бывших кирил-



Евгений (Болховитинов), митрополит Киевский. Гравюра. Начало XIX в.

ловских семинаристов на публичном экзамене 15 июля 1811 года показал хорошие успехи и в полном составе был признан достойным для поступления в Новгородскую духовную семинарию. Сказалась хорошая подготовка, заложенная в Кириллове. В дальнейшем один из выпускников этой группы Успенский Козьма успешно закончил духовную академию в Санкт-Петербурге и стал профессором философии во Владимирской духовной семинарии. Из 15 учащихся второго выпуска восемь тоже продолжили обучение в Новгороде, остальные пошли служить по духовному ведомству²⁰.

Знаменательно, что значительная часть воспитанников второй Кирилловской семинарии стала учителями, инспекторами, начальниками ряда приходских и уездных духовных училищ, в первую очередь, вновь созданных, в которых особенно остро чувствовалась кадровая проблема. Так, указом Новгородской духовной консистории от 31 июля 1809 года учителем низшего риторического класса Белозерского духовного уездного училища был назначен ученик Кирилловского училища Стефан Красновский²¹. Он, приехав в Белозерск, стал преподавателем нотного пения и одновременно продолжил свою учебу во втором низшем классе. Молодому учителю-ученику исполнилось в то время 17 лет. В Кириллове Стефан учился с 1805 года и, судя по аттестату, достиг хороших успехов по всем предметам, в том числе по истории и географии с «хорошим успехом», поэзии с «изрядным», латинскому языку с «отличным успехом», а особо зарекомендовал себя «сведующим в нотном пении»²². 16 сентября Красновский приступил к исполнению обязанностей учителя, но проработал в этой должности недолго. 4 октября того же года ректор Белозерского училища сообщил в Новгород, что молодой учитель оказался неспособным «к исполнению обязанностей учителя певческого класса» и просил разрешения на его замену, а Красновского предлагал перевести учителем второго класса приходского училища, где ему предложили преподавать российскую грамматику, сокращенный катехизис, арифметику. В этой должности Стефан проработал около года, а затем перевелся в Каргополь. Администрация Белозерского училища при переводе выдала ему хорошие рекомендации.

Студент философии — ученик высшего класса Кирилло-Белозерского училища Яков Коротыгин в двадцатилетнем

возрасте стал учителем арифметики, грамматики и катехизиса Устюженского городского приходского училища. При этом он получал жалование в 41 рубль. При Коротыгине обучалось в Устюженском училище 84 человека²³.

Группа выпускников Кирилловского училища-семинарии 1809 года была направлена для продолжения обучения в Новгородскую семинарию. Они стали изучать богословие, церковную историю, красноречие, математику, иностранные языки. Руководство семинарии, видимо, присматривалось к кирилловским ученикам, выявляло среди них способных к наукам и к педагогической деятельности. Лучшие из них, не проучившись в Новгороде даже года, рекомендовались на учительские должности. Так, 23 марта 1810 года приступил к работе учителя высшего 4-го класса Белозерского уездного училища Петр Матвеевич Хрусталева²⁴. С 1811 года он уже известен как инспектор училища, а затем принял сан священника Петропавловской церкви. 17 мая того же года на должность преподавателя низшего отделения Белозерского училища назначен Иоанн Григорьевич Беляев. В училище он проработал до 1825 года. Другой кирилловский выпускник, Иван Васильевич Ротковский²⁵, успешно обучавшийся в Кириллове, тоже менее года провел в Новгороде и был направлен в Крестецкое уездное духовное училище, а позднее переехал в Белозерск. Александр Григорьевич Марков²⁶ в 1810 году был назначен преподавателем в Петрозаводское училище, через пять лет он переехал в Белозерск. Федор Петрович Попов, проучившись полтора года в семинарии, занял пост учителя Белозерского приходского училища, а позднее стал его смотрителем. Андрей Степанович Колкачский²⁷, проучившись два года, стал преподавателем греческого и латинского языков, арифметики в Белозерске. Его одноклассник Иван Васильевич Веселовский стал одновременно с ним учителем российской и славянской грамматики и арифметики.

К сожалению, Кирилловское духовное заведение с «преподаванием предметов семинарским порядком» попало под жернова духовно-училищной реформы 1808–1809 годов.

В обширной Новгородской губернии решили оставить одну духовную семинарию в Новгороде, а в уездных городах, в том числе и в Кириллове, содержать только уездные духовные училища.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ А.В. Камкин. Вопросы истории церкви в школьном краеведении. Вологда, 1990. С. 18.

² Историческое описание монастыря преподобного Кирилла находящегося в Новгородской губернии на Белоозере. М., 1805.

³ Там же. С. 44.

⁴ Там же. С. 3.

⁵ Русский биографический словарь. Ибак-Ключаров. СПб., 1897. С. 155–156.

⁶ Историческое описание... С. 46.

⁷ П.И. Челищев. Путешествие по Северу России в 1791 г. СПб., 1886. С. 226.

⁸ А.А. Бронзов. Белозерское Духовное училище за сто лет его существования. 1809–

1909 гг. Сергиев Посад, 1909. С. 23–24.

⁹ П.И. Челищев. Указ. соч. С. 226.

¹⁰ А.А. Бронзов. Указ. соч. С. 24–25, 28.

¹¹ Там же. С. 23.

¹² К. Лавров. Кирилловская духовная семинария 1802–1808. Новгородские епархиальные ведомости (в дальнейшем НЕВ). 1899. № 6. С. 406.

¹³ Там же. С. 406.

¹⁴ Там же. С. 405.

¹⁵ Там же. С. 407. Амвросий в 1-м томе «Истории Российской иерархии» указывает иную дату открытия — 5 февраля 1802 года.

¹⁶ ЦГАДА. Ф. 1441. Оп. 3. Ед. хр. 1051. Л. 3.

¹⁷ НЕВ. 1899. № 6. С. 412–413.

¹⁸ А.А. Бронзов. Указ. соч. С. 18.

¹⁹ Там же. С. 50.

²⁰ Там же. С. 53–54.

²¹ Там же. С. 86–88.

²² Оценки успеваемости и поведения в России того времени отличались от современных — были словесными, в 1829 году вводится оценка баллами, причем «единица» долгое время являлась лучшим баллом.

²³ НЕВ. 1911. № 5. С. 157.

²⁴ Там же. С. 110–111.

²⁵ Там же. С. 89–92.

²⁶ Там же. С. 118–119.

²⁷ Там же. С. 142.

СОБРАНИЕ ИКОНОПИСИ КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

В 1999 году исполнилось 75 лет Кирилло-Белозерскому историко-архитектурному художественному музею-заповеднику, открытому на территории Кирилло-Белозерского монастыря. Сам монастырь был основан в 1397 году московским монахом Кириллом — одним из любимейших учеников преподобного Сергия Радонежского. В XVI–XVII веках обитель достигла своего расцвета, стала религиозным, административным, культурным центром на Русском Севере, крупнейшим и богатейшим монастырем на Руси, по словам патриарха Никона, «Великой Государевой крепостью». В XVIII веке период расцвета сменился временем упадка. После Октябрьской революции, в 1919 году государство взяло монастырь под свою охрану, а в 1924 году он был закрыт. На его месте создан музей.

За время своего существования в музее сложились значительные коллекции церковного и народно-прикладного искусства, письменных источников, археологии, основой же музейных фондов, их ядром, несомненно, является собрание иконописи. Это памятники XV — начала XX веков, происходящие из монастырей и приходских храмов Белозерья, которое до 1918 года входило в состав Новгородской губернии.

Начало формирования собрания будущего музея приходится еще на монастырский период. В 1918 году в Кириллов прибыла первая экспедиция, направленная Комиссией по охране и реставрации памятников древнерусской живописи. Возглавлял экспедицию известный исследователь древнерусского искусства Александр Иванович Анисимов. Специалисты работали несколько месяцев. За это время они отобрали около 75 наиболее древних памятников из храмов Кирилло-Белозерского монастыря, состояние которых, как писал Анисимов игуменье Горицкого монастыря, «было признано (...) серьезно угрожающим их дальнейшему существованию»¹. Иконы перенесли в здание Архимандричьих келий и провели необходимые реставрационные работы: укрепили, заклеили, частично расчистили. Среди памятников были такие признанные шедевры русского искусства как два храмовых образа Успения Богородицы XV века из Успенского Собора (1497 год) Кирилло-Белозерского монастыря, один из которых даже приписывали кисти самого Андрея Рублева; Чудотворный образ Богоматери Одигитрии — по преданию, его принес из Москвы сам основатель — преподобный Кирилл Белозерский; икона-портрет святого Кирилла, написанная, по легенде, еще при его жизни.

Кроме работ в Кирилло-Белозерском монастыре, экспе-

диция Анисимова занималась реставрацией в Ферапонтовом монастыре, основанном в 1398 году сподвижником преподобного Кирилла Белозерского — монахом Ферапонтом. Монастырь этот знаменит тем, что в начале XVI века в нем работал великий русский иконописец Дионисий. В 1920-е годы Ферапонтов монастырь стал филиалом Кирилло-Белозерского музея.

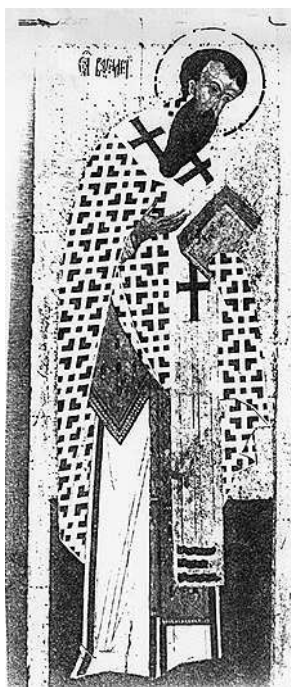
В 1922–1923 годах большую часть икон, отобранных Анисимовым, вывезли на реставрацию в Русский музей (Ленинград), который по решению Первой Всероссийской реставрационной конференции 1921 года стал центром реставрации памятников северных областей. К сожалению, как от-

мечает искусствовед О.В. Лелекова, «кирилловские иконы с самого начала рассматривались не как вывезенные, а как изъятые»², поэтому большинство их так и не вернулось обратно. В настоящее время они украшают экспозиции крупнейших музеев страны, в том числе Русского, и Третьяковской галереи.

В 1924 году закончился первый предварительный домусейный этап в истории собрания иконописи и начался второй, он длился чуть более 20 лет, до конца Великой Отечественной войны. Этап этот условно можно определить как «собираательный», так как в это время поступает большая часть памятников, составляющих сейчас собрание. Берутся на учет иконы из Кирилло-Белозерского, Ферапонтова, Горицкого³ монастырей, Нило-Сорской пустыни⁴, из приходских церквей города Кириллова и уезда. Первым учетным документом музея стала «Опись историко-художественных предметов в б. Кирилло-Белозерском монастыре» (не сохранилась), составленная 19 декабря 1924 года при участии первого директора музея А.А. Холмовского. По ней числилось несколько сот икон из монастырских храмов. Другие важнейшие документы того периода — три книги поступлений, начали оформляться последовательно с 1929 года, их

анализ дает нам возможность составить картину формирования коллекции.

Довоенный период в истории музея был неровным и противоречивым, так как государственная политика в области культуры и религии в полной мере отражалась на его жизни, в том числе на формировании иконного фонда. Икона многими тогда понималась не просто как предмет культа и произведение церковного искусства, а как важнейший атрибут веры, с которой шла борьба. Это выражалось в том, что наряду с постановкой на музейный учет наиболее древних памятников, в основном XV–XVI веков, отчасти XVII века, многие по-



Икона «Василий Великий»,
1502 г. Дионисий. Из собора
Рождества Богородицы
Ферапонтова монастыря

здние иконы признавались «немузейными», не имеющими художественного значения, в лучшем случае они попадали в



Икона «Схождение Святого Духа на апостолов», 1497 г.,
из Успенского собора
Кирилло-Белозерского монастыря

антикварно-обменный фонд, в худшем — просто уничтожались.

Так, в «Акте проверки музея» от 20 июля 1935 года, который составили Уполномоченные комитета по охране памятников при ВЦИК и музейного отдела Наркомпроса, с одной стороны, говорилось о необходимости срочного укрепления памятников XV века, с другой, предписывалось ликвидировать некоторые поздние иконостасы. Затем в 1937–1938 годах по указанию свыше в музее были подготовлены списки на ликвидацию, в них фигурировало более половины икон, стоявших тогда на учете. Только начавшаяся война помешала распродать или уничтожить часть фонда, и по ее окончании многие ранее списанные иконы вновь были поставлены на учет.

Великая Отечественная война поставила перед сотрудниками задачу сохранить фонды. К сожалению, документов того времени осталось немного. Известно, например, что иконы из иконостаса Успенского собора были подготовлены к эвакуации, упакованы в ящики, а в 1944 году, когда опасность миновала, их возвратили на прежние места.

После войны начался третий этап в истории собрания иконописи, длился он до 1991 года. Особенность его состояла в том, что поступление икон на этом этапе незначительное, в то же время был проведен полный учет фонда, осуществлены крупные реставрационные проекты, началось изучение и публикация памятников.

Грандиозным мероприятием 1950-х годов стало перенесение церкви Ризположения (1485 г.) — одного из древнейших на Руси деревянных храмов — из села Бородавы на территорию Кирилло-Белозерского монастыря. Причиной пе-

реноса было то, что церковь попала в зону затопления при строительстве Волго-Балтийского канала. А знаменит храм тем, что был построен на средства Ростовского Архиепископа Иоасафа (в миру князь Иван Оболенский). Возможно, именно он пригласил Дионисия в Ферапонтов монастырь. Часть икон церкви, предположительно, создана мастерами окружения Дионисия. Эти памятники в 1956 году были отправлены в Москву в Музей им. А. Рублева для изучения и реставрации. 42 года Москва не хотела отдавать их обратно, и только в 1998 году, благодаря усилиям директора музея Г.О. Ивановой и губернатора Вологодской области В.Е. Позгалева, большая часть произведений вернулась на родину.

В 1968 году повысился статус музея, он стал историко-архитектурным и художественным музеем-заповедником, это благотворно сказалось на всех сферах музейной деятельности. Что касается собрания иконописи, то от механического формирования коллекции, разовой реставрации перешли к комплексной научной реставрации, к современной организации учета и хранения.

К середине 1980-х годов был завершен так называемой второй учет коллекции: составлены инвентарные книги, разнообразные картотеки, научные паспорта на все памятники, сделана фотофиксация икон, началась работа над каталогом собрания.

Реставрационные работы в 1970–80-е годы приобрели большие масштабы и носили комплексный характер, то есть одновременно с реставрацией храмов шла реставрация иконостасов. Четыре крупнейших учреждения возрождали иконопись из собрания музея. Это — Всесоюзный научно-исследовательский институт реставрации (ВНИИР, Москва), Всероссийский художественный научно-реставрационный центр



Икона «Введение Марии во храм», 1497 г.,
из Успенского собора
Кирилло-Белозерского монастыря

им. академика И.Э. Грабаря (ВХНРЦ, Москва), Межобластная специальная научно-реставрационная производственная ма-

стерская (МСНРПМ, Москва), Вологодская специальная научно-реставрационная производственная мастерская (ВСНРПМ), а также собственные реставраторы, которые появились в штате музея с 1972 года.

Через руки первоклассных специалистов прошло несколько сотен памятников, проделанная ими огромная работа позволила не только сохранить древние иконы, дать им вторую жизнь, но и создать новые экспозиции, открыть для посетителей интерьеры церквей с иконостасами XVI–XIX веков. В конечном итоге все это способствовало повышению интереса у людей к древним северным монастырям и древнерусскому искусству. Одновременно с реставрацией шла работа по изучению произведений иконописи и их публикации.

В конце 1970-х годов в музее открылась первая крупная экспозиция древнерусского искусства, на ней были представлены несколько десятков икон XV–XVII веков.

С середины 1970-х годов Кирилло-Белозерский музей активно участвовал в различных выставках, проходивших у нас и за рубежом. Крупнейшая из них — «Кирилловский иконостас XV в.», организованная в Москве в дни Олимпиады-80 ВНИИР совместно с четырьмя музеями: Кирилло-Белозерским, Государственной Третьяковской галереей, Русским музеем и музеем им. А. Рублева. На выставке был представлен иконостас конца XV века Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря, созданный ведущими московскими иконописцами.

В эти же годы появляются различные публикации обзорного и научного характера, посвященные иконописи из собрания музея. Крупнейшим на сегодняшний день можно считать труд реставратора и искусствоведа О.В. Лелековой «Иконостас 1497 г. Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря», вышедший в 1988 году. Популяризация коллекции проходила также с помощью красочных альбомов, путеводителей, буклетов, открыток, календарей.

В 1991 году начался четвертый этап в истории собрания иконописи.

Реставрация, изучение, публикация памятников в 1990-е годы проходила под знаком подготовки к 600-летию Кирил-

ло-Белозерского и Ферапонтова монастырей. В результате удалось значительно расширить площади фондохранилищ, улучшить условия хранения и охраны экспонатов, выпустить множество разнообразных изданий, посвященных монастырям, они включали в себя и публикацию икон. Реставраторы возродили несколько десятков икон XVI – начала XX веков из фондов музея.

Некоторые кирилловские иконы были представлены на таких крупных выставках, как «Преподобный Сергей Радонежский» — в Москве в 1992 году и «Возрожденные шедевры Русского Севера» — в Вологде в 1998 году.

Лучшие памятники собрания вошли в самое значительное издание 1990-х годов — книгу искусствоведа и реставратора А. Рыбакова «Вологодская икона», вышедшую в 1995 году.

И, конечно, нельзя не сказать о последнем замечатель-

ном событии. 19 июня 1999 года в отреставрированном здании Архимандричьих келий (XVII–XIX вв.) открылась новая постоянная экспозиция музея, в разделе церковного искусства которой представлено несколько десятков лучших произведений иконописи XV–XVII веков, многие из которых признаны шедеврами русского искусства.

История формирования собрания иконописи в Кирилло-Белозерском музее — это долгий, сложный, полный противоречий путь, в результате которого сложилась уникальная коллекция. По ней можно изучать развитие русской церковной живописи, ее иконографическое многообразие. Основу собрания составляют памятники из крупнейших монастырей Руси. Многие иконы были созданы выдающимися иконописцами XV–XVII веков из таких признанных центров иконописи как Москва,

Новгород, Кострома, Ярославль, Ростов, Белозерск, Вологда. Еще одна особенность состоит в том, что музей обладает несколькими полностью сохранившимися иконостасами XV–XIX веков.

В перспективе развития собрания иконописи — продолжение реставрационных работ, научных изысканий, дальнейшая публикация и в конечном итоге — создание научно-го каталога.



Икона «Рождество Христово», 1497 г.,
из Успенского Собора
Кирилло-Белозерского монастыря

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Письма А.И. Анисимова // Памятники Отечества. Вып. 30. 1993. С. 96.

² О.В. Лелекова. Иконостас 1497 г. Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря. М., 1988. С. 35.

³ Горицкий Воскресенский девичий монастырь расположен в семи километрах от

Кирилло-Белозерского. Основан в 1544 году княгиней Ефросиньей Старицкой — теткой Ивана Грозного. В XIX — начале XX вв. это общежительный монастырь. Был закрыт в 1930 году. Ныне является филиалом Кирилло-Белозерского музея.

⁴ Нило-сорская пустынь расположена в 15

километрах от Кирилло-Белозерского монастыря. Основана в 1480-х годах преподобным Нилом Сорским — известным церковным деятелем, писателем, идеологом «нестяжательства». Первоначально это был скит, в XIX веке он стал общежительным монастырем. Закрыт в 1927 году.

150 лет назад известный шведский историк Эрик Густав Гейер писал, что в сопоставлении таких слов как Швеция и Россия настолько мало соответствия, что «они кажутся сопротивляющимися маленькому союзу «и», который соединяет их, как ненадежный мостик, переброшенный над обрывом, из глубин которого слышится шум и поднимается туман многолетней вражды». Тем не менее, уже несколько поколений историков как с той, так и с другой стороны пишут статьи и специальные работы, в которых пытаются перекинуть свой мостик над обрывом, установить свой союз между Швецией и Россией.

Одним из них был известный шведский славист профессор славянских и балтийских языков Стокгольмского университета Андерс Шёберг (1926–1990). Он проявлял особый интерес к истории русско-шведских культурных связей. Отмечая, что культурные связи между нашими странами имеют глубинные корни, он стремился представить взаимовлияние и взаимообогащение двух культур во всем их многообразии, показать импульсы, исходящие не только из Швеции на Восток, но и получаемые ею с Востока. В этом ключе он написал статью о рунорезце Этире, опубликованную в «Челе» в 1996 году, а также статью, предлагаемую сегодня вниманию наших читателей.



Андерс ШЁБЕРГ

ПРАВОСЛАВНАЯ МИССИЯ В ШВЕЦИИ В XI ВЕКЕ

XI век является веком христианской миссии в Швеции. В начале века принял христианство и крестился шведский король Олаф Шётконунг. Завершением этого периода можно считать создание в начале XII века архиепископства в Лунде, на Севере Швеции.

В обращении в новую веру шведов участвовали по меньшей мере две различные группы миссионеров. Об участии гамбургской миссионерской группы упоминает, в частности, Адам Бременский. Он упоминает также группу английских миссионеров и епископов, сыгравших значительную роль в обращении шведов в христианскую веру. Все эти миссионеры, как например, Зигфрид, проповедующий в Вестергётланде и Смоланде, Эскиль, проповедующий в Сёдерманланде и Давид — в Вестманланде, были родом из Англии.

Третий путь распространения христианства в Швеции осуществлялся благодаря шведским викингам, которые приняли христианство во время своих походов и привнесли эту новую веру на родину. Это касается, очевидно, и процесса христианизации Готланда и Упланды. Адам Бременский не упоминает о миссионерской деятельности на Готланде, но нам известно, что в это время там были построены первые церкви.

Адам Бременский описывает Упланд как полностью языческую провинцию. Но большое число найденных в Упланде камней с руническими надписями XI века свидетельствует об обратном. На этих камнях высечены кресты и древнейшие христианские тексты на шведском языке.

Ряд исследователей ставит вопрос о присутствии в Швеции в XI веке русско-византийской миссии. Впервые этот вопрос поставил Тони Шмид. Поводом к дискуссии послужили некоторые факты, приведенные Адамом Бременским

в своей хронике «Деяния гамбургских архиепископов». Он пишет, что католическая церковь столкнулась в Упланде с большими трудностями. Могущественный архиепископ Адальберт Гамбургский встретил в этой части Швеции особенно сильное сопротивление его церковной политике. Когда в середине 50-х годов XI века посланники Адальберта прибыли в Сигтуну, они не имели там успеха. У шведского короля Эмунда уже был епископ. Но этот назначенный королем епископ не был чужеземцем. Его звали Осмунд. Скандинав по происхождению, он еще в юности прибыл вместе с Зигфридом из Англии в Швецию, а затем завершил теологическое образование в Бремене. После этого король Эмунд назначил его епископом в Сигтуне. Но архиепископ Адальберт отказал ему в посвящении в сан. Тогда епископ Осмунд отправился в Рим, чтобы получить посвящение в сан от папы Римского. Но и здесь его ждал отказ. Далее Адам рассказывает, что Осмунд объездил многие земли, прежде чем добился посвящения в сан архиепископом Полонии. Адам Бременский называет Осмунда «episcopus aserphalus», который обучал новообращенных ложной вере, несоответствующей «нашей» истинной доктрине. Тони Шмид полагал, что он, очевидно, хотел сказать, что Осмунд был по своим теологическим взглядам представителем православной церкви.

Однако исследователи по-разному понимают слово «Полония». Некоторые считают, что Осмунд получил сан в Польше. Профессор Туре Арне полагает, что Полония — это страна полян, то есть Киевское государство, так что Осмунд получил посвящение в сан в Киеве. Это мнение поддерживает и профессор С.У. Пальме, он называет Осмунда «византийским священником». Таким образом, вопрос о том, был ли Осмунд католическим или православ-

ным священником, остается неразрешенным. Единственное, в чем мы уверены, — это то, что он был автокефальным, то есть не был в подчинении ни у католической церкви, ни тем более у бременского архиепископа Адальберта.

Король Эмунд, его зять Ярослав, Великий князь Киевский, и король Харальд Суровый, женатый на Елизавете, дочери Ярослава — все они в это время пытались создать самостоятельные церкви. Ярослав в 1050-х годах назначил Иллариона, русского, на должность митрополита в Киеве, то есть на то место, которое было закреплено за греками, назначаемыми патриархами Византии. Норвежский король Харальд посвящал своих епископов в Англии и Нормандии, против чего резко возражал архиепископ Адальберт. Но король Харальд отклонил протесты архиепископа.

Адам Бременский упоминает, что он «возгласил, что не знает никакого другого архиепископа или владыки в Норвегии кроме самого Харальда». Король Эмунд назначил Осмунда епископом, очевидно, как способ не позволить епископу Адальберту привести всю Скандинавию в лоно бременско-католической церкви.

Вопрос только в том, не была ли эта самостоятельная церковная политика двух королей обусловлена определенным влиянием церковно-политической ситуации в православном мире? Король Харальд и король Эмунд были убеждены, что восточная церковь и ее епископ в политическом отношении играли не столь важную роль как могущественные немецкие епископы. Светская власть католической церкви была угрозой королевской власти.

Недавно православный митрополит Швеции и Скандинавии Павлос (1982) обратил внимание на то, что в книге «Стратегикон», автором которой был известный византийский генерал Кекаулинос и которая появилась сразу после 1060 года, можно найти интересный материал о короле Харальде. Харальд был даже некоторое время начальником гвардии в Константинополе и участвовал в военных походах вместе с генералом Кекауменосом.

Согласно «Стратегикону» Харальд на протяжении всей жизни хранил свою верность и любовь к грекам. Митрополит Павлос ссылается также на другие источники, которые свидетельствуют о том, что православные епископы в XI веке действовали и в Скандинавии. В труде исландского проповедника Ари Торгильсона (1067–1148) указывается, что три армянских епископа Петрус, Абрахам и Стефан были в XI веке в Исландии. Слово «армянские» подразумевает «византийские». Другим источником является древнеисландский законодательный кодекс «Грогос». В нем приведены различные церковные предписания. В одном из таких наставлений говорится: «Когда в эту страну приходят епископы, не знающие латинского, будь они армяне или греки, следует позволить принимать участие в мессах». Но этим епископам не разрешалось освещать церкви и подтверждать детей. И если это происходило, то церкви освещались затем вновь, детей также заново подтверждали, и людям не разрешалось принимать таинство от этих епископов.

Приведенные выше источники, дающие возможность осветить вопрос о православной миссии, скудны и не дают четкого ответа.

Но что тогда можно сказать относительно русских источников? Какую информацию мы можем почерпнуть из этого материала? Русские летописи многое рассказывают о связях между Киевским государством и Скандинавией, но очень мало о том, что бы могло пролить свет на церковную ситуацию в Швеции. Хроника Нестора свидетельствует о том, что многие варяги, жившие на Руси, уже в середине X века приняли христианство. В 945 году между Русью и Византией был подписан договор. При утверждении договора князь Игорь и бояре, которые были язычниками, приносили клятву пред изображением Перуна, но варяги, которые, как утверждают летописи, были христианами, присягали в церкви Элиаса. Первые два мученика Руси (983) тоже были варягами: отец Тори и его сын Иоганес. Оба возвратились из Византии и имели собственный двор в Киеве. Это говорит о том, что они являлись купцами.

С середины XI века патерик Киево-Печерского монастыря свидетельствует об участии шведских варягов в основании одной из церквей монастыря. Основное лицо этого повествования — варяг Симон, по-видимому, в 1030-х годах приехал в Россию. Сведения о том, что он был племянником ярла Хакона «Прекрасного» позволяет исследователям утверждать, что он родом из Сёдерманланда. Я цитирую некоторые отрывки этого рассказа в немецком переводе: «Жил в стране варягов князь по имени Африкан, брат прекрасного Якуна, потерявший свое золотое платье, когда он воевал вместе с Ярославом против свирепого Мстислава. У этого Африкана было два сына, Фринд и Шимон. После смерти отца Якун прогнал обоих братьев с их земель. Шимон пришел к нашему благочестивому Ярославу, и тот оказал ему честь и рекомендовал его своему сыну Всеволоду, чтобы он сделал его старейшиной. Шимон при Всеволоде имел большое влияние».

После того как Шимон в одном из военных походов был чудесным образом спасен, он снова вернулся в Печерский монастырь к аббату: «Он снова вернулся к Антонию Великому и рассказал ему удивительную историю: “Мой отец Африкан велел сделать крест и изобразить на нем божественную фигуру Христа, из известняка, как это делают теперь и как это почитают латиняне: этот крест был размером в 10 аршин и для его почитания мой отец украсил его золотым поясом весом в пятьдесят золотых гривен и золотой короной украсил голову (Христа). Когда же мой дядя Якун изгнал меня из моих владений, я взял с собой пояс Христа и корону с его головы”».

Шимон подарил пояс и корону монастырю, чтобы построить церковь. Церковь была построена в 1070-х годах. В третьей главе рассказывается следующее: «Шимон принял молитву и благословение святого как драгоценную жемчужину и дар. Так как раньше он был варягом, а теперь стал милостью божьей христианином; получив наставление от нашего святого отца Феодосия, он оставил латинские заблуждения и истинно уверовал в нашего господина Иисуса Христа, со всем своим домом, что составляет в целом три тысячи людей, со своими священниками, причиною тому было чудо святых Антония и Феодосия». Этот рассказ дает нам следующие важные сведения: Симон, как

и его отец Африкан (Алфрайкр), был католиком и еще долго сохранял эту веру в России. В его доме жили католические священники. И только в конце 1060-х годов он вступил в православную церковь («оставил католические заблуждения»).

Есть и другие источники, сообщающие нам о русско-шведских связях. В своем докладе на Девятом конгрессе славистов в сентябре 1985 года в Киеве я обратил внимание на то, что новгородский священник Упырь Лихой носит шведское имя Upir.

Священник Упырь Лихой известен нам тем, что он в конце скопированной им в 1047 году ветхозаветной книги добавил колофон, в котором сообщает, что древнецерковнославянский текст этой книги он транслитерировал из кириллицы. Но большинство исследователей считают сегодня, что Упырь в качестве основы использовал глаголитический текст. В этом колофоне есть и другие интересные сведения, поэтому я привожу его целиком. В немецком переводе он выглядит примерно так: «Хвала тебе, Господь небесный и отец, что ты сподобил меня перевести эти книги из кириллицы для князя Владимира, старшего сына Ярослава, который правит в Новгороде. Я, священник Упырь Лихой начал писать 14 мая 1047 года и закончил 19 декабря того же года. Поэтому я прошу всех читать эти пророчества, так как пророки в них сообщают о великих чудесах. Желаю здоровья тебе, о князь, живи в вечности. Но не забудь, кто это написал».

Из текста видно, что священник Упырь писал по поручению князя Владимира, старшего сына Ярослава и рожденной в Швеции княгини Ингегерд. В середине 1040-х годов работа по строительству Новгородского Софийского собора была в полном разгаре. Вероятно, труд Упыря связан со строительством библиотеки в соборе.

Он был, очевидно, образованным человеком, так как владел обоими славянскими алфавитами — глаголицей и кириллицей. Последние слова его колофона точно доказывают, что он имел тесные связи с княжеским двором в Новгороде.

Самое удивительное в этом тексте — это имя писавшего: Upir Lichoј, что означает «злой вампир».

Советская исследовательница Медынцева недавно подтвердила толкование этого имени. Она подчеркивает однако, что это толкование не безукоризненно. Она пишет: «На первый взгляд кажется невероятным, чтобы духовное лицо имело такое имя». Возникает вопрос, мог ли священник в Новгороде в середине XI века носить магическое, языческое имя? В середине XI века Новгород был церковным центром Северной Руси во главе с епископом Лукой Жидятой. В Новгороде находится также двор князя Владимира, там долгое время жила жена Ярослава, княгиня Ингегерд. И в этой среде находился Упырь, и мне кажется невозможным, чтобы священник при дворе носил имя, означающее «злой вампир». Как уже было сказано, колофон указывает на связь Упыря с княжеским двором. Мать Владимира, княгиня Ингегерд в 1019 году приехала в Новгород из Швеции, с большой свитой. В ее числе был ярл Рёгнвальд Ульфсон, который занимал высокое положение и на новой родине.

Он был известен здесь под именем ярла Альдейгуборга и Ингерманландии. В то время в Новгороде и его окрестностях проживало много шведов, большая часть которых — христиане, и не удивительно, что из их числа назначались священники православной церкви. В их слоях населения Новгорода мы можем легко найти ответ относительно этимологии имен.

Большое число камней с руническими надписями дают нам богатые сведения о составе имен собственных в тогдашней Швеции. Среди древних шведских имен того времени есть и имя Эпир. Лишь немногие шведы носили это имя. Самый знаменитый среди них — автор рунических текстов — Эпир, который работал между 1050–1100 годами в Упланде. Это шведское имя полностью соответствует древнерусскому Упырь.

По моему мнению, совершенно очевидно, что священник Упырь Лихой носил шведское имя и его раннюю этимологию — вампир — следует отклонить. Итак, рунорезец Эпир (Upir) во второй половине XI века трудился в Упланде. Нам известны более ста рунических текстов, высеченных на камнях его рукой. Особенно интересно то, что они содержат информацию о людях, которые отправились на восток.

Я просмотрел все тексты Эпира, и сразу возник вопрос: возможно ли, чтобы священник Упырь из Новгорода и автор рунических текстов Упланда представляли собой одно и то же лицо?

Важный аргумент в пользу этой идентичности мы находим на одном из камней в деревне Марма, южнее Упсалы.

Большинство камней Эпира подписаны его именем: In Upir risti. Существует также и другой камень, где он называет себя только именем Ofeigr. Имя Офейгр является прилагательным, образованным от «фейгр» при помощи отрицательного префикса «о». Слово «фейгр» означало в давние времена «предназначенный смерти», позднее появилось значение «фейгр» (трусливый, подлый, коварный) как в немецком, так и шведском языках. Слово «офейгр» означало первоначально «оставшийся в живых, то есть тот, кто не предназначен к смерти». Теперь мы вспомним, что священник Упырь носит прозвище Лихой. Славянское прилагательное «лихой» имеет широкий спектр значений. Этимологически слово имеет индо-европейскую основу, lejksa/loik, так же, как и латинское слово «relinquo — relictus». Основное значение слова «лихой» — «оставшийся в живых, выходящий за пределы». Следует отметить, что наречие «лихо» обнаруживает то же изменение значения, как позднее «фейгр». «Лихо» означает также «смелый, рискованный, дерзкий».

Итак, кажется возможным связать значения слов «офейгр» и «лихой», а именно «оставшийся в живых, следовательно, тот, кого пощадили».

По моему мнению, слово «лихой» в связи с этим можно рассматривать как древнерусский перевод шведского прилагательного «офейгр». Таким образом, священник Упырь Лихой является не «злым вампиром», а «Упырем, избавленным от смерти».

Это согласование значений слов «лихой», «офейгр» яв-

ляется опорой для моей гипотезы, что Упырь Лихой и рунический мастер Офейгр Эпир являются одним и тем же лицом. Другие камни с рунической надписью сообщают подробности, говорящие в пользу моей гипотезы.

Чем же занимался священник Эпир в Упланде? Высекал ли он лишь рунические письмена и был искусным художником? Я не считаю это вероятным. Существуют очевидные доказательства того, что Эпир был прежде всего священником и его основная деятельность в Упланде состояла в священнослужении.

Ответ на вопрос, почему Эпир покинул Новгород, мы, возможно, найдем в политической и церковной ситуации центральной Швеции в середине XI века.

Все шведские короли XI столетия были христианами и активно трудились над распространением христианства. Тесные семейные связи с русскими князьями могли способствовать тому, что эти короли нанимали священников и монахов, особенно среди говорящих на шведском в Киевском государстве. Священник Эпир, который, без сомнения, получил хорошее образование, мог быть, с такой точки зрения, весьма желанной персоной, которая бы могла закончить миссионерскую работу среди населения в Упланде. А каким было положение католической церкви в XI веке? В южных провинциях, а именно — в епархиях Вестергётланд и Смоланд, в середине XI века оно было очень устойчивым. В Упланде ситуация была совершенно иной. Я уже упоминал, что католическая церковь столкнулась здесь с большими трудностями. В середине 50-х годов посланники из Гамбурга в Сигтуну не добились успеха. Адам Бременский рассказывает следующее: «Когда посланники были отвергнуты шведами, за ними якобы со слезами последовал не то племянник, не то пасынок короля, не знаю точно. Его звали Стенкель».

Король Эмунд умер примерно в 1060 году, тогда его епископ Осмунд покинул Швецию и вернулся в Англию. Новый король Стенкиль (Стинкель), имевший политический базис в Вестергётланде, где он поддерживал католическую церковь, был страстным покровителем гамбургской миссии. Он пытался назначить епископом в Сигтуне Адальварда Младшего, посвященного в сан в Гамбурге. Но Стенкиль умер в 1066 году, а Адальвард уже в 1064 году был вынужден покинуть Сигтуну. Адам рассказывает: «Так как варварский народ не хотел его власти, он взял в свои руки церковь в Скаре». После этого при короле Инге Старшем снова поощрялась независимая церковная политика. Но нам неизвестно, кто был епископом в Сигтуне в последующие десятилетия. Только в начале XI века посредством назначения в Лунде (в то время Дания) архиепископа скандинавских церквей шведская церковь полностью подчинилась Риму.

XI век стал эпохой расцвета рунического письма в Упланде. Из более чем 3000 камней с рунической надписью в Швеции больше 1000 найдено в Упланде, и большинство из них восходит к XI веку. Среди них мы не найдем ни одного, связанного с языческими символами. Напротив, многие из них укреплены крестами, и часто из текста рун выясняется, что они были созданы в память о мужчинах,

которые были христианами. Многие из этих камней подписаны авторами, а другие мы можем приписать известным авторам рун по техническим, языковым и художественным особенностям. Более 60 авторов рунических надписей этого времени нам известны.

Как уже говорилось, Эпир был одним из самых продуктивных мастеров второй половины этого века. Но есть еще один автор рунических текстов, который занимался этим до Эпира, и нам известно большое количество камней с его рунами. Он называл себя Осмунд Карасон. Некоторые исследователи считают вероятным, что он идентичен с епископом Осмундом. Но эта гипотеза оспаривается другими учеными. Исследователь рун Эрих Брате пишет: «Так как работа рунорезца требовала от него много времени, то она не могла сочетаться с должностью епископа, а имя Осмунд было широко распространено и в Швеции, и в Англии, то идентификация рунорезца Осмунда с епископом Осмундом кажется, мягко говоря, слишком смелой». Таким образом, единственное возражение против идентификации — это то, что деятельность рунорезца не может сочетаться с должностью епископа. Но если мы примем во внимание, что другой рунорезец Эпир сочетал эту деятельность со священнослужением, то возражение Брате кажется необоснованным.

Теория, что большинство рунорезцев провинции Упланд были священниками, не нова. Эта теория пошла от идентификации рунорезца Осмунда с епископом Осмундом. Тони Шмид говорит об этом: «Эта теория представлялась настолько верной, что на ее основе были сделаны дальнейшие выводы. Считают, что сфера деятельности Осмунда-рунорезца вполне совмещалась с его епископством. Именно этой деятельностью занимался более поздний рунорезец Эпир, а следовательно, и он должен был иметь то же самое общественное положение». Но Тони Шмид отвергает эту теорию. Если исследовать географическое распространение камней Осмунда, Эпира и других рунорезцев, приходишь к интересным выводам. Из всех шестидесяти рунорезцев лишь немногие были представителями церковных общин. Все они осуществляли свою деятельность по локальному принципу. Осмунд и Эпир, напротив, были представлены большим количеством общин. Только примерно в десяти общинах мы находим камни обоих рунорезцев. Сфера деятельности Осмунда находится главным образом в ближайшей окрестности Сигтуны, а Эпира, напротив, в отличие от Осмунда, в дальних окрестностях от Сигтуны. Если у Эпира была та же самая должность, что и у Осмунда, если он тоже был архиепископом в Сигтуне, то наверняка можно связать деятельность обоих архиепископов в разных общинах с устройством церковной организации и с освещением небольших деревенских церквей. Рунопись, возможно, являлась способом, с помощью которого можно было добывать необходимые средства для обеспечения священников.

В самостоятельной церкви провинции Упланд рунические письмена очевидно занимали благоприятное положение. Можно спросить себя, не использовали ли шведский язык вместо латинского в качестве церковного языка? Сле-

довательно, можно предположить, что мессу служили на шведском языке и что литургические книги, написанные руническим шрифтом, были на шведском языке. «Христианская» часть рунических писем была заново исследована иезуитским священником Рихардом Венером. Он считает, что несмотря на продолжительные контакты с восточной рунической письменностью указывают на то, что византийская литургия не была перенята. С востока миссионеры не приходили.

По моему мнению, отец Венер пришел к слишком быстрым выводам. Существуют некоторые различия между христианскими надписями, которые мы находим в Вестергётланде и Эстергётланде, и теми, которые находятся в Упланде. На многих камнях в Вестергётланде и Эстергётланде мы находим католико-латинские слова, например, молитву «Отче наш», на последнем камне мы читаем также «bene es». На камнях Упланды нет латинских надписей. В Вестергётланде есть также камни с текстом «Святая Санта Мария». Эта формула сравнивается отцом Венером с упландской формулой «Господи спаси его душу и Богоматерь», которая особенно часто встречается на камнях Осмунда Карасона. И все же нужно спросить себя, не отражают ли эти надписи в Упланде церковно-славянскую формулу? В церковно-славянском Святая дева редко называется именем Марии. Она всегда величается как Богородица — Богоматерь. Князь Владимир Мономах произносит в своей речи, обращенной к сыновьям, следующие слова: «Господь и Святая Богородица помогли нам». Его сын Мстислав, который женился на дочери короля Инге, Кристине, пишет в дарственной записи: «Господь и Святая Богородица храни сие».

Итак, мы можем констатировать, что рунические камни в Упланде не имели следов латинско-католических надписей, в отличие от камней в Вестергётланде и Эстергёт-

ланде. Формула «Богоматерь» (вместо Марии) может восходить к церковно-славянской Богородице (греческое «Теотокос»).

Примерно с 1100 года внезапно прекращается руническое письмо на камнях. Это рассматривали как результат изменений в политическом и экономическом положении в Швеции и Европе. Торговые связи изменились, шведские викинги не могли больше путешествовать на восток и запад и что-либо рассказывать потомкам на рунических камнях.

Но если найти связь между руническими камнями и самостоятельностью церкви, как я попытался это сделать, можно рассматривать неожиданное прекращение рунического письма как следствие новой церковной политики в начале XII столетия. Католическая церковь ввела тогда свой церковный порядок, и латынь стала языком церкви также и в центральной Швеции. Новое церковное руководство заботилось о том, чтобы стереть все следы ранней независимости и православных влияний. Священникам не разрешалось больше заниматься руническими письменами. Изменения в Швеции, согласно гипотезе, перекликаются с ситуацией в Моравии и Панонии после смерти Мефодия. Рунические камни Упланды свидетельствуют о распространении христианства в этой провинции в XI веке. Адам Бременский тоже дает нам сведения о наличии священников и епископов в Сигтуне в этом столетии. Такие папские письма к шведскому королю Инге (около 1080 года) сообщают нам, что в центральной Швеции существовала церковная организация, которая, однако, не была подчинена Риму.

В этой самостоятельной церкви священник Urig совершенно определенно играл значительную роль. Он должен был быть промежуточным звеном между православной церковью Киевского государства и церковью в Швеции.

Текст печатается по изданию: A. Sjöberg. Orthodoxe Mission in Schweden im 11. Jahrhundert? // Society and Trade in the Baltic during the Viking Age. Acta Visbyensia. VII. 1985.

Перевод с немецкого студентов V курса немецкого отделения факультета романо-германской филологии Гуманитарного института НовГУ, под руководством канд. фил. наук Людмилы Николаевой.



Виктор ДУДКИН

ПРОВИДЕЦ ДОСТОЕВСКИЙ

...И шестикрылый Серафим
На перепутье мне явился
А.С. Пушкин

Больших юбилеев у Достоевского было пока два: в 1921 — сто лет со дня рождения и в 1981 году — сто лет со дня смерти. Смерть и жизнь все время оказываются в символическом единстве, а Достоевский постоянно попадает в юбилейные «вилки». Вот как, например, сейчас, в 2001 году, когда мы одновременно отмечаем 180 лет со дня рождения и 120 лет со дня смерти. Но эта «вилка» совершенно особая: ведь она приходится на начало нового тысячелетия. Его прихода ждали, подводили итоги, предвещали конец истории, конец искусства, смерть автора и многому чему еще — конец. И, ясное дело, — по векам сложившейся традиции, — конец света. А все пока, как и раньше, идет своим привычно невеселым чередом. По-прежнему грохочут войны, тонут суда, бьются самолеты, летят под откос поезда, по-прежнему природные катаклизмы и эпидемии уносят тысячи и тысячи человеческих жизней, по-прежнему люди в одних странах страдают от тягот жизни, а в других — от скуки благоденствия. Может быть, это XX век, уходя, так хлопнул дверью. У всех на устах теперь слова: «новое тысячелетие». От них исходит какая-то чарующая магия, что-то неизъяснимо влекущее, что внушает онтологический трепет перед вдруг и на мгновение открывшейся вечностью, от «прикосновения к мирам иным», по известному выражению Достоевского.

Для своего времени Достоевский оставался, невзирая на признание и славу, все же «вещью в себе». А вот стремительно пронесшееся XX столетие — это век (во всяком случае, первый) век Достоевского. И первый, кто понял это, был сам Федор Михайлович. Из его записной тетради 1875–1876 годов: «Все в будущем столетии».

Герцен как-то сказал о Гете, что тот слышал, как растет трава. Так вот Достоевский слышал, как растет будущее. Ему было дано уловить первооснову всего сущего — ритм. Ритм грядущих времен. А поскольку ритм изначально содержателен, то гению Достоевского удалось прозреть физиономию и почувствовать характер XX века. Ритмы времени обретают реальность в стиле художника. Со времен

Н.А. Добролюбова в русской критике, как позднее и в западной, сложилось мнение о том, что Достоевский — плохой художник и стилист. Да и сам писатель, паче чаяния, поработал на эту репутацию, когда сетовал на кабалу издателей и на вынужденную скоропись. И доля истины в этой репутации, несомненно, есть. Но если стереть «случайные черты», то «неправильный» стиль Достоевского с его изломами и вывертами, с нервными синкопами и включенностью, предстанет во всей своей неотвратимости. Поэтому и гадать не стоит, каким сложился бы он в условиях барского благополучия и досужей неспешности.



Ф.М. Достоевский. 1880 г.

Достоевский создал такой стиль, какого до него в русской литературе не было. О его сходстве с западноевропейским барокко сказано уже немало. Но как будто ничего не сказано о более позднем изводе стиля барокко — штюрмерстве, где всплывает очень значимое для Достоевского имя Шиллера. Аналогия с барокко возникла закономерно, потому что искусство барокко было выражением болезненного разочарования в ренессансном идеале человека, подпитываемым к тому же трагическими событиями эпохи (тридцатилетняя война 1618–1648 годов), который обернулся реальностью ничтожности человека. Знаменитый паскалевский парадокс о человеке как «мыслящем тростнике» Достоевский перенял как эстафету веков. Стиль барокко у Достоевского — это стиль дисгармонии, диссонанса, дискомфорта, стиль напряженно-взрывной и лихорадочно-дерганый, во всем чрезмерный и избыточный. Барокко, однако же, было целиком поглощено переживанием самого факта падения человека с высот идеала, факта свершившегося, тогда как Достоевского отличает ожидание всеобщего коллапса, который еще предстоит. Поэтому его отличает предельно обостренное вглядывание в будущее. Пророческое начало у Достоевского было очень органично.

Стиль Достоевского заряжен особенно сгущенным трагизмом, трагизмом «последней черты». Ритм будущего привнес особую тональность в его стиль. Достоевский — создатель стилистики крика. Она была подхвачена экспрессионистами — наследниками барокко и штюрмерства, а

потом и вообще стала почти нормой выразительности искусства XX века.

Стиль Достоевского возвестил параксизмальные ритмы XX века, когда глобальные мировые катаклизмы наползали, громоздились один на другой, подминая и сокрушая все на своем пути. Назовем только самые главные из них: Первая мировая война, падение Российской империи, падение Австро-Венгерской империи, революция в России, революция в Германии, мировой экономический кризис и экономический взлет СССР, фашизация Европы, Вторая мировая война, Великая Отечественная война, крушение Германии и стран фашистского блока, возникновение мировой системы социализма, противостояние двух мировых систем, холодная война, обвальная деколонизация и образование десятков новых независимых государств, научно-техническая революция и выход человека в космос, появление ядерного оружия как фактора мировой политики, экологический кризис, распад СССР и мировой системы социализма, интеграция стран Западной Европы, реинтеграция бывших республик СССР (СНГ) и так далее. Такой «фабульной» насыщенности не знало не то что никакое другое столетие, но, пожалуй, и даже тысячелетие прошлого. Но дело не столько в плотности событийного ряда, сколько в его радикальной новизне. Впервые научно-технические достижения поставили человечество на грань самоуничтожения, и эта угроза стократно обострила ощущение уникальной ценности жизни. Но Достоевский поведал нам об этом чувстве из идиллически патриархальных времен, когда НТР еще и не пахло и единственным спутником земли был запущенный им самим на орбиту топор: «Бытие только тогда есть, когда ему грозит небытие».

Многое, очень многое, что предсказал Достоевский, сбылось и продолжает сбываться на наших глазах. Но в чем-то — и это в порядке вещей — он ошибся. Пора поговорить и об этом: ведь заблуждения гения не менее содержательны и поучительны, чем его открытия. Заблуждения Достоевского — это не «проколы» Пифии. В храме Аполлона в Дельфах она, сидя на треножнике, вещала свои пророчества в потоке бессвязной речи, смысл которой придавали жрецы, а заодно и облекали в стихотворную форму. Теперь всяк разумеет, как это называется — шарлатанство, как и всякому ясно, что профетизм Достоевского не имеет ничего общего с пифическим вещунством. Достоевский, обладая особым зрением, извлекал образ будущего из реальности настоящего. Или, как писал по этому поводу Микеланджело Буонаротти:

*...И высочайший гений не прибавит
Единой мысли к тем, что мрамор сам
Таит в избытке, — и лишь это нам
Рука, послушная рассудку, явит.*

Поэтому, оставаясь на почве реальности, Достоевский и не ошибся в предсказании глобальных контуров будущей эпохи. На большее едва ли может претендовать даже

гений. Но и его ошибочные прогнозы строились на безукоризненной логике. Известно, что Достоевский предрекал — и на длительную перспективу — победу социализма. Но не в России, а в Западной Европе. Напротив даже, он был уверен, что натиск социализма на Восток будет сломен православной твердыней России. В истории все получилось как будто бы «с точностью до наоборот»: социализм победил в православной России, а российский социализм потерпел поражение от капиталистического Запада. Но не будем торопиться с выводами и подходить к пророчествам Достоевского с меркою метеопрогноза. Очевидно, что его оценки перспектив человечества выдержаны не то что в секулярных, а в миллениарных масштабах. Он только господству социализма отводил не менее двухсот лет. Допустив ошибку в одном, он оказывался поразительно точен в другом. Предрекая неизбежность столкновения социализма с православием («православие еще встретится с социалистами»), писатель, считая «возбуждение социализма» в России «искусственным», тем самым предсказал его исход. Парадоксальным образом он оказался прав и в том, что исключил Россию из сферы социализма. Исторический парадокс состоял в том, что обновленная Россия сохранила некоторые существенные черты Российской империи и допетровской Руси.

Существует извечное противоречие между искусством и проповедью, между творчеством и мировоззрением. Как публицист Достоевский не допускал мысли о том, что русский народ совершит революцию и восстанет на церковь. Однако его художественный анализ национального характера такую историческую версию не только исключает, но и предполагает.

Некоторые современные публицисты-теоретики решают этот вопрос с легкостью необыкновенной: русский народ сбросил в 1917 году христианство, потому что за тысячу лет оно к нему не пристало, и он как был язычником, так им и остался. Большевики, правда, так не считали, когда развязали беспощадный террор против православной церкви. Они почему-то очень хорошо понимали: прежде чем вдалбливать Ленина в «башку», нужно вытравить религиозную «заразу» из души. Непосильность этой задачи сказалась в том, что из Ленина пришлось сотворить икону, точнее — неоязыческого идола. С другой стороны, сам факт восстания против церкви еще не означает неверия. В каждой революции просматривается секуляризованный архетип Судного дня. В русском народе, которого веками так давили, что хруст стоял, оттого были так сильны апокалиптические чаяния, что он, очертя голову, кинулся в омут революции. Но опять отвечать на вопрос, пришло ли христианство на Руси за тысячу лет или не пришло, вне контекста всей европейской истории некорректно. А при обращении к ней вырисовываются весьма любопытные параллели. На исходе первого тысячелетия христианства в Западной Европе (христианство начинает там интенсивно распространяться в VI–V веках) возникли очень мощные ереси. Главной их движущей силой было

крестьянство. Движение еретиков завершилось в XVI веке Реформацией, церковной «схизмой» и Крестьянской войной в Германии, а позже кровавой гражданской войной во Франции (гугенотские войны). А потом была еще Тридцатилетняя война, потом — Великая французская буржуазная революция, потом еще целая череда революций вплоть до 1918 года. И хотя многие из этих революций и войн творились «к вящей славе Господа», с христианством они имели мало общего. Как совместить с христианской верой казнь помазанников божьих Карла I Стюарта или Людовика XVI (в России на это никогда не решались, отсюда — самозванство)? Неоязыческий культ «Верховного Существа» в революционной Франции? Похоже, что и в западной Европе с христианством обстоит дело не лучше, чем в России. Достоевский, во всяком случае, был убежден, что даже хуже. Стоит только открыть «Легенду о Великом инквизиторе». Время действия там, кстати говоря, XVI век. Достоевский устами старца Зосимы высказал мысль о том, что христианство на протяжении всей своей истории оставалось религией немногих избранных: «...теперь общество христианское пока еще само не готово и стоит лишь на семи праведниках...». О том же свидетельствует знаменитая «широта» русской души, мечущаяся между «крестом и топором». Вот рассуждение из «Братьев Карамазовых» по поводу картины И.Н. Крамского «Созерцатель». Этот самый созерцатель «...может, вдруг, накопив впечатлений за многие годы, бросит все и уйдет в Иерусалим, скитаться и спасаться, а может, и село родное спалит, а может быть, случится и то и другое вместе».

Достоевский знал также, что человек стремится не столько вместить Бога, сколько заместить Его, что русская

православная церковь находится «как бы в параличе». И тем не менее он истово верил в огромный консолидирующий потенциал православия и русского народа, который больше, чем любой другой народ наделен по его мнению гением всечеловечности, а потому призван сыграть особую роль в созидании мирового единения, братства людей на земле. Тут какая-то загадка: с одной стороны, трезвый взгляд на вещи, с другой — прямо-таки безоглядная вера. Будто бы. Потому что его «Осанна горнило сомнений прошла». На чем же тогда покоилась его вера в будущее православия и русского народа? А на том, что русский народ остался при вере и духовности, а западные народы, соблазнившись «хлебом земным», пошли по пути стяжательства, по пути создания мещанской цивилизации. «Изучите православие, — призывал Достоевский, — это не одна только церковность и обрядность, это живое чувство, вполне вот те живые силы, без которых нельзя жить народам. В нем даже мистицизма нет, — в нем одно человеколюбие, один образ Христов».

Большевики в свое время оказались поумнее современных реформаторов, сделав ставку на духовные, а не материальные стимулы. Десятилетие вялотекущих реформ — очень красноречивое подтверждение несостоятельности одних только материальных стимулов. Но это уже другой вопрос, другая сказка. А пока прислушаемся к словам Достоевского: «Если не религия, но хоть то, что заменяет ее на миг в человеке. Вспомните Дидро, Вольтера, их век и их веру... О, какая это была страстная вера. У нас ничего не верят, у нас *tabula rasa*. Ну хоть в Большую Медведицу, вы смеетесь, — я хотел сказать, хоть какую-нибудь великую мысль».

Валерий ВАСИЛЬЕВ

ОБОЙТИ ВСЮ РУСУ И ЛАДОГУ

«Пойдешь Богу молиться, дорогу спросишь, а тебе скажут: „Обойди всю Русу и Ладогу и в Печору попадешь”»
(из диалектных записей
в д. Росино Старорусского района,
1968 год)

Поговорки, пословицы и прочие разновидности устойчивых выражений образного характера (фразеологизмов) очень характерны для народно-диалектной речи. Большинство таких «языковых самоцветов» распространено на весьма ограниченной территории и потому малоизвестны, но все они имеют значительную научно-познавательную ценность, поскольку так или иначе отражают миропонимание и мироощущение наших предков, их оценку окружающей действительности. Познавание истоков диалектных устойчивых выражений по-прежнему относится к малоисследованной области науки. По сути дела упускается из виду существенный исторический источник, который способен во многих случаях пролить свет не только на историю языка, но и на историю народа.

В картотеке фразеологии новгородских народных говоров, хранящейся на кафедре русского языка НовГУ, имеется областная поговорка *обойти (пройти) всю Русу и Ладогу*. Как правило, она фиксировалась собирателями диалектного материала в значении ‘езде побывать, многое повидать, испытать, пережить на своем веку’: «Где только ни живано, если говорят, вся Руса и Ладога обойдена» (д. Кобожа, Мошенской р-н); «Этот обошел всю Русу и Ладогу, хлебнул горяшка» (д. Крутец, Мошенской р-н); «Все он знает, Русу и Ладогу обошел, много видел всячины» (д. Бабье, Старорусский р-н). Поговорка имеет варианты формы. В частности, распространен вариант без соединительного союза «и» — *обойти (пройти) всю Русу-Ладогу*: «Обошел в свое время Русу-Ладогу, а теперь никуда больше не хочу ехать» (д. Далево, Крестецкий р-н); «Да у него пройденна вся Руса-Ладога. Нигде не засиделся долго» (д. Ольховка, Крестецкий р-н); отмечен вариант поговорки с именами во множественном числе — *обойти все Русы и Ладоги*: «Он все Русы и Ладоги обошел, нигде не нашел себе места» (город Пестово). Со значением ‘езде побывать, многое испытать и пережить’ тесно соотносится второе значение поговорки — ‘пройти большое расстояние’: «Верст десять прошел, обошел Русу и Ладогу — нет пока настоящих грибов» (д. Частова, Новгородский р-н); «Ох, сегодня обошел всю Русу-Ладогу и ни одного гриба не принес» (д. Крутец, Окуловский р-н). Полный перечень диалектных записей занял бы излишне много места, поскольку данное выражение отмечено в десятке районов Новгородской области (Новгородском, Окуловском, Пестовском, Крестецком, Ма-

ловишерском, Старорусском, Мошенском, Волотовском, Валдайском, Любытинском) и в поселке Струги Красные Псковской области. Следовательно, перед нами устоявшийся, исконный, развившийся варианты, широко распространенный на ограниченной территории в центральных новгородских говорах фразеологизм, иногда проникающий в соседние псковские говоры, однако совершенно не известный ни русскому литературному языку, ни основному массиву восточно-славянских диалектов.

Интерпретация этого интереснейшего выражения не столь проста, как может показаться на первый взгляд. Чтобы дать приемлемое решение, раскрывающее истоки поговорки *обойти (пройти) всю Русу и Ладогу*, следует ответить по крайней мере на два вопроса: 1) что следует понимать под географическими названиями *Руса и Ладога*? и 2) в чем смысл сопоставления именно *Русы и Ладоги*, а не каких-либо других названий? Попытаемся сначала ответить на поставленные вопросы с точки зрения современного понимания, а точнее говоря, с позиций ближайшей истории.

Руса и Ладога сейчас и в ближайшем прошлом — это названия населенных пунктов на Северо-Западе России. *Русой* в народной речи называют город *Старая Русса*, районный центр Новгородской области (в XIX веке уездный центр Новгородской губернии) к югу от озера Ильмень. На Новгородчине еще найдется село *Новая Русса* на реке Поле, деревня *Русса* на Волхове, вблизи Новгорода. *Ладогой*, а точнее *Старой Ладогой*, именуется село в Волховском районе Ленинградской области. Определение *Старая* в названии села появилось после 1704 года в связи с появлением поблизости нового населенного пункта *Новая Ладога*, который в настоящее время является городом.

Все перечисленные пункты весьма незначительны, и, чтобы их обойти, достаточно затратить несколько дней или даже часов. Ясно, что ни величина, ни функциональный статус этих пунктов не обуславливают прямым или косвенным образом объем значения ‘езде побывать, многое повидать, испытать, пережить на своем веку’, которое обнаруживает диалектная поговорка *обойти (пройти) всю Русу и Ладогу*. Часто *Ладогой* называют еще обширное *Ладожское озеро*, но и этот факт ничего нам не прояснит. Обойти Ладожское озеро, может быть, и нелегко, но при чем здесь *Руса*? Между ними нет никакой связи. Да и само

название озера — *Ладожское, Ладога* — позднее, оно идет от населенного пункта *Ладога*, расположенного на его южном побережье; а в старину озеро называлось *Нево*; ср. в источнике XVII века: «озеро Нево, а Ладожское тож»¹. В целом остается констатировать, что под именами *Руса* и *Ладога* сейчас существуют дистантные географические объекты, не связанные какими-либо особыми отношениями и даже не сопредельные. Все они находятся в Северо-Западном регионе, но этот факт явно недостаточен, чтобы объяснить значимое сопоставление *Русы* и *Ладоги* в едином фразеологическом контексте.

Очевидно, под *Русой* и *Ладогой* в устойчивом выражении *обойти (пройти) всю Русу и Ладогу* следует понимать не названия мелких населенных пунктов, а наименования обширных территорий, исторически значимых и некоторым образом соотнесенных между собой. В поисках таких территорий обратимся к отдаленной русской истории. Отметим, что ограниченность ареала, отсутствие в общелитературном употреблении вовсе не препятствуют суждению о значительной древности какого-либо фразеологизма или слова. Диалектная периферия, напротив, хорошо сохраняет языковые архаизмы и реликты, дающие наиболее ценный материал для лингвистической и этнической истории.

Территории, связанные с именами *Руса* и *Ладога*, действительно существовали, но, разумеется, их границы и статус в разные исторические эпохи принципиально различались. В частности, названия указанных населенных пунктов, как и ряда других городов Новгородской земли, отразились в наименованиях уездов. Уездное деление, введенное московскими властями после присоединения Новгорода к Москве в конце XV века, носило в известной степени произвольный, искусственный характер, так как далеко не всегда учитывало исторически сложившиеся границы древних погостов и волостей. *Русский (Старорусский)* уезд располагался на приильменских землях Шелонской и Деревской пятин, в Петровскую эпоху входил в состав Ингерманландской, Санкт-Петербургской губерний, позднее стал составной частью Новгородской губернии и просуществовал в той или иной конфигурации границ до начала XX века. *Ладожский* уезд, образованный около 1477 года на землях Водской пятины, охватывал пять погостов и волость Лопца на южном побережье Ладожского озера от реки Лавы до Волхова². С эпохи Петра I уезд существовал в составе Санкт-Петербургской губернии.

Старорусский и *Ладожский* уезды, будучи искусственно образованными территориями, никогда не именовались в народно-диалектной речи метонимически — *Русой* и *Ладогой* — по названиям главных городов. Письменных свидетельств этому нет. Однако территории исконные, исторически сложившиеся на Новгородской земле, особенно средневековые волости в эпоху возвышения и расцвета независимой Новгородской республики, зачастую именовались тождественно названиям своих центров. Метонимические переносы названий крупных поселений на подвластные им территории, волости, прилегающие местности являлись характерным автоматизмом древнерусской речи

раннего периода. Синкретизм локального и территориального смыслов в принципе допустимо видеть в древнем названии любого значительного поселения, если известно, что оно считалось центром некоторой территории. В источниках находим множество подтверждений данному факту. Так, средневековому городу *Луга* принадлежала волость *Луга*, особая от Водской земли; на Верхней Волге были известны города и одноименные волости *Сижжа*, *Туд*; к западу от озера Селигер находились средневековые волости *Морева*, *Велила*, *Молвятицы*, *Стерж*, *Лопастницы*, *Буйцы* — все поименованы по главным селениям. Среди имен подобного типа (перечень их можно продолжить) обнаруживается в разных источниках территориальное наименование *Руса*. К примеру, московский князь Иван III, отправившись в 1471 году в поход на Новгород, повелел вначале «пригороды Новгородские в Русе повоевати, за озеромъ, за Ильмеремъ, противъ города»³. Область *Руса*, как указывал академик С.Ф. Платонов, лежала с запада на восток приблизительно между реками Полистью и Полой, с севера на юг тянулась от озера Ильмень до княжеской волости Буйцы⁴. Эта область появилась после того, как город *Руса*, прославившись добычей соли, превратился в крупнейший торгово-ремесленный центр Южного Приильмья.

Название города *Ладога* не сходит со страниц новгородских летописей и грамот вплоть до XVI века. И это не случайно. Феномен *Ладоги* давно изучается археологами и историками. Имеется немало статей и целых сборников, посвященных средневековой *Ладоге*, которую в историко-археологической литературе называют «первой русской столицей» (Д.А. Мачинский), «патриархом русских городов» (Д.А. Мачинский, А.Д. Мачинская), «фамильным владением первых Рюриковичей» (А.Н. Кирпичников), поскольку «первый династ Северной Руси Рюрик именно Ладогу избрал своим „стольным городом“»⁵. *Ладоге*, которая, по данным археологии, старше, чем Новгород, выпала выдающаяся миссия первоначальной организации севернорусской протогосударственной общности *Верхняя Русь*⁶. Мощный укрепленный город, стоявший в начале Пути «из варяг в греки», обладал собственной обширной территорией, которая состояла из Нижнего Поволховья, Ижорской земли, Приладужской Карелии, области Обонежского ряда⁷. А.Н. Кирпичников условно называет эту территорию *Ладожской землей* (см. карту 1), хотя ее подлинного, древнерусского наименования в письменных источниках как будто не сохранилось. Однако нам следует иметь в виду, что летописные контексты не всегда выявляют референтную направленность имени собственного. И если в летописи сообщается о том, что новгородцы «идоша въ Ладогу», можно ли с уверенностью видеть в столь коротком фрагменте упоминание только города, а не *Ладожской* области? Наверное, вряд ли (если, конечно, не переносить на древний текст стереотипы современной речи). Поэтому ничто не мешает нам предположить, что, в соответствии с отмеченной выше тенденцией к одноименности крупных поселений и исконно связанных с ними территорий, *Ладожская земля* в речи древних новгородцев могла метонимически

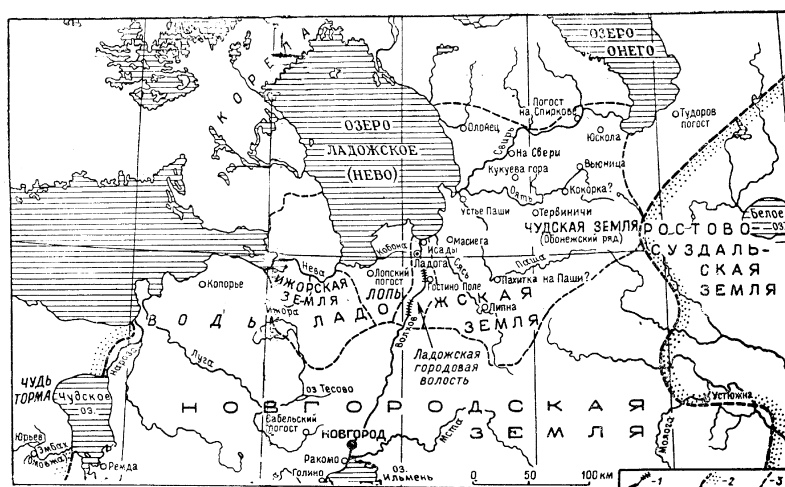
называться тоже *Ладогой*. Возникает гипотеза о том, что в новгородской поговорке *обойти (пройти) всю Русу и Ладогу* как раз и отражены наименования указанных территорий в Южном Приильменье и в Южном Приладожье и Прионежье. Области *Руса* и *Ладога* располагались строго меридионально по отношению друг к другу: *Руса* к югу от Новгорода, а *Ладога* к северу от него. Они имели большое значение, поскольку прикрывали Новгород с опасных направлений: с юга — от литовцев, с севера — от шведов, и, кроме того, охватывали прилегающие к Новгороду участки важных торговых путей. Эти земли были издавна освоены и плотно заселены. Города *Руса* и *Ладога* в период расцвета новгородской независимости были самыми крупными и укрепленными «пригородами» Новгорода, его надежными форпостами. В грамотах, раскрывающих отношения Великого Новгорода с тверскими и московскими князьями, эти города обычно упоминаются вместе, сначала *Руса*, потом *Ладога*, на протяжении двух с лишним столетий, причем в составе одних и тех же устоявшихся формул. Сравните, к примеру, в договорной грамоте Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославичем 1264 года: «Ехати ти в Русу на третью зиму. А в Ладогу, княже, ехати на третье лето» и в договорной грамоте 1471 года с великим князем Иваном Васильевичем о мире: «А в Русу вамъ, великимъ княземъ, ездити на третью зиму. А в Ладогу вамъ, великимъ княземъ, ездити на третье лето»⁸. Очевидно, в соответствии с древненовгородским законодательством, князья имели право ездить в эти крупнейшие города в строго определенные сроки.

Однако гипотеза, согласно которой поговорка *обойти (пройти) всю Русу и Ладогу* упоминает исторические области Южного Приильменья и Южного Приладожья и Прионежья, существовавшие в пределах Новгородской республики, вряд ли способна объяснить истоки нашего выражения с большей полнотой и непротиворечивостью. Она оставляет открытым вопрос о возникновении значения поговорки, отражающего мотивы тяжелых испытаний и скитаний. Сами отмеченные территории весьма различались

в аспекте хронологии, а также величиной и главное — статусом своего происхождения.

Во-первых, хронологические нестыковки. Поселение *Руса*, судя по мощности культурного слоя, появилось на рубеже X–XI веков⁹; территория же с народным названием *Руса* могла оформиться только после укрепления города, то есть примерно с XII века, но, скорее всего, позднее (строго говоря, само территориальное наименование *Руса* отмечено в письменных памятниках лишь XV века). Поселение *Ладога* в низовьях Волхова возникло на три столетия раньше, оно датируется серединой VIII века¹⁰. Подчиненная *Ладоге* территория (*Ладожская земля, Ладога*) в конце I – начале II тысячелетия существовала независимо, отдельно от Новгородской земли. После того, как власть Новгорода перешла на *Ладогу*, *Ладожская земля* вошла в состав Новгородской республики, возможно, сначала на правах федерации. Но вскоре она окончательно утратила особый статус, исчезла как таковая, составив продолжение новгородских земель. Исследователи расходятся в хронологии этого процесса. Согласно А.Н. Кирпичникову, исторически сложившаяся *Ладожская земля* как особая область сохранялась до начала XIII века¹¹. Д.А. Мачинский и А.Д. Мачинская полагают, что окончательное включение Приладожья в состав Новгородской земли состоялось в начале XII века¹², А.Н. Насонов считает, что власть Новгорода на *Ладогу* и соответственно на Приладожье перешла еще раньше — в 40–50-е годы XI века¹³. Поэтому представляется, что в период расцвета Новгородской республики (XII–XV вв.), когда именем *Руса* назывались сразу и город, и прилегающая к нему территория Южного Приильменья, имя *Ладога* указывало, пожалуй, только на город; указание же на обширную территорию Южного Приладожья и Прионежья относилось уже скорее к теме далеких воспоминаний.

Во-вторых, при таком понимании *Русы* и *Ладоги* нелегко интерпретировать значение «езде побывать, многое повидать, испытать, пережить», соотносимое с поговоркой *обойти (пройти) всю Русу и Ладогу*. Значение указывает, что в данном случае тяжкие испытания, выпавшие на долю человека, обусловлены дальними странствиями, дальними дорогами (ср. второе значение поговорки — «пройти далекое расстояние»). Здесь второе значение явно определяет первое. Несомненно, долгие скитания по белу свету, по чужим странам и городам в разные времена часто являлись мерилом всего пережитого, увиденного на своем веку. Все эти мотивы тесно переплетены между собой. *Руса* и *Ладога* в составе Новгородской республики были очень крупными, значимыми центрами со своими областями. Но казались ли древним новгородцам эти области столь отдаленными и обширными, что обойти их считалось тяжелым испытанием? Земля, охваченная некогда влиянием *Ладоги*, действительно была обширной, хотя и не далекой от Новгорода



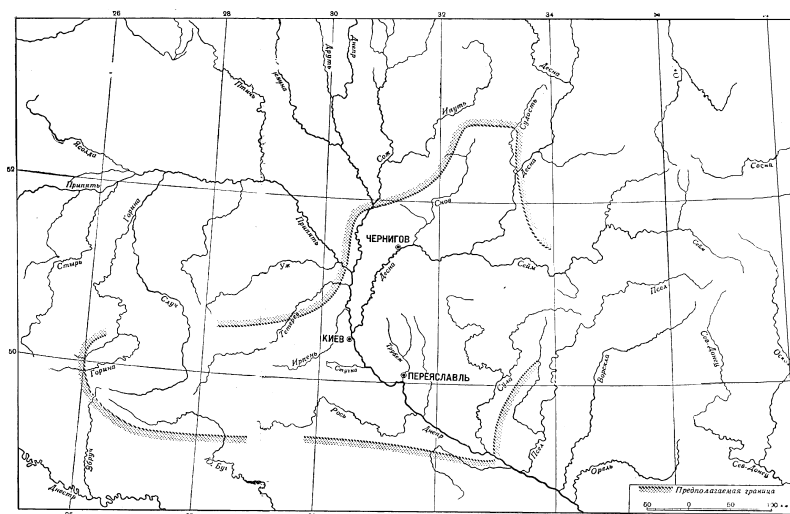
Ладожская земля в конце X – начале XIII в. (По А.Н. Кирпичникову. *Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв.* // Историко-археологическое изучение Древней Руси. Л., 1988).

да: она тянулась с запада на восток от Финского залива до Онежского озера. Однако влияние города *Русы* никогда не распространялось дальше небольшого анклава Южного Приильменья. Древние новгородцы были прекрасно знакомы с дальними расстояниями. Они постоянно бывали в Южной Руси, почти ежегодно отправлялись в многотрудные экспедиции в Заволочье, на далекую Югру и Печору, на Терский берег; новгородские ушкуйники грабили купцов в низовьях Волги. Приильменья же, в том числе область *Русы*, они считали своей ближайшей, «внутренней» землей, пригородными владениями Господина Великого Новгорода.

Вместе с тем есть косвенные языковые свидетельства того, что географические названия *Руса* и *Ладога* в нашей поговорке должны именовать территории не только обширные и отдаленные от Новгорода, но и чужие, в н е ш н и е для Новгородской земли. Такому истолкованию *Русы* и *Ладоги* способствуют употребительные в новгородских народных говорах устойчивые выражения, которые аналогичны по структуре и по значению поговорке *обойти (пройти) всю Русу и Ладогу*. Среди них *пройти Москву и Ладогу*, «все пройти, все испытать»: «Послушаешь ее, так у нее пройдена и Москва и Ладога» (д. Щур Волотовского р-на) и *обойти горы и орды* в тождественном значении. Ср.: «Человек он бывалый, как говорят, обошел горы и орды, а все ничего» (д. Ольховка Крестецкого р-на); «Ну, этот нигде не пропадет, и горы и орды обошел» (д. Клопцы Волотовского р-на). В д. Соловьево Волотовского р-на зафиксировано еще выражение *пройти все горды, орды* («Он все горды, орды прошел»), в котором *горды, орды* — это искаженное *горы и орды*. Во всех перечисленных оборотах, безусловно, очень древних, обращает на себя внимание тот факт, что слова *Москва, горы, орды* отражают внешние для средневекового Новгорода и Новгородской земли реалии. Вообще говоря, исторические истоки данных выражений свидетельствуют о том, что древнему новгородцу, чтобы прослыть бывалым человеком, много испытывавшем на своем веку, следовало познакомиться с чужими для него странами и народами. Действительно, *Москва*, понимаемая здесь скорее в территориальном смысле — как *Московское княжество, Московская Русь*, длительное время была зарубежной для Великого Новгорода страной. Разумеется, «дальним зарубежьем» были для Новгорода различные *орды* — средневековые степные государства кочевников на обломках империи Чингисхана (*Белая Орда, Синяя Орда, Золотая Орда и т.д.*), а также *горы* — территории с горным ландшафтом, не свойственным для лесных и болотистых пространств Новгородской земли. Отмеченную аналогию следует распространить и далее — на имена *Руса* и *Ладога*, коль скоро они употреблены в тождественном фразеологическом контексте поговорки *обойти (пройти) всю Русу и Ладогу. Ладож-*

ская земля, как выше уже говорилось, в ранний период была чужой для новгородцев территорией, однако южно-приильменная область *Руса* искони считалась «внутренней» новгородской землей. Говоры Южного Приильменья являются неотъемлемой частью новгородской диалектной группы, да и сама поговорка употребительна к югу от Ильменя, в бывшей *Русе*, точно так же, как и в других местах Новгородского края. Все это наводит на мысль о том, что *Русой* в нашей поговорке изначально считалась совсем другая, внешняя территория.

Мы полагаем, что этой внешней территорией являлась самостоятельная, внутренне связанная и целостная область, называемая в древнейших летописях *Русью* или *Русской землей*. Летописная *Русская земля* в IX–XII веках охватывала земли Киевской, Черниговской и Переяславской областей¹⁴ (см. карту 2). В X и первой половине XI века данная территория с главными центрами Киевом, Черниговом и Переяславом образовывала политическое ядро Киевского государства¹⁵. Новгород, Смоленск, Полоцк, Рязань и другие крупнейшие центры лежали за пределами *Русской земли*. Между Новгородом и Киевом издревле существовали тесные связи, однако «Область» Новгородская и *Русская земля* четко противопоставлялись друг другу как два государственных объединения. Новгородская первая летопись отчетливо показывает, что новгородское население XI–XIII веков рассматривало *Русь* как внешнюю для себя территорию; ср.: «Въ лето 6650 (1142). Епископъ и купце и слы новгородскыя не пушаху из Руси»; «Въ лето 6653 (1145). Ходиша вся Русска земля на Галиць... ходиша же и из Новагорода помочье кыянѡмъ»; «Въ лето 6657 (1149). Иде архиепископъ новгородскыи Нифонтъ въ Русь»; «Въ лето 6687 (1179). Тогда же новгородцы послашася ... въ Русь»¹⁶ и т.д. Если считать, что в поговорке *обойти (пройти) всю Русу и Ладогу* «просвечивает» имя летописной *Русской земли*, то все становится на свои места. И среднеднепровская *Русь* и *Ладожская земля* на ранних этапах своей истории казались новгородцам достаточно отдален-



Реконструкция территории «Русской земли» IX в. (По А.Н. Насонову. *Русская земля и образование территории Древнерусского государства*. М., 1951).

ными и обширными территориями, но главное — это были внешние территории, чужие государства. *Русская земля* всегда была внешней территорией, тогда как *Ладожская земля* оставалась независимой от Новгорода примерно до середины XI века или до начала XII века, точнее до 1105 года, когда новгородцы «идоша в Ладогу на воину»¹⁷, а впоследствии стала составной частью Новгородской земли. Следствием стала поговорка *обойти (пройти) всю Русь и Ладогу* возникла в то время, когда славяне Приильменя считали область *Ладогу* (как и область *Русь*) чужой для себя страной, то есть не позднее XI или даже X века. В этот ранний период *Ладога* преимущественно тяготела к *Русской земле*, к Киеву, а не к Новгороду, который не достиг еще пика своего могущества. «Есть основания полагать, — пишет А.Н. Насонов, — что Ладога более зависела от Киева, чем от Новгорода», недаром «древние саги ... называют Ладогу 997 г. землей Владимира Старого» (то есть Владимира Святого, киевского князя — **В.В.**)¹⁸.

Тесные связи Киева и *Ладоги* уходят в VIII–IX столетия, когда в пределах Древней Руси под варяжским влиянием сформировались две протогосударственные общности восточных славян: южная со столицей в Киеве, называемая по различной терминологии то *Русью Аскольда*, то *Внутренней Русью*, то *Русской землей*, то *Русью*, и северная с первоначальной столицей в Ладоге, определяемая как *Русь Рю-*

рика, *Внешняя Русь* или *Верхняя Русь*¹⁹. Сообщение между этими двумя территориями осуществлялось в основном по Волховско-Днепровской речной магистрали (Пути «из варяг в греки»).

Таким образом, возникшая на рубеже I и II тысячелетий поговорка, имевшая первоначальный вид *обойти (пройти) всю Русь и Ладогу*, сохраняет смутное, затухшее время-нем воспоминание о двух восточнославянских территориально-политических общностях, которые стали главными очагами русской государственности. Она появилась в среде деятельных новгородцев, видимо, торговых людей, в период становления военно-политической и экономической мощи Новгорода до присоединения к нему *Ладоги*, именно в эпоху, когда освоение Новгородом торгово-экономического пространства осуществлялось преимущественно к югу и к северу вдоль стратегического Пути «из варяг в греки». Пройти *Русь и Ладогу* значило в те времена для новгородцев пройти весь юг и север, узнать южные и северные пределы Древней Руси, а точнее говоря, побывать во всем древнерусском государстве. Постепенно имя *Русь* в поговорке заменилось на *Русь*, поскольку население Приильменя, позабыв исходный смысл этого имени, стало ассоциировать его с названием города и области *Русь*, хорошо им известных. Вариантная поговорка *пройти Москву и Ладогу* родилась значительно позднее — уже после возвышения Москвы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Книга Большому Чертежу/Под. ред. К.Н. Сербиной. М., 1950. С.153.

² Кирпичников А.Н. Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв.//Историко-археологическое изучение Древней Руси. Л., 1988. С.75.

³ Полное собрание русских летописей. Т. VI. СПб., 1857. С. 8.

⁴ Платонов С.Ф. Дела и Дни. Кн.1. 1920. С.8.

⁵ Кирпичников А.Н. Указ. соч. С.49.

⁶ Основания регионалистики: Формирование и эволюция историко-культурных зон Европейской России. СПб., 1999. С.195.

⁷ Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С.79; Кирпичников А.Н. Указ. соч. С.38–79.

⁸ Грамоты Великого Новгорода и Пскова/Под ред. С.Н. Валка. М.–Л., 1949. С.10, 47.

⁹ Миронова В.Г. Итоги и перспективы археологического изучения Старой Руссы//Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С.180–186.

¹⁰ Кирпичников А.Н. Указ. соч. С.41.

¹¹ Там же. С.74.

¹² Мачинский Д.А., Мачинская А.Д. Север-

ная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII–XI вв.//Культура Русского Севера. Л., 1988. С.56.

¹³ Насонов А.Н. Указ. соч. С.115.

¹⁴ Там же. С.29; Основания регионалистики... С.191.

¹⁵ Насонов А.Н. Указ. соч. С.33.

¹⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950. С.26, 27, 28, 36.

¹⁷ Там же. С.19.

¹⁸ Насонов А.Н. Указ. соч. С. 79.

¹⁹ Основания регионалистики... С.191–199.



ВОЕННОЙ ГАЛЕРЕИ ГЕНЕРАЛ

Историку В.И. Ряполову

*У русского царя в чертогах есть палата:
Она не золотом, не бархатом богата;
Не в ней алмаз венца хранится за стеклом;
Но сверху донизу, во всю длину, кругом,
Своею кистию свободной и широкой
Ее разрисовал художник быстроокой.
Тут нет ни сельских нимф, ни девственных мадонн,
Ни фавнов с чашами, ни полногрудых жен,
Ни плясок, ни охот, — а все плащи, да шаги,
Да лица, полные воинственной отваги.
Толпою тесною художник поместил
Сюда начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года.
Нередко медленно меж ими я брожу,
И на знакомые их образы гляжу,
И мнится, слышу их воинственные клики...*

Эти прекрасные стихи великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина — о военной галерее Зимнего дворца, входящей в экспозицию Государственного Эрмитажа и являющейся своеобразным памятником Отечественной войне 1812-го года. В галерее находятся триста тридцать два портрета военачальников русской армии — участников кампаний 1812–1814 годов. Эти портреты написаны в 1819–1928 годах английским портретистом Джорджем Доу и его русскими помощниками Александром Васильевичем Поляковым и Василием Александровичем (Вильгельмом Августом) Голике. Увы, но так уж распорядилось время, что по приказам Главного штаба Российской Армии остались не сделанными тринадцать (13!) портретов и эти рамки с тринадцатью фамилиями так остаются пустыми и сейчас — они просто затянуты зеленым репсом. В одной из тринадцати безликих рамок должен был находиться портрет генерал-майора Алексея Николаевича Потапова, который более девяти лет честно прослужил на новгородской земле командиром Лейб-Гвардии Конно-Егерского полка.

Алексей Николаевич Потапов родился в Москве 28 октября 1772 года¹, происходил из дворян Псковской губернии

и был сыном тайного советника Николая Алексеевича Потапова. Получив прекрасное домашнее образование, 1 марта 1782 года был записан на службу в Лейб-Гвардии Измайловский полк и 24 ноября 1783 года произведен в сержанты. 1 января 1794 года выпущен ротмистром в армию и 15 апреля того же года определен в Сумский легкоконный, впоследствии гусарский, полк, с которым и находился в Италийском походе Суворова против французов (1799 г.). В этом полку молодой ротмистр получил боевое крещение в сражении с французами при городе Цюрихе, во время Швейцарского похода корпус русских войск генерала Римского-Корсакова.

28 декабря 1799 года Потапов произведен в майоры. Во время военного похода 1805–1807 годов участвовал во многих сражениях, а в 1806 году за операцию при местечке Локочин был награжден одной из самых дорогих и почитаемых наград за воинскую службу — орденом Святого Георгия 4-й степени. Алексей Николаевич к этому времени был уже достаточно опытным офицером, одним из старожил полка,

пользовался высоким авторитетом у своих товарищей. Во время сражения при Локочине воины Сумского полка воевали в составе отряда князя Голицына. Отряд этот имел приказ соединиться с корпусом генерала Дохтурова, чему противник чрезвычайно препятствовал.

В одной из контратак Потапов вырвался на несколько шагов вперед перед своими подчиненными и оказался один во вражеском окружении. Он буквально ворвался в ряды противника, который опешил от такого безрассудства, и несколькими ударами свалил ближайших к нему французов, тем самым создав как бы импровизированный барьер из мятущихся лошадей и мертвых тел между собой и неприятелем. Это спасло его на несколько минут, ибо французы не могли его достать все одновременно, поочередные же индивидуальные атаки Потапова, прекрасный фехтовальщик и наездник, отбивал без труда.

Так противник потерял еще несколько человек.

Но все же одному трудно долго сражаться против нескольких человек, и храбрый майор все чаще стал пропускать удары, которые сыпались на него со всех сторон. Он получил шесть сабельных ран в голову и одну в плечо, кровь заливала ему глаза, рука потеряла необходимую крепость, и уже казалось — все, конец. Но тут два лихих однополчанина в последний момент пробились на помощь к своему командиру и



Алексей Николаевич
Потапов

¹ Все даты в статье даны по старому стилю.

приняли удары на себя. Саблей и грудью они закрыли начавшего уже было выпадать из седла Потапова и вместе сумели отступить к своим порядкам.

В 1807 году Алексея Николаевича произвели в подполковники, а в 1808 году, в чине подполковника Сумского гусарского полка, он был командирован в город Стрельну, в команду генерал-майора Чаликова «для познания порядка службы». Здесь боевые заслуги, лихость и знания Потапова обратили на себя внимание Цесаревича Константина Павловича. Великий Князь назначил его к себе адъютантом и перевел в свой уланский полк. Цени знания и способности Потапова, не стесняясь его малым чином, Цесаревич часто посылал его проверять порядок службы разных кавалерийских полков.

12 октября 1811 года Потапов произведен в полковники, а в начале Отечественной войны 1812 года получил должность дежурного штаб-офицера при гвардейском корпусе, с оставлением адъютантом при Цесаревиче. Участвовал в сражениях при Бородино, Тарутине, Малоярославце, Красном и за отличие награжден орденами Святой Анны 2-й степени с алмазами и Святого Владимира 3-й степени. В 1813 году состоял в должности штаб-офицера при инспекторе всей кавалерии, генерале Уварове и за отличие в деле под Кульмом произведен в генерал-майоры, а за Лейпцигское сражение получил украшенную алмазами золотую саблю с надписью «за храбрость». По возвращении к армии из Петербурга Цесаревича Константина Павловича, снова перешел к Его Высочеству и до окончания войны состоял при нем в должности дежурного генерала. В этот период находился в сражениях

Новгородчине около девяти лет и поэтому о нашем, новгородском, периоде его службы хочется рассказать подробнее.

19 марта 1814 года русские войска торжественно вошли в столицу Франции — Париж. Великая борьба закончилась. В память окончания войны 1812, 1813 и 1814 годов и занятия с боя Парижа, создавая памятник доблести русской армии, Император Александр I велел сформировать в Версале Конно-Егерский полк из офицеров и нижних чинов, наиболее отличившихся в Отечественную войну.

3 апреля в Париже был подписан Высочайший Указ: «В состав гвардейского корпуса прибавляется Конно-Егерский полк, коему состоять в одинаковом числе с прочими кавалерийскими полками. Формирование оного поручается генерал-адъютанту Иллариону Васильевичу Васильчикову, под руководством Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Павловича».

25 апреля командиром полка был назначен Алексей Николаевич Потапов, состоявший в это время при Цесаревиче в должности дежурного генерала.

«По Высочайшему Его Императорского Величества соизволению, — писал Потапову Великий Князь, — назначены вы полковым командиром Лейб-Гвардии Конно-Егерского полка. Выражая вам благодарность и признательность за ту отличную вашу службу, усердие и ревность в исполнении всех моих поручений, при состоянии при мне адъютантом, как и потом дежурным штаб-офицером, уверен, что остальной продолжительной и отличной вашей службой вы мне доставите

случай с удовольствием повторить вам мою признательность».

Считая отдельных офицеров, в состав Лейб-Гвардии Конно-Егерского полка вошли представители тридцати частей русской армии. Победители Непобедимого, волей Царя призванные составить новую часть, гусары и конно-егеря передали полку лихость и удал, воодушевлявшую русскую конницу. Боевые награды и имена частей, вошедших в состав полка, обязали гвардейских конно-егерей свято хранить их традиции и заветы.

Нелегка оказалась задача Потапова: надо было соединить в одно целое офицеров и нижних чинов, прибывших из разных полков русской конницы. Первыми шагами гвардейских



Лейб-Гвардии Конно-Егерский полк. 1814–1833. С акваверели Н. Самокиша.

при Бриенне, Арсис-сюр-Обе, Фершампенуазе и под Парижем, и получил новую награду — орден Святой Анны 1-й степени.

Далее, на период более девяти лет, судьба связала Алексея Николаевича с Лейб-Гвардии Конно-Егерским полком (впоследствии Лейб-Гвардии Драгунским), который квартировал на

конно-егерей определялась будущая репутация полка. Девять лет своей жизни Потапов отдал конно-егерям. Выше всего поставив честь полка, Алексей Николаевич и своих подчиненных выучил думать так же. Строгий и требовательный по службе, командир не останавливался ни перед чем, чтобы защитить конно-егеря, безразлично офицера или солдата, по-

павшего в невольную беду. Быстро соединил Алексей Николаевич вверенный ему полк в одну дружную семью. Приятно добавить, что в числе 60 офицеров полка, переведенных в Версале, до вступления в Россию было девять Георгиевских кавалеров и 13 имевших золотое оружие за храбрость.

Вновь сформированный полк получил штат, одинаковый с другими кавалерийскими полками, по положению 27 декабря 1812 года. Из семи эскадронов полка в Версале были сформированы только четыре, которые до прихода в Россию назывались по номерам.

21 мая, после трех недель спешной и упорной работы, в новом конно-егерском обмундировании полк собрался на большой Парижской дороге, и в 9 часов утра гвардейцы тронулись в далекий путь из Версаля в Россию — в Старую Руссу.

30 сентября конно-егеря в составе общей колонны армии дошли до Пскова и далее отдельно от других свернули на Старорусский тракт.

14 октября, имея на киверах, на месте репейков, зеленые ветки, полк парадом вошел в Старую Руссу. На следующий день эскадроны выступили в уезд на назначенные им квартиры:

- Лейб-эскадрон в волость Воскресенскую, эскадронный двор — село Черенчицы;
- Второй эскадрон — в волость Порожицко-Словятинскую, эскадронный двор — село Городцы;
- Третий эскадрон — в волость Потдарско-Коломенскую, эскадронный двор — село Сокольи;
- Четвертый эскадрон — в волость Нижне-Коломенскую, эскадронный двор — село Головеньки.

Уже через два месяца после окончания перехода в Россию, в конце декабря, дивизионный начальник генерал-адъютант Васильчиков произвел конно-егерям смотр. Полк осматривался по деревням в своем расположении, для чего эскадроны собирались в одну из деревень. В целом Васильчиков остался доволен полком, в чем немалая заслуга Потапова.

По возвращении из Франции многие офицеры полка стали проситься в отставку: старые раны требовали лечения, разоренные поместья нуждались в хозяйском присмотре; наконец, часть переведенных в полк офицеров не имела достаточных средств, чтобы служить в гвардии. Уход офицерства из армии был настолько велик, что главнокомандующий граф Барклай-де-Толли вынужден был с 1 января 1815 года временно запретить увольнение в отпуск и отставку, даже по болезни. Гвардейские конно-егеря и в это время общего недостатка офицеров имели их полный комплект. По списку же офицеров было значительно более штата. Всевозможные адъютанты — шефские, командующих корпусами, генерал-губернаторов и других высокопоставленных лиц добивались чести носить конно-егерский мундир. Переведенные в полк, они числились в лейб-эскадроне, но не несли строевой службы, оставаясь при своих должностях.

При большом числе желающих — попасть в Лейб-Гвардии Конно-Егерский полк было нелегко. Потапов ревниво относился к выбору офицеров, предпочитая переводить лично ему известных.

К концу 1814 года полк был доведен до своего штатного состояния — семи эскадронов, и забот у командира стало еще

больше. Раскинутое более чем на сто верст расположение полка было неудобно. Сообщению между эскадронами и даже взводами мешали реки: взводы лейб-эскадрона, стоявшие в Черенчицах и Кулаково Воскресенской волости, сообщались на пароме. Все, что только можно было выгодно занять в Старорусском уезде, было занято, и весной Потапов обратился к губернатору за разрешением занять село Подгощи Новгородского уезда.

Из семи эскадронов полка только один, стоявший в Старой Руссе, пользовался манежем. Четыре были расположены относительно удобно, в казенных конюшнях в уезде, а два разбросаны по деревням. Конюшни, хотя и хорошо построенные, были малы, а отсутствие манежей при больших морозах мешало обучению. Поэтому в письме новгородскому вице-губернатору Муравьеву Потапов просил о постройке хотя бы самых малых манежей при каждом эскадроне.

В середине марта Васильчиков вновь сделал смотр полка, на этот раз уже в семиэскадронном составе. Получив благодарность дивизионного начальника за прекрасное состояние полка, Потапов объявил свою признательность всем офицерам. «Труды и отличное соревнование к службе Его Императорского Величества, — писал он, — основывают прочный фундамент и репутацию всех сочленов полка. Я уверен, что продолжением такового усердия, в скором времени конно-егеря точно достигнут не только до совершенства, но до блистательнейшего положения, и тогда каждый из нас оправдает себя пред лицом Государя Императора».

В конце августа полк был собран на шесть недель в Старую Руссу для совместного обучения. Три эскадрона стали в самом городе, а три в ближайших селениях; запасный эскадрон из Старой Руссы перешел в уезд. Старая Русса того времени не отличалась спокойствием. В письме к городничему Толстому Потапов жаловался на шум и буйство в городе, особенно по ночам, и просил принять меры к «отвращению вредных беспорядков и могущих случиться несчастий». «По улицам, — писал он, — невозможно ходить, так как жители стреляют пулями, что вовсе противно законам общего порядка и спокойствия». Городская гауптвахта была занята караулом конно-егерей, и в инструкции караульному офицеру приказано было «высылать патрули и всех нарушителей спокойствия брать под стражу».

Не раз жаловался Потапов на неудобства расположения полка. Большие расстояния и полное бездорожье весной и осенью совершенно отрезали эскадроны от сообщения со штабом. Да и расположение штаба было неудобно. Потапов пишет новгородскому губернатору: «Манеж мал, нет средств ездить; если его так оставить, тогда все равно, хотя бы его и не было. Конюшни все требуют починки; в лазарете стены и потолки перекошило и они угрожают падением. Кроме того, стены сделаны из столь тонкого леса, что в большие морозы промерзают». Таковы были только что приведенные в порядок городские здания. Можно себе представить, каково было стоять в уезде!

Как следствие жалоб, 20-го октября Потапов получил Высочайшее повеление выступить с полком из Старой Руссы в Новгород. Старорусское городское общество с сожалением проводило конно-егерей. Еще в 1814 году, узнав о приходе

полка, горожане за собственный счет привели в порядок все конюшни, манеж и лазарет без малейшей платы от казны. В пользу нижних чинов Лейб-Гвардии Конно-Егерского полка, возвратившихся из заграничного похода, обывателями было пожертвовано 2300 рублей, розданных в артель эскадронов. Сообщая губернатору о переходе полка в Новгород, Потапов предполагал поместить в городе учебную и музыкантскую команды, людской и конский лазареты, один эскадрон и всех нестроевых. Для каждого из эскадронов, квартирующих в уезде, требовался отвод помещений для одного штаб-офицера, семи обер-офицеров и 201 нижнего чина, а также конюшен на 180 лошадей.

Задержанный на переправах разлитием рек, полк прибыл в Новгород только 7 ноября; расстояние в 125 верст от Старой Руссы до Новгорода он шел восемь дней. Размещение на новых квартирах оказалось хуже прежнего и повлекло за собой массу недоразумений и переписки. Господские мужики говорили, что у них стоять нельзя, так как кавалерия у них никогда не стояла, и рассылали во все стороны жалобы. «Что крестьяне господские, — писал Потапов одному эскадронному командиру, — это все равно, что у них кавалерия никогда не стояла, тем лучше, верно, мужички зажиточные и, если нижние чины не будут самовольничать, то, наверное, будут хорошо кормлены».

Отвечая губернатору на запрос о причинах недовольства крестьян, командир сообщал, что «мужики в жалобах вдесятеро прибавляют и лгут, будучи избалованы и надеясь сими способами избавиться от постоя. Невозможно, чтобы конно-егеря прорубили двери; верно, они были так малы, что нельзя было провести лошадь. Окна прибавили, чтоб было светлее, а не ощупью кормить, чистить и седлать лошадей. Строевую лошадь нельзя ставить на мужичьем дворе, вместе со скотом, по колено в грязи. Крыши везде текут. Стены продувает насквозь».

Признавая некоторые жалобы обывателей справедливыми, Потапов в письмах эскадронным командирам требовал запрещения всякого самовольства всех чинов, начиная со старших офицеров. «За самое малое послабление взыщу с эскадронного командира, — писал он. — Особенно обратить внимание на унтер-офицеров, которые при всяком поручении пользуются случаем мстить обывателям за свои прихоти разными гнусными прижимками. Когда же с них за то взыскивают, то они оправдываются желанием в точности исполнить приказание, и ежели эскадронный командир слаб, успевают уверить его, как хотят».

Несмотря на усиленные требования, квартиры отводились туго, мечты о размещении в городе лазарета на 75 кроватей пришлось бросить. Даже трубачи и учебная команда были выведены из города в Медведскую волость. В Новгороде остался только штаб и седьмой эскадрон, да в Антониевом монастыре — лазарет на 25 кроватей. Прочие эскадроны расположились в Новгородском уезде. Новгородский лазарет вскоре был переведен из Антониева монастыря в вице-губернаторский дом, с условием, что с наступлением весны дом будет приведен в порядок. Все эскадроны были связаны со штабом почтой.

Недовольный размещением полка уже в Новгороде, По-

тапов не переставал хлопотать в Петербурге, и заботы его увенчались успехом. По Высочайшему повелению было приказано построить Лейб-Гвардии Конно-Егерскому полку в Новгороде казармы и конюшни на два эскадрона. Интересно, что Императору Александру I угодно было самому указать на новгородском плане, на Софийской стороне, места для постройки казарм, манежа и конюшен для двух эскадронов конно-егерей. В феврале уже состоялись торги на поставку материалов, и строителем был назначен губернский архитектор Дмитриев. С постройкой торопились. Архитектору было предписано никуда не отлучаться из города до приезда генерал-адъютанта Васильчикова, который должен был утвердить цены на поставку леса. Для скорейшей постройки английский купец Глен доставил готовые доски, получив взамен право вырубить в казенных лесах шесть тысяч бревен.

На постройку зданий генерал-адъютант Васильчиков przeprowadил 50 тысяч рублей ассигнациями, и, по Царскому указу, министру финансов впоследствии дважды было отпущено по 35 тысяч. Денег этих не хватило, и Потапов добавил своих собственных 50 тысяч. Кредитор, новгородский купец Шемякин, собиравшийся было взыскать эти деньги с полкового казначея, но Потапов рапортом начальству донес, что долг этот считает за собой, и впоследствии вернул его.

11 апреля 1816 года генерал-адъютант Илларион Васильевич Васильчиков, сформировавший первые четыре эскадрона, был назначен шефом полка.

18 июля Потапова известили о предстоящем приезде в Новгород Императора Александра I. Всем эскадронам было приказано собраться в городе к 31 июля.

Смотр предполагался 9 августа. Потапов уведомил полицмейстера Беклемишева, что единственное место, на котором можно представить полк, «находится возле барьера за Санкт-Петербургской заставой, против парусной фабрики». В письме выражалась просьба «немедленно скосить и убрать траву и сломать все загородки».

11 августа 1816 года состоялся первый Высочайший смотр полку.

Император Александр I произвел конно-егерям учение. Только два года прошло со дня формирования полка, но конно-егеря, руководимые любимым командиром, уже сплотились в одну дружную семью. К версальскому девизу «лихость и удаль» прибавился второй — «не жалеть ничего ради чести и славы родного полка». Накануне Царского смотра, говоря о важности завтрашнего дня, Потапов выражал уверенность, что «в корпусе офицеров Лейб-Гвардии Конно-Егерского полка нет ни одного, который не употребит всех средств, вместе с товарищами, содействовать успеху смотра, от которого зависит навсегда репутация полка».

Державный Основатель конно-егерей нашел полк в отличном порядке. Генерал-адъютанту Васильчикову, командиру и всем офицерам объявлено было совершенное удовольствие Его Величества. Нижним чинам пожаловано по рублю, по фунту рыбы и по чарке вина на человека.

Не пропала даром работа Потапова: выдающийся учитель нашел и способных учеников. Ни долгий поход из Франции, ни постоянные перемены квартир, ничто не могло помешать полку достигнуть образцовой строевой подготовки. Милости-

вые слова Государя были заслуженной наградой гвардейских конно-егерей.

К 15 октября 1819 года была, наконец, закончена постройка казарм в Новгороде. Донося об этом дивизионному начальнику генералу Чаликову, Потапов просил указать, «с кого требовать дрова и освещение казарм». «Прошу, — писал он, — предписать губернатору от высшего начальства, дабы исполнение сего не замедлилось обычным медленным и бесконечным отлагательством».



План Новгорода. "А" — место постройки казарм

В построенных казармах, кроме кухонь, было 27 комнат, обогреваемых 38 голландскими печами. Кухни рассчитаны на 500 человек, конюшни соответственно — на 500 лошадей. Условия жизни в казармах были нелегкими: кровати устроены каждая на двух человек, ружья и пешая амуниция находились тут же, при людях.

К 11 ноября казармы были заняты двумя эскадронами, четвертью инвалидной роты и казарменными надзирателями. Всего было размещено 439 человек. В конюшнях поместилось 520 лошадей. Впоследствии была построена за счет полка еще одна конюшня для 40 лошадей для седьмого запасного эскадрона. При казармах было две офицерских комнаты.

Для отправления богослужения полку отведен придел церкви во имя Святого Никиты Великомученика, на Большой Московской улице.

Но и с постройкой этих казарм все же не был разрешен окончательно большой вопрос квартирования. Четыре эскадрона, стоявшие в уезде, не имели постоянно назначенных квартир, а переходили из одной волости в другую. Такие час-

тые перемены квартир расстраивали эскадронное хозяйство. Едва заведет эскадрон цейхгаузы, барьеры для верховой езды, сараи для пешей выправки и фехтования людей, хорошие, теплые, мощные конюшни, как приходилось оставлять волость, переходить в другую и бросать все, заведенное с таким трудом и потерей времени. Потапов просил губернатора «единожды без перемен» назначить выгодные квартиры для всех семи эскадронов. «Для помещения музыкантов, — писал командир, — надо отвести один дом с залой для ученья. В обывательских же домах их поместить невозможно, потому что есть малолетние, за которыми нужно иметь присмотр, а учиться должны все вместе».

Крестьяне, по понятным причинам, оставались недовольны размещением у них кавалерии. Не раз перед приходом эскадрона на новые квартиры к буйным новгородским мужикам посылался вперед чиновник от губернатора, «дабы внушить жителям согласие с войсками Его Императорского Величества». Командиру эскадрона в таких случаях рекомендовалось удвоить меры строгости и военной дисциплины, чтобы «восстановить взаимное, нужное и должное спокойствие между обывателями и военнослужащими». В самом Новгороде, при весеннем сборе полка, жители обращались к губернатору с различными претензиями. Один из обывателей пожаловался, что конно-егеря учатся возле забора его сада. Эту жалобу переслали Потапову, на что он ответил: «Милостивый государь, Николай Назарьевич, в столице на всех удобных местах, перед дворцом Его Величества, под самыми окнами Мраморного Его Высочества дворца и возле Императорского сада, беспрерывно учатся кавалерийские полки, инфантерия и даже артиллерия с пальбой. Следовательно, в Новгороде, в глухом переулке, через который никуда нет проезда, кажется, можно заниматься ученьем войск Государя Императора».

Первый в бою, Потапов оставался им везде. Знаток службы, строгий и справедливый командир и лучший товарищ — вот краткая характеристика Потапова.

Конно-егеря жили дружно, служили образцово, но не забывали и покутить в свободное время. Забавы и развлечения того времени вообще носили буйный характер. Кутежи кончались всевозможными проделками над обывателями, впрочем, со щедрой уплатой потом за причиненные обиды и убытки. Сам в молодости руководивший кутежами однополчан, командир всегда старался избавить провинившегося от суда или других неприятных последствий. Цесаревич Константин Павлович, до конца своей жизни благоволивший к Потапову, писал ему в 1827 году: «Осмотрел я Сумской полк; из рапорта моего вы усмотрите, в каком он положении, но к сему присовокупляю, что не было ни шинка, ни кабака, ни трактира разбито, ни даже бильярда разломано, и это приписываю я тому, что теперь нет в оном полку нашего буяна и забияки Алексея Николаевича». Получив полк, Потапов, видимо, переменялся. «Предписываю капитану Ренне, — читаем в приказе, — немедленно уплатить дякону за причиненные ему обиды и доставить свидетельство о неимении с его стороны претензий. Деля капитану Ренне замечание, рекомендую господам офицерам иметь всегда в виду, что никакое буйство званию офицера чести не делает».

В 1821 году командир получил от новгородской полиции

длиннейший список, в коем перечислялись прегрешения конно-егерей. В нем сообщалось, например, что три конно-егерских офицера, подыскав к церкви святого Великомученика Власия и взяв висащие от колоколов веревки, подняли трезвон; далее, что офицеры, возвращаясь с охоты, против здания полиции начали трубить в рога. На эти обвинения Потапов отвечал, что звон был ночью и нельзя было видеть, кто звонил: конно-егеря или кто-либо другой; потому «обвинение сие, яко затейное», оставлено без



Илларион Васильевич Васильчиков

последствия; а подполковника Парфацкого, ехавшего с охоты, полиция обвинила совершенно напрасно, так как «трубил его человек, призывая отставшую собаку». Иногда и терпению Потапова приходил конец. Так, например, капитану Корфу было предписано «разыскать сию минуту в городе прапорщиков Кожевниковых, где бы они не были, и того из них, что сделал историю в канцелярии губернатора, ни на что не взирая, взять и посадить под арест». Но если в действиях губернатора или полиции Потапов усматривал хоть тень оскорбления офицера, он тотчас поднимал дело. Однажды штабс-капитан Казаков, возвращаясь на тройке от соседнего помещика, был остановлен полицмейстером будто бы за непомерно быструю езду по городу. Вожжи и постромки были полицией отрезаны, и кучер с лошадьми взят под стражу. Принять из полиции лошадей обратно штабс-капитан Казаков отказался, донеся командиру, что тройка употреблялась в тяжелую работу и совершенно испорчена. Новгородский полицмейстер, желая впредь избежать столкновений, запретил «езду по городу в тройках». Объявление об этом с барабанным боем прочитано было под окнами квартиры Потапова. Усмотрев в этом чтении оскорбление полка, Потапов донес шефу. «Прошу, — писал он Васильчикову, — чтоб преступление полиции не было при следствии ослаблено и оскорбление полку наказано по всей силе и строгости закона».

Потапов защищал конно-егерей от нападков извне, прощал шалости молодежи, но совсем другим он был, когда дело касалось службы. Малейшее нарушение дисциплины неизменно наказывалось. За присылку в штаб сапожника вместо шорника, как было написано в приказе, командир эскадрона капитан Петровский получил строгий выговор и совет «прилежно заняться изучением воинского устава». «Из него, — писал Потапов, — научитесь вы сами знать и внушать подчиненным, что основа военного ремесла — субординация, по-

виновение». За неучитивость в разговоре с полковником арестован был штабс-капитан Козьменко. Не только ошибки младших, но и послабление старших всегда наказывались Потаповым. Подполковнику барону Ренне объявлен строгий выговор за то, что офицеры его эскадрона вышли из фронта, когда сам подполковник был еще во фронте. Редко взыскивая за промахи на учебе, Потапов за реплику из строя своему дивизионеру арестовал капитана барона Торнау на неделю, объявив, что не предст его суду «единственно в уважение прежней отличной службы». Наконец полковнику Парфацкому за неточное исполнение приказа объявлен выговор с написанием, что «старший штаб-офицер в полку более всех обязан быть примером в поддержании и утверждении субординации».

Требуя дисциплину и знание службы, командир не забывал и представительства. «Гвардии офицер, — говорил всегда Потапов, — лишен отговорок не иметь чего-либо в наилучшем и блестящем виде из обмундирования, особенно коня».

Раз удал офицеров находила себе выход в отчаянных проделках, то не могло обойтись без этого и у нижних чинов. Через два года после заграничного похода Потапов находил успехи в образовании солдата «касательно субординации и отвращения от буйных поступков, весьма малыми». «Причиной беспрестанных драк с хозяевами и притеснении оных, — писал он, — служит то, что полк основанием имеет людей, избалованных в войне. Отвратить и искоренить сии вредные и непристойные поступки, есть совершенная обязанность частных начальников. Конно-егерям следует внушать, что они солдаты Императорской Гвардии и что мундир, который они имеют честь носить, носить изволят Государь Император». Император Александр I, уважая заслуги конно-егерей, носил мундир Лейб-Гвардии Конно-Егерского полка со дня его основания до дня своей кончины. Форма одежды в Русской Армии в каждом полку была своя.

В то время в Новгороде, в Троицкой ямской, частенько происходили кулачные бои. Конечно, конно-егеря не пропускали случая биться, «отличаясь силой и буйством против всех», как видно из донесения городничего. Ввиду случаев увечья, командир полка запретил конно-егерям участвовать в этих боях. В дни боев предписано было наблюдать, чтобы ни один егерь не выходил из казарм; старшим вахмистрам, старшему музыканту и штаб-трубачу приказано было иметь «ранжирные списки в готовности», чтобы во всякое время дня и ночи можно было сделать переключку и получить подробный отчет обо всех.

Хорошо жилось конно-егерям при Алексее Николаевиче Потапове! Целый ряд приказов по полку подчеркивает его заботливость о нижних чинах. «Прошу, — писал командир, — оставить в полку штаб-лекаря Лейб-Гвардии Гренадерского полка Толгского, так как штаб-лекарь Сварицкий-Сварик болен, а младший лекарь ни в каком-либо отношении не имеет подобия медика, способного помогать страждущему человечеству».

В 1822 году при казармах была устроена солдатская лавочка. Летом в лагере, на мызе Шунгоровой, были построены кирпичные печи для хлебопечения. В заботах о единообразии высшее начальство приказало Потапову уничтожить но-

вые печи, заменив их земляными. «Не воображал я, — с горечью писал командир генерал-адъютанту Бенкендорфу, — что за попечение об улучшении солдатской пищи и здоровья могу быть подвержен взысканию». Часто входил Потапов с представлениями по начальству, защищая близкие ему интересы подчиненных. Даже бегство со службы, строго наказываемое по закону, старался оправдать командир. «Прошу оставить явившегося из бегов Долгополова на службу во вверенном мне полку, — писал Потапов, — вменив ему в наказание за его шалость бытность под арестом, так как отлучку сию он учинил единственно по молодости лет, был подговорен одним рядовым дурного поведения». Несмотря на ходатайство, конно-егерь был наказан палками и выписан в Первую уланскую дивизию.

Вот каков был Алексей Николаевич Потапов, первый командир гвардейских конно-егерей, вложивший свою душу в полк и направивший его по верной дороге на пользу Отечеству.

Строгие требования Потапова, предъявленные им к офицерам и нижним чинам, со временем вошли в привычку, и конно-егеря не только усвоили себе его взгляды, но и бережно сохранили их, передавая из поколения в поколение.

В 1823 году Потапова назначили дежурным генералом главного штаба Его Императорского Величества. Это была весьма ответственная должность. Дежурному генералу непосредственно подчинялись инспекторская и судная части; в круг его обязанностей входила отчетность о состоянии всех сухопутных военных сил, рассмотрение и доклад начальнику главного штаба чрезвычайных донесений от полков и команд о необыкновенных происшествиях и военная юрисдикция. Вследствие этого центр тяжести деятельности правительства в тревожные декабрьские дни 1825 года перешел на генерала. Когда умер император Александр I, почти никто не знал настоящего наследника престола. Все чины и сословия присягнули Константину Павловичу. Алексей Николаевич Потапов, как дежурный генерал и как человек, совместно деливший с Цесаревичем боевую жизнь в период Наполеоновских войн и привязанный к нему душою и телом, был озадачен общим смущением по поводу отсутствия в столице нового Императора.

«Почтеннейший благодетель Дмитрий Дмитриевич, — писал он 8 декабря Куруте, начальнику штаба Цесаревич, а — неужели Государь оставит нас? Он, верно, не изволит знать, что Россия боготворит его и ожидает как ангела хранителя своего. Почтеннейший Дмитрий Дмитриевич, доложите государю — молитесь его за всех нас. Спасите Россию. Он отец России — он не может отказаться от нее, и если мы, осиротевшие, будем несчастны — он Богу отвечать будет. Умоляющий вас, и преданный вам Алексей Потапов».

Затем он обращается к Константину Павловичу с письмом, полным тревоги за судьбу государства, в котором просит его поспешить в Петербург, явиться перед гвардией и оживить народ.

Вот содержание этого письма: «Всемиловитейший Государь. Простите, всемиловитейший Государь, что осмеливаюсь обеспокоить Вас сими строками. Их внушала мне беспредельная к Вам преданность.

Ваше Императорское Величество уже изволите быть известны, что вся здешняя столица, войска и вся Империя, с самого получения горестного известия о кончине блаженной памяти Государя, учинили единодушно присягу на верность подданства Вашему Величеству.

Государь, я был свидетелем, с каким усердием все сословия воины и граждане — исполняли сей священный долг. Ручаюсь жизнью, — сколь ни болезненна потеря покойного Императора, но нет ни единого из Ваших подданных, который бы по внутреннему своему убеждению не радовался искренно, что Провидение вверило судьбу России Вашему Величеству и который бы не признавал восшествия Вашего на престол залогом своего частного и общего благополучия.

Одушевляясь сим общим чувством, все находящиеся здесь войска, государственные чины и все вообще жители, с величайшим нетерпением ожидали скорого Вашего прибытия. Доколе не прошло время, необходимое для отправления Вам донесения об учинении здесь присяги и для получения отзывать Вашего Величества, каждый оставался спокоен, ожидая со дня на день радостного о прибытии Вашем известия. Последовавшие затем объявления в ведомостях о вожденном здравии Вашего Величества еще более оживляли все надежды.

Но когда возвратившиеся сюда курьеры, — коих донесения сохраняются втайне — не оправдали нашего ожидания, то недоумение о причинах по коим изволите медлить приездом Вашим в здешнюю столицу, стали поселять во всех невольное опасение, которое с каждым днем возрастает и производит во всех классах народа различные суждения. Каж-

дый делает предположения по своему понятию и горестное, жестокое чувство неизвестности о собственной судьбе переходит от одного к другому. Таковое смущение умов в столице, без сомнения, перелется скоро и в другие места Империи; толки увеличатся, и отчаяние может даже возродить неблагоприятных, более или менее для общей тишины опасных. Словом: дальнейшее медление Ваше, Государь, приездом сюда, обнимет ужасом всех, питающих чистое усердие к Вам и России. При таковом положении вещей должны ли молчать пред Вашим Величеством те, которым ближе других известны свойства Ваши, Государь? Не говорить Вам о благе и спокойствии государства, когда они знают твердо, что счастье подданных Ваших, для Вас драгоценно. Все преданные Вашему Величеству, видя непреложные знаки общей к Вам любви, решились вместе со мною довести до сведения Вашего все изложенное здесь и избрали меня исполнителем пред Вами



Великий Князь
Константин Павлович

единодушного нашего чувствования. Из глубины горящих к Вам искреннею приверженностью сердец наших, мы взываем к Вам, Государь: поспешите приездом Вашим в здешнюю столицу; явитесь перед гвардией; оживите народ, все с восторгом встретят Вас, Всемиловейший Государь. Положите предел тягостному нашему состоянию.

Всемиловейший Государь. Вашего Императорского Величества верноподданный Алексей Потапов. 10 декабря 1825 года, Санкт-Петербург».

Но Цесаревич разорвал это письмо и возвратил его Потапову при следующем ответе:

«Из одного уважения к вам, Алексей Николаевич, распечатал я письмо, которое вы мне прислали не подлежащею надписью. Я чужд всех действий противозаконных, явление перед народом и тому подобное, суть действия, которые я поддерживаюсь назвать истинным словом, сему роду поступком принадлежащим. Жалею весьма, что вы, зная меня столь с давнего времени, думали найти во мне готовность сему образу действий поддаться. Умалчивая, столь мне больно лично, что досель меня не знали, одно мне остается сделать из уважения к вам, то есть напомнить долг вашей присяги к покойному Государю и возвратить к вам ваше письмо разорванное, дабы тем очистить совесть вашу, ибо писано в духе заблуждения и под личиною усердия, оказующего дух неповиновения и отступление от долга обязанностей ваших. Долг верноподданного есть слепое и безмолвное повиновение к высшей и священной власти. Константин».

Ответ этот был получен уже после 14 декабря, когда все до некоторой степени разъяснилось и все присягнули Императору Николаю. Потапов пожалован при этом в генерал-адъютанты, а в следующем году, в день коронации Государя, был произведен в генерал-лейтенанты.

При преобразовании в 1832 году военного министерства, когда высшая военная власть была снова объединена в лице военного министра, звание дежурного генерала потеряло свое прежнее значение, Алексей Николаевич был отчислен от должности и назначен командиром четвертого резервного кавалерийского корпуса. В апреле 1833

года Потапова назначили командиром третьего резервного кавалерийского корпуса, и он посвятил ему почти все остальные годы своей жизни — привел его в образцовый порядок и, пользуясь всегда неизменным благоволением Государя, неоднократно получал Всемиловейшие рескрипты и благодарность Его Величества. «Вверенный вам 3-й резервный кавалерийский корпус, — говорится в одном из рескриптов, — под вашим начальством, в нынешний его состав сформированный, постоянными и неутомимыми трудами вашими, в течение двенадцати лет, доведен ныне до превосходного во всех отношениях состояния. Вполне постигнув цель и предназначение драгунских войск и в точности следуя Моим указаниям, вы совершенно выполнили все Мои желания, как в отношении внутреннего их устройства, так и фронтового образования».

26 сентября 1834 года А.Н. Потапов произведен в генералы от кавалерии; в 1844 году праздновал свой 50-летний юбилей службы в офицерских чинах, а в 1845 году пожалован в шефы Рижского драгунского полка. В том же году, 22 сентября, был назначен членом Государственного и Военного советов, с оставлением в звании генерал-адъютанта. Скончался 5 марта 1847 года в возрасте 75 лет. Похоронен в Петербурге.

Кроме вышеупомянутых наград, за свою честную службу Алексей Николаевич был награжден всеми российскими орденами до Святого Александра Невского включительно, некоторыми иностранными орденами, многими медалями и знаком отличия беспорочной службы.

Ну, и в заключение, вернемся к тому, с чего начали, — военной галерее. Думаю, что хотя бы в отношении генерала Потапова справедливость восторжествовала — в военном гарнизоне Кречевицы есть своя галерея командиров и шефов Лейб-Гвардии Конно-Егерского полка (с 1833 года — Лейб-Гвардии Драгунского полка). Почему в Кречевицах, ответ сложный — после стоянки в Новгороде полк с 1835 по 1902 годы (почти 67 лет!) квартировал там. И в галерее, в числе других, рядом с портретом И.В. Васильчикова не рамка, затянута репсом, а графический портрет нашего русского генерала — Алексея Николаевича Потапова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кучевский И.М. Лейб-гвардии Драгунский полк. Т. 1. СПб., 1914.
2. Столетие Военного министерства. 1802–1902. Память о членах военного совета. СПб., 1907. С.219–224.
3. Российский биографический словарь. Плавильщиков–Примо. СПб. 1905. С. 638–639.

БОЕВОЙ ПУТЬ ДИВИЗИИ

Посвящается памяти моего дяди —
Михаила Петровича Андреева,
пропавшего без вести в 1942 году
при выходе из окружения в районе Мясного Бора.
Место гибели неизвестно.

История Великой Отечественной войны, спустя 56 лет со дня ее окончания, нам, особенно тем, кто родился после войны, известна по многочисленным публикациям и мемуарам, научным трудам и художественным книгам. Однако и в этом потоке литературы трудно бывает найти некоторые сведения о той или иной дивизии, том или ином человеке. Поэтому тем, кто берется за исследование военной темы, еще очень много предстоит открытий — и печальных, и радостных. Открытий, иногда ничего общего не имеющих с легендами о войне. Опровергнуть имеющиеся, к сожалению, мифы о минувшей войне можно и по документальным источникам, имеющимся в архивах и, что самое ценное, по воспоминаниям ветеранов, той их небольшой части, что еще жива и старается быть полезной обществу.

Мы живем в городе, который был свидетелем становления поискового движения от первого следопыта Н.И. Орлова до отряда «Сокол» и поисковой экспедиции памяти Николая Орлова «Долина». Их заслуга в раскрытии «белых пятен» войны огромна. Но в этой публикации я хочу представить неизвестные широкому читателю архивные документы и воспоминания Совета ветеранов 225-й стрелковой дивизии, выполнив при этом просьбу оставшихся в живых ее бойцов. Это моя человеческая обязанность.

Только на территории Новгородского района из 62 официально зарегистрированных воинских захоронений периода Великой Отечественной войны более половины являются братскими кладбищами.

В состав современных административных границ Новгородского района в 1962 году была включена территория Мстинского района. Именно здесь — в районе Бронницы-Пролетарий, в деревнях Русско, Холынья, Большое и Малое Лучно — формировалась 225-я стрелковая дивизия (II формирования). В нее были призваны тысячи наших земляков, и ей было суждено с момента формирования более двух лет вести боевые действия на территории Новгородского района и дважды — за освобождение Новгорода.

За период нахождения на Новгородчине дивизия имела следующее подчинение:

С 13.12.41 входила в Новгородскую армейскую группировку (НАГ) Северо-Западного фронта;

17.12.41 образован Волховский фронт, с этого дня Новгородская армейская группировка Волховского фронта (директива Ставки ВГК № 005581 от 11.12.41).

С 22.12.41 — НАГ в подчинении 52-й армии Волховского фронта;

С 20.02.42 — в 52-й армии фронта;

С 12.06.43 — в 59-й армии фронта;

На 01.11.43 — в 7-м стрелковом корпусе ВФ;

На 01.12.43 — выведена из 7 СК ВФ;

На 12.43 — в 14-м стрелковом корпусе Волховского фронта;

На 01.02.44 — в 8-й армии Волховского фронта;

С 20.02.44 — в 54-й армии 2-го Прибалтийского фронта.

Формирование дивизии, как и весь ее боевой путь, оказалось непростым. Обратимся к документам. «Установлено, что 225-я стрелковая дивизия (I формирования) была сформирована на базе 623-го стрелкового полка в марте 1941 года в городе Кемерово Сибирского военного округа»¹. Затем «16 мая 1941 года дивизия была отправлена в Киевский особый военный округ, командир дивизии полковник В.Д. Хохлов»².

На основании директивы штаба Харьковского военного округа № ОМ/1/1543 от 17.05.1941 г. 225-я стрелковая дивизия была расформирована³.

По этим материалам видно, что дивизия была расформирована формально, так как началась война и ей пришлось участвовать в боях на Украине летом 1941 года.

Сибирская 225-я стрелковая дивизия полковника В.Д. Хохлова вступила в бой под Новоград-Волынским. Сибиряки стояли насмерть, дело нередко доходило до рукопашных схваток. Под натиском превосходящих сил противника дивизия отошла западнее Коростеня и здесь в неравных схватках с противником, непрерывно атаковавшим с фронта и флангов, почти полностью погибла⁴.

«225-я стрелковая дивизия (II формирования) была сформирована на основании директивы Народного Комиссара обороны № 3203 от 27.11.1941 г. и приказа командующего Северо-Западным фронтом № 00347 от 07.12.1941 г. на базе 3-й танковой Краснознаменной дивизии 13 декабря 1941 года в районе северо-восточнее города Новгорода»⁵.

По воспоминаниям ветеранов дивизии (прежде всего М.И. Сукнева и А.И. Высочина), старший офицерский состав был в основном из 3-й танковой дивизии — всего около двухсот солдат и офицеров. Командиром дивизии был назначен полковник К.Ю. Андреев, до этого командовавший 3-й танковой дивизией. На базе 5-го танкового полка был сформирован 299-й стрелковый полк, на основе 6-го танкового полка — 1347-й стрелковый полк. А разведывательный батальон стал основой создания 1379-го стрелкового полка. Впоследствии командиром дивизии стал с 29.05.42 полковник В.Я. Николаевский, а с 21.06.42 — полковник П.И. Ольховский.

В дивизию было направлено 50 лейтенантов — выпускников Свердловского пехотного училища (ускоренный выпуск — в том числе и М.И. Сукнев). Рядовой и сержантский состав был из местных призывников (призыва осени 1941 года) Мстинского, Боровичского, Крестецкого, Любытинско-

го, Маловишерского, Валдайского, Мошенского и других районов нашей области. Возраст призывников — от 18 до 50 лет.

Основу дивизии составляли три стрелковых полка: 299-й, 1347-й и 1349-й (впоследствии нумерация этого полка изменилась, и с 1943 года он стал 1379-м). Именно этим полкам пришлось более двух лет обороняться и вести наступательные бои на берегах Малого Волховца и Волхова.

Кроме 504-го отдельного медико-санитарного батальона, входившего в состав 3-й танковой дивизии, нынешней 225-й, в состав дивизии были введены 1009-й артполк, 697-й отдельный саперный батальон и 6-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион, отдельный лыжный батальон, 115-я отдельная рота разведки, а также другие подразделения, в том числе штабы и службы обеспечения.

В этот период времени трудная обстановка сложилась под Ленинградом. Блокада такого крупного города, лишённого сухопутных коммуникаций со страной, не могла не вызывать голод. Отсутствие запасов топлива и продовольствия, прекращение подачи электроэнергии от Волховской ГЭС делало жизнь города невыносимой.

Ставка Верховного Главнокомандования Вооружённых Сил СССР была вынуждена принять меры к тому, чтобы облегчить участь местного населения, беженцев, прибывших в город с отступающими армейскими частями и самих защитников Ленинграда. 11 декабря 1941 года объявлено решение об образовании с 17.12.41 Волховского фронта, командующим назначен генерал армии К.А. Мерецков.

17 декабря Волховский фронт приступил к выполнению директивы Ставки ВГК по деблокаде Ленинграда. К этой операции привлекались войска Ленинградского и Северо-Западного фронтов и прежде всего вновь созданного Волховского фронта. Поэтому были даны указания всем соединениям и частям, занимающим оборону по реке Волхов, «перейти в общее наступление, имея целью разбить противника, обороняющегося по западному берегу р. Волхов и к [...] главными силами армий выйти на фронт Любань, ст. Чолово»⁶.

Войска Волховского фронта должны были перейти в наступление. Но для выполнения всех поставленных Ставкой задач фронт не получил необходимых сил и материальных средств. 52-й армии надлежало овладеть Новгородом⁷.

Дивизия после перегруппировки сил 13 декабря 1941 года заняла оборону на рубеже: Ново-Николаевская колония, Волотово, Ожигово, Городище, устья рек Большая Гнилка и Мста, деревня Войцы, где и находилась до января 1942 года⁸. Большинство новгородцев знакомы наименования этих населённых пунктов. Части 225-й стрелковой дивизии произвели перегруппировку, заняли следующее положение:

«299 СП, приняв от 1347 СП часть его бокового участка, обороняется на фронте: Радиваново, Волотово, Шолохово,

Городище, устье р. Бол. Гнилка.

1347 СП, сдав участок обороны Радиваново 299 СП и оставив на участке Новониколаевская Колония (пропуск в документе) подразделения, выступил в р-н Муравьи (исх.) — Пахотная Горка для смены частей 305 стрелковой дивизии и занятия исходного положения для наступления.

2/1379 СП 08.01.1942 г. выступил из деревни Мшага в район Новониколаевская Колония для смены частей 305-й стрелковой дивизии и 1347-го стрелкового полка и занятия обороны на участке Пахотная Горка — Шендорф. Истребительный отряд из района 1 км вост. (пропуск в документе) убыл в район Наволок для приема участка от 1/1379 СП.

1379 СП — КП полка — в 1 км. юго-зап. Мал. Лахново.

1 СБ — Муравьи — Сарай.

3 СБ — (исх.) Сарай — Пахотная Горка.

2 СБ и резерв сосредоточен в р-не (пропуск в документе), что южнее 1 км Мал. Лахново.

1379 стрелковый полк — 2 бат. — Пах. Горка (исх.) Радиваново.

1 СБ резерв сосредоточен в деревне Мшага.

КП полка находится в кустарнике в 1 км сев. Дубровка⁹.

На линии фронта дивизии, занимавшей оборону под Новгородом, на стыке двух фронтов — Северо-Западного и Волховского, не проходило ни одного дня, чтобы не велись бои



Командиры 225-й стрелковой дивизии. Справа: полковник К.Ю. Андреев, слева — полковник П.И. Ольховский. Фото 1942 г.

местного значения. В этих боях участвовали не только отдельные группы разведчиков и мелкие подразделения, но и стрелковые части с привлечением артиллерийских и минометных батарей.

Это подтверждается архивными документами:

«Список безвозвратных потерь личного состава 299 СП 225 СД от 16.01.42 г.

Убиты в районе Кирилловского монастыря 9 чел., 7 оставлено на поле боя»¹⁰.

«ОС от 17.01.42 г.

1379 СП ведет боевые действия, убито 9 чел.»¹¹.

В это же время во всех полках были созданы группы глубокой разведки и истребительные отряды. Эти подразделения зимой по льду, а летом на лодках форсировали Ильмень, Малый Волховец и Волхов и в глубине обороны противника проводили боевые операции.

По материалам архива:

«ОС от 18.01.42 г.

299 СП: положение в обороне полка без изменений. Разведгруппа полка, действующая в направлении Береговые Морины, с поиска не возвратилась. Из состава группы в 10.00 прибыло 3 чел. раненых (численность группы 43 чел.), 1 чел. убит, 1 чел. пропал без вести»¹².

Из письма ветерана дивизии В.Е. Калитовского: «В конце 1941-го — начале 1942-го года я командовал диверсионно-истребительным отрядом «Охотник». Неоднократно мы хо-

дили в тыл противника, причем в дальний и ближний районы, громили гарнизоны противника, уничтожали склады, все делали, чтобы нанести урон врагу. При этом добывали сведения о противнике любым путем. Кроме разведки, отряд первым разведал и захватил плацдарм в районе деревни Теремец. В дальнейшем участвовали в тяжелых боях с большими потерями в районе Мясного Бора»¹³.

Примером активной обороны являются действия 1347-го и 1349-го полков. «Действиями разведки в направлении рощи северо-западнее Теремец установлено: в кустарнике 300 м северо-западнее Теремец расположены 3 блиндажа противника. Разведка, действующая в направлении рощи, что восточнее 0,5 км Германово-Уголки, установила: в центре рощи имеются блиндажи противника»¹⁴.

По результатам действий разведки:

«БД №1 от 17.01.42 г.

К 24.00 1347 СП занял исходное положение на восточном берегу р. Волхов на восточном берегу южнее Дубровки. Переправившись через Волхов, СП внезапно атаковал Теремец и овладел им. Противник бежал в лес юго-западнее Теремец. В 9.45 14.01.42 г. противник атаковал Теремец с юго-запада. Контратакой противник был уничтожен и отброшен в лес. В 9.20 15.01.42 г. противник двумя батальонами и курсантской ротой с пятью танками атаковал Теремец с юга, севера и запада. Противник потеснил 2-й и 3-й СБ и занял южную окраину д. Теремец. 4 немецких танка были уничтожены, после этого 1, 2, 3-й СБ перешли в контрнаступление и отбросили противника в лес.

1379 СП приготовился к броску на хутор. Но при попытке продвинуться вперед батальон попал в пристрелянную зону минометов пр-ка, понес большие потери и не смог продвинуться вперед, вернулся в исходное положение. Убито 45 чел.»¹⁵.

В оперативных документах описаны боевые действия трех батальонов 1347-го полка и 1-го стрелкового батальона 1349-го полка.

В ночь на 13 января 1942 года из района местечка Муравьи небольшой группе разведчиков 1347-го стрелкового полка под руководством воентехника В.Е. Калитовского незаметно для противника удалось форсировать по льду Волхов и захватить траншеи противника близ населенного пункта Теремец. Сразу же в эти траншеи был введен 3-й стрелковый батальон под командованием капитана М.П. Бурлаченко, а затем и подразделения 1349-го стрелкового полка. К утру бойцы закрепились на западном берегу Волхова. На второй день фашисты атаковали силами выпускников унтер-офицерской школы, поддержанных сильным артиллерийско-минометным огнем и пятью танками. Несмотря на большие потери, войнам 225-й стрелковой дивизии удалось отстоять удерживаемый плацдарм. В этом бою погиб помощник начальника штаба 1347-го стрелкового полка по разведке капитан В.В. Баталин, бывший офицер 3-й танковой дивизии, уроженец деревни Дубовицы Старорусского района¹⁶. Все попытки гитлеровцев вернуть назад утраченные позиции на Волхове в рай-

оне Теремца успеха не имели.

Тогда никто не мог знать, что именно с этого плацдарма (500 метров по фронту и до 300 метров в глубину), первого завоеванного войсками дивизии на западном берегу Волхова, будет нанесен основной удар по новгородской группировке противника в январе 1944 года.

Такие боевые действия не приводили к крупным результатам, т. к. велись против превосходящих сил противника, но и они готовили победу.

Так, в ночь на 29-е января 1942 года бойцами 299-го стрелкового полка в районе Новгорода была проведена разведка боем. В результате уничтожено несколько десятков вражеских солдат и офицеров. На глазах у своих товарищей, с целью спасти группу, закрыли своими телами амбразуры дзотов противника И.С. Герасименко, А.С. Красилов и Л.А. Черемнов. Им были присвоены звания Героев Советского Союза.

Но было бы несправедливо забыть имя командира героического взвода, младшего лейтенанта Н.А. Поленского (погиб в 1943 году на территории Ленинградской области). Будучи раненным, он не покинул поля боя, за что ему присвоено звание лейтенанта и вручен орден Ленина, а заместителю командира взвода Т.А. Лысенко — орден Красного Знамени. Санструктор С.М. Дубина был награжден орденом Красного Знамени (посмертно)¹⁷. После войны в память о погибших героях на Ярославовом Дворище установлен обелиск.

Списки безвозвратных потерь 299-го стрелкового полка в декабре 1941-го года — январе 1942-го года:

«Убиты и пропали без вести (оставлены на поле боя) в р-не оз. Ильмень 24 человека. В р-не Кирилловского монастыря 15 человек. Убито в районе г. Новгорода — на западном берегу реки Волхов 27 человек»¹⁸.



Старший лейтенант
В.В. Баталин, погиб
в январе 1942 года

Места захоронения погибших не известны. По воспоминаниям ветеранов, они были оставлены на поле боя. Возможно, в справке говорится о погибших во время этой операции.

13 января 1942 года в истории Волховского фронта и Отечественной войны является точкой отсчета начала одной из трагедий войны — Любанской операции. Основные боевые действия проходили на территории Новгородского и Чудовского районов.

52-я армия генерала В.Ф. Яковлева, занимавшая фронт левее 2-й Ударной армии от исходного населенного пункта Русса до озера Ильмень, с боями очистила от противника территорию восточнее реки Волхов.

В армию входили семь стрелковых дивизий (46-я, 111-я, 225-я, 259-я, 267-я, 288-я и 305-я), 25-я кавдивизия, 442-й, 561-й артиллерийские полки, 448-й пушечно-артиллерийский полк. Соединения армии, ведя в течение четырех месяцев напряженные бои, понесли большие потери в живой силе и технике.

52-я армия занимала фронт в 35 километров четырьмя стрелковыми дивизиями в первом эшелоне, имела одну дивизию

зию во втором эшелоне. Главный удар армия наносила силами трех стрелковых дивизий на участке в 12 километров, то есть каждая дивизия прорывала оборону противника на четырехкилометровом участке¹⁹.

Сейчас становится ясно, что батальон капитана Бурлаченко 1347-го полка участвовал в начальном этапе этой операции. В дальнейшем воины дивизии около года вели тяжелые бои, удерживая «коридор» для 2-й Ударной армии и 13-го кавкорпуса. На левом фланге в районе деревень Лелявино, Петровское, Заполье, Германово, Горка, Жарки, расположенных на западном берегу реки Волхов, происходили кровопролитные бои.

Из письма ветерана 225-й дивизии С.Е. Зродникова: «С конца декабря 1941-го года я попал в третий батальон 1379-го СП в начале командиром взвода. Батальон оборонял участок Пахотная Горка — Муравьи, а затем плацдарм на западном берегу реки Волхов на высоте Буян напротив деревни Тютитцы, что севернее деревни Теремец 1,5 км, то есть, против Подберезье. Нам удалось укрепить высоту Буян подручными материалами и это обеспечило нам возможность удерживать плацдарм вместе с небольшим гарнизоном на Теремецком плацдарме»²⁰.

Вот что говорится об этих боях в оперативных документах того времени:

«БД от 19.01.42 г.

1347 СП 18.01.42 г. атаковал Жарки. Неоднократные попытки овладеть Жарки отражались огнем противника. После 5-ти часового боя 4 СБ под прикрытием огня 3 СБ отошел в исходное положение Муравьи.

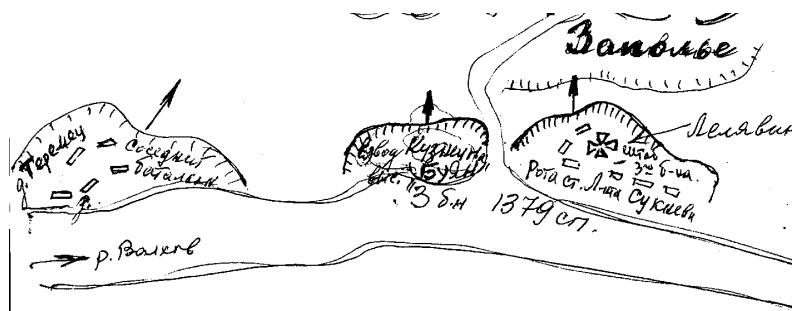


Схема боевых действий 1349 (1379) полка в период с января по июль 1942 г. Составлена С.Е. Зродниковым в 1980 г.

Потери: убито 46 чел., пропало без вести 5 чел.»²¹.

«Боевое донесение от 15.03.42 г.

В 10.00 под прикрытием сильного артминогна и самолетов до 10 групп противника по 50–60 чел. повели наступление по всему фронту 1347 СП, направляя основной удар из Крутик, Копцы, Заполье. В это же время противник силой до батальона повел наступление из Заполье на Лелявино. Несмотря на сопротивление наших войск противнику удалось занять переднюю линию обороны полка. Убито до 300 чел.»²².

«Список безвозвратных потерь 1347 СП...

1 чел. убит и оставлен на поле боя 16.03.42 г. в р-не д. Горка, лес зап. Остальные похоронены в братской могиле лес зап. 1 км д. Горка. Много потерь в р-не леса зап. 1 км д. Горка»²³.

«15.03.42 г. Противник перешел в атаку по всему фронту полка. 1 группа ворвалась в стык между правым флангом 1347 стрелкового полка и левым флангом 65 стрелковой дивизии. 2 группа наносила удар с южной окраины Копцы. По дости-

жении сев.-зап. окраины опушки леса, группа разделилась и большей частью своих сил прорвалась в направлении выс. 37,0, что 1 км сев. Заполье, 3 группа из Тютитцы, 4 гр. из Заполье атаковала на сев. выс. 37,0. Полк оборонял занимаемые позиции, но был потеснен на отдельных участках. 2/1347 СП отошел на 200–300 м, 1/1347 СП находился на прежнем месте, ведет бой в окружении. 3/1347 СП не отходит. Потери 200 чел.»²⁴.

«Противнику удалось занять линию передовых окопов 2 СБ в районе рощи, что северо-восточнее моста через р. Питыба. 1 стрелковый батальон был отрезан и до утра 16 марта 1942 г. вел бой в окружении противника. Атака противника на Лелявино и Заполье отбита. Сколочено три группы:

Первая группа: 1349-й СП с задачей овладеть северо-западной опушкой леса атакой из-за левого фланга 2-го СБ, с дальнейшим наступлением вдоль западной опушки на юг по р. Питыба. Положение для атаки — восточная опушка леса, что 1,5 км восточнее Копцы.

Вторая группа: ночной атакой на запад вдоль южной опушки леса нанести удар по правому флангу противника.

Третья группа: атаковать противника на запад в стыке групп. Начало наступления 1.00 17 марта 1942 года. К 6.00 группы продвинулись на 400–500 м и заняли оборону. Потери за три дня составили 223 человека»²⁵.

«1347 СП, встречая сильное огневое сопротивление из района Копцы, Тютитцы к 17.00 1-й батальон вышел на рубеж 150–200 м восточнее зап. опушки леса, что 1,5 км юго-вост. Копцы.

1347 стрелковый полк продвинулся на 400–500 м на запад.

Потери за 2–4.04.42 г. 350 чел.»²⁶.

Об интенсивности этих боев говорит тот факт, что этих деревень нет на карте области и в настоящее время. Из архивной справки:

«225-я стрелковой дивизии вела бои с 1.01.1942 года по 26.07.1942 года в районе Подберезье, Теремец, Дубровка, Ситно. После завершения Любанской операции в конце лета 1942-го года войска, в том числе и 225-я стрелковой дивизии перешли к обороне. От Мясного Бора находились в десяти километрах»²⁷.

Войсками Волховского фронта, в состав которого входила 225-я дивизия, в ходе боев во время этой операции были скованы немецкие войска группы армий «Север», что не позволило немецкому командованию осуществить переброску войск и вынудило усилить эту группу шестью дивизиями. Возможность нового штурма Ленинграда была сорвана.

225-я стрелковая дивизия занимала оборону на огромном участке от деревни Войцы на восточном берегу оз. Ильмень до Муравьев — военного городка аракчеевских времен, который в настоящее время представляет собой развалины.

Находясь в обороне, войска продолжали боевые действия. Вот как об этом вспоминает бывший командир батальона 1349-го стрелкового полка 225-й стрелковой дивизии М.И. Сукнев: «В июле 1942 года остатки недобитой нами «голубой дивизии» франкистов снялись с обороны, ее подменили баварцы, отменные головорезы... Огонь на истребление резко усилился со стороны этих вояк. Мы экономили патроны, каждый — только в цель.

Все ночи напролет немцы нас поливали сплошным ружейно-пулеметным огнем, включая периодически огонь минометов и орудий. В этом оборонительном аду гибли сотни наших воинов, особенно ночами. Находясь в этом аду более двух лет, выжить выпадало единицам. Батальоны за год дважды сменялись почти полностью за счет убитых, раненых, больных...

С февраля 1943 года, когда мы вышли с левобережья Волхова (плацдарма), стало прибывать пополнение из резервов. К марту у нас к имеющимся двум стрелковым батальонам прибыл довольно слабый третий батальон...»²⁸

Главной задачей Волховского фронта в то время было содействие срыву вражеского наступления на Ленинград и освобождению города на Неве от блокады.

225-я стрелковая дивизия находилась под Новгородом на левом фланге Волховского фронта, но к прорыву блокады Ленинграда имела прямое отношение. Она участвовала в демонстративном сосредоточении наших войск для наступления в районе Новгорода. Подразделения дивизии находились в непрерывном движении на виду у противника около месяца, затем «частным боевым приказом от 19.03.1943 г. командующего 52-й армии 225-я СД должна форсировать по льду реку Малый Волховец с рубежа: церковь севернее 1 км Шолохово-Ожигово с задачей овладеть южной половиной восточной части города Новгорода и мостом через реку Волхов»²⁹.

По воспоминаниям участника этого наступления — новгородца А.И. Высочина:

«Ночью 20 марта наш 1-й СБ 299-го СП, находившийся в лесу, недалеко от дер. Мшага, начал продвигаться к Новгороду. На рассвете мы вышли на рубеж сосредоточения рядом с дер. Кирилловское Сельцо. Там уже стояли «катюши». Они сделали несколько залпов и утихли. Совсем жидкий огонь вела наша артиллерия. Впечатление было такое, как будто они вели огонь, чтобы известить немцев о нашем наступлении, а не разрушить их укрепления.

Мы ускоренным маршем двинулись вперед /.../. Настороженный стрельбой наших пушек, противник немедленно открыл огонь из всех видов артиллерии. Особенно усердно стреляли его малокалиберные зенитные пушки. Их небольшие снаряды выводили из строя наших солдат /.../.

Когда подошли к Правощне (Малый Волховец в этом месте разделяется на Правощню и Левощню, образуя узкий длинный остров), туман быстро исчез, засияло солнце. Впереди, как на ладони, было видно Рождественское кладбище с церковью, за ним — окольный земляной вал и сам Новгород. Немцы открыли огонь из пулеметов и минометов. Мы стали отвечать огнем из личного оружия. Немногим удалось пробиться через проволочные заграждения кладбища — этим все и кончилось. Оставшиеся в живых залегли. Местность открытая — под огнем противника головы не поднять. Немские снайперы высматривали и расстреливали зашевелившихся наших раненых. Вечером выяснилось, что от нашего батальона осталось в живых 27 человек. Имевшимися силами мы организовали оборону среди многочисленных крупных воронок около кладбища /.../.

Среди развороченных глыб глины в воронках мы нахо-

дились в обороне еще восемь дней, отбиваясь от настырных немецких контратак»³⁰.

Из журнала боевых действий 299-го стрелкового полка (архивная справка ЦАМО):

«20.03.43 г. В 00 часов полк, снявшись с участка расположения, выступил на марш и после перехода в 3.00 20.03.43 г. занял исходное положение, развернувшись в боевые порядки углом назад: справа — 1-й батальон, слева — 2-й б-н, сзади — 3-й б-н. К 5.30 форсировал Мал. Волховец и Левощню, вышел на зап. берег руч. Трасовец. Ворвался в траншеи противника на зап. берегу ручья и вышел на рубеж — кладбище, что 500 м вост. г. Новгород. Атаковал кладбище, но ввиду сильного огневого сопротивления противника, атака не увенчалась успехом.

Кладбище представляет собой сильный опорный пункт с дерево-земляными и каменными инженерными сооружениями, с хорошо развитой системой огня и сильно насыщен автоматическим оружием, малокалиберной артиллерией и минометами. Все подступы к опорному пункту открыты. Справа от кладбища по фронту наших войск проходит шоссе с большой насыпью, в скатах которой сделаны пулеметные ДЗОТЫ.

Повторная атака также не принесла успеха, хотя некоторым отдельным подразделениям удалось ворваться за проволоку противника, но они были уничтожены пулеметным огнем противника, не достигнув его траншей. В особенности большие потери во время атаки понес 1-й СБ, наступавший на правом фланге полка. В течение дня подразделения вели огневой бой с пр-ком. В 22.00 атаки были возобновлены, но

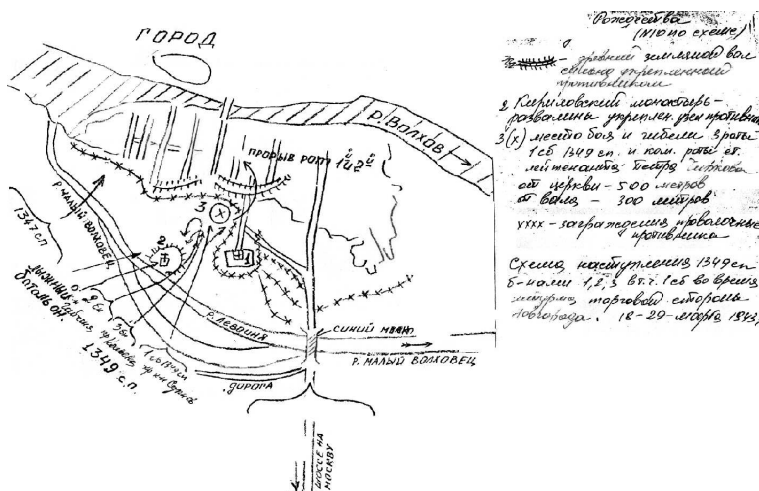


Схема боевых действий в наступлении 225-й СД в марте 1943 г. в р-не Рождественского кладбища. Составлена М.И. Сукневым в 1984 г.

продвинуться подразделения не смогли. Был дан приказ обойти опорный пункт слева и атакой во фланг занять его. 2-й СБ смог продвинуться только на 300 м зап., при этом подразделения понесли большие потери.

В течение дня выбыл из строя весь командный состав звена командиров рот, их заместителей. Больше половины командиров взводов командования 1-м СБ и командиров 2-го СБ. Командиром 1-го СБ назначен ПНШ-1 капитан Цицеров, командиром 2-го СБ назначен капитан Миронов. В течение ночи подразделения окапывались в 150 м от противника и приводили себя в порядок. Для эвакуации с поля боя убитых, раненых и вооружения были направлены химический и ам-

пульный взвода, которые работали в течение всей ночи.

Действия противника — вел сильный ружейно-пулеметный, арт.-мин. огонь по нашим боевым порядкам в течение круглых суток, активно действовали снайперы, действовали также разведчики.

21.03.43 г. Положение полка на достигнутом рубеже без изменений. В течение дня подразделения вели огневой бой с противником. Полевая артиллерия и 45 мм артбатарей вели стрельбу прямой наводкой по ДЗОТам. В 22.00 8-я стрелковая рота, находящаяся в резерве, была направлена для усиления 1 СБ.

Получен приказ из Штадива вывести полк с занимаемого рубежа, оставив в боевом охранении одну стрелковую роту.

22.03.43 г. Согласно приказу Штадива полк вышел с рубежа кладбище, оставив в боевом охранении 8-ю стр. роту и 7 чел. автоматчиков, совершил марш и сосредоточился в районе лес 1,5 км зап. д. Мшажка. Личный состав в течение дня и ночи отдыхал. Химический и ампульный взвода эвакуировали с поля боя убитых, раненых и вооружение.

В результате боя полк понес потери: убито комсостава — 28 чел., мл. комсостава — 18 чел., рядового состава — 78 чел. Ранено: комсостава — 48 чел., мл. комсостава — 66 чел., рядового состава — 173 чел. Пропало б/в: комсостава — 5 чел., мл. комсостава — 24 чел., рядового состава — 95 чел. Больных — 2 чел. Всего потери: комсостава — 81 чел., мл. комсостава — 109, рядового состава — 347 чел. Итого — 537 чел. убитыми и ранеными³¹.

Из приведенной архивной справки становится ясно, что полк потерял больше половины личного состава, причем четвертая часть из них числится как пропавшие без вести.

Такие же потери были и в других подразделениях дивизии, участвовавших в этом наступлении.

Из письма бывшего командира учебного батальона дивизии Я.А. Ковалева: «Летом 1942-го года меня направили формировать учебный батальон дивизии. Но наш учебный батальон всегда был резервом командира дивизии и часто после дневных занятий по подготовке сержантского состава в ночное время мы в полной боевой готовности на том или ином участке фронта участвовали в боях.

В марте 1943-го года при наступлении на Новгород учебный батальон, как самостоятельная единица перестал существовать»³².

Спустя почти полвека об этих боях с болью и горечью в своих воспоминаниях писал Михаил Иванович Сукнев. В то время он был капитаном и командовал батальоном. Бойцы этого батальона сумели прорваться к городскому валу с южной стороны Рождественского кладбища, и почти все там погибли. Из 450 человек, по его воспоминаниям, в строю осталось пятнадцать³³.

По его свидетельству, «299-й СП штурмует по фронту слева церковь Рождества, справа — в направлении улицы Хутын-

ская (центром Синий мост);

1349-й СП штурмует по фронту справа церковь Рождества, слева — в 400 метрах до разрыва в «древнем земляном валу», крепко укрепленном противником. Выходит прямо к мосту через Волхов;

1347-й СП штурмует слева ул. Посольская, прорывается к Волхову и отрезает укрепленный «земляной вал».

Но у 1347-го и 1349-го полков в тылу оставались развалины каменного Кириллова монастыря, превращенного немцами в сильный опорный пункт. Его должен был блокировать и взять отдельный лыжный батальон дивизии. Артиллерийская подготовка к штурму не предусматривалась: расчет на «зевок» противника, внезапность, но увыл...

Трое суток дивизия подтягивала полки, артиллерию к прифронтовому лесу. По пойменному, обрывистому берегу проточного Малого Волховца до немцев 2 км ровной, покрытой льдом площади.

И вот, на 6.00 20 марта назначен штурм. Эта ночь выдалась тихой и ясной. Мы мрачно наблюдали, что немцы, верные своим правилам как стемнеет палит из пулеметов и бросать ракеты, не подавали признаков жизни. Это значило — знали о штурме.

В 6.15 справа донесли орудийные выстрелы нашего артполка — сигнал к штурму. Церковь Рождества виделась смутно. Проявились по горизонту очертания развалин города и церковные купола.

Наш батальон: две роты, чуть отстав, «уступом справа», одна — двинулась вперед. Люди плотными цепями со штыками наперевес ускоряют движение.

Видя слева ринулись люди третьего батальона капитана Кальсина. За ним — еще цепи — 2-го батальона капитана Гайчени. По цепям батальона Кальсина прошлось несколько трассеров крупнокалиберных пулеметов от «вала». Там и тут упали убитые и раненые. Но цепи, сомкнувшись, продолжали уже бег. Если бы после доброй

артподготовки — победы была бы за нами. В рядах штурмующих были сибиряки, новгородцы и воины с Урала — от 30 до 40 лет.

Мы уже подбегает к Малому Волховцу. И тут за городом по всему горизонту возникли и задрожали заревом огненные сполохи — заговорила артиллерия немцев. И мигом все поле поймы от Волховца и на сотню метров от церкви будто взорвалось, земля и небо — все смешалось. Я оглянулся на резервный пулеметный расчет с лейтенантом Исаевым. Снаряд точно угодил, подняв столб воды и льда, похоронив подо льдом весь расчет Исаева и пулемет.

Грохот — взрыв сплошной. На поле боя опустился густой туман от дыма разряженной атмосферы и пара. Связь полетела в клочья, все связисты погибли. Теперь только надежда на командиров рот и взводов, а нам бы не врезаться в оборону вокруг церкви Рождества. Мы бежим вперед, пытаемся выйти из зоны огня, ближе к позициям противника. Две роты



Майор М.И. Сукнев.
Фото 1945 г.

Кузьменко и Петрика ворвались в траншею противника между церковью и «земляным валом», завязали траншейный рукопашный бой и прорвались в город. Тяжелораненого Петрика санитары успевают вынести. Третья рота Чиркова взяла левее и, напоравшись на высокую каменную стену, повернула назад, заняв воронки от снарядов. Я тоже плюхнулся рядом в воронку. Немцы успели закрыть прорыв, повернув от церкви. Стрельба затихла. Тишину разорвали частые автоматные очереди, винтовочная стрельба, взрывы гранат за «валом», потом и там все стихло.

Теперь, люди Новгорода, запишите имена этих Героев во главе с Петром Кузьменко. Заняв первые строения города, они, окруженные сотнями гитлеровцев, сражались до последнего патрона. И все погибли за Новгородскую землю! От третьей роты оставалось не более 30 человек. Пока стоял туман, раненых подобрали по всему полю от Волховца до проволочных заграждений противника и унесли.

В ночь на 25 марта оставшийся за меня Петр Чирков с ротой, наполовину убитый, принял неравный бой с десантом немцев от церкви Рождества. Мы поспешили туда с двадцатью лейтенантами, вооруженными двенадцатью пулеметами РПД, но там уже все погибли»³⁴.

Ветераны в своих воспоминаниях рассказывают о тяжелых кровопролитных боях под Новгородом, которые продолжались до 25 марта 1943 года. Эта попытка освобождения Новгорода осталась в «нетях» нашей истории.

По архивным данным, в 225-й дивизии, входившей в то время в состав 52-й армии, за 20 марта 1943 года погибло 764 человека, а сколько пропало без вести? Согласно донесениям, часть погибших была захоронена в разных местах. А остальные — так и остались у городского вала, в черте нынешнего Рождественского кладбища и в водах Малого Волховца. Среди погибших были и местные жители из деревень Божонка, Бронницы, Зайцево, Красные Станки и других районов...

В 1991 году участник этих боев Р.И. Якименко писал: «Хочется побывать в ваших краях, посмотреть на те места, откуда мы только смотрели в бинокль на Новгород и ту долину смерти, откуда меня вывели тяжелораненого»³⁵.

В ответе ЦАМО об этом наступлении сказано: «15 марта 1943 года 52-я армия перешла в наступление с задачей форсировать реки Волхов и М. Волходец, уничтожить противника и овладеть Новгородом. С 16 по 20 марта включительно все попытки перейти в наступление успеха не имели. Приказом Волховского фронта, на основании распоряжения Ставки ВГК, наступление было прекращено.

С 20 по 25 марта 1943 года соединения вели бои по улучшению тактического положения занимаемых рубежей»³⁶.

225-я стрелковая дивизия после мартовских боев 1943 года переместилась севернее Новгорода, а большинство наших земляков призыва 1941 года остались навсегда на берегах Волхова и Малого Волховца.

Части 52-й армии (в состав которой входили четыре дивизии: 65-я, 225-я, 229-я, 310-я, а также 38-я лыжная бригада и 150-й УР) потеряли погибшими 8737 человек.

Если учесть, что наступательные бои происходили в одних и тех же условиях, то есть с форсированием водных преград (рек Малый Волходец и Волхов), то становится ясно, что каждая дивизия потеряла не менее половины личного состава.

Анализируя сейчас эти страшные факты, начинаешь понимать, что наступательная операция 52-й армии проводи-

лась с целью удержания сухопутной связи Ленинграда с Большой землей (блокада Ленинграда была окончательно прорвана 27 января 1943 года).

В ходе кровопролитных боев под Новгородом были сорваны попытки наступательных действий врага под Ленинградом.

Только в августе 1997 года после моих неоднократных обращений были начаты работы экспедицией «Долина» на местах боев под Новгородом у городского вала. Сразу были обнаружены погибшие и до осени 1997 года подняты останки 86 солдат и офицеров. За два сезона раскопок 1998–1999 годов число обнаруженных останков достигло 200. В 1999 году вышла книга «Погибли за Новгород». В ней в новой братской могиле значится 44 известных и 66 неизвестных воинов³⁷.

По воспоминаниям ветерана дивизии И.И. Сметкова:

«Во второй половине августа командование дивизии поручило нашей роте разведки с плацдарма за Волховом в районе Теремца при поддержке артиллерии и минометов начать штурм обороны противника по расширению плацдарма. В роте создали специальную группу, в которую были отобраны самые опытные разведчики. Операция началась в ночь на 13 августа. Все шло по строгому плану, но фашисты каким-то образом его разгадали. Разведчикам удалось подготовить проход через минные поля, но когда они двинулись к немецким траншеям, был открыт огонь артиллерии и минометов. Большинство разведчиков, оказавшихся впереди, погибло. А другие, не знавшие проходов на минных полях, подорвались на минах. Командир роты принял решение перебросить через Волхов еще одну группу разведки. Так я совместно с другими разведчиками оказался на знаменитом «пятячке». Глядя на развороченные взрывами траншеи, я вспоминал наши позиции под деревней Лезно. Когда начался артналет, показалось, что прошлое вернулось и я лежу там же, где и лежал год назад.

Три ночи подряд скрытно от противника мы выносили тела погибших товарищей и переправляли их на лодках через Волхов. Все они были захоронены возле небольшой деревни Ложитово»³⁸.

Из воспоминаний М.И. Сукнева: «Дивизия снова рассредоточилась по своему участку Волховского фронта, заняв оборону по правому берегу Волхова от местечка Робейка под Новгородом до разбитых казарм — дер. Муравьи, уже не пытаясь посылать части на левобережный плацдарм (дер. Теремец).

В сентябре произошло переформирование 1349-го полка. Меня назначили командиром третьего батальона, Гайчюна остался комбатом первого батальона. Батальону Кальсина, потерявшему половину личного состава под Хутынью, требовалось пополнение.

В начале октября поступил приказ о форсировании Волхова и захвате плацдарма, высоты Мысовая, что севернее Кречевиц. Это выпало на наш полк. Под утро 5 октября первый батальон Григория Гайчюна, комиссара Федора Кордубайло на лодках после десятиминутной артподготовки, что не подавило огневых точек противника, двинулся через Волхов. Едва лодки достигли середины Волхова, как по ним обрушился смерч артиллерийских снарядов и пулеметных трассеров. Взрывами лодки поднимало вверх, разламывало и в воду падали ключья лодок и людей. Третья часть первого десанта дошла до того берега. За первым следовал второй десант, несмотря на бешеный огонь противника. Через смерти люди доби-

рались до берега и шли вверх по склону высоты в атаку.

Пять суток батальон удерживал дорогу Подберезье–Новгород, обойдя с севера высоту Мысовую. Из пятисот человек вернулись не больше сотни. Остальные, в том числе Гайченя и Кордубайло, погибли вокруг высоты»³⁹.

До января 1944 года 1349-й и 1347-й стрелковые полки находились на правом берегу Волхова. 299-й был передислоцирован в устье Мсты в связи с подготовкой Новгородско-Лужской операции.

Освобождение Новгорода стало возможным благодаря успешным наступательным действиям войск 59-й армии, в состав которой в то время входила 225-я стрелковая дивизия. Именно на эту дивизию в ходе предстоящего наступления возлагались две задачи: участие в наступлении на Новгород с севера (основной удар) и с юга (вспомогательная операция через озеро Ильмень).

В состав южной группы войск Т.-В.А. Свиклина в начальный период наступательной операции от 225-й стрелковой дивизии вошли 299-й стрелковый полк в составе трех батальонов, двух стрелковых и одного лыжного, а также 58-я Отдельная стрелковая бригада, 34-й и 44-й Отдельные аэросанные батальоны⁴⁰. Именно аэросанные батальоны в Приильменье сыграли решающую роль как в обеспечении войск, так и в огневой поддержке наступающих.

Из воспоминаний А.И. Высочина:

«Мне пришлось принимать участие в составе первого СБ 299-го СП в форсировании озера Ильмень, захвате плацдарма на западном берегу озера, в боях за шоссе и железную дорогу Новгород–Шимск в районе деревни Воробейка. Смысл этой операции заключался во внезапном ударе по противнику, оборонявшему левобережье озера. Кроме подразделений 225-й СД, в состав южной группировки входили 58-я Отдельная стрелковая бригада и два аэросанных батальона. Смысл данной операции заключался во внезапности и поэтому на вооружении у наступающих было только стрелковое оружие, легкая артиллерия, минометы и т. п. Рассчитывать в этой операции на быструю помощь и выручку соседа не приходилось, так как предстояло действовать совершенно самостоятельно в удалении от северной (основной) группы наших войск на расстоянии до 40 км. Причем местность представляла собой водную гладь (лед) озера, леса и болота вдоль устья Мсты.

Накануне наступления 299-й СП располагался в районе деревни Холыня. В полку понимали необычность условий наступления и весь день 13 января 1944 года ушел на подготовку к наступлению. Весь личный состав полка был одет в белые маскировочные халаты, а все остальное маскировалось белым материалом (вооружение, волокуши, повозки и даже лошади). Закончив все приготовления с наступлением темноты, 13 января полк совершил переход по снежной целине реки Мста и ночью сосредоточился на восточном берегу озера Ильмень. Впереди виднелась заснеженная равнина

озера. Рано утром 14 января полк двинулся через озеро, шли почти бесшумно, без разговоров. Ориентиром движения на западном берегу была церковь в деревне Троица. Мы должны были достичь побережья левее этой церкви.

Немцы действительно не ожидали нашего появления со стороны озера, еще и рано утром. Достигнув берега, мы дружно бросились на штурм немецкой обороны. Так был завоєван плацдарм на западном берегу озера Ильмень, почти без потерь личного состава. Это было еще затемно, когда на главном направлении (севернее Новгорода) наступление еще не началось. Наступавшими войсками были освобождены деревни: Береговые и Горные Морины, Бабки, Медвежья Голова, Здринога и др. Площадь освобожденного плацдарма за первый день боев достигла 25 км², то есть первоначальная задача наступления южной группы войск была выполнена.

1-й СБ 299-го СП под командованием капитана Демьянюка (где я находился) продвигался вперед к шоссе в обход слева от деревни Старое Ракомо. Противник постепенно собирался с силами и стал вести по нашим подразделениям интенсивный пулеметный и артиллерийско-минометный огонь, но контратаковать нас не осмеливался. Деревня Старое Ракомо оказалась в полукольце наших войск и фашисты, не выдержав атаки с двух сторон, спешно покинули деревню в сторону Новгорода. Нам удалось перехватить лишь часть отступающей колонны. Таким образом была освобождена эта деревня, а след за ней и соседняя — Запостье. С этого момента для нас и для немцев внезапность перестала иметь какое-либо значение. Поняв серьезность окружения, немецкое командование в спешном порядке организовало сильную контратаку против наших наступающих подразделений. На боевые порядки батальона в районе деревни Запостье враг обрушил ураганный артиллерийский огонь, а затем танки и пехоту. Невооруженным взглядом были видны три четы-



Капитан А.И. Высочин.
Фото 1944 г.

рехорудийные вражеские батареи, расположенные у насыпи дороги около Юрьева монастыря, из которых немецкие артиллеристы безнаказанно вели по нам прицельный огонь. Дивизионной артиллерии, которая могла бы дать им отпор, у нас не было. Благодаря стойкости и храбрости бойцов и командиров батальона нам удалось отстоять занятый рубеж у деревни. Расчетом противотанковых ружей удалось подбить один немецкий танк. Второй — подбили артиллеристы. После этого контратака немцев закончилась. Погибшие среди нас солдаты и офицеры были захоронены (впоследствии) в деревне Три Отрока. После ожесточенного боя у деревни Запостье 299-й стрелковый полк продолжил наступление в сторону шоссе и железной дороги Новгород–Шимск.

Успех южной группировки наших войск был неожиданностью не только для немцев, но и для нашего командования. На плацдарм в срочном порядке начали перебрасываться и другие соединения. В их числе оказался 1009-й арtpолк дивизии»⁴¹.

Из воспоминаний командира дивизии П.И. Ольховского: «1347-й и 1379-й стрелковый полк в первый день наступления участвовали на левом фланге главной группировки 59-й армии, то есть в районе Хутины: справа — 1347-й стрелковый полк, левее — 1379-й. В первый день войска главной группировки успеха не имели, в то время как южная группа успешно атаковала противника и овладела рядом населенных пунктов на берегах северной части озера Ильмень. По этой причине был получен приказ командующего армией снять 1347-й стрелковый полк и в ночь на 15 января перебросить для успеха южной группы войск»⁴².

«1347-му СП пришлось вести тяжелые наступательные бои на левом фланге захваченного плацдарма. В период переправы — марша через Ильмень подразделения дивизии попали под бомбежку 27 самолетов противника, при этом затонули два орудия дивизиона. Мы видели эту бомбежку, но наш батальон двигался к реке Веряжа.

Днем 15 января полк сосредоточился для атаки на восточном берегу реки Веряжа возле деревни Желкун. Поступила команда начать форсирование реки и сразу же со стороны противника начался артиллерийский обстрел. Чтобы избежать больших потерь, личный состав полка рассредоточился по реке и двигался враспыленную. Подразделениям полка удалось захватить позиции противника на западном берегу реки.

Немцы отошли в сторону шоссе. 1-му СБ нашего полка удалось выйти к шоссе Новгород—Шимск севернее деревни Воробейка, то есть, вечером 15 января. В течение этого вечера роты батальона расположились на шоссе, окопались и были готовы к отражению вражеской контратаки. Нам удалось уничтожить автомашину противника и захватить водителя. В целях усиления обороны занятого нами рубежа на шоссе перед рассветом 16 января к нам подошел отдельный лыжный батальон нашей дивизии. Ему было поручено занять позиции на железной дороге.

С наступлением рассвета из Новгорода на автомашинах была переброшена вражеская пехота, танки, самоходки и другая техника. Немцы сразу контратаковали наши позиции. Фашистам удалось вытеснить подразделения лыжного батальона с железной дороги, при этом батальон понес большие потери и перестал существовать как боевая единица. Оставшиеся в живых солдаты и офицеры оказались на позициях 1-го батальона.

2-й СБ нашего полка два дня вел тяжелые наступательные бои за деревню Воробейка. Захватить деревню ему так и не удалось и весь оставшийся личный состав также перешел в распоряжение капитана Демьянюка. Транспортные коммуникации врага (шоссе и железная дорога) перестали функционировать, полностью исключалось использование этих дорог и на случай отвода его войск из Новгорода. Для нас наступили дни отчаянных кровопролитных сражений за шоссе в районе деревни Воробейка, которые продолжались вплоть до 20 января 1944 года включительно, то есть до дня освобождения

Новгорода. Мы стремились во что бы то ни стало удерживать шоссе. Под Воробейкой мы уже имели артиллерийскую поддержку не только полковых батарей артиллерии и минометов, но и орудий 1009-го артполка нашей дивизии.

В это же время немцам удалось перебросить по льду озера кавалерийский полк «Норд». Рано утром 17 января при поддержке артиллерии и минометов противник предпринял контратаку на подразделения нашей дивизии: 1347-й СП, роту разведки, учебную роту и другие, находившиеся на левом фланге освобожденного плацдарма. В течение этого дня противнику удалось овладеть ранее освобожденными населенными пунктами: Самокража, Ондвор, Георгий, Козынево, Соуснец, Толстиково. Большая часть личного состава 1-го батальона 1347-го СП, учебная рота были окружены и уничтожены противником. По этой причине командованием были приняты все усилия с целью срыва вражеского наступления, в том числе только что переправленные по льду озера четыре установки «Катюша».

Благодаря их поддержке удалось отразить вражескую контратаку. После освобождения деревни Самокража (ныне Ильмень), были обнаружены изуродованные трупы командира роты и связистки. При отражении немецкой контратаки в боях с конницей противника успешно действовали аэросанные батальоны (на аэросанях были установлены пулеметы).

В это же время нашему командованию удалось дополнительно перебросить через озеро Ильмень 372-ю стрелковую дивизию. Подразделения дивизии прошли через наши позиции в направлении деревни Старая Мельница, причем части дивизии попали под артобстрел и понесли потери.

Только вечером 20 января 1944 года мы узнали, что Новгород освобожден и в этом велика заслуга воинов 299-го СП и приданных нам огневых подразделений»⁴³.

По окончании этих боев, получив пополнение, Первый стрелковый батальон уже в составе дивизии выполнял задачу по освобождению от противника территории Новгородского района между рекой Веряжей и озером Ильмень. Батальон был на самом левом фланге дивизии и наступал вдоль побережья озера. Сильное сопротивление немцы оказали в деревне Козынево. Бой длился несколько часов. К вечеру, когда уже начало темнеть, батальону удалось освободить деревню Спасископец, закончив свои боевые действия у берегов Ильменя.

Впереди были тяжелые бои за освобождение Шимска»⁴⁴.

В силу сложившихся обстоятельств 1347-й стрелковый полк оказался на левом фланге освобожденного плацдарма на западном берегу озера Ильмень.

Из воспоминаний разведчика 115-й отдельной роты разведки дивизии И.И. Смелкова (рота разведки действовала в составе 1347-го стрелкового полка):

«Вечером 15 января 1944 года разведчикам было приказано спешить на помощь нашим войскам, ведущим бои на западном берегу озера Ильмень. 16 января разведчики прибы-



Майор Б.П. Демьянюк.
Погиб в Германии. Фото 1945 г.

ли в деревню Горные Морины и сразу же включились в боевые операции. Продвижению наших частей мешали пулеметчики противника в районе деревни Неронов Бор. Группе разведчиков было поручено овладеть селением и оставаться в нем до подхода стрелкового подразделения. По снежной целине, между деревнями Ильмень и Неронов Бор, удалось пройти в тыл к фашистам и освободить деревню.

Плацдарм за Ильменем все время расширялся. Несколько дней на высотах у Ильменя шли тяжелые кровопролитные бои, фашистские войска отчаянно сопротивлялись, а порой бросались в контратаки. Вечером 17 января мы должны были сменить в деревне Заостровье нашу группу Гагарина, а затем начать продвижение вперед, то есть на Васильевское. В Заостровье нам сообщили, что продвижению мешает пулемет противника, который находится на колокольне церкви села Васильевское. Нашей группе было приказано заходить в атаку со стороны села Георгий. Местность кругом была открытая, лишь кое-где стояли небольшие стога сена. Вечерело и кругом по всей линии вражеской обороны полыхали пожары. Фашисты понимали, что хозяйничать в Поозерье им больше не придется и жгли дома в деревнях Карпово, Донец, Лукинщина и др.

От горевших стогов сена накатило облако дыма и в этом облаке нам удалось добежать до кустов возле деревни. Обойдя по полю село, мы оказались на крепкой дороге, добрались до околицы и забросали гранатами позицию ручного пулемета противника. После этого по нам застрочил крупнокалиберный пулемет, установленный на церкви. Командир выпустил красную ракету, и выстрел орудия вынудил пулеметчика оставить колокольню. Стало совсем темно и начинать атаку решили утром.

Утром фашисты начали наступление со стороны д. Хотяж и Кюпского монастыря. Нам пришлось отойти. Вокруг деревни Медвежья Голова я впервые увидел три установки реактивных минометов («Катюш»). Залпы «Катюш» остановили врага. Нам было приказано добраться до деревни Бабки и там держать оборону. В деревне мне и моим товарищам удалось быть свидетелями как бойцам аэросанных батальонов удалось уничтожить немецкий конный полк «Норд»...

Наша группа была затем направлена в деревню Моисеевичи. Шесть раз на этом участке фашисты шли в атаку. В самой деревне бушевало море огня, горели не только дома, но и броневики и аэросани. В этих боях мы не досчитались многих...

Но несмотря на большие потери, наступление продолжалось. К 23-му января части нашей дивизии полностью освободили от фашистов Поозерье и на широком фронте подошли к реке Шелонь»⁴⁵.

После того как 1347-й полк был переброшен в Приильмень, 1379-му полку на второй день наступления удалось форсировать реку М. Волховец южнее Хутины и продолжить на-

ступление на восточную окраину Новгорода.

Из письма командира 225-й дивизии П.И. Ольховского: «По замыслу командования уличные бои в восточной части Новгорода должен был вести 1379-й СП. В его задачу входило наступление на город со стороны деревни Погорелец, на Пулковскую Слободу и далее на северную окраину города Новгорода»⁴⁶.

Полк при этом был подчинен командованию 191-й стрелковой дивизии, наступавшей на Новгород с севера вдоль Волхова, но по левому берегу.

Из воспоминаний М.И. Сукнева:

«19 января 1944 года 1349-й полк начал наступление на город Новгород через Хутын, Деревяницы при одном бата-

льоне Кальсина. Мой штрафной отдельный батальон численностью более тысячи штыков оставался по фронту напротив Хутынского монастыря, на случай, если окруженные немцы попытаются выйти из окружения именно здесь. В Новгороде мы оказались лишь 22 января. Когда бои были уже в городе, но мост через Волхов был еще не взорван, командир полка И.Ф. Лапшин собрал командиров на совещание в немецком блиндаже. Взрыв фугаса, заложенного в этом блиндаже фашистами, привел к

гибели всего присутствующего командного состава полка»⁴⁷.

Из воспоминаний видно, что полк в период окончательного освобождения Новгорода остался без командного состава. Это обстоятельство задержало продвижение полка.

В дальнейшем полк в составе двух батальонов совместно с двумя другими полками продвигался с боями по Приильменью.

М.И. Сукнев вспоминает:

«На реке Веряжа командование дивизии бросило мой батальон на пулеметы противника и там погибло не менее 50 солдат и офицеров, сам я был ранен»⁴⁸. Это произошло возле деревни Васильевское.

После освобождения Новгорода дивизия в полном составе продвигалась с боями на запад, а тысячи воинов навсегда остались покоиться в земле вокруг Новгорода и в самом городе. В дальнейшем дивизия участвовала в освобождении Шимска, Сольцов, а затем псковских городов Дно и Порхов.

На рубеже реки Великой фашистами была возведена укрепленная линия обороны «Пантера». Прорвать этот рубеж немецкой обороны сходу не удалось, и опять были тяжелые бои и потери.

В мае 1944 года после пополнения дивизия была переброшена в район города Опочка (ныне Псковской области) и принимала активное участие в освобождении Прибалтики и во взятии Восточной Пруссии. В январе 1945 года боевые действия по уничтожению фашистов продолжались на территории Германии, а затем Чехословакии.

12 мая 1945 года в 80 километрах от Праги воины дивизии



Воины-освободители вступают в Новгородский кремль

встретили победу, и в июне 1945 года дивизия была расформирована.

На этом можно было бы поставить точку, но как впоследствии оказалось, война на Новгородской земле не закончилась, так как не все погибшие оказались даже захороненными.

В середине сентября 1988 года в центре Новгорода на перекрестке улиц Литвинова и Пролетарской при проведении земляных работ было обнаружено оружие, а при дальнейших раскопках в развалинах подвала — останки погибших. Впоследствии по обнаруженным документам удалось установить, что это были солдаты и офицеры 3-й танковой дивизии (всего 56 человек). С 15 по 26 августа 1941 года они сражались за город и все погибли.

Таким образом, спустя 47 лет эхо войны вернулось в Новгород. 28 октября 1988 года было проведено захоронение останков погибших у монумента Победы.

17 октября 1997 года, спустя 54 года со времени боев, на Рождественском кладбище были захоронены останки

86 погибших еще в далеком 1943 году. Аналогичные захоронения после раскопок на местах боев проводились в 1998 и 1999 годах. По моему мнению и имеющимся у меня сведениям, это не последние забытые погибшие даже в черте города. В конце февраля этого года в районе улицы Бредова при проведении строительных работ было обнаружено еще одно захоронение периода Великой Отечественной войны.

Из письма ветерана дивизии В.С. Пчелкина: «Вот об этих ужасно трудных днях и снятся мне до сих пор эти новгородские ночные сны»⁴⁹.

Память о войне, о погибших товарищах и объединяла ветеранов дивизии в период активной деятельности Совета ветеранов (с 1973 по 1993 год). Их переписка и общественная деятельность были направлены на восстановление исторической правды о роли дивизии при защите и освобождении Новгорода, а также о тяжелых двухлетних боевых действиях на Волховском фронте.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ЦАМО. Ф. ХВО/ОУ. Оп. 4375сс. Д. 2. Л. 82.

Здесь и далее орфография и пунктуация цитируемых источников сохранена.

² В пламени и славе. Очерки истории Краснознаменного Сибирского военного округа / Под ред. Пьянкова Б.Е., Бекиша И.А., Дашкова С.Е. и др. Новосибирск, 1988. С.77.

³ ЦАМО. Ф. ХВО/ОУ. Оп. 4375сс. Д. 2. Л. 82.

⁴ В пламени и славе. С.82.

⁵ ЦАМО. Ф. 225 СД. Оп. 68939 с. Д. 14. Л. 6.

⁶ Ставка ВГК. Документы и материалы. М., 1996. С. 339.

⁷ Там же. с. 339.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Ф. 225 СД. Оп. 68875. Д. 11. Л. 35.

¹⁰ Там же. Ф. 1499. Оп. 2. Д. 7. Л. 66.

¹¹ Там же. Ф. 1499. Оп. 1. Д. 14. Л. 56.

¹² Там же. Л. 60.

¹³ Письмо В.Е. Калитовского в Совет ветеранов 225-й дивизии. 1973 год // Архив автора.

¹⁴ ЦАМО. Ф. 1499. Оп. 1. Д. 14.

¹⁵ Там же. Л. 53–54.

¹⁶ Владимир Васильевич Баталин, 1919 г.р., был захоронен на воинском кладбище дер. Ложитово. Вся его семья (отец, мать и две сестры) погибли из-за того, что немцы узнали о сыне — офицере Красной Армии.

¹⁷ Н.М. Иванов. На Волховском фронте // Книга Памяти / Под ред. С.Ф. Витушкина. Новгород, 1996. С. 38–39.

¹⁸ ЦАМО. Ф. 1499. Оп. 2. Д. 6.

¹⁹ Любанская наступательная операция (январь-июнь 1942 года). Боевые действия второй ударной армии / Под ред. А. Стрелкова. СПб., 1994. С. 16–19.

²⁰ Письмо С.Е. Зродникова в совет ветеранов 225-й дивизии (с картой боевых действий). 1980 год // Архив автора.

²¹ ЦАМО. Ф. 1499. Оп. 1. Д. 14. Л. 63.

²² Там же. Л. 169.

²³ Там же. Ф. 1499. Оп. 2. Д. 15. Л. 94.

²⁴ Там же. Ф. 1499. Оп. 1. Д. 14. Л. 171.

²⁵ Там же. Ф. 1499. Оп. 1. Л. 173.

²⁶ Там же. Ф. 1499. Оп. 1. Д. 14. Л. 192.

²⁷ Там же. Д. 14–15.

²⁸ Письмо М.И. Сукнева автору. 1996 год // Архив автора.

²⁹ Воспоминания А.И. Высочина. Тетрадь 1. С. 168–169 // Архив автора.

³⁰ Там же. С. 168–173.

³¹ ЦАМО. (Архив 225 СД). Ф. 408. Оп. 9991. Д. 161. Л. 80–111.

³² Письмо Я.А. Ковалева. 1970 год // Архив автора.

³³ Письмо М.И. Сукнева в Совет ветеранов 225-й дивизии. 1993 год. С. 8–11 // Архив автора.

³⁴ Там же.

³⁵ Письмо Р.И. Якименко в Совет ветеранов 225-й дивизии. 1991 год // Архив автора.

³⁶ Ответ ЦАМО № 1–12814 от 12.03.1996 г.

³⁷ Погибли за Новгород / Под ред. С.Ф.

Витушкина. Великий Новгород, 1999. С. 43–46.

³⁸ Из неопубликованной книги воспоминаний И.И. Смелкова «Записки разведчика». С. 80–83 // Архив автора.

³⁹ Письмо М.И. Сукнева в Совет ветеранов 225-й дивизии. 1993 год. С. 12–14.

⁴⁰ 58-я Отдельная стрелковая бригада под командованием подполковника Н.А. Себова, аэросанными батальонами командовали: 34-м — капитан В.С. Фетисов, 44-м — капитан М.А. Прокатилов.

⁴¹ Воспоминания А.И. Высочина // Архив автора.

⁴² Письмо П.И. Ольховского в Совет ветеранов 225-й дивизии. 1974 год // Архив автора.

⁴³ Воспоминания А.И. Высочина Тетрадь 2. С. 3–28 // Архив автора.

⁴⁴ Там же. Тетрадь. С. 185.

⁴⁵ Из неопубликованной книги воспоминаний И.И. Смелкова «Записки разведчика». С. 99–106.

⁴⁶ Письмо П.И. Ольховского в Совет ветеранов 225-й дивизии. 1974 год // Архив автора.

⁴⁷ Воспоминания М.И. Сукнева. 1993 год // Архив автора.

⁴⁸ Воспоминания М.И. Сукнева. 1998 год // Архив автора.

⁴⁹ Письмо В.С. Пчелкина в Совет ветеранов 225-й дивизии. 1993 год // Архив автора.

«А ЖИЗНЬ НАША — ГОРЬКАЯ»

Почтовая служба Новгородчины с 1917 по 1927 годы

Все виды связи в России до 1917 года — почта, телеграф, телефон и радио — существовали как самостоятельные ведомства, отдельно друг от друга, имели обособленные управления, построенные по областной и окружной системе. Например, управление почтово-телеграфными учреждениями Новгородской губернии находилось в Петрограде, в Окружном почтово-телеграфном управлении, куда входили, кроме Новгородской, Псковская, Петроградская и Череповецкая губернии.

Народный комиссариат почт и телеграфов (Наркомпочтель), в ведение которого вошли все почтовые службы страны, был учрежден в апреле 1918 года, а в декабре этого же года местные власти в губерниях, в том числе и в Новгородской, получили инструкцию Наркомпочтеля — «Положение об организации Губернского почтово-телеграфного управления». В соответствии с этим документом было определено, что руководство учреждениями почт, телеграфов и телефонов в каждой губернии осуществляло почтово-телеграфное управление. Во главе Губернского стояла коллегия в составе заведующего и четырех членов, избираемых и утверждаемых на коллегиальных началах. Губернское управление подразделялось на шесть отделений: административное, распорядительное, организационное, контрольно-следственное, счетное и техническое. Члены коллегии являлись в то же время заведующими отделениями. Функции, права и обязанности расписаны были строго по отделениям. Например, *контрольно-следственное отделение* ведало ревизиями и инструктированием почтово-телеграфных учреждений, дознанием и следствием о неявке, утере или похищении корреспонденции; *техническое отделение* занималось развитием телеграфной и телефонной сети, составлением смет на ремонт телефонных и телеграфных линий, проектов и смет на новые линии, эксплуатацией телеграфных и телефонных сообщений, исправлением случайных повреждений и проводов; *организационное* отделение разрабатывало проекты о расширении сети почтовых телефонных и телеграфных учреждений, установкой почтовых и абонентских ящиков, организацией доставки на дом корреспонденции и телеграмм. Положение о коллегиальном управлении в почтово-телеграфных конторах первого и второго классов в Новгородской губернии было принято в июле 1919 года и сопровождалось таким пояснением: «Сложность почтово-телеграфного дела и ряд возникающих в этой области на практике вопросов рассматриваются членами коллегии в общих заседаниях, во время которых каждый член может проявить свое знание, многолетний опыт и соображения для правильного и всестороннего освещения вопросов». Заведующим Новгородским губернским почтово-телеграфным управлением был избран Алексей Григорьев, членами коллегии — Калинин, Овчинников, Абрамов, Кириллов. В обязанности членов коллегии входило обсуждение таких вопросов, которые не затрагивали бы ко-

ренного переустройства внутренней почтовой и технической службы в учреждении. Заседания коллегии были частыми — более десяти в месяц, и продолжительными — иногда проблемы обсуждались до полуночи. Коллегиально решались вопросы о штате служащих, о санитарном состоянии конторы, о расширении столовой, об оплате труда почтово-телеграфным работникам Новгородской губернии и другие.

Вслед за Новгородом коллегиальное управление было введено в почтово-телеграфных конторах Старой Руссы и Боровичей.

Нестабильные годы революций, гражданской войны и разрухи определяли задачи и стиль работы почтового ведомства. Об этом свидетельствует даже неполный перечень названий некоторых декретов и постановлений, регламентирующих деятельность почтово-телеграфных контор в губерниях России, в том числе Новгородской — «О запрещении конфискации и задержании почтовых посылок, почтовой и телеграфной корреспонденции», «О лишении льготной пересылки всех религиозных учреждений», «Об обеспечении скорейшего поступления в доход казны сумм, причитающихся по расчетам за передачу телеграмм в долг», «О перегруженности телеграфов и замедлении передачи срочных телеграмм», «О своевременном отправлении почты» и другие.

За подписью заведующего Управлением Григорьева начальники почт и почтово-телеграфных учреждений губернии получали циркулярные письма о тарифной оплате за телеграммы, о передаче посылок с истекшим сроком хранения из Германии и Австрии для военнопленных в местные органы власти, о заблаговременном оформлении документов для оформления подрядов на перевозку почт и содержание почтовых станций, о бесплатной пересылке писем служащих Красной Армии.

В виду особых условий работы, «требующих крайнего напряжения сил, рабочие и служащие почтово-телеграфного ведомства уравнивались в продовольственном отношении с заводскими рабочими и служащими железнодорожного и водного транспорта и... подлежали обеспечению усиленным пайком». Такое циркулярное распоряжение из Петроградского почтово-телеграфного округа поступило в Новгород в августе 1918 года. В это же время проходило формирование телеграфно-телефонного дивизиона при батальоне связи Красной Армии, дислоцировавшемся на Дворцовой улице в Новгороде. В дивизион набирались лица мужского пола от 18 до 35 лет на должности письмоводителей-механиков, телеграфистов, надсмотрщиков, линейных рабочих и так далее.

Осенью 1918 года была организована при почтово-телеграфных учреждениях республики розничная продажа «произведений советской печати». Таким образом, основную помощь в борьбе с «газетным голодом» должно было оказать почтовое ведомство. В циркулярном письме Наркомпочтеля предлагалось «...отнестись особенно внимательно к этой но-

вой почетной работе почтово-телеграфного ведомства. Своей работой в указанном направлении наше ведомство сблизится с рабочими и крестьянскими массами глухой провинции и за своевременное снабжение их своей рабочей газетой скоро услышит самое искреннее «спасибо».

Невероятную нагрузку испытывали служащие почт и телеграфов, телеграфные линии были постоянно загружены настолько, что Наркомпочтель назвал «телеграфную словоохотливость» самым опасным врагом телеграфа. «Ежедневно приходится получать депеши, носящие совершенно несрочный характер, которые можно было вполне отправить почтой. Всякую ерунду, всякую глупость обязательно телеграфируют. Категорически требую положить конец такой словоохотливости. Авторам таких телеграмм передать суду. Приказ этот предать широкой огласке. Завгубам предлагаю принять самые решительные меры борьбы со злоупотреблением телеграфным словом», — приказывал нарком почт и телеграфов Подбельский.

Среди архивных документов сохранились ведомости телеграмм, «обменных с иностранными государствами в учреждениях почтово-телеграфного ведомства». За 1918 год из Боровичей были отправлены три телеграммы — во Францию, Северную Америку (так в тексте) и в Австро-Венгрию, из Старой Руссы — шесть в Великобританию и одну — в Северную Америку.

В начале 1919 года инспектор Комиссариата почт и телеграфов Союза коммун Северной области проводил ревизию Новгородской почтово-телеграфной конторы № 1. Перечень недостатков состоял из 34 пунктов, среди которых были названы такие: слишком преувеличен штат конторы; фактической проверки наличности денежных сумм и ценностей не производилось; почта с крупными ценностями отправлялась на вокзал без усиленной охраны; простая почта разбиралась очень медленно; городские почтовые ящики для опускания писем находились в крайне запущенном состоянии; передача депеш производилась частью со значительным замедлением без уважительных причин; секретные военные телеграммы важного содержания принимались и передавались общим порядком как обыкновенные; входящие телеграммы доставлялись адресатам спустя несколько часов и отправлялись в разном по накоплению 60 штук и более.

В результате этой проверки управляющий конторой Печкарев был уволен, а заведование принял Орлов.

В 1919 году в Новгородской губернии насчитывалось 150 почтовых и почтово-телеграфных отделений, из них только в Новгороде действовали почтово-телеграфная контора первого класса (заведующий — Сергей Орлов), почтово-телеграфная контора № 2 четвертого класса (17 служащих, заведующий — Соколовский), новгородская центральная телефонная станция (39 служащих, зав. радио — Эренбуш) и новгородская приемная радиотелеграфная станция (шесть человек, старший механик — Воронин). Работа почтовых и почтово-

телеграфных отделений по губернии возглавлялась заведующими, сотрудники делились по роду исполняемых обязанностей на квалифицированных, полуквалифицированных и неквалифицированных. В Новгородской почтово-телеграфной конторе первого класса состояли на службе 184 человека, среди них заведующий, помощник заведующего, зав. телеграфом, старший по аппаратной, экспедиторы, зав. страх. отделением, ведающие приемом и выдачей переводов, механики, надсмотрщики, морзисты, бодисты, сортировщики и другие. Предусматривались в штатном расписании также должности врача, фельдшера, унтер-офицеров, телеграфных рассыльных, грузчиков. Располагалась контора по Знаменской (Нутной) улице, в доме № 9.



В ноябре 1919 года в структуре Новгородского губернского почтово-телеграфного управления насчитывалось 696 почтово-телеграфных служащих и 743 неквалифицированных работника. Ежемесячно составлялись ведомости движения почтовой корреспонденции по губернии. Так, за сентябрь 1919 года в ведомости были записаны такие данные: простая почта — 559021, заказная — 17853, ценные письма — 346, посылки ценные —

8962, посылки обычные — 5614.

Вводились нормы определения штатов рабочих и служащих народной связи. Например, по *почтовой связи* для приема и выдачи корреспонденции существовали такие нормы (по количеству почтовых отправок на 1 человека за 1 рабочий час): прием ценных писем — 10; прием посылок — 10, выдача — 12; прием переводов — 12, выдача — 12; прием заказных отправок — 40, выдача — 40; прием простых отправок — 200.

По *телеграфной связи* норма по приему на одного человека составляла 20 депеш с количеством слов — 300. В аппаратной службе вычисления были гораздо сложнее, с учетом использования различных телеграфных устройств — аппаратов Уинстона, Юза, Бодо, Сирина, Сифона, Морзе, Клоппера.

Декретом СНК от 2 мая 1918 года предусматривалось открыть в срочном порядке на всей территории Российской Федерации 2340 почт и почтово-телеграфных отделений со сберегательными кассами при них. Все вспомогательные почтовые пункты, например при железнодорожных станциях, преобразовывались в почтовые и почтово-телеграфные отделения нормального типа. Таких пунктов насчитывалось 660, поэтому общее число действующих почтовых учреждений в стране должно было составить 3000. В том числе и в Новгородской губернии открывались новые телеграфы при почтовых отделениях в Угловке, Оксочах, Черенчицах (Старорусского уезда); устраивались новые подвесные линии телеграфных проводов Новгород — Валдай, Сольцы — Мшага, Новгород — Старая Русса. Перевозка почты в Новгородской губернии по-прежнему осуществлялась частными лицами или общественными (кооперативными) организациями, получивши-

ми подряд от почтово-телеграфной конторы. О проведении торгов на сдачу такого подряда население регулярно оповещалось через губернскую газету «Звезда».

Практически все документы этих лет пронизаны классовым идеологическим подходом, в том числе и документы, регламентирующие деятельность почтовых учреждений. Например, в циркулярном письме Наркомпочтеля сообщалось: «СНК, считая, что более упрощенный широкий обмен перепискою между пролетариями города и бедняками деревни служит к большему закреплению союза между ними и содействует, таким образом, делу организации революционно-социалистических сил России, постановил декретом от 24 ноября 1918 года допустить с 1 января 1919 года в пределах Советской России бесплатную пересылку открытых и закрытых писем весом не свыше 15 граммов». Кроме этого, Народный Комиссариат почт и телеграфов предлагал создать особый институт посыльных, на которых будет возложена доставка из каждого почтового учреждения в окрестные селения ежедневно или в определенные дни всей письменной корреспонденции и переводов на сумму 100 рублей, и при этом «гуще развить» (так в тексте) сеть почтовых и почтово-телеграфных учреждений.

Очень остро ощущалась слабая профессиональная подготовка «почтеслужащих». На должности квалифицированных служащих часто допускались ученики, которые «неаккуратно посещают учреждения и без живого интереса относятся к скорейшему изучению службы, не сознавая, что недостаток живой силы в ведомстве не только подрывает трудоспособность служащих, но и вносит разруху в таковое и препятствует правильному развитию учреждения». Недостаток специалистов составлял от 60 до 70 процентов служащих во всех губернских почтовых учреждениях. Поэтому в 1919 году в Новгороде планировалось открыть техническое телеграфное училище с трехгодичным курсом обучения и курсы почтово-телеграфных работников. С таким предложением выступил губернский съезд почтово-телеграфных служащих еще в ноябре 1918 года. Программой курсов предусматривалась подготовка квалифицированных кадров, прежде всего для эксплуатации телеграфа, телефона и радио. Составлялись учебные планы, в которые помимо общеобразовательных предметов, таких, как алгебра, геометрия, физика, механика, входили и специальные — телеграфия, телефония, телеграфо- и телефоностроение, теория сопротивления материалов. Предусматривались и практические занятия — уход за аппаратами, технические измерения и работы в лабораториях, занятия на учебных станциях, проектирование испытания материалов, ремонт оборудования. Организовывались краткосрочные специальные курсы по подготовке надсмотрщиков и механиков, а также 10-месячные курсы иностранных языков (немецкого и французского), обучающие специалистов для передачи телеграмм за рубеж.

В 1919 году все школы и курсы работников народной свя-

зи перешли в ведение подотдела профессионально-технического образования Отдела народного образования Новгородского губисполкома.

В 1920 году Новгородское почтово-телеграфное управление вошло в состав губисполкома на правах его отдела. Основные функции отдела состояли в установлении и регулировании всех видов связи, контроле за работой всех учреждений почтово-телеграфного ведомства и определении путей их дальнейшего развития. В структуру губотдела связи входили шесть отделов — секретариат, административный, эксплуатационный, материально-хозяйственный, финансовый, технический.

Особое внимание в 1920-е годы уделялось укреплению служебной дисциплины в советских учреждениях. Учреждения народной связи находились на военном положении, и за перерыв связи, задержку или разглашение проходящих сведений виновные карались революционным трибуналом по законам военного времени, вплоть до расстрела. В постановлении ВЦИК от 26 апреля 1920 года предусматривались такие

дисциплинарные взыскания в случае нарушений трудовой дисциплины, как выговор, выговор с опубликованием в печати, арест до двух недель и перемещение на другие нижестоящие должности. В циркулярном письме Наркомпочтеля в июне 1920 года говорилось: «Прежде всего, должна подтянуться администрация... Тщательное инструктирование, ведение точной отчетности о ходе работы и личном составе, учет и устранение прогулов — вот основная обязанность персонала. Никаких

ссылок при этом на обстоятельства, якобы мешающие работе. В случае обнаружения расхлябанности, беспорядка первой будет арестовываться администрация... Обязанность техников — обеспечить наибольшую пропускную способность проводов, исправность аппаратов — усилить надзор за магистралями, в особенности основными, обслуживающими фронты».

Основная масса почтовой корреспонденции отправлялась по железной дороге, но не всегда согласовывалась деятельность почтовых контор и железнодорожного транспорта. Поэтому частыми были задержки корреспонденции при пересылке, почтовые учреждения не предпринимали мер «к усилению перевозочных средств для успешного обмена почт с почтовыми вагонами и местными железнодорожными отделениями». Кроме того, всего лишь один раз в день производились очистки почтовых ящиков и, как правило, без согласования с расписанием отправок почтовых поездов. Для ускорения почтовых перевозок Главное управление путей сообщения установило определенный порядок перевозки почт по железной дороге: в поезда включать не более одного почтового вагона, тяжелую почту — посылки — возить со смешанными и ускоренными поездами, срочную корреспонденцию и литературу перевозить в багажных вагонах.

В духе времени почтово-телеграфные конторы в губерниях, в том числе и в Новгородской, организовывали субботники. 1 мая 1920 года проводился такой общесоюзный суббот-

ГРАЖДАНЕ!

в случае нападения БАНДИТОВ

распространения эпидемий, пожара, наводнения - телеграф и телефон СОСЛУЖАТ ВАМ БОЛЬШУЮ СЛУЖБУ. НЕ ПОЗВОЛЯЙТЕ ВАШИМ ДЕТЯМ РАЗРУШАТЬ ИХ.

Тираж 3-й. Издательство Союза, Уд. Союза Советов, № 18. Ленинградский Губисполком, 26 апр. 1920 г.

ник. Всем конторам рекомендовалось проявить «исключительную энергию и напряжение в этот день для борьбы с разрухой в почтовом деле — для обработки залежей почт и телеграфной корреспонденции, для приведения в порядок запущенных книг, документов, для чистки и ремонта аппаратов и приборов» и прочее. Для каждого участника субботника выписывался в исполкоме бесплатный паек, и длился такой субботник сутки.

«Почтово-телеграфные учреждения главной своею задачею должны ставить организацию быстрой и обеспеченной пересылки легких почтовых отправок — писем и газет... Посылки же, кроме легковесных, являются наследием товарного общества, которое РСФСР необходимо изжить возможно скорее», — уведомлял Наркомпочт и телеграфов Губернское почтовое управление. — «И если сделано на время боевых действий исключение для красноармейских посылок, то их нужно ограничить лишь действительно красноармейцами, а не расширять на целый ряд лиц, во многих случаях спекулирующих на этом деле». В свою очередь Новгородское губернское почтовое управление на основании приказа Наркомпочтеля предлагало «всеми мерами стремиться к сокращению посылочных операций... Посылки с мукой и зерном принимать только от красноармейцев... Прекратить прием посылок пачками от кого бы то ни было». После того как постановление вступило в силу, все отправители «массовых посылок» задерживались органами ЧК для «установления личности» и проверки документов в продорганах — на наличие факта спекуляции. Запрещались всякие командирования почтово-телеграфных работников в качестве уполномоченных для сопровождения посылок с продуктами.

В тяжелые годы гражданской войны профсоюзная организация — местный комитет губкомсвязи — организовывал проведение «Недели фронта», при этом однодневный заработок почтового служащего отчислялся в фонд Красной Армии, приготавливались подарки для красноармейцев. Местком также пытался решать хозяйственные бытовые вопросы: об утверждении продпайка, о неаккуратной топке печей в помещении Губернского управления, о невозможности получить кипятка, о назначении для поездки в Бологое служащих за продуктами и т. п., в то время как производственные вопросы и их решение находились в ведении коллегии Управления. В журнале заседаний коллегии зарегистрированы такие вопросы: о ревизии почтово-телеграфных отделений, об обследовании деятельности почтово-телеграфных контор, прошения о переводе и увольнении, о замещении вакансий, о правильном ведении денежных приходо-расходных книг, о грубой брани, об увеличении контрактной платы, об установлении очистки почтовых ящиков по городу Новгороду, о материальном обеспечении вновь открываемых почтово-телеграфных отделений, и т. д.

Коллегия губотдела связи утверждала также инструкции «почтеслужащих» неквалифицированных категорий рассыльных, сторожей, дворников. «Рассыльные телеграфных, почтово-телеграфных и телефонных учреждений должны быть люди расторопные, по преимуществу молодые и умеющие читать, писать и считать... Рассыльный должен быть всегда трезвым, вести себя благопристойно и быть вежливым. Главная обязанность рассыльных заключается в доставлении депеш, поэтому рассыльный должен иметь полные сведения обо всех местностях города, также, сколь возможно, и о лицах, получающих депеши, для того, чтобы он мог достав-

лять телеграммы без лишних расспросов, споров, верно и кратчайшим путем...»

Участковые механики телеграфа и телефона также имели свою инструкцию. Она предусматривала в целях непрерывного поддержания телеграфных линий, главным образом магистральных, в надлежащем состоянии, целый ряд мероприятий. Так, монтеры обязаны были аккуратно, каждую неделю осматривать состояние линий и проводов в своих околотках, «устраняя попутно все замечаемые ими недостатки на проводах и самих линиях, дабы этим недостаткам не дать проявиться в более крупных размерах при стихийной погоде. В случае обнаружения монтерами на проводах осадков гололеда, доходящих толщиной до дюйма, а то и меньше, подлежит возможно чаще влезать на столбы и сбивать гололед путем ударов плоскогубцами по проводам...» Работа более сложная, например, по замене столбов, выполнялась сразу несколькими монтерами под наблюдением кадрового линейного надсмотрщика, с ведома заведующего участком. В целом ответственность за исправность линии нес заведующий: он вызывал штатных монтеров, сообщал о поломке в отдел связи губернии, при необходимости выезжал к месту аварии сам.

Целый ряд постановлений и распоряжений почтового ведомства губернии были направлены на предотвращение и принятие самых решительных мер против умышленной порчи телефонных и телеграфных линий — кражи проводов и проволоки, порче изоляторов и т. п. Этот же вопрос решался в обязательном постановлении Новгубисполкома, опубликованном 7 ноября 1920 года в газете «Звезда». В постановлении предлагалось всем уездисполкомам, волысполкомам, сельсоветам и всем должностным лицам принять самые решительные меры по борьбе с умышленной порчей телеграфных и телефонных линий и проводов. Ответственность несли по принципу круговой поруки все граждане, в районе жительства которых будет совершено умышленное повреждение. Телефоно-телеграфные надсмотрщики или монтеры, выехавшие на место повреждения линии, составляли акт даже в случае незначительной порчи (несколько разбитых изоляторов, порча оттяжки или подпор у столба, нумерации на столбах). Заведующий телеграфным или телефонным участком составлял пояснительную записку с указанием расходов на устранение повреждения, и, увеличенную в 10 раз, сумму взыскивали с жителей этой территории. Если случалось застать злоумышленников на месте преступления, то им грозил арест и суд по законам военного времени.

В конце 1920 года Наркомпочтель претерпел реорганизацию. Высшей инстанцией по отношению к начальникам Управлений являлась коллегия комиссариата почт и телеграфов. Наркомат делился на четыре управления — главное, эксплуатационное, техническое и снабжения. *Главное* управление являлось органом административного руководства и в центре и на местах, ведало финансами, статистикой, личным составом, профессиональным образованием, издательской и справочной работой. *Эксплуатационное* отделение занималось составлением и выполнением проектов по постройке, переустройству, расширению и ремонту станций, линий, зданий, силовых установок. *Техническое* руководило развитием сети почт, телеграфов, телефонов и радиоучреждений республики, развитием и усовершенствованием всех видов связи, применением новых методов работы. В ведении управления *снабжения* было все техническое и хозяйственное снабжение учреждений комиссариата, в том числе обеспечение заявок

местных почтово-телеграфных учреждений.

На 1 марта 1921 года штат Новгородской почтово-телеграфной конторы составлял 239 человек, из них квалифицированных — 131, техников — 14, полуквалифицированных — 50 и неквалифицированных — 44; непосредственно в наличии состояло 210 человек. Контора делилась на два подотдела — почтовую и телеграфную части. Почтовая часть занималась приемом, выдачей, заделкой, разборкой и доставкой корреспонденции, телеграфная — принимала, обрабатывала и выдавала телеграммы. За сутки Новгородская почтово-телеграфная контора принимала 15–20 посылок, выдавала — 30–35; переводов получала на сумму 2–3 млн. рублей, выплачивала — на сумму 1 млн. рублей. Район доставки отправлений разделен был на восемь участков, и один письмоносец занимался доставкой корреспонденции исключительно в советские учреждения. Обмен почты производился три раза в неделю, за исключением трактовой почты. Перевозка почты в губернии осуществлялась гужевым транспортом, и при этом вполне обеспечивалась своевременная ее доставка. Почта в Новгороде перевозилась не только гужевым транспортом, но были еще задействованы легковой и два грузовых автомобиля, полученные в свое время из Петроградского почтамта.

В этом же году проводилось сокращение штатов сотрудников почтово-телеграфных учреждений, число контор уменьшилось со 185 до 135, число служащих — с 1887 до 1031.

Заведование губернским отделом народной связи осуществлял Григорьев, его помощником по административной части был Подгайский, помощником по технической части — Урбанович.

В докладе о деятельности Губернского почтово-телеграфного управления, подготовленного по итогам работы учреждений службы связи за 1922 год, сообщалось и о деятельности таких подразделений, как телеграф, телефон и радио.

Еще в 1919 году, когда происходило разделение окружных учреждений связи по губерниям, Новгородское почтово-телеграфное управление приняло в свое ведение 143 почтово-телеграфных учреждения, из них 60 с телеграфом, со 112 телеграфными аппаратами, среди которых были действующими аппараты Юза, Бодо и 196 аппаратов Морзе. Телеграфных линий перешло 2055, 88 верст с 10439,7 верстами подвешенных проводов, причем находились они в посредственном состоянии. Кабельные телеграфные переходы через Волховский и Мстинский мосты по Николаевской железной дороге определялись как крайне неудовлетворительные. Предпринимались меры по ремонту телеграфных линий, установке новых изоляторов и столбов и ремонту поврежденных, пресекались случаи хищения проводов.

Относительно телефонной сети в докладе сообщалось, что она, до перехода в отдел связи, состояла в ведении городского самоуправления — городских управ, которые «были мало знакомы с технической стороной дела, а потому находилась в неудовлетворительном состоянии». К моменту передачи дел

в структуру народной связи телефонные сети располагались в Новгороде, Старой Руссе, Валдае, Крестцах и Медведе, междугородное телефонное сообщение было установлено и функционировало между Новгородом и Крестцами. К 1920 году были обустроены телефонные сообщения по линиям Новгород–Шимск–Старая Русса, Шимск–Медведь, Старая Русса–Пола–Лычково и Старая Русса–Холм. Телефонные переговоры по ним проводились исключительно «по деловым надобностям» — для срочных служебных переговоров или при производстве технических испытаний других телеграфных проводов. В Новгороде телефонная связь осуществлялась через Центральную телефонную станцию и 10 подстанций. При однопроводной системе число абонентов в городе составляло 550, из-за перегруженности установка новых телефонных абонентов была временно приостановлена. Действовала

в Новгородской губернии «вполне безукоризненно» и беспроводное радиотелеграфное сообщение. Станции беспроводного телеграфа были установлены в Новгороде, Старой Руссе, Валдае, Боровичах.

Отдел связи организовывал и собственно почтовую службу. С его ведома открывались новые почтовые тракты, ремонтировались старые, «сообразуясь с тем, чтобы ускорить доставку почты». Отдел имел в своем распоряжении

два почтовых вагона, курсирующих по маршруту Чудово–Званка и Новгород–Луга. Но, к сожалению, не всегда почтовое ведомство находило общий язык с местными властями, которые должны были выделять помещения для почтовых учреждений на местах и регулировать перевозку почты. В результате «почтовая кладь оставалась без движения неделями из-за неподачи своевременно лошадей».

Отдел связи Новгородского губисполкома в 1919–1920 годах, в соответствии с распоряжением Наркомпочтеля, открывал новые почтовые учреждения только там, где располагались фабричные центры и было сосредоточено значительное число населения, и в тех населенных пунктах, где само население могло бы принимать на себя расходы по оборудованию бесплатного помещения для почтового отделения.

В 1921 году Совнарком издал постановление, а Наркомпочтель инструкцию, об открытии почтовых отделений при волисполкомах и сельсоветах, при школах, коммунах, станциях железной дороги, при условии, чтобы заведение этими отделениями взяли на себя соответственно служащие волисполкомов, сельсоветов и т. д. Но с проведением в жизнь программы НЭПа эти планы были нарушены. Мало того, были закрыты 35 нерентабельных — бездоходных или необеспеченных помещением учреждений. Сохранилась такая статистика: за три года, с 1919 по 1921, были открыты 28 почтовых учреждений, из них в 1919 году — 13, в 1920 — 11, в 1921 — 4. К ноябрю 1921 года в Новгородской губернии насчитывалось в общей сложности 179 почтовых учреждений, пять вспомогательных пунктов.

В отчетном докладе о деятельности учреждений народной связи, в том числе и почтовой службы, за 1921 год указы-



валось, что развитие почтовых и телеграфных связей зависит «от экономического состояния страны, от сети железнодорожных путей и исправности их... от состояния грунтовых дорог — почтовых трактов и содействия к открытию новых почтовых учреждений, как самого местного населения, так и местных органов власти».

По-прежнему ощущалась острая нехватка специалистов учреждений народной связи, из-за чего иногда невозможно было открыть действие новых телеграфных линий. Так было с устройством в 1921 году телеграфной связи Новгород–Малая Вишера–Бологое, где на линии вместо обязательных семи телеграфистов службу несли только три, а ответственное дежурство, требующее знания и опыта, возлагалось на подростков-учеников. Для подготовки почтельслужащих в Новгороде учреждались курсы по обучению квалифицированных почтово-телеграфных и радио-телеграфных работников, надсмотрщиков и механиков. Краткосрочные пятимесячные курсы были открыты в Новгороде для подготовки радиотелеграфистов-слухачей, на которые принимались телеграфисты-морзисты, окончившие вторую ступень единой трудовой школы, служащие почтово-телеграфного ведомства «достаточно грамотные, с хорошим почерком и хорошо знающие четыре правила арифметики».

В Новгороде в 1920-е годы существовал клуб народной связи им. Подбельского, который располагался по улице Первого мая, д. 43. Клуб являлся центром культуры и досуга работников народной связи. При нем работала библиотека, открытая 8 октября 1922 года, на учете которой состояло 1350 книг; были организованы различные кружки — музыкальный, общеполитический, литературный, драматический, ремесленный, детский, антирелигиозный, спортивный, концертно-театральный и развлечений. Председатель клуба Надежин был в числе организаторов самых различных культурно-массовых мероприятий — воскресника по оборудованию детской площадки, концерта-бала «с перечислением денег в новгородский комитет по проведению «Недели беспризорного и больного ребенка», спектакля и концерта для делегатов съезда почтово-телеграфных служащих и т.д.

В 1925 году должность заведующего Новгородской почтово-телеграфной конторы исполнял Сергей Васильевич Орлов. Он подписывал договоры, которые заключала контора с заведующими отделениями связи по доставке почтовой корреспонденции. Агент, заключивший договор с почтой, обязывался принимать от населения всякого рода корреспонденцию по существующим таксам и подписку на периодические издания и доставлять ее в почтовое агентство два раза в неделю. Такая доставка почты носила название «кольцевая почта». Со своей стороны почтовое ведомство обязывалось исправно оплачивать работу почтальонов-письмонош, а также снабжать сотрудников одеждой, которую трудно назвать формой почтового служащего и, тем более, сравнить с формой служащих почтового ведомства XIX века. Это были тулужка, фураж-

ка, брюки, брезентовое пальто, пара сапог и пара валенок. Агенту выдавались авансовые знаки почтовой оплаты, гербовые марки, товары агентства связи и он нес материальную ответственность за них. Вот как сами почтальоны описывали свою работу: «25 сентября 1925 года в нашей Тесовской волости при Вяжищском почтово-телеграфном отделении организована кольцевая почта, охватывающая 67 деревень... разбитая на пять районов... И, заключив условие с Новгородской почтово-телеграфной конторой № 1, мы, почтальоны-письмоносцы, принимаемся за дело. Днями разноски у нас среда и воскресенье. В 9 часов утра мы забираем корреспонденцию и отправляемся в разноску, откуда возвращаемся в 6 вечера. Нужно отметить тот факт, когда первые разы появились мы в деревнях, крестьяне были удивлены, что письма и газеты им доставляют на дом, а не надо ходить за 10-12 верст самому,

прогуливая целый день... тут нам пришлось разъяснять крестьянам о значении кольцевой почты и ее цели... Увеличилась подписка на газеты — в начале выписывались по 10-12 экземпляров, спустя 2 месяца — увеличилась до 50 экземпляров. Нужно не задумываясь сказать, что жизнь наша горькая... мы до сих пор не знаем, что такое спецдежда. Теперь настали морозы, стало холодно и вот мы, почтальоны-письмоносцы,

закутавшись в свой причудливый плащ, похожий на мешок из-под картошки, в холодных кожаных сапогах, бежим... Ходит человек, а не разберешь кто он — пастух или почтальон».

Всего по Новгородскому уезду было установлено 64 почтовых кольца, из которых 47 обслуживались сельскими пешими письмоносцами, штатными работниками почтово-телеграфных учреждений и агентами — десять и конными письмоносцами — семь. «В общем, совершается путь в 1829 км с обходом 672 селений, обслуживанием 31959 домов (с числом жителей 1650619), 124 сельсоветов, 186 школ, 42 избчитален и 87 кооперативов».

В 1928 году почтовая сеть Новгородской губернии делилась на основную и вспомогательную. К последней относились внештатные почты, передвижные по трактам, в почтовых вагонах, на пароходах, сельские письмоносцы. Все остальные составляли основную сеть. В Новгороде к этому времени действовали три почтово-телеграфных отделения, одна окружная контора, две телефонные станции.

Основание: ГАНО. Ф. Р-1183. Оп.1. Д.11, 12, 25, 26, 42, 82, 89, 101, 103, 110, 111, 123, 136, 168, 200, 221, 226, 231, 232, 237, 269, 276, 286, 289, 295, 316, 406, 463; Ф. Р-1182. Оп.1. Д. 4, 9, 25, 27; Ф. Р-1633. Оп.2. Д.43.

На иллюстрациях: Рекламные объявления Северо-Западного округа связи о значении телеграфа и его сохранности. 1923–1924 гг. ГАНО. Ф. 214. Оп. 2. Д. 7. Л. 88, 90–93.



О ВИКТОРЕ КРЕНКЕ

Едва-едва прочитала я в журнале «Чело» статью Г. Коваленко о Рюрике, которая началась с упоминания о том, что «памятник “Тысячелетия России” первоначально был задуман, как монумент первому русскому государю Рюрику», как на глаза мне попались, напечатанные в журнале «Исторический вестник» воспоминания В. Кренке, под названием «Из истории памятника Тысячелетия России», которые начинаются словами: «Мне принадлежит первая идея о сооружении в Новгороде памятника Тысячелетия России». И далее идет рассказ о том, как в феврале 1857 года в беседе с К.П. фон Кауфманом, автор воспоминаний, тогда полковник и командир учебного саперного батальона, беседа о жизни и стоянке Гренадерского саперного батальона в Новгороде к слову заметил: «...что через пять лет совершится тысячелетие России, что хорошо было бы соорудить монумент Рюрику и самое приличное место для этого есть Новгород, как колыбель русского государства, что для исполнения этого предприятия пяти лет только, что достаточно, надобно объявить всенародную подписку на сооружение памятника, составить проект его и соорудить, и прибавил, что в этом деле более всех может пособить наш великий князь, как новгородский князь [имеется в виду великий князь Николай Николаевич, начальником штаба которого был фон Кауфман]... Я, как сам новгородец, объяснил, что новгородцы считают Николая Николаевича своим князем... При продолжении разговора об осуществлении идеи памятника я говорил, что вероятно прежде всего придется писать Министру юстиции об объявлении Сенатским указом всенародной подписки на памятник и обратиться к двум Академиям — Художеств и Науки, — к первой об объявлении конкурса на составление проекта памятника, а ко второй об указании места, где впервые поселился Рюрик в Новгороде». 15 февраля Кауфман, по словам Кренке, «радостно встретил меня, сказал, что я пришел очень кстати, что успех с памятником превзошел все ожидания, великий князь не только принял в этом участие, но уже успел доложить и государю, и государь, как выразился великий князь, принял эту идею с восторгом и приказал великому князю самому писать об этом Министру юстиции и в обе Академии». Составлять эти письма пришлось автору идеи В. Кренке и их полный текст приведен в его воспоминаниях, правда автор замечает: «Я не знаю в таком ли виде пошли эти письма по принадлежности, или были изменены, но... этим и ограничилась моя лепта на па-

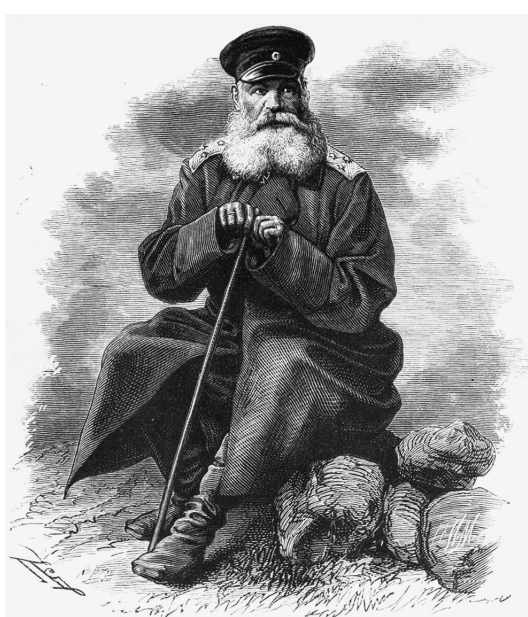
мятник тысячелетия России».

«Весной 1857 года, состоялся указ правительствующего сената об открытии всенародной подписки на сооружение памятника. В 1858 году, великая княгиня Александра Петровна сообщила мне, что из множества проектов государю более всех понравился проект молодого художника Микешина». Однако, как часто это бывает в России, «первые виновники торжества». В. Кренке и К.П. фон Кауфман, не были приглашены в 1862 году на празднование по поводу открытия памятника¹. Меня заинтересовала личность автора воспоминаний, тем

более, что фамилия Кренке была мне знакома. Из родословной новгородских помещиков Храповицких, владельцев усадьбы Ватагино, я знала, что одна из дочерей П.А. Храповицкого, Екатерина Павловна, была замужем за генерал-майором Константином Даниловичем Кренке. В надежде на то, что фамилия Кренке достаточно редкая и В. Кренке находится в каких-то родственных отношениях с мужем Е.П. Храповицкой, я обратилась к запискам Г.И. Юзефовича, хранящимся в ГАНО и являющимся прекрасным источником сведений о семействах бывших в родстве с Храповицкими. Мои надежды полностью оправдались. Виктор Данилович Кренке, оказался старшим братом К.Д. Кренке, деверем Е.П. Храповицкой, а кроме того, после смерти родителей опекуном их многочисленных детей.

Характеризуя Виктора Даниловича, достигшего в конце своей военной карьеры звания генерал-лейтенанта, Юзефович говорит о нем как о человеке хорошо образованном, знающем свое дело, умном и усердном, немало сделавшим для инженерного корпуса, в котором он прослужил более 30-ти лет. Юзефович рассказывал о Викторе Даниловиче как о личности, принимавшей участие во многих важных событиях русской истории, в то же время характеризует его с точки зрения глубоко личной, семейной родственной, показывая такие его черты и поступки, которые никак не могли бы быть отмечены в официальной биографии.

Новгородцем (коим он себя считая, как видно из выше приведенных строк) В.Д. Кренке стал не по рождению, а после женитьбы на тихвинской помещице Александре Александровне Тегловой, за которой он должен был «получить часть имения в Тихвинском уезде «Переходы» (в 40 верстах от Тихвина), но он получил все, как благоприобретенное, с условием выплачивать прочим наследникам известную сумму денег до их смерти, что и делать, так долго, что несколько раз по-



Генерал-лейтенант В.Д. Кренке, бывший начальник инженеров на Шипке.

(Рис. П.Ф. Борель, грав. И. Матюшин)

крыл стоимость всей усадьбы... В «Переходах» он и живет, почти постоянно, со времени получения запаса», — писал Юзефович в своих записках.

«В имении своем завел хозяйство на началах, выработанных своим собственным опытом, но хозяйство поручил главным образом дочери, а сам занимается, пишет статьи... написал несколько руководств для сельского хозяйства и несколько учебников»². Эти строчки, в записках Юзефовича навели меня на мысль: а что если Виктор Данилович так много времени, в последние годы жизни, уделяя литературной и научной деятельности, опубликовал на страницах «Исторического вестника», еще какие-нибудь свои воспоминания? Последовавшие поиски принесли богатый урожай и позволили мне познакомиться с рядом его публикаций: «Кадетский быт 20–30-х годов», «Быт саперов 50 лет назад», «Мой арест и освобождение», «Быт саперов 25 лет назад».

Последнее упоминание Кренке на страницах «Исторического вестника» — это довольно обширный некролог, помещенный в августовской книжке журнала за 1893 год. Сведения о Викторе Даниловиче можно почерпнуть и на страницах «Русского инвалида» за 1884 год и в «Иллюстрированной хронике войны 1877–1878 годов», на эти издания указывает в своих записках Юзефович.

«Даниил Кренке, отец Виктора Даниловича был чистый немец, он был доктор в Одессе и женился на русской. Дети его все обрусели, приняли по рождению православие и даже забыли немецкий язык», — указывает в своих записках Юзефович³. Сам Виктор Данилович писал: «Родился я 13 июня 1816 года, в городе Торопец Псковской губернии, отец мой, после Аустерлицкой кампании 1805 года в числе других немцев, был вызван в Россию в лекаря, поступил в петербургскую медицинскую академию и последовательно был военным медиком в артиллерии, уездным врачом в Торопце, и в Старом Осколе Курской губернии и Одесским городовым врачом... он был человек кроткий, добродушный и вечный труженик. Мать моя, коренная русская дворянка Анна Николаевна, урожденная Латынина, была крутая, характерная женщина. Родители мои были награждены или наказаны 16-ю детьми, и мать всю семью, начиная с отца, держала в ежовых рукавицах».

В 1826 году, десяти лет от роду Виктор вместе с братом Александром был отдан в Императорский военно-сиротский дом в Петербурге. Его восьмилетнее пребывание в этом учебно-воспитательном заведении с интересными, яркими бытовыми подробностями и характеристиками лиц, причастных к воспитанию и обучению будущих офицеров, описаны в воспоминаниях «Кадетский быт 20–30-х годов (1826–1834)». В его бытность в корпусе произошел полный переворот в вопросе воспитания кадетов.

Описывая первые четыре года жизни в корпусе Кренке рисует ужасные бытовые условия, плохое преподавание. И описывает кадетов как сборище вечно голодных, маленьких оборванцев всегда готовых к дракам и шкодам, которых в рамках дозволенного удерживает лишь страх физического наказания.

Но в 1829 году «все изменилось: кадетский быт, кадетская жизнь, воспитание, дух кадетов». Заведение было переименовано в Павловский кадетский корпус и главным начальником всех воспитательно-учебных заведений был назначен великий князь Михаил Павлович. По словам Кренке, он «смотрел на всех кадет, как на своих детей, и редкий отец так много желал добра родному сыну, как великий князь желал добра

каждому кадету...» Прежнее руководство корпуса сошло со сцены и вновь назначенный директор К.Ф. Клиненберг «представляя пример неутомимой деятельности и заботливости о вверенной ему части... О деятельности его вскоре заговорили в Петербурге в разных слоях общества».

Бытовая сторона жизни кадетов в эти новые времена улучшилась необыкновенно. «Утром на завтрак, вместо ломтя черствого хлеба, куска соли и ковши тухлой воды, стали давать кадету по белой булки и по кружки сбитню... Белье на кадетях, столовое белье и посуда были возобновлены. Починка белья, сапог, мытье белья... были запрещены. В камерах [так называли спальни] и коридорах стало чисто, тепло, светло, сальные свечи заменили лампами, даже появились паркетные... В классах ни в чем не было недостатков: бумаги, перьев, карандашей давали сколько нужно... строго следили за чистотой в комнатах и опрятностью самих кадетов, за прической их волос; появились в камерах зеркала, стали учить кадетов танцевать, делать поклоны, приветливо смотреть в глаза начальнику, требовать вежливости не только в обращении с офицерами, но и младших кадетов со старшими, от чего звание унтер-офицеров возвысилось; введены гимнастические упражнения и усилено фронтовое учение, что вместе с танцами сделало студентов развязнее. Каждую субботу великий князь брал себе во дворец несколько кадетов на обед и на вечер: по воскресеньям наряжали так же кадет к большому двору для игр вместе с цесаревичем, покойным императором Александром II». Кадеты стали ходить в летние лагеря, которые они очень любили — больше свободы, меньше занятий, занятия по топографической съемке, которые студентом очень нравились поскольку располагались лагеря в Царском селе, то кадет пускали гулять в сады, где они почти ежедневно видели государя и всех особ императорской фамилии. «Все это вместе должно было облагородить кадет и возвысить нравственную сторону воспитания», но по мнению автора воспоминаний «этого не произошло, так как лучшим кадетом считался уже не тот скромный мальчик, который хорошо учился и который кротко, тихо, но свято исполнял все то, что требовалось по корпусным правилам, а такой кадет, который хотя и не хорошо учился, который хотя и пошаливал, но который в глазах начальства был боек, ловок, притом пригож собою. Кадеты скоро потеряли веру в аттестацию начальства»⁴.

В этих характеристиках ясно слышны отголоски личной обиды автора воспоминаний. Кренке был примерным кадетом, с педантичной точностью и большой ответственностью исполнявший свои обязанности, но он не обладал светским лоском и ловкостью, хорошим светским воспитанием и изяществом манер, и потому, по-видимому, оттирался с первых мест более легкомысленными, но удачливыми кадетами. Это впечатление подтверждает и случай, произошедший с Кренке по его выпуску из корпуса. Фамилия Кренке как лучшего ученика своего выпуска была занесена на мраморную доску, но в гвардию, куда должны были быть назначены двое из лучших, он не попал, а записался в Гренадерский саперный батальон и получил чин прапорщика. Эта история вызвала удивление великого князя. «Что же такое? — сказал он. — В гвардию должны быть назначены двое лучших, на мраморную доску один самый лучший, а назначены разные люди?»

Важнейшими учебными предметами в корпусе в те годы считались: математика, физика, химия, артиллерия, фортификация и русская словесность. Уровень преподавания был достаточно высок. Затем, по значению своему в корпусе шли

следующие предметы — история, всеобщая и русская, география политическая, физическая, статистика Европы и России, тактика и стратегия, военное судопроизводство, французский и немецкий языки, черчение и рисование, Закон Божий.

В то время между кадетами было развито увлечение поэзией. Преподавался Державин, Фон Визин, а студенты интересовались стихами Пушкина, особенно запрещенными, чем строже был запрет, тем более интересовали стихи. Стихи переписывались от руки: ночью, с большой осторожностью, чтобы не поймал дежурный офицер, часто они писались, чтобы не привлечь внимания, в строчку и перемежались математическими формулами. Затем стихи прятались в невообразимых местах. По субботам вечером и в воскресенье днем собирались целые поэтические кружки. Пока присутствовал офицер, декламировали Державина — отрывки, напечатанные в учебниках, а по уходе офицера в ход шли рукописные стихи Пушкина, «Горе от ума», «Думы» Рылеева. Читали обязательно наизусть и к этим декламациям готовились лучше, чем к урокам⁵.

Эта любовь к русской словесности, по свидетельству Кренке, сохранялась среди офицерства и во время службы в армии. Конечно, основное время отнимала непосредственно служба, а в свободное время были и карты, и пирушки, и балы, и пение под гитару. Но в то же время «читали с жадностью все, что можно было добыть», отмечал в своих воспоминаниях Виктор Данилович, описывая свою службу в Гренадерском саперном батальоне Инженерного корпуса, который стоял в местечке Илукште Курляндской губернии. «Для прочтения чужой интересной книги, данной на срок, кружки собирались на целые дни и ночи. В батальон получали только «Русский инвалид» и «Библиотеку для чтения», издаваемую Сенковским. Обязательно было прочитывать, и прочитывать со вниманием книжки инженерных и военных журналов. Многие занимались переводами с французского и немецкого, вообще изучением языков. Тогда между Курляндскими помещиками были в моде философские сочинения, лучшие места из них офицеры переводили на русский язык. Занимались отчасти химией, добывали кислород и водород... Самым любимым занятием молодежи было очередное чтение вслух, декламации и рассказы о своих любовных похождениях...». Декламировали только наизусть, все то же, что и в корпусе, но, как отмечает Кренке, «к сожалению, декламация преимущественно на цинических сочинениях». «К счастью, — замечает Кренке, — в саперном батальоне «барковщина» моментально прекратилась при получении известия о смерти Пушкина. Тогда долго не хотели ничего более читать, как только Пушкина, заучивали все творения его наизусть и к «барковщине» уже не возвращались»⁶.

Любовь к русской словесности и увлечение запрещенной поэзией Пушкина, привычка много читать и делать выписки сыграли в жизни Кренке злую шутку. Средств у него было не много, жил он на жалование, составляющее 10 рублей серебром в месяц, правда и месячное стовольное офицера обходилось в то время в 1 рубль 60 копеек серебром. Из дома, как многие офицеры, денег он не получал, и поэтому книг, бывших тогда довольно дорогим удовольствием, покупать в личное пользование не мог. А всю жизнь, и особенно в молодые годы, он старался систематически пополнять свои знания, аккуратно и педантично. Делал выписки из всех попадавших ему в руки книг.

Во время его службы в Курляндии, на окраине империи

это не вызывало у начальства никакого беспокойства. Но в 1838 году он попал на пятнадцать месяцев в Образцовый пехотный полк в Царское Село, как бы мы сказали сегодня, на стажировку. Тогда Кренке был уже подпоручиком, в этот чин он был произведен в 1836 году. По словам Кренке: «Служба была не легка: но не столь физический труд был тягостен, как нравственное унижение, нравственное направление в тогдашнем Образцовом полку. Все основано было на искательстве, на низкопоклонстве перед кадровыми или старшими офицерами в полку, которые числились по гвардии, составляли силу и имели решительное влияние на участь офицеров, перемещенного состава».

«В Царском Селе между служебными занятиями, как в Илукште, я много читал, по каждой прочитанной книге записывал свое мнение, так же делал много выписок, иногда выписывая десятки страниц, когда находил что-нибудь интересное. Получал я кроме того много частных писем и на каждое отвечал длинным письмом». В Царском Селе на это его занятие посмотрели уже совсем по-другому. Последовал донос о том, что он делает выписки из недозволенных изданий. Да, и кроме того, однажды, в ненастный день сошлись у него на квартире несколько офицеров, говорили о поэзии, литературе, декламировали стихи. Один из них сказал польский стишок, составленный после взятия Варшавы в 1831 году, в котором укоряют поляков за то, что они на балах у Паскевича танцуют с русскими офицерами, с убийцами их отцов, мужей, братьев и женихов.

«А я сказал то стихотворение Пушкина, или приписываемое Пушкину, которое не было в печати и за которое будто бы Пушкин был удален из Петербурга... В моих выписках, которые я привез из Илукште и которые дополнялись в Царском Селе, хранилась копия этого стихотворения, которая была написана не моей рукой, а рукою ближайшего товарища подпоручика Дроздовского, а в самом конце этого стихотворения другой товарищ мой того же батальона поручик Раутенфельд, уже от себя и своею рукою, прибавил одну строчку». По просьбе одного из офицеров Кренке переписал ему эти стихи.

В результате на имя Бенкендорфа поступил донос о том, что Кренке сочиняет стихи против правительства, и нарочно раздает их в Образцовом полку, чтобы они разошлись по всей армии. Бенкендорф доложил государю и «по высочайшему повелению мне назначен арест, а потом следствие». (Подробно о перипетиях всего этого дела Кренке рассказал в своей публикации «Мой арест и освобождение в 1839 году»). Несмотря на то, что с декабря 1825 года прошло почти четырнадцать лет, воспоминания о восстании у Николая I по-видимому, были очень свежи. Ведь и там все начиналось с кружков, разговоров, дружеских вечеринок, недаром Пушкин метко определил момент зарождения движения как «дружеские споры» «между Лафитом и Клико».

Под арестом Виктор Данилович провел 16 дней. Были арестованы все, кто присутствовал на этих чтениях, не поленились отправиться в Илукште и арестовать Дроздовского с Раутенфельдом и доставить их в Петербург.

Кренке несомненно был верноподданнейший человек. Для него императорская власть была священной и незыблема. И возражать против права императора по своему произволу распоряжаться судьбами подданных ему даже не приходило в голову. Полностью уверенный в своей невинности, в абсурдности ареста и обвинения, он тем не менее, также пол-

ностью был уверен в праве императора решать его судьбу по своему усмотрению. Во время заключения он не мучается вопросом, почему он несправедливо арестован, но, конечно, надеется на то, что ситуация счастливо разрешится, но тем не менее относительно спокойно размышляет о том, чем будет заниматься в ссылке, если Государю будет угодно его сослать и думает просить разрешения у его Императорского величия заняться написанием учебника по саперному делу. А кроме того он чрезвычайно рьяно сотрудничает со следственной комиссией, называя все имена, связанные с вменяемым ему в вину текстом и подробно описывая все события и факты. Сначала, когда читаешь эти строчки, возникает мысль, а как же офицерская честь? (С современной точки зрения — сам погибай, а товарища выручай).

Меня в первый момент покорило его поведение, но потом я вспомнила, разве не так же вели себя декабристы, откровенно и полностью рассказывающие следственной комиссии о всех событиях, предшествовавших восстанию (или бунту, смотря с чьей точки зрения смотреть на эти волнения). Безусловно прав был Ю. Лотман, когда говорил о том, что нельзя рассматривать поступки людей других эпох с точки зрения современного человека. Именно такое поведение, когда офицер честно, ни о чем не умалчивая, и ничего не скрывая сотрудничал с представителями власти и отвечало представлениям о благородном человеке и дворянине.

Кренке, так же как и декабристы, принадлежал к тем людям, для которых неразрывность правдивости и чести была нерушима и которые считали, что нет и не может быть различных видов честности.

Благодаря заступничеству ряда офицеров, обратившихся к великому князю Михаилу Павловичу, знавшему Кренке еще по кадетскому корпусу, отделался Виктор Данилович, можно сказать, легким испугом, выйдя из этой истории без особых потерь. Кстати, когда офицеры просили Михаила Павловича о помощи, они «единогласно говорили великому князю, что если кто-нибудь из нас виноват, то нет ни одного человека в России, совершенно правого, что если взять внезапно бумаги, то у каждого найдутся какие-нибудь стихи, какие-нибудь заметки, которых нет в печати, а Веймарн, наиболее приближенный к великому князю, прямо сказал, что — «и у Вашего Высочества вероятно найдется что-нибудь непозволительное». По просьбе великого князя дело прекратили, сочтя доклад искаженным и всех невинными.

О дне, когда Кренке узнал, что его дело прекращено без последствий, уже много лет спустя он писал: «Признаюсь, ни один день в жизни не казался мне столь длинным, как день 8 октября 1839 года. Канун Шипкинского боя, 8 августа 1977 года, когда Сулейман-паша на глазах наших делал приготовления, чтобы сломить на другой день наш шипкинский отряд, ничтожный по сравнению с его полчищами, и тот день казался мне гораздо короче».

Великий князь Михаил Павлович, расспросив Кренке о происхождении всех его выписок, высоко оценил труд молодого офицера, пополнявшего свое образование, отметив, что иной и за сорок лет столько книг не прочтает и выписок не сделает, как Кренке за четыре года (тем более, что благодаря громадной памяти все прочитанное было не мертвым грузом, а знаниями, которые Виктор Данилович успешно использовал в своей повседневной жизни). Тем не менее писал Кренке: «Задержание этих выписок отняло у меня охоту продолжать занятия в этом же роде, или вернее выписки мои

ограничились инженерной и вообще военной частью и преимущественно по сельскохозяйственной части»⁷. А кроме того великий князь подарил Виктору Даниловичу 200 рублей на книги, и этот щедрый дар (вспомним, что его месячное содержание составляло 10 рублей) позволил Кренке заложить основу ставшей впоследствии очень значительной, его личной библиотеки.

Кстати, прекрасно понимая, что образование никому не помешает и для нижних чинов оно столь же важно, как и для офицеров, в процессе своей более чем пятидесятилетней деятельности Кренке создавал солдатские учебники, желая научить солдат не только чтению и письму, но и стараясь развить их сообразительность и, по возможности, дать им хорошее ремесло, если такого у них не было⁸.

По возвращению в Илукште, через несколько месяцев после описываемых событий, Кренке с головой погрузился в главное дело своей жизни — службу.

«Саперы любили свое дело: все, что печаталось по инженерной части у нас и за границей, читалось с жадностью: все прочитанное обсуждалось в частных офицерских кружках: всякою новостью, всяким открытием и изобретением по инженерной части все интересовались. Наши саперы стояли безусловно выше саперов в западных государствах: прусские инженеры учились у нас. Молодые офицеры, попав в саперы, ни о чем другом не мечтали, как только составить себе карьеру в саперном мире», — писал в своих воспоминаниях Кренке.

Самыми тяжелыми были майские строевые учения. Молодые офицеры сокрушались по поводу жестокого обращения с солдатами, правда Кренке указывает, что в пехотных частях было еще хуже. Зато офицеры со стороны командира слишком суровых наказаний не получали. Ни один офицер на памяти Кренке не побывал на гауптвахте, выговоры были только словесные, но всегда очень действенные и с глазу на глаз.

С сожалением и содроганием Кренке описывает, как вместо того чтобы разъяснить, показать солдату как нужно делать верно, его за малейшую строевую ошибку подвергали жесточайшей порке. К слову сказать, получив такой урок жестокого обращения старших офицеров с солдатами, Кренке, когда достиг таких же чинов, никогда не вел себя с нижними чинами подобным образом, он как бы получил прививку от жестокости.

В остальное время жизнь солдат была довольно привольной.

Офицеры же в зимние месяцы несли караульную службу, преподавали в батальонных школах, хотя грамотой тогда саперы мало интересовались. На батальон «дай бог чтобы было сорок грамотных и столько же полуграмотных».

Весной 1842 года батальон был переведен на постоянные квартиры под Новгород. К этому времени Кренке был уже поручиком (произведен в 1840 году), штабс-капитаном он стал в 1843 году, а в 1847 — капитаном⁹.

К сожалению, об этом периоде пребывания его в Новгороде мне почти ничего не известно. По-видимому именно тогда он женился и стал новгородским помещиком, именно тогда появились на свет его дети — дочь Екатерина и сын Александр. Как видите, продвижение его по служебной лестнице было не слишком быстрым. И хотя он был очень ответственным офицером из тех, кто ставит службу превыше всего, но... если обратиться к его собственным словам, он никог-

да «не опускался до искательства чинов и до низкопоклонничества перед начальством». Он был слишком серьезным для своего времени, много читал, занимался самообразованием, на это многие смотрели с подозрением. В то время молодой офицер должен был больше любить пирушки и шалости в дозволенных границах, и тогда он не выглядел бы белой вороной. Кренке же, судя по его воспоминаниям, был не таков и это тоже тормозило его карьеру. Правда, у Юзефовича в его записках есть еще одна версия, почему Кренке не делал более блестящей карьеры. «Он был лично известен и весьма любим нынешним Государем, когда он был еще наследником (имеется ввиду Александр III) и не будь он женат на простоватой Тегловой, он сделал бы не такую карьеру», — писал Юзефович. И в качестве примера приводил почти анекдотическую историю. «Приезжает к нему раз на Пески (у Кренке был дом в этом районе Петербурга) принц Ольденбургский. В кабинете у Кренке огарок, в гостиной беспорядок, никто не бежит доложить. Принц сидит в гостиной. Наконец, вышел к нему Виктор Данилович. Из столовой вдруг приотворяется дверь и выглядывает голова Александры Александровны. Только что принц хочет встать и поклониться, как дверь захлопывается; и эта комедия повторяется несколько раз. Никто не может ни принять, ни проводить принца, кроме грязной девушки с салым огарком. Понятно, что при такой жене нельзя делать приемы»¹⁰.

О дальнейшем развитии карьеры Кренке у меня имеются довольно сухие, официальные сведения. «Во время войны с венграми он находился в походе с войсками Гренадерского корпуса в Царство Польское. В 1850 году был прикомандирован к начальнику управления инженеров Гвардейских и Гренадерских корпусов и пожалован знаком “За XV лет беспорочной службы”». Переведенный в Гвардейские инженеры Виктор Данилович в 1851 году получил чин подполковника, а в 1854 году был назначен «начальником инженерно-артиллерийского отделения в Штабе Наследника Цесаревича, главнокомандующего Гренадерским и Гвардейским корпусами». В том же году он командовал гребным саперным батальоном и состоял в войсках, охранявших побережье. Во время Крымской войны заведовал работами по обороне Балтийского побережья, так как опасались англо-французского десанта на Петербург. «В 1855 году строил укрепления в устье Невы, в том же году произведен в полковники и командирован для ближайшего надзора по приведению крепости Выборг в полное боевое положение с назначением на должность начальника первой оборонительной линии, выборгских шхер. Знак отличия “За XX лет беспорочной службы” получил тогда же»¹¹.

В 1859 году он был командиром учебного саперного батальона, квартировавшего сначала в Царском Селе, а потом в Ораниенбауме. Тогда-то он и сошелся близко с Кауфманом, тогда-то и состоялся у них разговор, с которого начался мой рассказ о Кренке. Именно из уст Кауфмана, который часто жаловался ему на положение дел во 2-й Киевской саперной бригаде, бывшей тогда самой большой, он узнал, что по распоряжению великого князя, его посылают в Киев, провести инспекторский смотр. Происходило это в январе 1860 года, а 22 июля 1860 года Кренке был произведен в генерал-майоры и принял командование над Киевской бригадой.

В своих воспоминаниях «Быт саперов 25 лет назад» он подробнейшим образом рассказывает о своем пребывании в Киеве. Здесь он еще раз продемонстрировал присущую ему организаторскую жилку, педантичность, точность в исполне-

нии своих обязанностей.

Бригада, во всех отношениях, представляла из себя достаточно печальное зрелище. Нижние чины, по словам Кренке были «иррегулярной толпой», командиры частей, обязанные руководить практическими саперными работами, даже не знали, где находятся их участки. Первый осмотр бригады, назначенный на шесть часов утра, чрезвычайно озадачил всех офицеров, привыкших спать до девяти-десяти часов утра. «Были конечно и отрядные исключения среди офицеров, но не много», — замечает Кренке.

Виктор Данилович энергично взялся исправлять положение. «За 4 года командования бригадой, — замечал Кренке, — несравненно легче было приучить всех от нижних чинов до офицеров к дисциплине, порядку, чем поднять специальное образование саперов», без которого не возможно было выполнение бригадой основной ее военной функции — производства инженерных и взрывных работ.

Поэтому Кренке организовал для солдат школы нескольких ступеней — ротные, батальонные, бригадные. Очень четко, без отступления от установленного порядка проводилось обучение.

Первый этап — начинали учить грамоте и чтению.

Второй этап — закрепляли чтение, умение писать под диктовку, давали основы арифметики.

Третий этап — батальонные школы: обучали краткой русской грамматике, Закону Божьему, арифметике, геометрии, фортификации.

Четвертый этап — высшие курсы в бригадной школе

Кренке сам составлял учебники для этих школ, добиваясь того, чтобы солдаты не только получали знания, но и военные специальности: плотников, саперов, минеров, понтонеров. За три года его деятельности бригада стала поголовно грамотной.

Мирное течение киевской военной жизни прерывалось в 1863 году, когда начался очередной польский мятеж, в умирении которого принимала участие саперная бригада. Кренке командовал войсками Васильковского отряда, в состав которого входили войска, расположенные в пяти уездах Киевской губернии¹².

В 1864 году, по приглашению военного министра Милютина, генерал-майор Кренке был Петербургским окружным интендантом, однако эта должность была не по нему, и, прослужив всего два года, в 1866 году он занял пост командира 26-й пехотной дивизии. Формально относиться к своим обязанностям Виктор Данилович не умел и его дивизия сделалась вскоре образцовой, а он в 1867 году был произведен в генерал-лейтенанты. Усиленная работа пошатнула вскоре его здоровье, и в 1869 году Кренке по болезни был зачислен в запас¹³.

Виктор Данилович и раньше все свободное от службы время уделял своему хозяйству в имении «Переходы» Тихвинского уезда. Новгородской губернии, а по увольнении в запас он занялся почти исключительно сельским хозяйством. Свое имение он сделал образцовым, но кроме успешных практических работ Виктор Данилович написал обстоятельный теоретический труд, озаглавленный «О сельском хозяйстве». Это руководство выдержало три издания и пользовалось большим успехом и спросом среди людей, занимающихся сельским хозяйством. Казалось бы, так спокойно между зимними месяцами, проводимыми в Петербурге, и летними работами в имении и должна была протекать дальнейшая жизнь Кренке,

уже не молодого 60-летнего генерал-лейтенанта в отставке, но... В 1877 году началась русско-турецкая война за освобождение Болгарии от турецкого владычества, и Виктор Данилович снова вступил в ряды армии¹⁴.

Из записок Юзефовича и некролога я уже знала, что «генерал-лейтенант Кренке был вызван по высочайшему повелению в действующую армию» для того, чтобы заниматься улучшением путей сообщения в Болгарии, и что в конце 1887 года Виктору Даниловичу поручили устройство сообщения через Шипку на Габрово. Кстати, дорогу эту он, по свидетельству Юзефовича, взялся проложить за 40 тысяч рублей, тогда как другие инженеры требовали не меньше 200 тысяч. В сборнике «Герои Шипки», вышедшем к 100-летию этой славной страницы русской боевой славы, читаю: «Едва ли месяц работал на Шипкинском перевале с саперной командой опытный и умный генерал-лейтенант Кренке... строили шоссе. Его успели довести не только до перевала, шоссирован был южный спуск к деревне Шипке»¹⁵.

Но... наступил август 1877 года и начались первые бои за Шипку. В ожидании атак Сулейман-паши Орловский полк и дружины болгарского ополчения «сразу же взялись за кирки и лопаты, — оборонительных сооружений перевал практически не имел», — замечал в своем романе «Были-небыли» Б. Васильев и писал далее: «Дорогу строили», — огорченно вздохнул генерал-лейтенант Кренке, месяц назад командированный на Шипку. Никто ни в чем не упрекал, но старый инженер, еще в 1869 году ушедший в запас и с началом войны по собственному желанию вернувшийся в армию, считал себя кругом виноватым. «Ставьте фугасы, — сказал он начальнику саперной команды поручику Романову. —

А мы в землю зарываться будем, сколько только успеем»¹⁶.

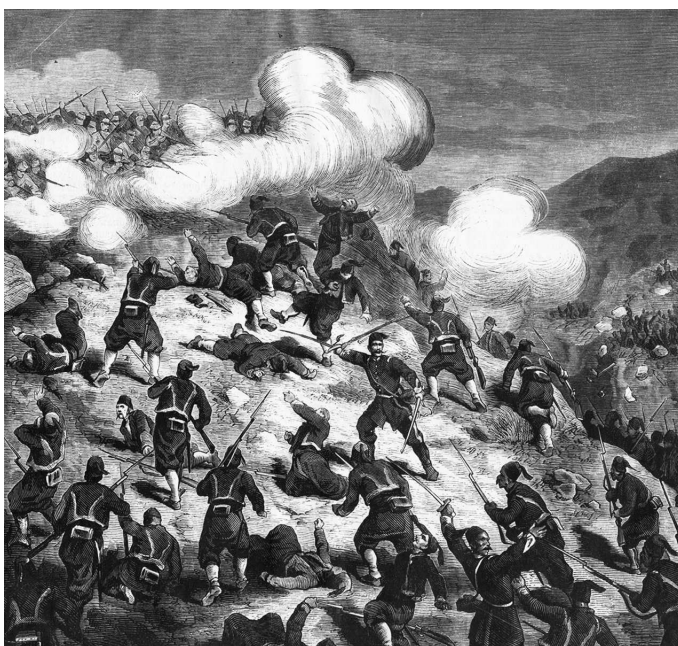
В течение всех дней, предшествовавших Шипкинскому сражению, когда генерал Столетов определял стратегию и тактику обороны перевала, Кренке участвовал во всех военных советах. В сборнике «Герои Шипки» подробно описываются один из таких советов¹⁷.

Второй день обороны Шипки в романе Б. Васильева начинается с того, что «за ночь турки подтянули артиллерию и весь следующий день слали на русские позиции снаряд за снарядом... атаки были короткими, аскеры шли в бой вяло. «Демонстрируют», — вздохнул Столетов, прибыв на южную позицию вместе с генералом Кренке. «Видимо так, — согласился Толстой. — С какой же целью?» «Обходят, — сказал Кренке. — Вчера лазутчики прощупали наш левый фланг, а сегодня Сулейман перебрасывает туда таборы. Господи, как же это мы лес вырубить не успели?»¹⁸

По свидетельству Юзефовича, в течение первых трех дней

Шипкинского «семиднева», Кренке принимал участие в руководстве обороной, не спал и ел только сухари «и наконец утомился до такой степени, что его увели под руки с позиций офицеры Юрьев и Романов»¹⁹.

В романе Б. Васильева читаю: «Турецкие разведчики действительно прощупывали правый фланг обороны, но Сулейман не стал дробить свои силы. Он отправил туда свежие таборы подошедшего Реуфа-паши, а сильному отряду Весселя-паши приказал окружить русских с севера, перерезав дорогу на Габрово»²⁰. Именно этот день 11 августа турецкий полководец избрал днем штурма. Немногочисленные измотанные четырехдневными боями защитники Шипки отчаянно защищались, но слишком не равны были силы, турки прорвались. У многих защитников Шипки кончились патроны, и тогда на густые цепи турецких солдат покатались каменные глыбы. Отбиваясь от атакующих турок, защитники бросали в них бревна, сломанные ружья и даже тела убитых товарищей²¹. «Это были самые критические мгновения обороны: проломив брешь, турки текли и текли в нее. Старый



Дунайская армия. Защита Шипкинского перевала. Иллюстрированная хроника войны 1877–1878 гг.

Кренке, сидя в столетовской землянке, где был оборудован командный пункт, заряжал винтовки и аккуратно ставил их к стенке, готовясь отстреливаться до конца. Столетов ... не обращая внимания на пули стоял перед землянкой, следя за боем, за настороженно притихшим левым флангом и за дорогой вниз, в Габрово. Оттуда — Столетов знал это — шла помощь». 205 солдат из 16-го стрелкового батальона, получившего за этот невероятный горный марш гордое прозвище «Железный», сев по двое на коней, в эту критическую минуту ворвались на позиции.

«Двести измученных переходом солдат были

каплей, которую без труда поглотил бы поток атакующих, но противник и представить не мог, что его контратакуют полторы роты, а не всё подкрепление, пришедшее из Габрово. Стрелки стремительным натиском опрокинули ворвавшихся на позиции аскеров и вышвырнули за линию ложементов, где Поликарпов тут же накрыл их картечью. Шипкинский перевал был спасен»²².

За участие в этих боях, где «стойкость и мужественный характер Виктора Даниловича оказали значительное влияние на решимость строевых начальников оборонять Шипку до крайности», Кренке был награжден орденом Св. Георгия²³. Правда в вопросе наград сведения из разных источников расходятся. Юзефович пишет, что Виктор Данилович кроме ордена Св. Георгия получил еще орден «Белого орла»²⁴. Вообще-то орден «Белого орла» — польский орден, учрежденный еще в 1325 году, но с 1831 года он был приравнен к российским орденам, вместе со Св. Станиславом. Почему именно за Шип-

кинские бои был, по свидетельству Юзефовича, награжден этим орденом Кренке? Загадка, но возможно Юзефович ошибался. На страницах «Иллюстрированной хроники войны 1877–1878 гг.», где перечисляются все награды генерал-лейтенанта Кренке, орден Св. Георгия тоже не указан. А сказано: «Застигнутый атакой Сулейман-паши на Шипкинском перевале, он обнаружил редкую неустрашимость и невозмутимое холоднокровие. За оборону Шипки генерал Кренке получил Владимира 2-й степени с мечами». Но какой бы из этих орденов — Св. Георгия Победоносца или Св. Владимира с мечами — ни получил бы Кренке, именно эти два ордена считались в глазах российского общества самыми ценными. В отличие от других российских наград их можно было заработать не расположением начальства, не выслугой лет, а исключительно боевыми заслугами. И они свидетельствовали о бескорыстном, патриотическом служении на благо России. За свою многолетнюю службу Кренке был еще награжден: Св. Владимиром 3-й и 4-й степени; Св. Анной 1-й и 2-й степени с императорской короной и 3-й степени; Св. Станиславом 1-й и 2-й степени с императорской короной. А кроме этого у Кренке было две медали — одна дарованная в память войны 1853–1856 гг., другая светло-бронзовая в память усмирения польского мятежа 1863–1864 гг.²⁵

Но была у Виктора Даниловича еще одна, не менее дорогая награда в память о Шипкинском стоянии. В 1884 году, 30 января, когда он отмечал свой 50-летний юбилей службы в офицерском чине, офицеры поднесли генерал-лейтенанту массивную золотую табакерку с гравированными видами Шипкинского перевала, «...на котором так много потрудился почтенный юбиляр», — писал «Русский инвалид» в 1884 году²⁶.

По заключении мира в русско-турецкой войне «Виктор Данилович немедленно выехал в Россию, в свое имение, но назначенный главнокомандующим Тотлебен вызвал Кренке в Болгарию и определил его начальником военных сообщений. Опытность, хладнокровие и педантичность Кренке побороли все затруднения, и сообщения были устроены прекрасно. По заключению Берлинского тракта Кренке опять

уехал в Россию и занялся сельским хозяйством»²⁷.

В последние годы жизни Кренке зиму проводил в Петербурге, где, по словам Юзефовича, давал вечеринки и отпускал дочь и племянницу (дочь Константина Кренке — Маргариту, которая после института благородных девиц жила в семье у дяди) в театры и на балы, писал и печатал свои мемуары, а летом в имении он в течение многих лет улучшил свое хозяйство и довел дело до того, что окрестные жители — землевладельцы, крестьяне — стали учиться у него сельскому хозяйству, «отказавшись от рутины», кроме того, он устроил ссудно-сберегательную кассу для крестьян, которая пошла очень хорошо²⁸. Одним из любимых его дел на протяжении всей его жизни и в эти последние годы было и осталось составление библиотеки. Страсть к чтению, присущая ему в молодые годы, с возрастом только укреплялась, тем более, что появились материальные возможности для приобретения книг. После женитьбы в своем имении «Переходы» он построил для библиотеки отдельный дом и к концу его жизни этот дом был заполнен сочинениями не только по военным наукам, но и по всем отраслям знаний и искусства²⁹. По словам Юзефовича, «Виктор Данилович прежде всего человек, поклонявшийся собственным достоинствам, но добр, услужлив в высшей степени, усвоил себе идеи, присущие одним Кренке, т. е. ему и Константину Даниловичу. И между прочим порядочный волокита. Услужить он готов каждому, кто его попросит, даже и незнакомому. Благодаря ему так скоро попал в чины Виктор Кренке, его племянник Петр, просил он за Екатерину Константиновну и поместил Маргариту в Институт»³⁰.

Закончить свой рассказ о Викторе Даниловиче Кренке, который скончался в 1893 году, 77 лет от роду, в своей усадьбе Тихвинского уезда Новгородской губернии, я хотела бы словами из посвященного ему некролога. «В частной жизни Виктор Данилович был отзывчивым, добрым человеком. Все, кому приходилось иметь с ним дело, помнят высокую фигуру строгого старика с твердыми убеждениями, не способного ни на какой компромисс, требовательного по службе, снисходительного и доброго в частных отношениях»³¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кренке В. Из истории памятника Тысячелетия России // Ист. вестник. 1884. Т. XVIII. № 11. С. 446–449.

² ГАНО. Ф. 766. Оп. 1. Д. 1. Л. 49.

³ Там же. Л. 46.

⁴ Кренке В. Кадетский быт двадцатых-тридцатых годов: 1826–1834 (отрывок из восп. генерал-лейтенанта В.Д. Кренке) // Ист. вестник. 1882. Т. VIII. № 4. С. 110–126; № 5. С. 344–363.

⁵ Там же. № 5. С. 350–363.

⁶ Кренке В. Быт саперов 50 лет назад (отрывок из воспоминаний генерал-лейтенанта В.Д. Кренке) // Ист. вестник. 1885. Т. XXII. № 7. С. 265–294.

⁷ Кренке В. Мой арест и освобождение в

1839 году (из восп. генерал-лейтенанта В.Д. Кренке) // Ист. вестник. 1881. Т. V. № 2. С. 401–417.

⁸ Кренке [некролог] // Ист. вестник. 1893. Т. LIII. № 8. С. 558.

⁹ Кренке В. Быт саперов... С. 265–294.

¹⁰ ГАНО. Ф. 766. Оп. 1. Д. 1. Л. 48.

¹¹ Там же. Л. 107.

¹² Кренке В. Быт саперов 25 лет назад // Ист. вестник. 1886. Т. XXVI. № 10. С. 85–120.

¹³ ГАНО. Ф. 766. Оп. 1. Д. 1. Л. 107–108; см. также Кренке [некролог]... С. 557–558.

¹⁴ Кренке [некролог]... С. 558.

¹⁵ Герои Шипки. Сб. М., 1978 (серия ЖЗЛ). С. 61.

¹⁶ Васильев Б. Были-небыли. Роман // Новый мир. 1978. № 10. С. 72–73.

¹⁷ Герои Шипки... С. 67–68.

¹⁸ Васильев Б. Указ. соч. С. 82–83.

¹⁹ ГАНО. Ф. 766. Оп. 1. Д. 1. Л. 48.

²⁰ Васильев Б. Указ. соч. С. 83.

²¹ Цапов Э. Храм-памятник на Шипке. София, 1967. С. 7–8.

²² Васильев Б. Указ. соч. С. 89.

²³ Кренке [некролог]... С. 558.

²⁴ ГАНО. Ф. 766. Оп. 1. Д. 1. Л. 48.

²⁵ Там же. Л. 108.

²⁶ Там же. Л. 49.

²⁷ Кренке [некролог]... С. 557–558.

²⁸ ГАНО. Ф. 766. Оп. 1. Д. 1. Л. 49–50.

²⁹ Кренке [некролог]... С. 558.

³⁰ ГАНО. Ф. 766. Оп. 1. Д. 1. Л. 50–51.

³¹ Кренке [некролог]... С. 558.



Людмила ПЕТРОВА

БИБЛИОТЕКА НОВГОРОДСКОГО ЦЕРКОВНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

В декабре 1910 года в Новгороде появился новый Владыка: преосвященный Арсений (в миру — Авксентий Григорьевич Стадницкий, 1862–1936), архиепископ Новгородский и Старорусский. Он заменил на кафедре почтенного старца владыку Гурия, ушедшего на покой.

Новгородцы уже были знакомы с прибывшим Архипастырем, возглавившим в 1895–1897 годах Новгородскую духовную семинарию и оставившим о себе даже за столь короткий срок добрую память¹.

Летом 1911 года в Новгороде проходил XV Всероссийский археологический съезд, к которому была приурочена большая выставка древностей из соборов, церквей и монастырей Новгородской губернии. В подготовке и проведении этого съезда принимал самое активное участие архиепископ Новгородский и Старорусский Арсений.

Перед началом богослужения по поводу открытия съезда, обращаясь к присутствующим, владыка сказал: «Старина — это волшебное зеркало, в котором в перспективе веков мы видим себя, своих предков и каждую грань церковной, общественной и государственной жизни, ...нужно бережно собирать и хранить осколки этого волшебного зеркала времени, подбирая кусок за куском, составляя одно общее целое, историю нашего края, великой родины, целого мира. Сквозь сумрак веков смотрит на нас Великий Новгород, в котором отобразилось лицо древней святой Руси»².

Для сбережения и изучения исторического наследия Новгородской земли по инициативе Арсения 3 января (по старому стилю) 1913 года было открыто Новгородское церковно-археологическое общество (НЦАО). Подобные общества существовали к этому времени уже во многих городах России. НЦАО расположилось во вновь отстроенном Владыкой Епархиальном доме на территории Кремля.

Попечителем Общества стал архиепископ Арсений, а председателем назначен настоятель Знаменского собора в Новгороде, протоиерей Анатолий Иоаннович Конкордин.

А.И. Конкордин родился в 1860 году в семье пресвитера Успенской церкви погоста Жабницы Валдайского уезда Новгородской губернии. Отец его, Иоанн Иоаннович, умер рано, и мать, Наталья Игнатьевна, с большой семьей осталась, по сути, без средств к существованию.

Жизненный путь Конкордина складывался традиционно для выходца из духовного сословия. Он окончил Боровичское духовное училище, а затем Новгородскую духовную семинарию с аттестатом первого разряда в числе лучших студентов.

С 1884 года он назначен священником в кафедральный Софийский собор.

О. Анатолий имел безукоризненную репутацию: неодно-

кратно избирался членом ревизионных комиссий различных обществ, за безупречную службу был награжден многими наградами.

Будучи священником кафедрального собора (а впоследствии настоятелем Знаменского собора — второго по значению в Новгороде), он более 35 лет сослужил правящим новгородским архиереям, сопровождал их при обозрении ими церквей и монастырей.

По должности и месту служения ему приходилось заниматься проблемами, связанными с охраной и использованием памятников старины. Этот фактор во многом определил дальнейшую направленность его интересов. Он был членом Новгородского общества любителей древности, которое помогло ему сформировать навыки для дальнейшей работы на поприще изучения и охраны памятников новгородской старины, архивного и музейного дела.

В мае 1920 года о. Анатолий арестован Губернской чрезвычайной комиссией. Ему и еще четверым священникам предъявлено обвинение «в агитации против советской власти и подрыве ее авторитета». Но вскоре за недоказанностью он был освобожден, а в сентябре 1920 года скончался.

Анатолий Иоаннович Конкордин очень много сделал на посту председателя НЦАО: был членом комитета по раскрытию фресок церкви Рождества Христова на Красном поле, открыл живопись начала XVIII века в Знаменском соборе, наблюдал за реставрацией фресок Петропавловской церкви и т.п.³

Целью Церковно-археологического общества явилось изучение прошлого и настоящего церковно-религиозной жизни края, сохранение церковных древностей и образование церковно-археологического древлехранилища из письменных и вещественных памятников местной церковной старины, сбор литературы для библиотеки.

При Обществе находились:

- исторический архив, в котором хранились документы, обнаруженные при разборке архивов местных духовных учреждений, письма новгородских архипастырей и других лиц духовного звания, известных в истории Новгородской епархии, труды разных авторов (в рукописном или в необработанном виде), имевшие важное значение для изучения истории новгородской церкви и т. д.;

- церковно-археологическое древлехранилище письменных памятников (рукописей, хромозданных и ставленных грамот, старопечатных книг и т. п.) и вещественных памятников (священных антиминсов, предметов церковной утвари и церковного искусства, фотографических снимков и портретов и т. п.);

- библиотека, в которой были собраны книги: по истории местного края, русской и церковной археологии, русской истории, труды губернских ученых архивных комиссий, епархиальных церковно-историко-археологических и других обществ, библиографии; сочинения и статьи уроженцев новгородского края (особенно вышедших из среды духовенства), собиравшиеся для составления библиографического словаря; издания местных типографий.

Дальше речь пойдет только о библиотеке Церковно-археологического общества. Библиотека размещалась в отдельной комнате на втором этаже Арсениевского Епархиального дома. Хранителем древлехранилища и библиотекарем был назначен дьякон Софийского собора о. Анатолий Никифоровский. Он родился в 1875 году в семье псаломщика новгородской церкви Св. великомученика Никиты. Окончив Духов-

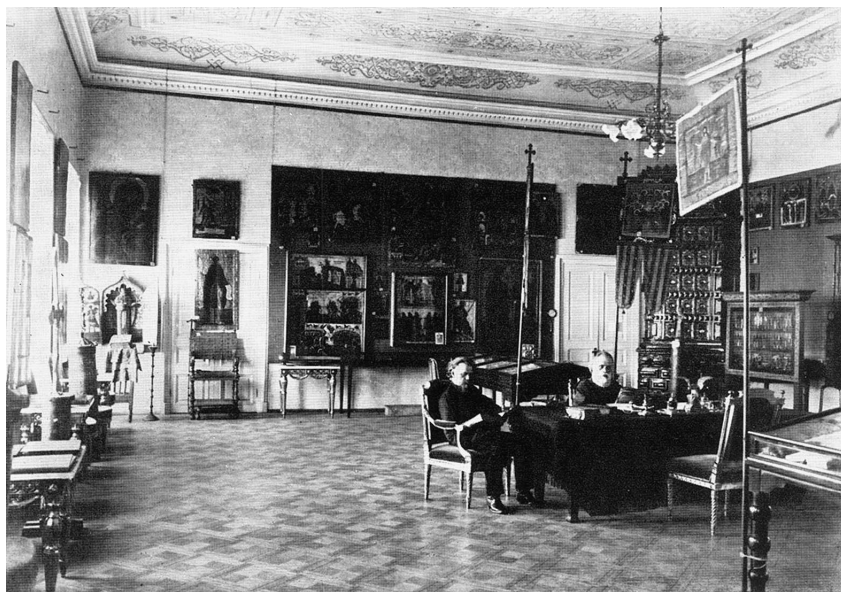
создававшихся при НЦАО древлехранилища, исторического архива и библиотеки, готовил доклады о поступавших в древлехранилище предметах. В торжественной речи по случаю годовщины Общества Владыка Арсений поблагодарил «скромного, но весьма полезного работника, хранителя нашего музея о. дьякона Никифоровского, который до фанатизма предан своему делу».

В декабре 1918 года в соответствии с Декретом Совета народных комиссаров музей НЦАО был национализирован и перешел в ведение Губернского отдела народного образования. В 1919 году о. Анатолий утвержден в должности хранителя-заведующего музеем, которую он исполнял до 1 ноября 1925 года. А.В. Никифоровский разделил участь многих своих сослуживцев. В июне 1937 года он был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности, а в сентябре того же года расстрелян вместе с другими священнослужителями¹.

Будучи хранителем библиотеки, А.В. Никифоровский участвовал в разработке правил пользования ею. Согласно этим правилам книгами библиотеки могли пользоваться все члены Общества².

Музей и библиотека были открыты с 11 до 13 часов дня четыре раза в неделю: в понедельник, среду, четверг и пятницу, если эти дни не приходились на праздники.

Право бесплатного пользования книгами в помещении библиотеки, согласно § 4 устава Общества, принадлежало его членам, но в целях пробуждения интереса к церковной археологии бесплатно пользоваться книгами разрешалось всем лицам духовного звания, даже если они не являлись членами Общества. Домой выдавались лишь журналы на срок не бо-



Экспозиция Древлехранилища.
За столом сидят А.И. Конкордин и А.Н. Никифоровский

ное училище, поступил в Духовную семинарию в Новгороде, но закончить ее не смог, видимо, из-за смерти отца. Никифоровский занимает место отца-псаломщика Никитинского храма. После окончания в 1894 году новгородских курсов церковного пения о. Анатолий одновременно с псаломщическими исполняет и обязанности учителя пения Никитинской церковно-приходской школы и двух приходских училищ.

В 1900 году он рукоположен во диакона, а в 1903 году переведен на иподиаконское место в кафедральный Софийский собор. В 1911 году архиепископом Арсением о. Анатолий был назначен смотрителем Арсениевского Епархиального дома.

За годы своей службы Никифоровский неоднократно отмечался наградами «за усердные и полезные труды». О. Анатолий хорошо знал новгородскую старину. Неоднократно он исполнял роль экскурсовода по Софийскому собору, его ризнице и новгородским церквям для учащихся учебных заведений, участников XV археологического съезда. Он был членом Новгородского общества любителей древности, участником XV археологического съезда.

В январе 1913 года о. Анатолий утвержден хранителем

более семи дней. Каждый читатель расписывался в книге для посетителей, указывая имя, фамилию и взятые для чтения книги³.

В первый же год существования книжный фонд библиотеки был разбит в каталоге на шесть отделов: история и археология местного края — 79 книг; материалы по археологии — 36 книг; русская история с вспомогательными науками, история русской литературы, история русской церкви и библиография — 43 книги; журналы исторического характера и другие: «Старые годы» и «Светильник» за 1913 год, «Русский архив» за 1912 год, «История России в XIX в.» в 33 выпусках, «Исторический вестник» и «Русская старина» за 1902–1913 годы; сочинения и статьи новгородских уроженцев, не имеющие отношения к археологии — 14 книг; издания местных типографий, книги разных авторов, не имеющих отношения к археологии, и издания разных учреждений — 37 книг⁴.

В своей речи по случаю годичного собрания председатель Общества Анатолий Иванович Конкордин сказал: «Библиотека Общества пока не обладает особенно редкими изданиями, но тем не менее в течение только одного года в нее поступило 209 экземпляров книг и журналов, по большей

части заключающих в себе те или другие материалы по истории и археологии; причем большинство поступивших журналов — дар Высокопреосвященного попечителя Общества и часть библиотеки в бозе почившего архиепископа Гурия; немало имеется также в библиотеке фотографических снимков церквей, монастырей и других видов — издания различных археологических обществ, ученых-археологов, — и это, в большей части, поступило также через Высокопреосвященного попечителя»⁸.

Бывая в церквях и монастырях Епархии, Владыка заходил в ризницы и кладовые, отбирая наиболее ценные вещи, которые привозил в Епархиальный дом. Будучи в Новгороде, он ежедневно посещал библиотеку и древлехранилище, следил за ходом работ по расчистке икон и т. п.

Владыка Арсений постоянно пополнял библиотеку Общества книгами из своей личной библиотеки, а также книгами и трудами различных обществ, членом которых он состоял. Среди подаренных архиепископом Арсением книг и журналов: В. Грибовский «Местное управление Московской Руси» (1912), «Сказ о древнем Ферапонтовом Богородице-Рождественском монастыре, бывшем в упразднении более ста лет, ныне снова восстановленном» (1904), Макарий, архим. «Описание Новгородского Архиерейского дома» (1857 г.), «Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии», «Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г.» с греческим и латинским текстами, с предисловием Е.В. Барсова и запискою А.Л. Дювернуа (1884), а также журналы «Исторический вестник», «Русская старина» за 1914 год, «Памятник русской вещевой палеографии» М.И. Михайлова, «Летопись Троицкого собора г. Острова Псковской губернии» протоиерея Н.А. Панова, «Труды комиссии по сохранению древних памятников Императорского Московского археологического общества» под редакцией И.П. Машкова в четырех томах, «Вопросы реставрации. Вып. 1–6, 13–14», «Рисунки к описи Московской Оружейной палаты» и многие другие⁹.

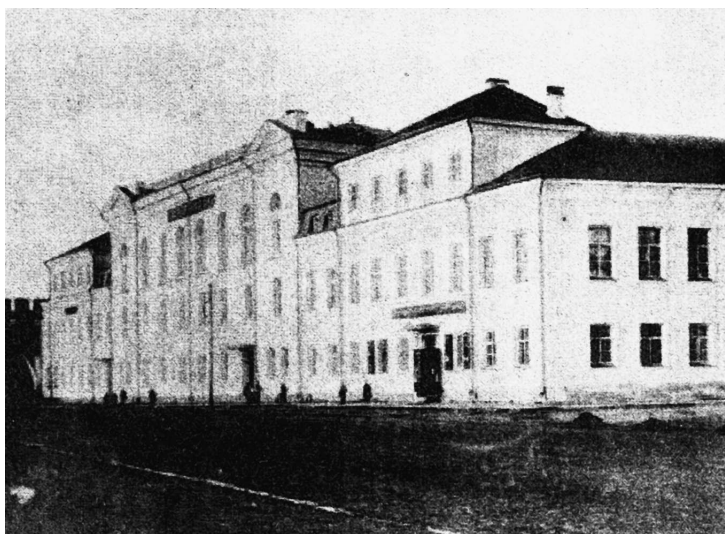
В 1917 году личное собрание Арсения полностью перешло в новгородское древлехранилище. Книги по философии, филологическим наукам, истории всеобщей и различных религий, церковному пению, другим отраслям знаний, широко представленные в его собрании, свидетельствуют об архиепископе Арсении как о разносторонне образованном человеке. На его книгах около двухсот автографов писателей и ученых, что является красноречивым свидетельством его огромного авторитета у представителей науки и культуры конца XIX — начала XX веков¹⁰.

Значительную заботу проявлял о библиотеке Анатолий Иоаннович Конкордин. Участвуя в комплектовании, он поднимал вопрос о пополнении библиотеки трудами по церковной археологии России, в частности, по истории церквей и монастырей Новгородской епархии. По его предложению для библиотеки выписываются труды Псковского археологического общества, журналы «Светильник», «Старые годы», «Искусство», «Русская икона» и многие другие издания. Из личной библиотеки о. Анатолий передает в библиотеку Общества ряд книг, среди которых: В.В. Майков «Книга писцовая по Новго-

роду Великому конца XVI века», СПб., 1911; «Обсуждение проекта стеной росписи Новгородского Софийского собора: Материалы по археологии России, издававшиеся Императорской Археологической комиссией с 33 рис. в тексте», СПб., 1897 и другие.

В книжном фонде Научной библиотеки музея заместителю директора ГАНО С.В. Моисееву удалось выявить 11 книг, принадлежавших Конкордину, на которых сделаны собственноручные надписи владельца¹¹. Среди частных лиц, пожертвовавших книги для библиотеки, встречаем имена графа С.Д. Шереметьева, помощника директора Императорской публичной библиотеки Н.П. Лихачева, профессора Варшавского университета А.И. Яцимирского, преподавателя Новгородской духовной семинарии Е.Е. Лебедева, смотрителя Новгородской губернской типографии П.В. Полетаева, археолога, хранителя древнерусского искусства Петербургского университета В.К. Мясоедова, помощника смотрителя духовных училищ в Новгороде В.А. Тихомирова, епархиального наблюдателя церковных школ П.Н. Спасского, дьякона А. Никифоровского и других¹².

Но наиболее значительные поступления в библиотеку составляли издания различных ученых обществ и учреждений, поступающие, в основном, в обмен на издания НЦАО. Среди них: «Полное собрание постановлений и узаконений 1722–1759 гг.» из архива Священного Синода, 34 книги по археологии и истории от Церковно-археологического общества при Обществе любителей духовного просвещения, «Фрески Ферапонтова монастыря», «Лицевой иконописный подлин-



Епархиальный дом. Начало XX века

ник. Том 1 — Иконография Господа Иисуса Христа» Н. Кондакова и другие книги от высочайше учрежденного Комитета попечительства о русской иконописи, «Русский музей императора Александра III: Живопись и скульптура, с рис.» — составитель барон Н.Н. Врангель, а также многочисленные издания из Московского главного архива МИД, от Императорского общества истории и древностей Российских при Московском университете, от Тульской Епархиальной палаты древностей, от Саратовской, Курской, Нижегородской, Смоленской и других ученых архивных комиссий, от Ростовского музея древностей, от Императорского Русского военно-исторического общества¹³.

Обращают на себя внимание дары от библиотеки Братства Св. Софии. Так, например, из числа рукописей, старопечатных книг и грамот, поступивших в библиотеку, можно упомянуть «Рукописное описание церквей Шелонской пятины», 1635 г., «Архивные рукописные документы Иверского Валдайского монастыря 1707–1759 гг.», «Рукописный Стоглав», 1595 г., «Евангелие (Коркушское)», 1451 г., и другие, всего 109 экземпляров¹⁴.

В 1917 году в библиотеку полностью перешло книжное собрание Братства святой Софии, в котором было немало раритетов¹⁵.

В библиотеке имелись «Труды Новгородского общества любителей древности», председатель которого М.В. Муравьев состоял и членом Церковно-археологического общества.

Особо хотелось бы отметить вклад священников Новгородской епархии в пополнение библиотеки книгами, среди которых было немало редких изданий: «Межевая книга 1781 г.» от священника Молвотицкой Богородице-Рождественской церкви Демянского уезда, «Остромирово Евангелие» 1056–1057 гг., фотолитографированное от священника Пестовской церкви Демянского уезда Виталия Устрицкого, «Евангелие времени Алексея Михайловича» от священника Дерглицкой церкви Старорусского уезда А. Пельгорского, рукописная книга «Златоуст» от священника из Череповецкого уезда М. Куделина, три книги XVI–XVII вв. от архимандрита Новгородского Юрьева монастыря Никодима, «История Российской иерархии» Амвросия от игумена Сыркова монастыря Магдалины и другие¹⁶.

В последующие годы расширялась тематика поступающих книг, библиотека продолжала расти за счет приобрете-

ний самого Общества. Среди этих изданий: «Севернорусские народоправства во времена удельно-вещевого уклада: История Новгорода, Пскова и Вятки. Т. 1–2» Н. Костомарова, многотомная «История России с древнейших времен» С.М. Соловьева, «История русской церкви. Т. 1–2» Е. Голубинского, «Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви» П. Строева, «Обзор русской духовной литературы. 862–1863 гг.» Филарета (Гумилевского), «Труды VII археологического съезда в Ярославле» и «Труды XV археологического съезда в Новгороде», «Судебник царя Федора Иоанновича 1589 г.», «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым», «Древности: Труды Московского археологического общества», «Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 1–7 в 10 кн.».

В библиотеку выписывались журналы «Старые годы» и «Светильник»¹⁷.

Постоянно росли средства, выделяемые Обществом на приобретение книг и подписку периодических изданий. Так, если в 1913 году на эти цели было израсходовано 62 руб. 30 коп., то в 1914 году уже 179 руб. 46 коп.¹⁸

Новгородское церковно-археологическое общество просуществовало до апреля 1917 года.

Великая Отечественная война нанесла непоправимый урон коллекциям и книгам Новгородского музея. Однако небольшая часть книг из библиотеки Церковно-археологического общества сохранилась и находится в фонде редкой книги музея. Всего выявлено около 400 книг. Сохранились и некоторые книги из личной библиотеки Арсения — около двух тысяч¹⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Савинова И.Д. Противостояние митрополита // Арсениевские чтения / Новг. Епархиальное упр.; ГАНО. Новгород, 1993. С. 52.

² Известия XV археологического съезда в Новгороде. М., 1911. С. 16–17.

³ Моисеев С.В. Анатолий Иоаннович Конкордин. 1860–1920: новг. краевед, протоиерей. Великий Новгород, 2000. С. 6–8, 11, 17, 21, 24.

⁴ Организационное собрание НЦАО // Новгородские епархиальные ведомости. 1912. № 43. С. 1465; Интеллигенция Новгородской земли: проблемы и судьбы: Материалы научной конференции 18 нояб. 1997 года. Новгород, 1998. С. 50–53; Речь владыки Арсения // Там же. 1914. № 3. С. 89.

⁵ Устав Новгородского церковно-археологического общества // Новгородские епархиальные ведомости. 1912. № 43. С. 1451; Речь владыки Арсения // Там же.

1914. № 3. С. 89.

⁶ Журнал НЦАО. № 5 (23 апр. 1913 г.) // Там же. 1913. № 22. С. 728–729.

⁷ Отчет НЦАО за 1913 год. // Там же. 1914. № 45. С. 1467–1468.

⁸ Торжественное годичное собрание НЦАО // Там же. 1913. № 3. С. 84, 85.

⁹ Список икон, книг и рукописей, поступивших в Новгородский церковно-археологический музей // Там же. № 15–16. С. 486–488.

¹⁰ НГМ. ОПИ. Ф. НЦАО. Ед. хр. 11670. Л. 2, 3, 6 об., 9 об., 13 об.; Библиотека // Отчет Новгородского церковно-археологического общества за 1915 год. Новгород: Губ. тип., 1916. С. 19–39.

¹¹ Моисеев С.В. Анатолий Иоаннович Конкордин. С. 19–20; Журнал НЦАО. № 6 (15 июня 1913 г.) // Новгородские епархиальные ведомости. 1913. № 36. С. 1176.

¹² Журнал НЦАО. № 6 (15 июня 1913 г.) // Новгородские епархиальные ведомости.

1913. № 36. С. 1176; Библиотека // Отчет НЦАО за 1915 год. Новгород, 1916.

¹³ Отчет НЦАО за 1914 год // Там же. 1915. № 27. С. 905–906; НГМ. ОПИ. Ф. НЦАО. Ед. хр. 11670. Л. 22 об., 29 об., 30, 31, 32.

¹⁴ Отчет НЦАО за 1914 год // Новгородские епархиальные ведомости. 1915. № 27. С. 903; НГМ. ОПИ. Ф. НЦАО. Ед. хр. 11670. Л. 11.

¹⁵ Анкудинова Л.А. Из истории создания книжных фондов Новгородского музея // Материалы научной конференции: 125 лет Новгородскому музею. Новгород, 1991. С. 193.

¹⁶ НГМ. ОПИ. Ф. 11670. Л. 2, 62, 62 об.

¹⁷ Библиотека // Отчет НЦАО за 1915 год. Новгород, 1916.

¹⁸ Новгородские епархиальные ведомости. 1914. № 42. С. 1352.

¹⁹ Анкудинова Л.А. Из истории создания книжных фондов Новгородского музея. С. 193.

Тамара СИГАЛОВА

«ДОБУЖИНСКИЕ ЧТЕНИЯ»

Прошло 125 лет со дня рождения Мстислава Валериановича Добужинского, художника, который своими работами дает нам, современникам XXI столетия, богатые представления об интеллектуальной и художественной жизни первой четверти XX века. Добужинский — один из ярких факелов своего времени. Художник-новатор, он привносит в устоявшиеся догмы живописи всё многообразие и прелесть графического мастерства. Его волнуют события, свидетелем которых он становится на протяжении всей своей творческой жизни. Катаклизмы времени, ветры перемен не минуяют художника. И безусловно находят отражение в его работах.

Интерес к творчеству художника велик во всём мире, особенно дорог он нам, новгородцам. В Новгороде родился художник и сюда привозили маленького Мстислава к деду на каникулы из Санкт-Петербурга.

Именно этот интерес, эта высокая нота в творчестве графика, портретиста, лирика, его безусловно неосценимый вклад в живописную культуру России, побудили работников Новгородской областной универсальной библиотеки провести Добужинские чтения, которые состоялись 25 мая 2000 года в день рождения художника.

В чтениях приняли участие учёные, искусствоведы Пскова, Санкт-Петербурга, Великого Новгорода: Р.Н. Антипова, И.М. Васильева, Н.Г. Звенигородская, В.Ю. Карпова, Н.М. Козырева, Л.А. Петрова, Г.И. Чугунов, В.А. Ядрышников. Их исследования глубоко научны, основаны на достоверных фактах, представляют большой практический интерес для всех, кому дорого творчество Мстислава Валериановича.

И поэтому, видимо, выступления эти были объединены в сборник «Добужинские чтения», составителями которого стали главный библиотекарь Новгородской областной универсальной научной библиотеки Л.А. Петрова и учёный секретарь библиотеки О.М. Лапо. Сборник насчитывает девять статей, основанных на выступлениях авторов.

Виктория Юрьевна Карпова, научный сотрудник Новгородского государственного объединённого историко-архитектурного и художественного музея-заповедника в своей статье рассказывает о небольшой, но очень интересной коллекции графики начала XX века, в которую входят и четыре работы Мстислава Валериановича Добужинского. Это «Извозчик», «Веранда», «Пейзаж» и «Деревня Семёновка». Виктория Юрьевна прослеживает историю происхождения этих экспонатов, указывает время их поступления в фонд живописи и графики Новгородского музея, пишет о больших творческих связях сотрудников музеев Санкт-Петербурга, Петродворца и Великого Новгорода, связях, позволивших получить в наш фонд картины «Извозчик» и «Веранда». Она выражает надежду на то, что дальнейшие совместные усилия позволят установить полную историю бытования этих памятников. Статья иллюстрируется всеми четырьмя работами М.В. Добужинского, имеющимися в Новгороде.

Людмила Андреевна Секретарь, старший научный сотрудник Новгородского музея-заповедника прослеживает в своей работе «Послужной список Тимофея Софийского — деда Мстислава Добужинского» жизнь и деятельность священника церкви Михаила Архангела на Прусской улице в Новгороде Тимофея Егоровича Софийского. Материал построен на архивных дан-

ных и воспоминаниях самого художника, которые он опубликовал будучи в эмиграции, к статье приложена фотокопия картины М. Добужинского — дом Тимофея Софийского. Рисунок 1904 года.

В статье Риммы Николаевны Антиповой, старшего научного сотрудника Псковского государственного объединённого историко-архитектурного и художественного музея-заповедника анализируются материалы переписки М.В. Добужинского с князьями Гагариными. Имение Гагариных в Холмах (Порховский район Псковской области) стало основной темой иллюстраций М.В. Добужинского к «Евгению Онегину» Пушкина. Автор статьи отмечает «поразительную адекватность авторской мелодии, целомудренную деликатность в обращении с материалом, корректность графического языка, которые стилистически связывают эти две книги о любви и верности».

Большой интерес вызывает статья Людмилы Алексеевны Петровой «Добужинский и Рахманинов: к истории творческих взаимоотношений». Прекрасным языком изложена в статье история двух великих людей России, детство которых прошло в Новгороде, под звон новгородских колоколов. «Эти «четыре серебряные ноты» остались в сознании композитора и художника дорогой памятью о родине», — пишет автор статьи. Прослеживается одинаковость жизненных позиций и принципов у художника и композитора. Обоим «было ненавистно отсутствие свободы и гнёт над творчеством, преграды творческим начинаниям народа». Оба жаждали реформ и обновления жизни. Много раз перекрещивались жизненные пути двух российских корифеев. Знаменательно их участие в постановке В.И. Немировича-Данченко в Московском художественном театре пьесы Александра Блока «Роза и крест». Л.А. Петрова проанализировала в статье гармоничное слияние двух талантов: С. Рахманинов написал музыку для этой пьесы, а М. Добужинский оформил декорации к спектаклю. Величественный триумvirат — Л. Блок, С. Рахманинов и М. Добужинский в сочетании с талантом В. Немировича-Данченко сотворили чудо. Пьеса шла с огромным успехом, её постановка вошла в историю театрального искусства.

Для посвященного читателя представлены и другие статьи, опубликованные в сборнике: Н.Г. Звенигородской «Русский символизм в оригинальной графике» (по материалам собрания Государственного Русского музея), Г.И. Чугунова «Из переписки М.В. Добужинского», В.А. Ядрышников «Храм прусских бояр» (церковь Михаила Архангела на Прусской улице Новгорода), Н.М. Козыревой «К истории постановки оперы А. Берга «Воцтек» (Ф.Ф. Комиссаржевский и М.В. Добужинский).

Все статьи сборника несут уникальную информативность, написаны хорошим слогом, предназначены для всех, кого интересует жизнь и творчество Мстислава Валериановича Добужинского.





ПАМЯТИ ПОЭТА

Владимир ВИКТОРОВ

Ну вот и всё. Пропето.
Забыто. Снесено.
Мелодии рассвета
Распахнуто окно.

Поэт! Не место песням
За шаг до немоты...
А в офисе небесном
Улыбки и цветы.

Исполненный усердия,
Вне рангов, званий, каст,
Весёлый Ангел смерти
Квитанцию подаст.

Всё принято по счёту,
Ни пуха ни пера!
Ты тихо скажешь: «К чёрту!..»
А дальше... ни...

Ни солнца, ни отсрочек
На поздние мечты,
На пару чистых строчек,
На слово доброты...

Срубили дерево. Берёзу.
И не одну её...
В поту
Перевели стихи на прозу
Огня в печи, зубов во рту.

Постились правдою старинной,
Кичились славой нехудой,
Привычно звали скот скотиной
И... плача, гнали на убой.

К синему безмолвию небес
Я теряю всякий интерес.

В сутолоке, в путанице, в гаме
Я ищу опору под ногами.

Впопыхах плечом сшибаю гору,
Но опять сознанию вопреки,
Тычась на свету, ищу опору
На длину протянутой руки.

В твоей пустыне сумрачный пейзаж.
В твоей пустыне невообразимы
Купальщики, пришедшие на пляж,
Ныряющие в проруби и зимы.

В моей пустыне стылые мосты.
Среди барханов — льдин нагроможденье.
Ни деревца, ни шороха листвы,
Ни запаха восторженной сирени.

Скажи, что я не прав, что это блажь
И выдумка дикарская поэта,
Что я и сам не больше, чем мираж,
Пустая тень в пересечение света.

Вы повидали на веку,
Вы всё исправите,
Когда из сердца извлеку
Осколки памяти.

Они ворочались и жгли,
И были точными,
Как будто боли всей земли
Мне в грудь вколочены.

О сколько мелочных утрат
Ушли без выжиму!
А вдруг опасней во сто крат?
А вдруг не выживу?

А вдруг и вовсе ничего
Не будет лучшего,
Когда избавлюсь от всего,
Что смертно мучило?

Слава Богу, есть свобода слова,
Благородный стих и адский труд.
Век живи и радуйся, что снова
Это у тебя не отберут.

Пыль свобод осядет после шквала,
День взметнётся в солнечном дыму...

Только бы душа не расплескала
Доброту, завидуя всему...

Я отвергаю начисто Стамбул.
У нас одёжка вольного пошива.
Что б ни одел и что бы ни обул, —
Я за границей выгляжу паршиво.

У них там эпидемия и грязь.
У нас курорт и грязи в Старой Руссе.
У них к гаремам пагубная страсть,
Что вовсе не в моём, признаюсь, вкусе.

Мне ветер прополаскивал мозги,
Однако я шутя справлялся с хворью
И острой не испытывал тоски
По здравницам и Средиземноморью.

Ни опий не любя ни анашу,
Ни чашки кофе утреннего моды,
Я сквозняками дикими дышу
И без опаски пью сырую воду!

Я по снегу люблю бродить босым
Не потому, что тапкам время к лету,
А потому, что пяткам до бацилл
И пересудов света дела нету!

Не пристаю холера и чума,
Не обзывают встречные придурком...
Но если предстоит сойти с ума,
То не зачем к каким-то ехать туркам.

Растворилась Россия во мне.
Я и сам, как все люди простые,
Бездорожьем доволен вполне,
Растворился в просторах России.

И разлиться душе довелось —
По своей простоте — невинной —
Синевой над сторонкой родимой,
Над живущими вместе и врозь...

Захотелось горбуши и стерлядки.
Предложили минтая и корюшки.
Не за фунты, которые стерлинги,
А за наши, за кровные, в горюшке...

И пока я рубли отоваривал,
Мне приятель в сердцах выговаривал:
«Плюнь мне в морду, собаке отдай его —
Я не буду жрать мясо минтаево!»

Знает он из рыбацкого опыта
Да из ропота общенародного,
Что, почём, сколько живности добыто,
Разворовано, сгублено, продано...

И, однако же, ел как телятину!
Не запачкал ни стол, ни традицию.
И сказал, что такую вкуснятину
Вряд ли можно сыскать за границею.

Л. Барановскому

Из двух одинаковых зол,
Съедобных по мере прочтения,
Тому отдаю предпочтение,
Где всё-таки круче посол.

Ведь это, браток, от любви,
И я не последний тупица:
Да, знаю, давленье в крови —
И пьёшь
и никак не отпиться.

Крылатой песни не сложил.
Достиг вершин, каких немало.
Внимал призывам — и вершил.
А вот душа
не принимала...

И не был притчей на устах,
И засыпал, себе поведав
О несодеянных грехах,
О неодержанных победах...

Какие были времена!
Какие были имена,
Традиции, умы и лица!

Я мог бы в прошлое влюбиться,
В тиши листая письма
Участника и очевидца.

Я мог бы выразить восторг
Былым свершениям и датам,
Когда б не видел: мир жесток
И гневом полнится набатным.

Я мог бы выразить протест
Уродству книжного искусства,
Когда бы творческий процесс
Не трогал попорченные чувства;

Когда б не мучила вина,
Что я один за всё в ответе:
За судьбы те, за судьбы эти,
За имена и письма —
Во все века и времена.

Я не плохих встречал ребят
В вагонах общих, на вокзалах
И доверялся всем подряд —
И скоро в памяти терял их.
Брал телефоны, адреса
И лёгок был на обещанья...

Клянусь, что искренна слеза
В исповедальне в час прощанья!
И потому не для друзей,
А для попутчиков случайных
Душа открыта как музей
Высоких дум
И дел печальных.

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ ВАЛЬС

Глаза закрою...
 кружится
 всё кружится
 и кружится...
 Калейдоскопом — лужицы,
 дома
 и облака.
 И почему-то кажется,
 что взрослых
 нужно слушаться,
 А можно
 и не слушаться,
 ведь ты малыш
 пока...
 Глаза закрою...
 помнится,
 всё помнится
 и помнится...
 От головокружения
 недвижна
 тишина.
 И завтра
 всё исполнится,
 и в белом платье
 школьница
 Закружит, непослушная,
 на вальс приглашена...
 Так объясни же, милая
 моя тайга
 и рожица:
 Ты почему торопишься
 меня
 вернуть назад? —
 Ведь ничего
 не сбудется,
 мне просто
 очень хочется
 И слушать,
 и не слушаться,
 кружить, закрыв глаза...

Когда досель молчавшая сова
 Вдруг разразится хохотом и криком,
 Ко мне придут высокие слова
 О времени несбыточно-великом.

Любой из нас, меняя класс и вид,
 По-своему о будущем хлопочет.

Придут слова. И птица воспарит,
 И запоёт, и дико захохочет!

Вынесло, вынесло, вынесло
 Ветром — и вновь занесло
 Копоть газетного вымысла
 В наше родное село.

Вынесу, вынесу, вынесу,
 Если позволит Господь,
 Не поддающийся вымыслу
 Хлеба последний ломоть.

*Толику Фёдорову
 в День рождения*

Из тьмы продрогшего подвала
 Явились мы на Божий свет,
 Где жизнь душевно совпадала
 С приметами весенних лет.

И пахло мартом... и сидели
 Вблизи
 увядшие снега,
 И мы Вселенной всей владели,
 Ей обозначив берега...

4 марта 1994 г.

Я буду с тобой неразлучен.
 Желанья твои — как закон.
 Я буду до времени лучшим
 Из тех, кто с тобою знаком.

Я буду послушен... Но помни:
 Повсюду отыщут тебя
 Горячие сполохи молний,
 Холодные губы дождя.

Свой след я метелью пометил —
 Попробуй, снега растопи...

Но помни: я всё-таки ветер
 И жить не привык взаперти.

Я прошёл много африк и азий,
 Я двенадцать границ пересёк
 И, устав от людских безобразий,
 В неродной углубился лесок.

Вот бы нашим просторам такую
 Красоту, чтобы вытравить боль!
 Я тогда бы не бегал впустую,
 Словно частный народный контроль.

Ну зачем воздвигают хоромы
 На границе меж злом и добром,
 И зачем для такой обороны
 Тут знакомый мужик с топором?

Взял я крайних пятьсот без закуски
 И чужой прокричал стороне:
 — Есть тут кто понимает по-русски?
 — Ноу, ноу, — ответили мне.

Я тогда призадумался строго:
 Уж не дачный ли это ковчег?
 — Эй, служивый, далече до Бога?
 — Не видать, — отвечал человек.

Просквози же, старуха Европа,
 Милосердием душу насквозь.
 Мне бы только уйти от потопа...
 — Не успеешь! — сквозь гром донеслось.

«Накормим, обуем, оденем...» —
Как прост и приятен сюжет!
И хочется верить идеям,
В которых фантазии нет.

Ну ладно: обулись, оделись,
Поели наваристых щей, —
А где всем знакомая ересь?
Её не видать вообще!

Одёжка не знает износа,
Разбавлены щи не совсем,
И нет для ответа вопроса,
И нет для полемики тем.

Ах ты, Аня, подруженька, Аня,
Ты сразила меня наповал,
Но, прости, ухожу на задание —
На заданиях я не бывал.

Ах ты, Светка, красавица Светка,
Не вяжи меня водкой к столу.
Знаешь, Свет, что такое разведка
И особенно, если в тылу?

Ах, Людмила моя золотая,
На исходе текущего дня
Далеко от переднего края —
И надолго — забросят меня.

До свиданья! Я буду достоин
Разделить вашу память и грусть...

Я вернусь — несомненно, героем.
Повезёт — несомненно, вернусь.

Куда девается любовь?
Ответа нет верней и проще:
Одну затюкала свекровь,
Другую отравила тёща.

Родная в общем-то среда,
Доброжелательные мамы,
И не хотят тебе вреда,
А доведут семью до драмы.

Потом с отчаянной тщетой
В педагогических науках
С непоправимой добротой
Они воспитывают внуков.

А как же судьбы двух сердец,
Ещё таких неискушённых?
Тут виновата, наконец,
Горсть райских яблочек сушёных.

Нет медали у отца.
Нет отца. И нет медали.
Но её за что-то дали,
Наградили храбреца?

Я-то знаю, нет вины...
Рвали с куртки при аресте.
Наблюдал, забыв о чести,
Полководец со стены.

Моралистам что мораль!
В пятьдесят шестом за малым
Всё вернули. Потерял он
Лишь нить жизни.
А медаль...

Даже десять лет спустя,
Чтоб спокойней жить на свете,
Честно я писал в анкете:
«Умер».
Совесть мне судья!

Этой боли нет конца.
Даже чёрт бы с ней, с медалью!
Но её за что-то дали?
Нет отца...

Объясните же мне, бестолковому,
Вразумите меня, дурака:
Почему я не мыслю по-новому
И молчу, будто нет языка.

Изуродован до безобразия,
Я вступать в неформалы стыжусь.
Я, конечно, та самая Азия,
Вы, конечно, та самая Русь.

Я не чех, не поляк. И венгерского
Не найдётся во мне ни шиша.
И лепить образ гения не с кого,
Хоть томится и рыщет душа.

Сколько было прекрасных мгновений
И наполненных чаш до краёв!..
Но в толпе полумасок и теней
Потеряла ты что-то своё.

Находила и снова теряла,
В дверь чужую стучалась, и там
Ты чужие слова повторяла
И к чужим прикасалась цветам.

Неумело себе подражая,
От чего-то навек уходя,
Ты домой возвращалась — чужая
Для судьбы, для любви, для дождя...

И в туманном твоём зазеркалье,
Где, казалось бы, плыть без конца,
Всё ясней и ясней проступали
Очертания чужого лица.

Замираю в предчувствии встреч
и волнуясь при встречах,
Будто ночь коротка
и звезда ускользнёт навсегда,
Будто все поезда
добежали до станций конечных,
И к причалам из странствий далёких
вернулись суда.

Я не стану скрывать,
это чем-то похоже на зависть,
С океанской волны
вдруг швырнуло в объятия тиши...
Я ведь тоже умел,
в темноте твоих плеч не касаясь,
Ощущать во вселенной
движение чуткой души.

Неужели опять
всё начнётся с ночного вокзала,
И звезду путеводную
спутницей я изберу?
Ту, что гаснет к утру,
потому что от ветра устала,
Отблестала, отпела —
и снова горит на ветру!..

Одобрив внутренний раздор,
Проклиная внешние раздоры,
Я вошёл в звенящий коридор,
В холод гор, чтобы услышать горы.

Я не чуял собственных шагов.
Я гнал слов немыслимое стадо.
И опасность встретить здесь врагов
Заглушал словами камнепада.

Немотой души и жизни всей
Обогнуло трижды Землю эхо,
Но нигде не встретило друзей.
Звук пустой гулял внутри ореха.

И тогда, как червь, прогрыз я склеп —
И совсем оглох от диких песен!
И от солнца острого ослеп!
И сорвал с себя лохмотьев плесень!

Дали хлеба мне кусок. Но хлеб
Был, как камень, твёрд,
Как воздух пресен.

Корабли расходятся, как люди.
Только люди ведь не корабли —
Поменяли курс —
и будь что будет!
Но совсем расстаться не смогли.

Это что — крушеньё? Божья кара?
Я кричу: «Опомнись! Мы близки!..»

Но напрасно ищет луч радара
Ту, кого жалел бы по-людски...

Тебя любить — пустое ремесло,
Занятие, как пакость с позолотой.
Я уходил — но это не спасло.
Я всё простил — и в первый раз, и в сотый.

Свой свет печальный выпила луна,
И молодые громы отзвучали.
За всё судьбой уплачено сполна...
Но в сердце не убавилось печали.

Нету матушки в дому,
У кого-то засиделась...
Одному побыть хотелось?
Вот и худо одному!
Я один, и мать одна.
Боже, как живёт убого!
Знать душа моя бедна
В оба края от порога.
Непутёвого прости —
Не сбылось, что обещалось.
Обещалось, не печалась
Подождать и подрасти.
Встанут на ноги сыны:
Мы свои распишем судьбы...
А тебе передохнуть бы
От отца и от войны...

Но былое — по пятам,
Словно бед грядущих мало.

Я другим не стану, мама,
Потому что ночью, мам,
Кто-то ходит возле окон
И поводит чёрным оком,
И поругивает власть,
И не знает, что украсть.

В шумной роще на ярком луту
В эти сочные дни созиданья
Я хочу —
и никак не могу
У природы просить состраданья.

Я хочу — и никак не могу
Верить в слёзы ликующей ивы.
Пусть хотя бы себе не солгу,
Пусть счастливые будут красивые.

А от тех равнодушных примет,
На призыв не нашедших ответа,
Пусть останется осени след,
Пусть хотя бы останется это.

Мы всё простим. Мы всех простили.
Но как убога и страшна
В полях униженной России
Полуживая тишина!

Махнув рукой, проходишь мимо.
Не надо, душу успокой.
Но то, что сердцу было мило,
Такой наполнено тоской!

Ни чёрных птиц, ни свежих ссадин.
Горюн-трава, следы утрат...
Бредёшь, как будто кем обкраден,
Как будто в чём-то виноват.

А над землёй, не ставшей пашней,
Невыносимо тяжело
В тумане стынут день вчерашний,
Позавчерашнее тепло.

Видно, ворону
сто годов.
Сто годов ему.
Без вранья...
Из сиятельных
городов
Столько прибыло
воронья!
Облепили дуб
среди полей —
Престарелый дуб,
но и тот
Тоже празднует
юбилей,
И ему, не вру,
лет пятьсот.
Каблуком эпох
в землю вмят,
Кто в родимую
лёг костями,
Разберись поди
враг или брат —
Все на пир пришли,
чёрт возьми!..
Разговор ведут
о былом.
На устах у всех
слово «Русь».
Их послушаю
за столом —
Не берусь судить,
не берусь...

Как повзрослели тополя!
Я стар для них, скажи на милость!
Да мне такое и не снилось
С тех пор, как вертится Земля!

Я просто временем помят.
Я просто временно не понят.
Но и они ведь что-то помнят,
Когда возвышенно шумят?..

Ушли от победных реляций,
Устав в эйфории парить,

И стали недобро смеяться,
Стреляться и в небо палить.

Ещё не набили оскому.
Уже подружились с врагом.
И любим теперь по-другому,
Тоскуем — и то о другом.

Мы так на себя не похожи!
Как слово и песня не в лад.
И холод всё тот же по коже:
Стреляются... В небо палят.

«Чуть помедленнее, кони...»

В. Высоцкий

Он приказал себе: домчать!
Он гнал коней без передыха.
Но сердца треснула печать —
И на планете стало тихо.

И мы его не дождались
На том последнем перегоне,
Где в запоздалой страсти кони
Ещё неслись, неслись, неслись...

Друзья, он вам друзей простит.
Враги, не пачкайте молитвы!
Не суйся, ворон — паразит,
В его клокочущие ритмы!

Ну, кто тут временные? — Слазь!
Вы жизнь забвением стращали.
И вот она... оборвалась... —
В конце? На полпути? В начале?..

Напугать хотели: танец смерти! —
Что ни призрак — явный антипод.
Но спокойно ангелы и черти,
Как валюта, входят в обиход.

Кооперативными святыми
Заняты библейские места.
Там Христос гуляет, как в пустыне,
В поисках страданий и креста...

Ворвался в подворье и начал с угроз:
«Верните мне то-то и то-то,
Пока вашу банду совсем не разнёс!..»

Хозяин кивнул на ворота.

Мол, то-то и то-то и мне самому
Ещё пригодится для дела...

...Трещал частокол.
Шла страна на страну.

И улица враз опустела.

ПАМЯТИ ДРУГА

Уже пятый год нет моего друга — Игоря Буткевича. Осталась память о нем и его письма...

Мы познакомились в середине 60-х годов, когда были студентами шведского отделения Ленинградского университета. Как и всех, Игорь привлек меня своей оригинальностью, остроумием, уникальным даром рассказчика. Игорь был необычен во всем: в поведении, в одежде, в мыслях и пристрастиях. Он любил общаться, общаться любил с ним. Стоило ему появиться на факультете, как он сразу оказывался в центре внимания: его анекдоты были самыми остроумными, розыгрыши — комичными и нестандартными. Можно без преувеличения сказать, что мы на филфаке учились в «эпоху» Буткевича. И касалось это не только нашей неформальной студенческой жизни, но

и академической: преподаватели литературы, известные ученые-профессора, доверяли ему принимать экзамены у своих однокурсников.

Литература была единственной всепоглощающей страстью Игоря, он посвящал ей все свободное время. Это было не только чтение книг, сюда включались постоянные обходы книжных магазинов, просмотры «Книжного обозрения», издательских каталогов и т.п. Никогда не забуду, как Игорь «вкушал» запах новой книги, как он любовно и бережно листал ее страницы.

Игорь был человеком увлекающимся. Но одно увлечение было постоянным: стремление путешествовать. Путешествия давали ему новые впечатления и обостряли вкус к жизни. Так, ему удалось поучаствовать в арктической экспедиции, побывать со строй-

отрядом в Сибири...

Жизнь разбросала нас, и долгие годы мы чаще переписывались, чем встречались. Только тогда из писем я узнал, что у Игоря талантливое перо. Сам он никогда не придавал этому особого значения, как специалист в области литературоведения, критически относился к своим писательским «опусам». После его смерти в бумагах обнаружилось его заметки и рассказы, написанные второпях на блокнотных листочках. Не знаю, как бы отнесся Игорь к их публикации. Некоторые из его рассказов предлагаем на суд читателей.

Виктор ИВАНИЦКИЙ,

доктор филологических наук,
профессор, декан факультета романогерманской филологии НовГУ



Игорь БУТКЕВИЧ

УЧИТЕЛЬ

Он уже тогда был старым, наш учитель, когда я впервые пришёл в школу. А теперь я сам учитель и уже даже со стажем. Правда, солидным меня ещё не назовёшь, хотя по данным паспорта я вполне солидный человек. И вот неделю назад мне вдруг захотелось съездить в богом забытую деревню, найти своего старого учителя и поговорить с ним по душам. Что-то в последнее время не ладится у меня контакт со старшеклассниками, чего-то я не могу понять, что-то ускользало от меня. Мой старый учитель не мог мне, по идее, ничем помочь. Кроме совета, да и то вряд ли. Но, тем не менее, я давно уже собирался к нему съездить, да вот всё было некогда. И сейчас, трясаясь в замызганном автобусе по деревенским ухабам, я вспоминал, как когда-то бегал в деревянную школу, ссорился и мирился со своим другом Валькой, которого любил до самозабвения, баловался на уроках, но всегда слушался старого учителя — для всех нас он был авторитетом. Я стал подсчитывать, сколько же ему может быть сейчас лет. Наверное, около 80. Я знал, что он жив, живет давно один, что иногда ребята (а ребятам всем уже давно за 40) навещают его. И только я, один из его самых любимых учеников, ни разу не навестил.

Автобус прерывал мои размышления частыми остановками, входили люди. Рядом со мной сидел пожилой мужчина

с измученным, больным лицом. При каждой встряске он охал и шевелил губами, словно заклиная этот автобус и его водителя. Я вначале не обратил внимания на него, а за долгое время езды его профиль показался мне вдруг знакомым. Мы долго переглядывались и, когда я хотел его спросить, он заговорил сам:

— Ужасная дорога. Ещё целый час почти ехать.

— Да, — я кивнул охотно, желая поддержать разговор.

— И зачем только еду, — продолжал он. — А Вы из этих мест?

— Да, когда-то здесь жил, а потом армия, институт, работа, а Вы?

— Собственно, я даже не знаю, зачем еду. Я тоже когда-то жил здесь, хочу теперь посмотреть, может быть, летом и не представится такой возможности. Да, годы наши таковы, скоро уже пора на покой. А Вы до конца едете? — он назвал ту деревню, куда я ехал.

— Да, до конца.

— Позвольте Вас спросить, — ухаб, встряска, и снова ухаб, — к кому Вы едете?

— Я еду к своему учителю, Борису Владимировичу Кузнецову.

— Ну как же. Это же и мой учитель. Только... Хотя Вы сами узнаете, — он замялся и продолжил:

— А что-то я Вас не помню.

Я назвал себя. Он долго вглядывался, затем улыбнулся и сказал:

— Так я и подумал. Ещё на станции, когда садились, даже лицо мне показалось знакомым. Ах, годы-годы. А меня Вы не узнаете? Я старше Вас учился на целых три класса. Антонов Саша, то есть Александр Александрович, извините.

Я не мог вспомнить. Столько было лиц, событий за это время.

- Я ведь женат на сестре Вашего друга Валентина. Я вспомнил.
- И живу теперь в Ленинграде, счастлив, трое детей.
- А где же Валентин?
- Валентин живёт здесь, в деревне.

Разговор перешёл на общие темы, на воспоминания, мне показалось, что я и не уезжал отсюда, что прошлые тридцать с лишним лет ждут меня впереди. Закрыв глаза, я, как в калейдоскопе, просматривал кадры своей жизни. Вот мы в школе, вот входит в класс Учитель, строгий и добрый, мягкий и не-терпимый, отзывчивый и замкнутый. Чего же мне не хватает? Была и у меня отзывчивость. И доброта. И авторитет. И вдруг всё это стало как-то исчезать, сначала неумовимо — дом-школа-дом, потом оказалось, что и друзей-то у меня, прежде общительного и компанейского, нет — всё съела школа, школьные заботы, семья, на которую толком времени и не хватает. И вот всё равно я как будто бы в раковине, один со своими проблемами, один со своими учениками. Правда, если раньше учительский стол не был преградой для более тесных контактов с учениками, теперь же я чувствую себя как бы за барьером — может быть, тому виной возраст? Или та же извечная проблема — отцы-дети? Я сам отец взрослых сына и дочери, на воспитание которых давно махнул рукой — было не до этого, в результате и между своими же детьми и мной — барьер. Они меня считают консерватором, ретроградом, отчасти, наверное, это так, но и современная полнейшая эмансипация молодежи мне не совсем по душе. Так где же та золотая середина, которая позволит нам понимать друг друга в любом возрасте? Или её нет? Или я не могу её ощутить? Обуреваемый такими мыслями, я очнулся от того, что сосед тряс меня за шею: «Приехали. Вставайте. Вон и Валентин встречается нас, я давал ему телеграмму». Честно говоря, ни за что на свете не узнал бы я его, повстречайся он мне где-нибудь в другом месте. Только присмотревшись, я увидел, что он почти такой же — глаза, непокорные волосы.

Мы вышли с соседом вместе. Валентин скользнул по мне взглядом и... вдруг закричал:

- Боже ты мой, сколько лет, сколько зим!
- Тридцать, Валик, тридцать.

Мы крепко обнялись и расцеловались. «Мать честная, вот не ожидал, вот так сюрприз!»

Я хотел было сказать, что и понятия не имел, что он живет здесь, но он мне не давал вставить слова, сразу же потащил к себе домой. По дороге показывал на дома и говорил: «Вот здесь живёт тот-то», называл фамилию, имя. Кое-кого я вспоминал, большинство же фамилий звучало для меня впервые. «А где же наша школа?» — «Школа? Да вот она. Только это не наша, а новая. Старую давно уже снесли, лет 15 назад». Валентин притащил нас к себе домой, в большой, просторный дом, где было всё чисто и добротно, и сказал: «Вы покуда, ребята, отдыхайте, а я баньку растоплю». Я было попытался возразить, но он уже исчез. Я рассматривал фотографии на стенках, под стеклом. Здесь были и наши детские фотографии, больше всего — самого Валентина. Можно было проследить эволюцию человека, начиная с десятилетнего возраста и кончая фотографией, сделанной год-два назад, судя по её новизне. В центре всех фотографий висел небольшой портрет, я не сразу обратил на него внимание, а обратив,

даже вздрогнул: с укоризной на меня смотрели глубокие, печальные глаза старого учителя. Стало тоскливо и беспокойно. Я вышел на улицу. «Ты куда же это собрался, а?» — сгрёб меня кто-то в охапку. Это был Валик.

— Знаешь, там, у тебя в комнате, я увидел портрет учителя, хочу к нему сходить сейчас же. Повиниться хочу, — сказал я и сам удивился своим словам.

— Повинись. Повинись обязательно, — задумчиво проговорил Валентин. — Дорогу-то знаешь? Иди мимо вот того дома, — он показал рукой куда-то в поле, — и прямо попадёшь на кладбище...

— На кладбище? Как на кладбище?

— А ты разве не знал? Он умер, месяца два назад схоронили.

Что-то оборвалось внутри, жгучая обида на себя, на свою вечную занятость, вина перед человеком, перед которым я всю жизнь благоговел, что-то ещё — всё моментально вспыхнуло во мне. Не разбирая дороги, я пошёл напрямик к старому, зелёному кладбищу. Ещё издали я увидел деревянный обелиск и ограду, в центре небольшого обелиска был такой же портрет, как у Валентина в комнате. И снова с укоризной смотрели на меня глубокие и печальные глаза старого учителя. Я сел. Не знаю, сколько времени прошло, я сидел и думал. Думал до одурения, до головной боли. Потом на поляне нарвал последних летних цветов, скромных и от того более приятных, чем какие-либо другие цветы, и положил на могилу. Пора было возвращаться. Я глухо прошептал: «Простите меня, Учитель, я опоздал. Вы мне так нужны сейчас». Было светло и прозрачно. Пели какие-то птицы. Не хотелось уходить. Я сидел и рассказывал, рассказывал всю свою жизнь, которую никогда и никому бы не рассказал. Выговорившись, я встал, посмотрел на фотографию, мне показалось, что взгляд учителя уже не такой укоризненный, он мне как будто бы говорил: я знал, что ты придёшь, ведь ты же был моим любимым учеником.

В деревню я возвратился поздно. Валентин сводил меня в баню, потом мы сидели за столом и вспоминали, вспоминали... Я решил для себя, что на следующий год обязательно приеду сюда. «Давай, Валик, соберём всех, кто учился с нами и сделаем хороший памятник учителю», — сказал я. Валентин тихо ответил: «А мы уже собрали деньги на памятник, ты вот только подскажи, как нам всё это сделать». Я сидел, пристыженный и удивленный. Как же я мог учить других, учить детей, когда мне самому нужно учиться и учиться?! «Да ты не расстраивайся. Учитель всё тебя вспоминал и говорил, что ты обязательно приедешь, хоть на могилу, но приедешь. Видишь, ты и приехал. И тебе легче, и ему».

Я уезжал из деревни, зная, что скоро приеду сюда опять, зная, что тоненькая ниточка, связывавшая меня 30 с лишним лет с этой деревней, превратилась за один этот день в очень сильную верёвку. И я также знал, что снова, как в дни своей юности, я войду в класс с доброй улыбкой и скажу ребятам празднично: «Здравствуйтесь, ребята. Вот и осень. И снова мы с вами встречаемся. Пусть этот год будет для нас полезным и нужным — я буду учить вас и учиться у вас».

На прощанье я попросил у Валентина портрет учителя, он будет теперь постоянно со мной — и в радости, и в печали. Ведь я тоже — учитель.

ТАНЕЦ НЕРП

Несколько суток мы шли с Диксона до мыса Челюскин. Было холодно. На Челюскин пришли рано утром. Раньше мне казалось, что крайняя точка нашей страны — это романтический городок, где живут в романтических домах романтические люди. На деле же всё оказалось прозаичнее. Мыс Челюскин расположился на берегу двух морей — Карского и Лаптевых, разделял эти моря пролив Вилькицкого. Вот на берегу этого пролива и стояло несколько домиков да ещё был небольшой аэродром — это и был Челюскин. Наш караван шёл дальше, занимались мы исследовательской работой. Мы — это несколько гидрографов разного возраста, в разное время окончивших Макаровское училище, да плюс команда корабля, приписанного к архангельской гидробазе. Закончив измерения в Баренцевом море, мы шли дальше на восток. Нужно было высадить несколько человек на полярку, привязаться на острове Фаддея, кроме того, мы везли новую смену полярников. Ребята были бывалые, много ходившие по морям-океанам, хорошо знавшие несметное количество всевозможных морских и неморских, реальных и фантастических историй.

Переход с Диксона до Челюскина занял довольно много времени, ледовая обстановка была не в нашу пользу. Все эти дни мы отдыхали, резались в карты, читали, стирали, исправно посещали камбуз и, конечно же, смотрели фильмы. С фильмами было туго. Тот запас, который был у нас ещё с Архангельска, давным-давно был пересмотрен по нескольку раз. Иногда мы встречали суда и обменивались лентами с ними, теперь же нам предстояло питаться своим, судовым запасом. Запас этот был не так уж мал, когда же и он был исчерпан, мы делали довольно хитрую штуку: когда лента была уже почти непригодна, из неё вырезались самые легкомысленные кадры, их склеивали и под общий восторг смотрели. Или же ленту просто прокручивали наоборот. Получались занятные вещи: если, например, девушка должна сначала прыгать с трамплина в воду, то у нас она наоборот, выпрыгивала из воды и в каком-то дерзновенном прыжке оказывалась на трамплине. Это всегда вызывало здоровые эмоции, и разговорам было не счесть числа. Когда же и эти забавы приедались, мы выходили на палубу — гулять, а поскольку было холодно, то прогулки с каждым днём сокращались. Тогда придумывались новые игры. Брался бинокль и рассматривалась жизнь соседнего судна, ничем, кстати, не отличавшаяся от нашей. Изобретательность была неиссякаемой. Люди были необыкновенно мягки друг к другу. Давно известно, что чем суровее условия, тем в человеке всё лучшее проявляется легче.

Пролив Вилькицкого встретил нас штилем. Рядом была Северная Земля. Когда смотришь на Арктику, перед глазами сразу же возникают гренландские пейзажи Рокуэлла Кента. Сходство было столь очевидным, что мне иногда казалось, что Кент рисовал именно здесь.

«Человек, который хотя бы один раз побывает на Севере, обязательно вернётся сюда. Он заболевает, — объясняла мне мудрая гидрографиня Александра Александровна. — Я уже 15 лет хожу в Арктику, каждый сезон проклиная вся и всех, а перезимуя дома, и где-то в марте начинает вдруг сосать под ложечкой, я уже знаю, что пора собирать чемодан».

От мыса Челюскина мы вышли на следующий день, моя вахта была первой, мы дежурили по восемь часов, сдавал я вахту своему «сокойнику» — так мы, жители одного кубрика, называли друг друга — курсанту Володьке. После вахты я

упросил нашего радиста включить местную сеть и поставить плёнку, выменянную, а точнее, выманенную на ледоколе. На плёнке были записи музыки из фильмов, мы с наслаждением слушали мелодии из «Шербургских зонтиков», «Мужчины и женщины». Музыка поднимала настроение, появлялся какой-то неуловимый ритм, музыка снимала усталость. Радист не очень охотно шёл навстречу, но легко поддавался методу убеждения. Музыка настроила меня на лирический лад, я лежал в кубрике и думал. Качки не было, тихо, спокойно. Обычно под воздействием музыки я мчался в радиорубку и давал странные радиোগраммы, от которых обалдевали не только мои друзья, но и дамы-телеграфистки почтовых отделений.

А сейчас мой минор нарушил Володька:

— Иди скорее, там на палубе такое творится!

— Ну что там может твориться? Всё то же, что и вчера и позавчера?

— Да там праздник!

— Праздник? — я с сомнением уставился на Володьку.

— Там нерпы пляшут! — и он мгновенно исчез.

Я с неудовольствием оделся и вышел на палубу. Боже ты мой, что там творилось! Все наши аборигены высыпали на палубу и смотрели на гладкую морскую поверхность. Там, на небольшом участке, свободном ото льда, в такт музыке танцевали нерпы. Да-да, танцевали. Собравшись в кружок, нерпы под мелодию из «Шербургских зонтиков» устроили настоящий бальный танец. Мы, несмотря на холод, стояли в немом изумлении перед этой стихийно возникшей, фантастической картиной. Построившись в круг, нерпы раскачивались на волнах, а в центре этого круга, в такт музыке выпрыгивали из воды две нерпы — от вековой арктической спячки их пробудила к земным радостям музыка. Их мордочки, приглаженные холодной морской водой, были так трогательны, огромные бычьи глаза были наполнены осмысленным выражением. «Эх, каналы!» — в восторге кричал старпом. А нерпы веселились, веселились все — и почтенные, пожилые бабушки-нерпы, и седоусые деды, но больше всех радовались маленькие нерпята — они почти полностью выныривали из воды, с шумом плюхались обратно, делали круг и снова всё повторялось сначала. Не шелохнувшись, мы стояли, зачарованные танцем морских обитателей. В этот миг мы ощутили родство — нас, живых существ, соединила музыка. Мы молили бога, чтобы музыка не кончалась. Но после «Шербургских зонтиков» была мелодия из «Мужчины и женщины» и, как ни странно, в центре круга появлялась другая пара нерп и очень плавно, ритмично начинала кружиться.

Прошло уже много лет, но как сейчас перед глазами возникает необыкновенный танец, холод, суровая Арктика. И весной начинает сосать под ложечкой — старый морской закон?





Александра ЗВЕГИНЦЕВА

АНГЕЛ

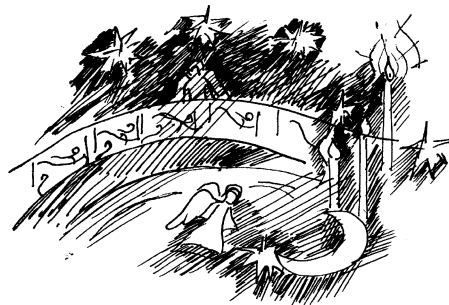
Вторник. Ночь. Полпятого.
Я ещё не сплю.
Ангела крылатого
Жду в постель мою.

Пусть в окно открытое
Он сойдёт с небес,
Как одно, забытое,
Из семи чудес.

Свет лучистых глаз его
Чище всех Мадонн.
Он обнимет ласково
И навевет сон.

Он улыбкой нежною
Утолит печаль,
И опять в безбрежную
Унесётся даль...

Утро разгорается
Новою зарёй —
Где тебе летается,
Дикий ангел мой?



Мне не хватило сил захлопнуть дверь.
Ещё я не готова потерять.
Хотя, всё — дело прошлое теперь,
И сколько можно это проверять!

Разменивать меня по мелочам
Достаточно. И собирать не мне.
Не мне теперь кататься по ночам
На старой и поношенной луне...

Пусть так. Теперь осколки снов хранить,
Давиться неразжёванной тоской,
Винить кого-то, ждать, ломать, любить —
Всё перепоручаю я друтой.

Дарю и не жалею. Отдаю.
Самой уже не выправить строку.
И — не теряю: выжженность свою
Я всё равно навеки сберегу.

Зонт в руке. Капает с крыш.
Бестолковая улица.
Ливнем в грудь зарезана тишь —
Нынче ночь беснуется.

Звучком чёрным гул проводов,
Дёргается бессонница,
Здесь, среди холодных домов,
Наша немая сводница.

После тебя, что мне дано?
Счастье любить до одури.
Счастье... Какого цвета оно,
Если тебя не отдали?

Владимир ТЮРИН

ЭТО БЫЛО НЕДАВНО, ЭТО БЫЛО ДАВНО

По случаю взял томик стихов с фотографией М. Матусовского. Прочитал первые строчки и вспомнил. Оказалось, мы с поэтом знакомы давно по переписке. А завязалась она так. Давно я начал собирать материалы о писателях, воевавших на земле Новгородской. Некоторых из них война положила в нашу священную землю. Нашел, что Михаил Львович нёс службу пера в газете Северо-Западного фронта «За Родину». Узнал, что здесь же, в Политотделе фронта, вручили ему первую боевую награду — орден Красной Звезды. Начало было положено. И поэт продолжает трудиться как военный газетчик. Я решил поточнее выведать у самого поэта о его военных трудах и буднях. Составил вопросник. Упаковал письмо и отправил адресату. Вскоре получаю ответ в нестандартном большом конверте. Адрес и прочие данные — от руки. На сердце потеплело — уважительный человек писал, не на холодной стандартной машинке. И не «Юв. Тюрину», а «В.В. Тюрину». Бросилось почему-то сразу в глаза — «Черняховского». Кто же это может быть с ул. Черняховского?! Улица такая в городе есть, но знакомых там у меня нет. Удивление сменилось спокойной радостью — да это же из Москвы, с ул. Черняховского от... М.Л. Матусовского!

Читаю: «Уважаемый Владимир Васильевич!» Почерк не крупный, но буквы, округлённые, чёткие, будто говорили — уважаем! «Отвечаю на Ваши вопросы...» А я ведь написал целый вопросник аж из пятнадцати пунктов. Но адресат отвечал мне не на каждый, а на все сразу: «...на Новгородской земле я был с зимы 1941 года по 1943 года...». По другим источникам установил: прибыл поэт на нашу землю в лютый, снежный декабрь 1941 года. Читаю дальше — «...там был Северо-Западный фронт». Навсегда, навсегда запал этот «Северо-Западный» в память Матусовского.

*Молнией небо расколото.
Пламя во весь горизонт.
Наша тревожная молодость —
Северо-Западный фронт.*

А исходил автор гимна «северозападников» всё южное Приильменье вдоль и поперёк. Был он тогда действительно молод, да и красив военной выправкой — 26 лет! Вряд ли какое значимое событие на Северо-Западном прокатилось-прогремело мимо Матусовского. Казалось, он знал вся и всех — сужу по номерам газеты «За Родину». Исчернил я пальцы типографской краской, вдохнул газетную пыль за месяц сидения в архиве Министерства обороны СССР в городе Подольске, под Москвой. И пришёл к выводу, что Матусовский был самым плодовитым, разножанровым и оперативным га-

зетчиком СЗФ. Он писал о воинах всех родов войск, начиная от солдата и кончая генералом. Многие его материалы шли сразу «в номер» — без помарок и исправлений.

«Я работал в газете СЗФ «За Родину» в звании майора административной службы...» Но чиновничьих должностей в редакции газеты не было. Не было и чиновничьих взаимоотношений. Носил в петлицах две «шпалы», а потом на погонах звездочки. Бедна была фантазия у кадровиков. Привычное для них, службистов, понятие «административная служба» ласкало слух. Так фронтовой поэт, творческий человек Матусовский получил чиновничью должность, офицерское доволь-



Михаил Львович
Матусовский

ствие. И «службу» во «втором эшелоне», в двадцати пяти километрах от Валдая, не очень близко к фронту. Там, в деревне Рядчино под защитной зеленой сеткой и бросила якорь редакция газеты «За Родину». Там, близ Валдая, майор «...службы» Матусовский встретил свою первую и единственную любовь — Евгению Акимовну. Но чаще поэту приходилось ездить по ротам и полкам. Был он на Поле, Ловати, берегу Ильменя, Поломети, в деревнях и сёлах Валдайского, Крестецкого, Старорусского и Демянского районов: Миронушки, Осинушки, Градобить, Шумилов Бор, Мокрый Остров, Долгие Бороды, Пустынька, Сутока, Филиппова Гора, Маята, Головенька... А в каких жанрах «работал» Матусовский? Писал стихи, статьи, очерки, фельетоны, частушки, басни и даже вместе с А. Исахом — роман-фельетон. В стихах он славил героев и оплаки-

вал павших. В них — подлинные имена тех, кто совершал геройские подвиги. Он пишет о снайпере Семене Номоконове, о не сломленном фашистскими истязаниями А. Тахирове, о Герое Советского союза И. Мамедове, о лётчике Б. Ковзане, танкисте Г. Половчене, о Герое Советского Союза лётчике Г. Тарянике, о подругах-комсомолках снайперах Наташе Ковшовой и Маше Поливановой, подорвавших себя гранатами, когда враги взяли их «в кольцо». Восславил он и подвиг мл. лейтенанта А. Халина, повторившего подвиг Александра Панкратова:

*Сердцем упал на немецкий дзот,
И грудь его, как броня,
Укрыла друзей, идущих вперед,
От вражеского огня.*

Он создал сотни портретов-биографий знатных воинов-северозападников. Матусовский воспевал в стихах дружбу представителей братских народов СССР.

*Кто б ни был ты — узбек или казах,
У нас одна военная дорога.*

Один огонь горит у нас в глазах.
Одно желание и тревога.

Матусовский писал и песни. Фашисты угоняли в неволю жителей новгородских сёл и городов. В «Песне о девушке с Филипповой Горы» поэт оплакивал горькую участь девушки из-под Демянска. «Угоняли Катю на чужбину / Из села Филиппова Гора». «Плач» о Кате вскоре перелетел через фронт, дошёл до ленинградских партизан. В сорок четвёртом он появился в книге «Песни ленинградских партизан», изданной в Ленинграде. Вместе с Щипачёвым Матусовский создаёт стихи, ставшие маршевой песней 163-й дивизии:

Вражьи дзоты огнём опоясав,
Мы дерёмся за землю свою...

Необычна судьба песни, написанной в сорок втором об Ильмень-озере. В песне Ильмень предстаёт как символ свободы и непобедимости:

..Будут заводи полноводными,
Недоступными для врага,
Будут чистыми и свободными
Ильмень-озера берега.

Газета «За Родину» опубликовала песню, и поэт забыл о ней. В 50-е годы, получив просьбу написать нечто вроде спортивного гимна, Матусовский долго маялся над его текстом. На выручку пришла военная «Песня об Ильмень-озере». Её-то поэт и взял за ритмическую, мелодическую и строфическую основу. И написал — что б вы думали — знаменитые «Подмосковные вечера», которые с музыкой В. Соловьёва-Седого облетели вскоре весь мир.

Навскидку я посчитал песни Матусовского (вместе с военными) — их оказалось ни мало ни много — двадцать три. Выяснилось — они все у нас на слуху, их поют, их любят — во все времена, при всех режимах и правительствах. А написаны они в советское время. И Матусовский был советским поэтом. Но по безусловной художественной ценности своих песен был и остаётся воистину народным поэтом. Ну кто не знает таких его шедевров, как «Белой акации грозды душистые», «Школьный вальс», «Берёзовый сок», «На безымянной высоте», «С чего начинается Родина?», «Чёрное море моё», «Вместе весело шагать...», «Старый клён»... На стихи Матусовского пи-

Уважаемый Владимир Васильевич!

Отвечаю на Ваши вопросы: на Новгородском фронте я был с июня 1941 года по 1943 год, когда там был Северо-Западный фронт. Я работал в газете СЗФ «За Родину» в звании майора администр. службы. Писал стихи, статьи, очерки, фельетоны, эссе, басни, и все, что требовала газета. Все юмористические и сатирические материалы шли у нас в газете под псевдонимом «Братья-пулемётчики». Под этим псевдонимом работали и печатались мы — с писателем Александром Абрамовичем Исабыхом — либо совместно, либо порознь. Сейчас вошли два тома «Литературное сфа», писатели не отечественной видны, там довольно подробно рассказано о нашей работе в газете «За Родину». Остальные материалы Вы можете получить из подшивки фронтовой газеты так лет, ряд стихотворений моих Вы можете увидеть в старом номере «Взвода», изданный в «Советской» в те годы, когда-то она «Возда шумит Ильмень-озеро» Вы можете увидеть имена писателей, работавших в газете СЗФ, например: Вася, но боюсь, может быть кто-то и забыл. Это: Михаил Светлов, Александр Исабых, Степан Цуканов, Кудряков, Борис Балин, Борис Измаков, Юрий Журавлёв, Сергей Михайлов, Владимир Кадрич, Александр Кудряков, С.С. Смирнов. Может и не вспомнил кто-то. Не думаю, что список мой полон. Будете здоровы. С уважением Вик. Матусовский

Уважаемый Владимир Васильевич!

Получил Ваше письмо. Застыть здорово, меня удивляет молчание Бондарева. Наверное, подумал, что какому-то мне всегда казалось, что он ко мне внимателен и хорошо относился. Но хоть как-то то ответ должен был Вам написать. Сейчас не принято не отвечать на письма. Теперь о Вашем деле. Как только у Вас выйдет время работы, о которых Вы пишете, Вы сразу же напишите мне и я немедленно напишу ответное дружественное письмо в журнал, комиссию СП РСФСР. Ужита, что в этом деле я смогу помочь всего из Вашего письма. Хотя, этот принцип Вас достоин и солидно. И чтобы у меня комиссия не каких-то никаких задержек и задержек. О книжке не беспокойтесь. Я сейчас немного прихворнул, у меня ларингит, гайморит. Как только стану функционировать, напишу и все сразу благодарное. С уважением Вик. Матусовский

сали музыку лучшие советские композиторы: В. Соловьёв-Седой, А. Пахмутова, О. Фельцман, И. Дунаевский, В. Баснер... Да и фильмы «Верные друзья», «Тишина», «Испытания верности» и другие вспоминаются, может, именно благодаря песням поэта-фронтовика Матусовского. Его песни становились как бы позывными нашей Родины. Матусовский стал лауреатом Государственной премии СССР и никогда не стыдился этой премии.

Лирик по своей природе, на фронте поэт по необходимости враз становился сатириком. Пишет не только фельетоны, частушки, басни, но даже сатирический приключенческий роман с продолжением «Горестные приключения немецкого офицера в России, или Тайна обер-лейтенанта Клопса». Писал его Матусовский в «четыре руки» с прозаиком А. Исабыхом, корреспондентом той же газеты «За Родину». А вместе с прозаиком Ю. Корольковым автор «Безымянной высоты» представлял из номера в номер сатирический монтаж — «Красноармейская школа для Гансов и Фрицев». Матусовский, сугубо штатский человек, кандидат филологических наук, писал на фронте довольно дельные наставления воинам. Читаем в его «Советах разведчику»: «Тёмным леском — проходи тайком. Там, где кустарник, — там броском, там, где открыто, — там ползком...» и так далее. В частушечной форме поэт «пустил по врагу» серию стихотворных сатир «В гитлеровском балагане».

Читаю следующие фразы письма в Новгород: «Все юмористические и сатирические материалы шли у нас в газете под псевдонимом «Братья-пулемётчики». Под этим псевдонимом работали и печатались мы — с писателем Александром Абрамовичем Исабыхом — либо совместно, либо порознь». Листаю газеты тех лет, пожелтевшие, ломкие с удивлением и завистью. Господи, как этот дуэт мог так едва ли не ежедневно держать на «взводе» своё вдохновение, воистину скорострельное и прицельное! «Кавале-

рия острот» шла в бой из номера в номер. «Боезапас» у «Братьев» был неистощим, и хватило его на целых три военных года. Постоянной мишенью их острот были Гитлер, Гёббельс, Геринг, Гиммлер... «Братья-пулемётчики» — не только коллективный псевдоним, но и отдельные литературные герои. Старшего звали Тимофеем, младшего — Петром. С ними встал в строй и боец Вася Точкин. Исбах также становится заправским поэтом и неплохо осваивает такой, казалось бы, несвойственный ему жанр, как стихотворная сатира. Читатели (я — тоже) почти не могли отличить, где Точкин Матусовского, а где — Исбаха. Прозаик с довоенным стажем, он был и увлеченным исследователем-филологом. Ему принадлежат интересные книги о советских писателях А. Серафимовиче, Д. Фурманове, Н. Богданове. Исбах по табели о рангах числился «батальонным комиссаром» — это одна «шпала» в петлицах.

«Сейчас, — продолжает в письме Матусовский, — вышли два тома «Литнаследства» «Писатели на Отечественной войне», там довольно подробно рассказано о нашей работе в газете «За Родину». «Сейчас» — это 1986 год. Два увесистых тома — целая летопись пребывания писателей на войне. А было их там, почитай, целый полк. И только на СЗФ их было не менее пятидесяти. В «Литнаследстве» были представлены фотографии и писателей, и их героев. На одной из них — А. Исбах и Б. Изаков (тоже сотрудник газеты «За Родину») стоят у разбитой пушки испанской «Голубой дивизии», которая одно время даже квартировала в Новгороде. В одном из томов «Литнаследства» я нашёл и малую толику неизвестных мне сведений о Матусовском.

В письме адресат отсылает меня и к другим сведениям: «Остальные материалы Вы можете получить из подшивки фронтовой газеты тех лет, ряд стихотворений моих вы можете прочесть в старой моей книжке, изданной в «Сов. писателе» в те годы, называется «Когда шумит Ильмень-озеро». Конечно же, я так и делал. И два увесистых тома «Литнаследства» взахлёб одолевал, — преклоняясь перед величием подвига советской литературы на войне. И штудировал подшивки газеты «За Родину». В них я обнаружил целых пять «фронтовых поэм» Матусовского. Одна из них — о Володьке Попове, пятнадцатилетнем школьнике из деревни Юрьеве, что под Старой Руссой. Характерно — поэт лично общался с героями своих поэм. В 28-й дивизии И.И. Миссана подросток стал разведчиком. Поэма о Володьке («Володька») — литературный памятник отважному подростку, награждённому орденом Красной Звезды. Колхозник И.В. Липатов — проводник в 188-й дивизии — стал героем поэмы «Дед». Но ещё до книги об Ильмене в 1942 году в Москве вышел сборник стихов Матусовского «Фронт», весь основанный на новгородских материалах. А сборник «Когда шумит Ильмень-озеро» в сорок четвёртом догонял Матусовского, когда он воевал уже на 2-м Белорусском фронте.

Строчки из этой небольшой полиграфически неказистой книжицы в мягкой обложке воодушевляли бойцов перед боем. Воины вырезали из газеты стихи и песни Матусовского, расклеивали в землянках, заучивали наизусть. «В битву поднялись против врага...» Части комдива И.И. Миссана отбили у фашистов десятки деревень. В феврале 1942 года дивизия освободила станцию Пола на Поле-реке. Как освободитель входил с ней в посёлок и поэт Матусовский. («Мы вступили в горящий посёлок Пола...»). Здесь поэт увидел старую женщину в мужской кацавейке, в стоптанных валенках, простоволосую. Слёзы катились по её щекам. В стихотворении «Мать» плакатным призывом, обращённым к советским бойцам, заканчивала последняя строфа:

*К нам зывают о помощи русские женщины.
Не теряй ни минуты, шагай поскорей,
Чтобы вырвать у смерти сестёр обесчещенных
И ослепших от горя седых матерей...*

Слава дивизии Миссана катилась по всему фронту. Строчки приказа о переименовании дивизии в 28-ю гвардейскую на той же газетной полосе под пером Матусовского стали поэтическими картинками:

*Не забыть нам леса и поляны,
И тревожные ночи Поля,
Как гремели бойцы Миссана,
Как сражались гвардейцы-орлы.
(«Гвардейцы»)*

Мне было необходимо знать, кто ещё из служителей Муз воевал на СЗФ. «Вы просите назвать имена писателей, работавших в газетах СЗФ, — называю Вам, но боюсь, может быть, кого-то и забыл. Это Михаил Светлов, Александр Исбах, Степан Щипачёв, Кузьма Горбунов, Борис Бялик, Борис Изаков, Юрий Корольков, Сергей Михалков, Дмитрий Кедрин, Аркадий Кулешов, С.С. Смирнов. Может, и не вспомнил кого-то, не ручаюсь, что список мой полон». Действительно, «не полон». В журнале «Чело» (2000, № 2) я опубликовал «полный» список, дополнив его ещё сорока именами. Но... по порядку.

С. Щипачёв тоже держал службу рядом с Матусовским в газете «За Родину», но с первых дней войны. Это он, Щипачёв, опубликовал в газете стихотворение «Ленин» (1941), ставшее хрестоматийным:

...Из бронзы Ленин. Тополя в пыли.

*Развалины сожжённого квартала.
Враги в советский городок вошли
И статую низвергли с пьедестала...*

Правда, потом стихотворение по понятным причинам было изъято из всех печатных источников. Щипачёв первым упомянул в стихотворении «Боец Садоха» первого Матросова времён войны — Александра Панкратова.

Кузьма Горбунов... Прозаик. Писал очерки, рассказы о событиях СЗФ. Ещё в 1934 году М. Горький приветствовал появление его романа «Ледолом». Михаил Светлов воевал в 1-й Ударной армии СЗФ, под Старой Руссой. Майор, он был «работником» газеты «На разгром врага!». Отсюда, из-под Старой Руссы, пошло в народ и во все СМИ знаменитое стихотворение поэта «Итальянец» (1942). «Я, убивший тебя под Моздоком, / Так мечтал о заливе далёком...» Итальянцев на СЗФ не было — только испанцы из «Голубой дивизии». Итальянец — это обобщённый образ врага, чужеземца. «Я не дам свою Родину вывезти / За простор чужеземных морей...»

Борис Бялик — тоже сотрудник газеты северозападников, учёный, специалист по творчеству М. Горького и других советских писателей. Борис Изаков — публицист-международник. Летал на «кукурузнике» в тыл врага, посылал в газету «Правда» очерки о воинах 2-й партизанской бригады Н. Васильева. Юрий Корольков выступал в сатирическом дуэте с Матусовским. Опубликовал после войны роман «Партизан Лёня Голиков». Сергей Михалков — тоже, как и Матусовский, — целая эпоха в журналистике СЗФ. И ему были подвластны все жанры фронтовой лирики и сатиры. Его сатира «с колёс» шла в газету. Печатались стихи поэта на листовках и как чрезвычай-

чайный груз военного назначения отправлялись в тыл фашистов, в Партизанский край, который был создан на территории Новгородчины.

Вместо справки о воинской непригодности Дмитрий Кедрин добился другой — «...работает в редакции фронтовой армейской газеты «Сокол Родины» в качестве писателя» (газета 6-й воздушной армии Северо-Западного фронта). На страницах газеты он создал образ неунывающего воина (вроде Васи Тёркина) Васи Гашеткина. Другой образ, аналогичный Васе Тёркину, создал в лице бойца-пехотинца Алексея Петрова белорусский писатель Аркадий Кулешов. Петров «шёл в бой» со страниц газеты «Знамя Советов» 11-й армии, что дислоцировалась под Старой Руссой.

Последний в списке Матусовского — С.С. Смирнов. Но он был очень недолго на СЗФ — несколько месяцев, служил в авиакоманде на аэродроме под Выползовом. За это время он написал только один рассказ — «Мост». (Не путать С.С. Смирнова с С.В. Смирновым — поэтом, служившим в должности «поэта» в 8-й гвардейской Панфиловской дивизии, под Старой Руссой).

Заканчивает письмо Матусовский тёплым папутствием — «Будьте здоровы. С приветом Мих. Матусовский». Без даты, увы.

Изредка Матусовский навещал Новгородчину. Мы виделись. Общались. В 1983 году решением Городского Совета депутатов трудящихся Валдая в память о военных заслугах М.Л. Матусовский был облечён званием «Почётный гражданин г. Валдая». Таким образом он навсегда стал «свой среди своих». И до конца жизни не терял связей с Валдаем.

Почитай, на 20 лет наша переписка с Михаилом Львовичем была прервана. Но некий «доброжелатель» сунулся с советом — ты же пишущий, вступай в Союз писателей. Подумал. А что я теряю? Написал письмо Юрию Бондареву, возглавлявшему тогда Союз писателей. Он — молчит. Пишу Михаилу Матусовскому. 27 октября 1986 года получаю ответ: «Я внимательно прочёл все ваши брошюры и очень серьёзно задумался. Мне кажется, что не следуют торопить события. К сожалению, в большинстве это путеводители... Я считаю книгами, перешагнувшими за рамки обычного путеводителя — брошюры о Некрасове (она мне понравилась более всего), об

Успенском и Ошанине». Воистину забота о собрате по перу! Не торопись, мол, надо создать нечто внушительное для приёмной комиссии: «Может быть, стоит Вам собрать какую-то солидную фундаментальную, главную для Вас книгу статей: ведь Вы пишете, что у Вас их опубликовано около сотни. И, быть может, из них составит книга, которая будет полнее представлять Ваше лицо как критика и литературоведа». Я внял совету мэтра, «повременил малость» и потом «положил на стол» приёмной комиссии шесть «значительных» книг.

Продолжаю «надоедать» Михаилу Львовичу — приглашаю в Новгород, живописую город, конечно, только солнечными

красками. А в ответ — сожаление и огорчение, что, увы, не поехал на «колокольную конференцию». Здоровье, видимо, не геркулесово. Но сначала о другом. «Сколько связано в моей жизни с Вашей землёй, что меня обрадовало даже на конверте Вашего письма само слово: Новгород. Очень люблю я Новгородчину и для меня приезд в Ваш город, это уже праздник. Я завидую Янину, который бывает так долго в Ваших краях». Ну, то, что Матусовский любит Новгородчину, он доказал ещё в сороковые своим воинским подвижничеством.

Валдайцы приглашали поэта к себе, на симпозиум по «русским колокольчикам». «Ведь побывать на такой встрече, это уже — стихи. Я всё время возвращаюсь к этому и жалею, что не мог выбрать два дня для такой поездки». Валдайцы же всё время, любя поэта, хлопотят о создании в городе, при краеведческом музее, музея песен Матусовского. Благороднейшее движение

души! Присоединяюсь. Чем могу — помогу. А помочь могу — многим. Подарю в музей и письма Михаила Львовича. Ему было уже за семьдесят. Давление «скачет». Но он, превозмогая себя, вновь пишет мне 27 ноября 1986 года. «Получил Ваше письмо... Как только у Вас выйдут две работы, о которых вы пишете, Вы сразу же вышлите их мне и я незамедлительно напишу обстоятельное аргументированное письмо в приёмную комиссию ССП РСФСР... Хочу, чтобы приняли Вас достойно и солидно... Я немного прихворнул, у меня подскочило давление...». А разве только я обращался за советом к певцу света и печали?! Написал ещё две книги («На земле Садко» и «От Ильмена к Неве») и затем «достойно» был принят в союз писателей СССР.

Уважаемый Владимир Васильевич!
 Сколько связано в моей жизни с Вашей землёй, что меня обрадовало даже на конверте Вашего письма само слово: Новгород. Очень люблю я Новгородчину и для меня приезд в Ваш город, это уже праздник. Я завидую Янину, который бывает так долго в Ваших краях. И написал очень огорченное письмо в Валдайский музей, приглашавший меня на конференцию, посвящённую русским колокольчикам. Ведь подвезти на такую встречу, это уже — стихи. Я все время возвращаюсь к этому и жалею, что не мог выбрать два дня для такой поездки. Но-но-но, Вы написали очень тёплое, лаконичное письмо Бондареву. Теперь постараюсь ответить от него. Больше ненадо никому писать. Если захотят в Союз писателей, они все сделают. А не захотят, то и без нас. Пишите мне, как только получите ответ.
 Всего Вам доброго
 Шик. Матусовский
 P.S. Евг. Скрипача шлёт Вам привет.

В статье опубликованы письма М.Л. Матусовского В.В. Тюрину.

Анатолий ОБЪЕДКОВ

НА ЧЕМ СТОИТ СВЯТАЯ РУСЬ

На стяге полыхает Спас,
Над степью небо так высоко,
Что все тревоги в грозный час
В яругах лишь шуршат осокой.

Вся степь в цветах живых, родных,
Не смятых, не облитых кровью,
В глазах сверкает молодых
Предгрозовой бессмертной новью.

Ничто не может их смутить,
Но вот вдали все завихрилось.
Рванулись кони. Сече быть,
Такой, что все вокруг затмилось.

ВАЛДАЙСКИЕ МОТИВЫ

Валдай, Валдай — ямщицкая страна...
Не только тройкой веют времена —
Леса, холмы, все в памяти давно
И легкий хмель, как будто пил вино, —
Так беззаветно, страстно я любил,
Я и теперь ничто не позабыл:
Вечерний свет, озерный блеск воды,
За церковью — цветущие сады.
Ты — юная, сама как райский сад,
Перед тобой я нынче виноват.
Прости, что не сумел тебя понять, —
Свою жар-птицу отпустил опять,
Чтоб много троек мчалось через край,
Чтоб в сердце вечно жил цветущий май...

Под вечной первозданной синевой
Когда-нибудь я прорасту травой.
Дух предков, ты волнуй меня, волнуй
И подари мне терпкий поцелуй,
Чтоб я еще сильнее дорожил
Всем чем живу и чем когда-то жил.

К тебе я обращаюсь, Иловой:
— Храни себя, храни родимый край,
Все то, на чем стоит Святая Русь,
А я к тебе под ропот струй вернусь.
Расти ты снова табуны коней,
Сажай на них ты верных сыновей, —
Идут с грозой лихие времена,
Пора, пора вновь ладить стремяна!
Дай твердость мне, а в руки — грозный меч,
Чтоб смог за землю я спокойно лечь,
Чтоб сын и внук продолжили мой род,
Тогда и дух мой тоже не умрет.

ЛАСТОЧКИ

Ласточки прощаются опять
С небесами и с землей родимой,
Продолжая грустно щебетать
Над рекой, над зреющей рябиной.

То они стремительно кружат,
То садятся к опустевшим гнездам.
В Африку умчаться не спешат,
Зная путь по солнцу и по звездам.

Старый дом и церковка вдали
Светлой благодатью осеняют
их полет. Вот ветры принесли
Тучи и закрыли часть земли.
Ласточки тревожней все летают.

Святые Горы...
И.А. Бунин

В степях Азовских путь к Донцу,
К Святым Горам, где монастырь,
Как встарь, внимает чернецу,
Читающему вслух псалтырь.

Возможно, Игорь тем путем
Однажды с войском проходил.
И долго слышал я потом
Великий плач среди могил...

Развевал ветер пыль и прах,
Но путь остался, он — живой
И в небесах мелькает стяг
Всех тех, кто не пришел домой.

Молчат курганы и века,
Но память прошлое хранит.
И сквозь тоску, издалека
Ко мне бессмертный зов летит.

Озаренная в соборе,
В синем сумраке светла,
Ты молилась. И во взоре
Отражалась грустно мгла.

За любовь свою молилась,
Друга милого звала.
Божья Матерь вдруг явилась
И подставила крыла.

Унесла тебя далеко,
Где лазурны берега,
Где к тебе стремится сокол,
Рушит белые снега...

Растлился дух и некому пенять,
Неверие съедает без остатка.
Еще вчера перстом крестила мать,
А нынче — впору в церкви отпевать, —
И жизнь не в жизнь, и нет в душе порядка.

Растлился дух. Поплачь, душа, поплачь,
Но нету сил и высохли все слезы.
А годы понеслись дальше вскачь
И голос скажет: «Жизнь переиначь»,
И вновь задаст проклятые вопросы.

Найдет буслаевская грусть, —
И хочется тряхнуть плечами
За всю обиженную Русь,
За тех, кто слезы льет ночами.

Пусть кто-то скажет: ее нет
И чье-то сердце поколеблет,
Я всюду вижу ее свет,
Он в каждой ржавой капле дремлет.

На самом лютом сквозняке
Я слышу гусельные звоны,
В которых места нет тоске.
И верой реет вдалеке
Порыв, возмездьем окрыленный.

Я ковыльной тоской
На заре умываюсь,
Из колодцев пью воду,
Как брагу земли.

Словно мальчик цветам,
Небесам улыбаюсь
И с волненьем смотрю:
Кто там скачет вдали.

Я навеки прикован
К холмам и равнинам,
Что-то есть в них такое,
Что хочется мне,
Как орлу, воспарить
За последним овином,
Раствориться, пропасть
В молодой вышине.

Там играет заря,
Облака словно девы,
Собралися в кружок,
Хороводы ведут.
И я слышу с утра
Их родные напевы,
Словно там, в небесах,
Есть орлиный приют.

ПОМОЛИМСЯ

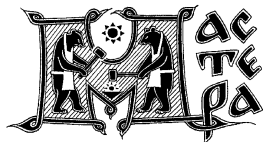
На празднике Славянской письменности

«Помолимся, — сказал владыка Лев, —
Сегодня за писателей своих,
За православный дух, за Слово тех,
Кто встал в одном ряду людей святых.

Мефодий и Кирилл пусть в нас живут
И Пушкин, и другие имена.
Пусть Слово вдохновляет всех на труд,
Тяжелые осилит времена».

И я подумал: «Радуйся, народ,
Ты Слово Божье нынче услышал!
Кто любит Русь, тот всяк его поймет,
Тот к родниковой свежести прильнет
И вспомнит, что владыка всем сказал».





Юрий БОЛЬШАКОВ

ЖЕЛЕЗНАЯ ПЕСНЯ РУСИ

*Железо ковать — не дурака валять.
Взял кувалду в руки, позабудь о скуке.*

(Пословицы. Сам придумал)

*Хоть горек дым от горна, но так сладок.
Под ручником на наковальне сталь поет.
Невечны мы, и значит очень надо
Создать прекрасное, и это мир спасет.*

*Как просто это и, увы, так сложно
Сказать свое, когда все говорят.
Пусть говорят, из тысяч слов, возможно,
Одно вдруг вспыхнет, и оно — бриллиант.*

*Потом еще, пусть будет очень мало,
Но их и не должно быть много, нет.
Достаточно, чтоб тьма не досаждала,
Немного их, тогда и ярче свет.*

*Раз мастер ты, зажги свою лампаду,
Поможет Бог ее не затушить.
Пока есть красота — нет места аду.
Земля вращается, пока есть страсть творить.*

...Поворот ключа, и тяжелая железная дверь распаивается, выпуская меня в полумрак кузницы. Вот уже десять лет я открываю ее почти каждый день. Пахнет окалиной, железом, тлеющим углем. Я уже привык к этому запаху и, наверное, не смогу без него жить. Поднимаюсь на свою антресоль и включаю чайник. Пока он закипает, переодеваюсь и прикидываю, что сегодня надо сделать, а что может подождать. Не торопясь, пью горький, терпкий чай, курю, думаю. Каждая большая работа должна начинаться с маленького перекура. Чай здесь другой, не такой, как дома, и это мне нравится.

Кузница... десять лет назад я и понятия не имел, что это такое. Знал, конечно, что существуетковка — один из способов обработки металлов, учил же когда-то «Технологию металлов и конструкционных материалов» — так назывался курс, но вот потрогать это своими руками как-то не довелось. Работал на «Волне» плавильщиком, «добивал вредность», и тут друзья предложили организовать кузницу и заняться художественной ковкой. Пошел в компаньоны. Так я стал кузнецом.

Ну, пора и за работу. На столе недоделанная решетка, на стене неоконченный фонарь. Мерно начинает гудеть вентилятор поддува, и в горне, над горкой угля, тоненький, словно нитка, начинает виться белый дымок. Три минуты, и дым уже валит столбом, а вот и огонь. Дым сразу улетает — горн готов к работе. Отрубая заготовку и сую в самый жар. Жду. Здесь

важно определить момент, когда железо будет готово к ковке. Заготовка должна быть не холодная — «Куй железо, пока горячо», но и не слишком горячая. Темная — значит холодная, белая — перегрета. И то и другое — плохо. Умение определить нужный момент приходит очень быстро. Об этом не думаешь — получается само собой. Но ни под каким видом нельзя отвлечься в этот момент. По закону подлости деталь обязательно сгорит. Железо горит хорошо, красиво, но, когда пропадают труд и дорогой материал, жалко и обидно. Кузнечными клещами беру заготовку и — на наковальню. Ручник — основной инструмент кузнеца — большой молоток в полтора-два килограмма весом, на удобной, из рябины сделанной «под себя» рукоятке — уже в правой руке. Поднимаю его и с силой опускаю. Ковка началась...

Так вот, десять лет назад в Панковке, на месте, где родилась и стоит кузница, не было ничего. Кирпичные стены и кучи мусора. Начинали с нуля. Убрали мусор. На мощный фундамент установили пневматический молот. Сварили и зафутеровали горн. Забетонировали массивную деревянную колоду, на которой укрепили наковальню. Она была старая, побывавшая в не очень бережливых руках — пришлось ее шлифовать. Сварили монтажный стол, большой и удобный. Примерно через месяц «обмыли» всю эту подготовку, и Виктор Андреевич Пакселев, наш главный кузнец, как человек верующий, попросив помощи Бога, благословил нас. К слову, он даже посты соблюдал, когда был трезвый. Пьяный не соблюдал, мотивируя это тем, что Бог это допускает при тяжелой физической работе, что, в общем-то, вполне справедливо. Работа закипела. Спустя какое-то время здесь стояло уже два горна, две наковальни и два стола. Работало в кузне пять-шесть человек. Весь день стоял стук и звон. Кто ковал, кто рихтовал, кто рубил, кто варил, кто зачищал, кто красил. Работы хватало всем. Работали по шесть часов. После этого времени, при хорошей «пахоте», начиналось хождение друг за другом. Работа искала нас, а мы ее, и как-то не встречались. И потом я неоднократно убеждался, что лучше, если работа «не идет», сделать ее завтра. Силы и время сэкономишь и нервы сбережешь.

А вот теперь остался я один во всех лицах: и кузнец, и сварщик, и сборщик, и маляр. Сам все делаю, сам за все и отвечаю. Надо мной — только я. Как хочу, так и работаю. Что нравится, то и делаю. Я давно мечтал о такой работе. Свобода — это много. Настолько много, что понимаешь это только тогда, когда ее обретишь. Виктор Андреевич, дай Бог ему здо-

ровья в его добровольной ссылке под Кончанским, говорил по этому поводу так: «Кто хоть раз ошейник снял, тот в него больше не полезет».

А горн гудит негромко, успокаивающе. Кую и вспоминаю. Еще до того, как стал я работать в кузнице, купили мы дачу в глуши. Маревский район — это же почти край света. Ну, если не света, то Новгородской области точно. Глушь эта меня вполне устраивала, в ней были даже свои прелести. Да и дом шикарный. Настоящий деревенский, рубленый. Пришлось, правда, приложить к нему руки, да ведь «не потопашь, так и не полопашь». А в доме стояла настоящая русская печь. Большая, битая, в смысле — не кирпичная, жаркая. Так приятно было на ней погреть

бока, да и не только бока — она душу гре- ла. Я тогда еще не знал, что «до 30 лет греет жена, после 30 — рюмка вина, а после и печь не греет». О русской печи можно (и нужно) говорить бесконечно. Это не печь — это поэма. Но сейчас я о другом. С сыновьями мы обо- шли все окрестности. Ходили даже на Вол- гу, благо, начиналась она всего в 12 кило- метрах от нашего крыльца. Сколько же брошенных дере- вень было вокруг! Пу- стынька, Манцы, Татары, Луг... По пять веков простоявшие деревни гибли у нас на глазах. Всегда была крепка Русь дерев- ней, и больно на это было смотреть. Избы разваленные и целые — въезжай и живи, — но покинутые, брошенные си- ротливо встречали нас. Во многие мы заходили. Заинтересо- вала тогда меня одна деталь. Почти во всех домах рядом с дверью и печкой в потолок были вбиты проушины с кованы- ми кольцами. Зачем они тут? Ничто в деревне не делалось «просто так». Ну не вешаться же? Долго меня мучил этот воп- рос. А оказалось все очень просто. Детей-то рожали раньше много, и к этим кольцам подвешивались колыбельки, зыбки, а то и просто корыта. Заорет ребенок, а хозяйка, не отходя от печки, качнет его — тот и успокоится. Во, как здорово! Но причем тут кузница? А вот причем. Кто делал это кольцо? Кузнец! А кто ковал железные кресты на старом погосте за деревней? Опять же он — кузнец. И вот этот-то промежуток между кольцом и крестом была сама жизнь, которая состояла не только из встреч и разлук, смеха и слез, любви и ненави- сти, но из кочерги и ухвата, топора и ножа, сохи и бороны, меча и кольчуги, подков и осей для телеги, гвоздей и скоб, запоров и еще много-много из чего. Без этих, таких простых, но таких важных вещей жить было бы невозможно. Не было бы жизни без кузнеца. Не было бы! И поэтому кузнец на Руси



Юрий БОЛЬШАКОВ

был главной фигурой. Все его знали, все шли к нему на поклон. А он, поглаживая бороду, гордо стоял, опершись руч- ником на свою наковальню, в отсвете огня от своего негаси- мого горна и знал себе цену. Хотите посмотреть? Стоит такой на Большой Московской, 4, в антикварном магазине. Не куз- нец, конечно, а статуэтка из бронзы. Старинная, хорошей работы, мне очень нравится, но уж больно дорогая. «Видит око, да зуб неймет» — это как раз тот случай. Она еще долго будет стоять. Зайдите, посмотрите. Кузнецу завидовали — «У кузнеца, что стукнул, то гривна», «Кузнецу, что козлу, везде огород». В этом, конечно же, была доля истины, но ведь «не кует железо молот, кует кузнец». Очереди-то особой к нако- вальне не было.

Сколько кузнецов было на Руси! Говорят: Иванов, Петров, Сидо- ров. Не совсем это правильно. Надо бы говорить: Иванов, Куз- нецов, Петров. Я сам проверял по телефон- ному справочнику. Петровы, правда, чуть-чуть впереди, но, если к Кузнецовым прибавить еще и Ко- валевых, что абсолют- но равнозначно, то все встает на свои ме- ста. Так на ком стояла Русская земля?..

Непосвященному кажется, что кузница — это что-то боль- шое, солидное, стучащее и гремящее, извергающее огонь и дым. Да, конечно были и есть такие. Но были и маленькие кузницы, где один кузнец колдовал над малой наковальней. Не хватало третьей руки, и сейчас это зачастую бывает, так он исхитрялся прижимать заготовку ногой через проволочную петлю. Есть и другие способы. «Голь на выдумку хитра» — совершенно справедливая пословица. Маленькая иллюстра- ция к этому. Есть у меня хороший знакомый. После увольне- ния из Армии (полковником был, между прочим! Настоящим!) приехал в Новгород, купил дом и рядом соорудил себе кузни- цу. Из старого сарая, стоявшего на участке, получилась пре- красная банька и, хотя и маленькая, но настоящая кузня. Я там был. Помещение метра 3 на 3. Тесновато, правда, но ра- ботать можно. И в этой своей мини-кузнице он кует вполне приличные вещи. В доме у него, например, висят собствен- норучно изготовленные кованые люстры. По блеску и лоску они, конечно, не годятся импортным и в подметки, но зато самобытны, оригинальны и так вписались в интерьер его дома, что, кажется, висели там всегда. А самое-то главное, в отличие от растражированных импортных, они существуют в един- ственном экземпляре. Одно только это увеличивает их цен- ность. Делает он дверные ручки, подсвечники, каминные на- боры — так называемые малые формы. Как говорится в од-

ной рекламе: «Он счастлив! А что мешает вам?» Конечно, в городской квартире сделать кузню совершенно нереально, но почти у всех сейчас есть дачи. И если у вас «чешутся» (в хорошем смысле этого слова), руки, и голова с идеями, то вам сам Бог велел заняться ковкой. «Достанет» жена или начальник, а вы — шмыг на дачу, и к горну. Пока он разгорается, подумаете о бренности бытия, возьмете в руки ручник и выплеснете все свое плохое настроение на горячее железо. Оно пошипит-пошипит, но терпит, железо — оно и есть железо. А жене принесете выкованный собственными руками цветок. Начальнику — кочергу. И лад в доме, и повышение по службе. Приятно и полезно.

Вот сейчас вспоминаю, что когда Виктор Андреевич (я уже говорил вам о нем) уезжал в свою ссылку под Кончанское, кстати, родину моего отца и предков моих, то мы все вместе сделали ему кровать. Вместо матраса был там гимнастический мат, купленный в магазине «Спорттовары», что на Псковской улице. Это, скажу я вам, не кровать была, а шедевр! Такой не было ни у кого во всем мире. Кованая, красивая, размером с небольшой аэродром, она вызвала невообразимый переполох в деревне, куда Виктор Андреевич ее привез.

Смотреть ее ходили толпами, это Пакселев сам рассказывал во время своего приезда в Новгород. Может, третья его жена Антонина и терпит-то его только из-за этой кровати? Вообще-то он дурак. Надо было первой жене такую же кровать сделать. Может быть, и жизнь бы тогда пошла по-другому? Это я говорю не со злости, Виктора я люблю и уважаю, хотя и ругались мы часто. Но, уезжая, он даже кувалду мне со своим личным клеймом подарил. Я ею не работаю, а лишь иногда тряпочкой протираю и бережно сдуваю пылинки. Приедет он в Новгород, пусть попробует не поставить мне бутылку!

Вообще-то Виктор — мой земляк. Он старше меня лет на пять. И одно время, это, правда, было в далекие-далекие 50-е годы прошлого (прошлого!) века, мы даже учились в одной школе. Тогда мы друг друга не знали. Вот чем дальше живу, тем больше убеждаюсь, до чего же мир-то мал. А дело было так. Я из Зарубина. А в десятке километров от нашего поселка был расположен его поселок Комарово, славный тем, что во время войны там были угольные шахты. Уголь там бурый, плохой, низкого качества, но в войну, когда весь Донбасс был под немцами, а Воркута и Инта, на костях эзков построен-

ные, еще не набрали оборотов, и он был спасением. Может, и Ленинград-то выстоял из-за нашего новгородского уголька! Так вот, к пятидесятым годам шахты в Комарове прикрыли, старшие классы ликвидировали, и Виктор ездил доучиваться в нашу Зарубинскую школу. Зарубино тогда наоборот возрождалось. Наша шахта, на которой в старые добрые времена работала почти тысяча человек, поила и кормила. Теперь и она затоплена вместе с надеждой на «светлое будущее». А жаль! Зарубино — это любовь моя и боль, воспоминания и грусть. Там я родился, там прошло мое детство и кусочек юности. Там я оставил частицу себя, да если б только я. Но это уже совершенно другой разговор. Почему я завел разговор о Зарубине? Только сейчас всплыло в памяти, что и на шахте

была своя кузница. Ковали в ней в основном пики для отбойных молотков — основного инструмента шахтеров в те годы. Для дубычи (с ударением на первый слог, обязательно) огнеупорной глины — нашего новгородского золота. Пики были трех видов: просто пики — такими сейчас долбят асфальт, вогнутые лопатки и прямые лопатки, называемые еще топорами. Крепильщики ими перерубали бревна-крепя в шахте. Здесь тоже требовалось немалое искусство от кузнеца. От него зависело напря-



Рождается железная песня

мую количество денег в карманах у сотен шахтеров. Сам все эти прелести испытал в свое время.

Так вот, маленькими пацанами мы часто ходили в мехцех, так это называлось, точить ножики, а по пути заходили в кузницу, где, раскрыв рты, с порога (далее не пускали), часами наблюдали за священнодействием кузнецов. Помню, перед кузницей был пруд, в котором, по разговорам, — невообразимая глубина, ее измерить, на моей памяти, никто не отважился. Были и такие разговоры, что вода в этом пруду «засасывает». Да и вид у него был мрачноватый — он почти со всех сторон окружен высокими ивовыми кустами. Наверное, и в самом деле место это «не чисто». Ну ладно, кончаю это свое лирическое отступление, а то оно в такие дебри меня утащит. Как тот пруд, к примеру, если б в него нырнуть...

А сколько кузниц было на Руси! Сейчас это трудно даже представить. Каждая приличная деревня ее имела. Они стояли, как правило, на краю деревни, рядом с ручьем или прудом. Стояли на краю, потому как русский народ, много раз ученый горьким опытом, панически боялся пожаров. Кузница же, как объект чрезвычайно пожароопасный, по этому

поводу не внушала доверия. Приземистый прокопченный сруб, который, впрочем, не был похож на другие деревенские постройки, ничем не выдавал свою выдающуюся роль в жизни. У входа врыты в землю столбы — станок дляковки лошадей. Окно в кузне маленькое, яркий свет не нужен — он мешал определять степень нагрева металла. Пол земляной, на него просто кидали раскаленные изделия, где они постепенно остывали, никому не мешая. Самым солидным сооружением в кузнице был горн. Горн — это большая печь, открытая с одной или нескольких сторон, с принудительным поддувом. В нем грелись заготовки для последующейковки. Горнов было несколько видов, для разных работ. По Далю, это были горны: выварной, укладный, клинный, косоправный, кричный, доменный. Горн кузнец делал сам, «под себя». «В горну и железо надсядется», — так говорили о нем. А вот с мехами для подачи воздуха в горн было сложнее. Их надо было покупать, а стоили они дорого. Это сейчас просто: вентиляторов сколько угодно, и больших и маленьких, а вполне приличный поддув получается из обычного бытового пылесоса. А раньше, чтобы стать кузнецом, мужику надо было, кроме мехов, купить еще и наковальню, тоже вещь дорогую. Приложив к этому еще и желание, можно было становиться «железным» мастером. И будут у него тогда «черны руки, да бела копеечка».

Ну вот, наконец мы и добрались до наковальни. Наковальню берегли. К ней относились уважительно. Сесть на наковальню — это было почти преступление. «Кому до чего, а кузнецу до наковальни», — говорили про нее. Ее жалели: «Тяжело молоту, тяжело и наковальне». Ею гордились: «Аль моя плоше наковальня, что в нее всяк толчет». Сидеть было нельзя, а вот бутылку и стакан на нее ставить было можно. Это не возбранялось. И мы тоже ставили. Иногда. «Портной — вор, сапожник — буян, кузнец — пьяница» — не зря же придумал это народ. Да и как же было не выпить, например, в День кузнеца? Немногие, наверное, знают, что есть и такой праздник. Но он есть. Это 14 ноября, 1 ноября по старому стилю. В этот день церковь празднует память святых Космы и Дамиана — покровителей брака, кузнечного ремесла и домашней птицы. К этим святым обращались с просьбой скватать свадьбу и брак накрепко и навечно. Кузьма и Демьян, так звучали их имена в повседневной жизни, в народе слыли кузнецами и будто бы за работу свою денег никогда не брали, потому и звали их бессребрениками. «Кузьминки — осени поминки», «Кузьминки — встреча зимы», «Кузьма и Демьян-кузнец, кует лед на земле и на водах», «Закует Кузьма-Демьян, до весны красной не расковать», «Кузьма-Демьян с гвоздем, Никола с мостом, Кузьма закует, а Михайло раскует». Наши предки были со святыми запанибрата.

Так вот о наковальнях. Они были похожи, как сестры, но по размеру и, соответственно, по весу — разные. Были совсем маленькие, а были и килограммов под двести. Отличались еще они «рогатостью». Были однорогие с одним круглым рогом, а были и двурогие с круглым и квадратным рогами. Последние были универсальными и давали больше возможностей кузнецу. Наковальни служили очень долго и передавались из поколения в поколение. Я думаю, поэтому при археологических раскопках в Новгороде их не находят (была, правда, найдена одна маленькая ювелирная наковаленка). Хотя дру-

гих инструментов и изделий кузнецов найдено предостаточно. Ну, раскопки мы займемся чуть позже, дойдем и до них. Хотел бы еще вот что добавить о наковальне. Как человек, каждый день видящий ее, работающий на ней, не устаю восхищаться ею. В ней все: красота и простота, органичность и функциональность, рациональность и универсальность. Наковальня — вершина промышленного дизайна. Непревзойденная классика, так сказать. Если русская печь — поэма, то наковальня — это песня. Только не современный шлягер, который вспыхнул и угас, прожив одно мгновение, а песня, пережившая века. Время спешит, а наковальня все та же — не убавить, не прибавить. Немного в мире таких вещей. Чтобы понять, что же это такое, надо хорошо ее узнать. Каждый кузнец в душе чувствует это, просто не каждый может выразить словами. А если и может, то некогда. Всего лишь одно квадратное отверстие в ней дает такие возможности, что просто диву даешься. В него можно вставить тысячи разных инструментов, приспособлений, устройств, и возможности наковальни сразу же в тысячи раз увеличиваются. Кое-кто из авторов, часто встречаю в литературе, рекомендует в начале занятий кузнечным ремеслом пользоваться различными эрзацами: кусками рельсов, уголков, швеллеров. Все это ерунда. Кузнец ты — так имей свою наковальню!

Надо заметить, что кузница и все, что с ней связано, была издревле окутана некоей таинственностью. Железо, такое твердое и холодное, от прикосновения рук кузнеца становилось вдруг мягким и податливым, принимало форму, какую хотел мастер и, остывая, сохраняло ее навсегда. В этом было что-то магическое, сверхъестественное, непостижимое. Кузнец понимал язык раскаленного железа и знал, как использовать и сконцентрировать его силу. «Умудряет Бог слепца, а черт кузнеца», — говорили в народе. Кузнецы в древности владели и искусством врачевания. В их руках огонь превращался в лекаря. Он прижигал, очищал и укреплял. На помощь огню приходила и сама атмосфера кузницы — загадочная и таинственная. Психическое воздействие, как сказали бы мы сегодня. Наверное, и удары молотка по наковальне благотворно действовали на больного. Ведь это же научно доказанный факт, что многие микроорганизмы погибают от колокольного звона. «У всех народов, от самых просвещенных до самых варварских, — читаем мы в книге «Тайные искусства», — кузнец пользовался большим уважением. В Африке у племени вахада кузнец с величайшей осторожностью обращался со своими самыми простыми инструментами, так как если он указывал одним из них на кого-либо, для того это означало смерть. В долинах Южной Азии родители приглашали кузнецов защитить их новорожденных детей от сил зла. Кузнец должен был выковать тонкое железное кольцо, которое надевалось на лодыжку ребенка. Когда миновал первый, самый опасный месяц жизни ребенка, следовало вернуться к кузнецу, чтобы тот снял кольцо».

И совсем не случайно мать гоголевского кузнеца Вакулы Солоха была ведьмой. Да и сам Вакула, хоть и намалевал злую карикатуру на черта, дело с ним имел и даже летал на нем аж в сам Петербург. Простые мужики на санях да на телегах ездят, а он вишь что учудил? «Сказка — ложь, да в ней намек...»

А вот здесь надо бы нам коснуться другого вопроса. Цыгане... Они издревле были знатными кузнецами. Да и как же иначе, если вся их жизнь связана с лошадьми. «Ведь цыган без лошади, как без крыльев птица». А где лошадь, там и подковы, уздечки, телеги, кибитки. Все это надо изготовить и содержать в надлежащем виде, и цыгане со всем этим прекрасно справлялись. И кузницы у них были передвижные, мобильные. На любой поляне, раскинув свои шатры, среди орущих цыганят, мерно сжимались меха, разжигая уголья, раскаляя металл, и вот уже раздавались звонкие удары ручника и тяжелые — мулота, в такт чудесным, таким же горячим, как и подковки, цыганским песням.

«Цыган на Руси любили», — пишет В. Белов. Только вот странной была эта любовь. Любовь с примесью страха, удивления, восхищения, тоски. За что любили? За своеобразие, за песни, за вольнолюбие, за «лапшу», которую так талантливо развешивали цыганки на ушах собеседников. И, бывало, начав с ковши воды, уходила цыганка с заветным золотым колечком, непостижимым образом вдруг поменявшим хозяина. «Обманщик, плут, барышник, перекупщик», — вот кто цыган по Далю. «У цыгана не купи лошади, у попа не бери дочери», — говорили раньше и делали точно наоборот. Но хоть цыган и побаивались, уживались с ними и мирно сосуществовали.

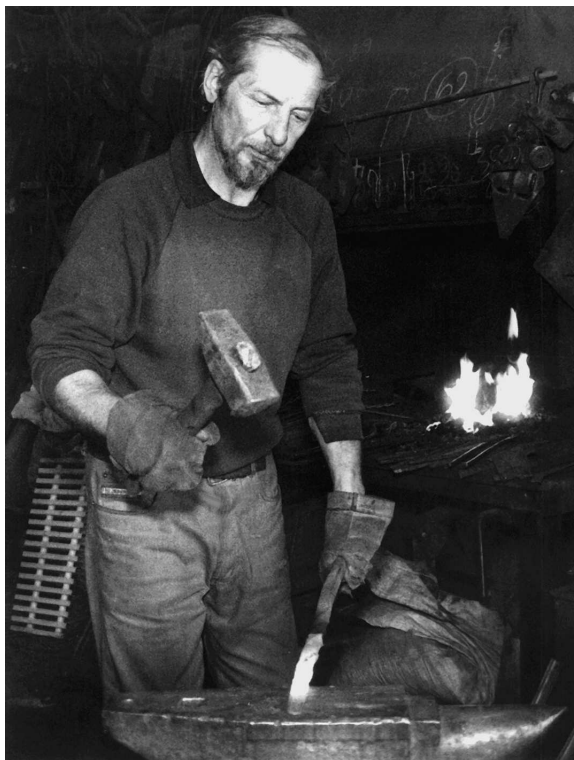
Много легенд сложил народ о цыганах. Вот одна, связанная с наковальней. Этот инструмент в древности служил для отыскания вора. На наковальню ставились зажженная свеча, солонка и ломоть хлеба. Вокруг раскладывались вещи подозреваемых, которых призывали сознаться. Если никто не признавал вины, то каждому по очереди надо было поцеловать наковальню и ударить по ней. Затем они все вместе клялись покарать виновного. И преступник чудесным образом находился. Помимо своей воли он сознавался и умолял простить его. Магия — она и есть магия, ее нельзя объяснить. Полумрак, горящая свеча, блики пламени на лицах, глаза, проникающие, кажется, в твои мысли — попробуй тут не сознаться. Это вам не районный суд — скучный, нудный, долгий, похожий на грустную комедию с заранее известным финалом.

А вот еще одна красивая легенда о подкове. Найдя подкову, мы не выбрасываем ее, а стараемся прибить куда-нибудь на дверь или рядом с ней. Говорят, она принесет в дом счастье. Вернее, не выпустит в ваш дом несчастье, что, впрочем, одно и то же. Откуда это пошло? Не знаете? Тогда читайте. Дело было так. Давным-давно в горах жили четыре ужасных демона. Звали их Несчастье, Хворь, Нищета и Смерть. Эти четыре

братца сторожили дорогу и очень любили позабавиться с зазевавшимися путниками. Забавы те кончались всегда разрыванием невинных жертв на части. И вот однажды возвращался молодой цыганский вожак из гостей в свой табор, не подозревая, что Несчастье, притаившись, давно поджидает его. На душе легко, дорога пряма, конь послушен. Но всхрипнул конь, чуя опасность. Понял и цыган, какая беда приключилась. Несется конь, пена летит изо рта, ветер свистит в ушах цыгана. Догоняет Несчастье. И тут, вот уж повезло так повезло, слетела подкова с копыта коня и, словно пуля, впиалась в лоб демона. Ухнули горы, зашатались деревья, рухнул демон и обратился в камень. Отерев холодный пот со лба, вырвал молодой цыган ту подкову, привез в табор и рассказал все. Подкову ту прибили над дверкой фургона. А злые демоны Хворь, Нищета и Смерть приходили, но поразмыслив, что у коня есть еще три подковы, как раз на каждый лоб по одной,

ушли в другие места делать свои черные делишки. С тех пор они постоянно прячутся у дорог, по которым спешат фургоны цыган. Внимательно смотрят они, ища повозку без прибитой подковы — оружия, которым было убито Несчастье. Но нет таких...

А мы вновь возвращаемся в кузницу. Бадья или бочка с водой, наполовину вкопанная в землю, всегда была рядом с горном и наковальней. Нет, не опохмеляться, конечно. Вода делала сталь крепкой. Сталь в ней закалялась. Две стихии — огонь и вода, жар и холод, «лед и пламень» — рождали из простого железа уже нечто другое — крепкое, прочное, негибкое. Раскаленное добела изделие, подхватив клещами, быстро опускали в холодную воду. Шипение, да и как тут не зашипеть, коли из тепла да на холод, клубы пара, и ножом, к



В кузнице

примеру, уже можно было рубить гвозди. После закалки сталь, как правило, еще и отпускали, то есть снова нагревали до небольшой температуры и в строго определенный момент опять опускали в воду. Это делалось, чтобы снять внутреннее напряжение металла. Сталь после этого, оставаясь прочной, хрупкой уже не была. Правильно закалить изделие — это тоже своеобразное искусство. «Чуть-чуть» играло здесь такую роль, что от этого зачастую зависела жизнь человека. Сломался меч в бою. И кто ты после этого? В лучшем случае — пленник. Но не только в воде закаливали сталь. Сабли, кинжалы, мечи закаливали, например, воткнув в тушу свиньи или барана (по легендам, и в тело пленного врага) или скача во весь опор на коне. Не обходилось тут и без мистики. В воду для закалки добавляли яд гадюки, муравьиный яд. Железо становилось «злым». Хотя, если посмотреть в корень, можно

во всем этом уловить смысл и рациональное зерно. Сейчас рядом с водой стоит в кузнице бачок с отработанным машинным маслом. В нем закалка получается «мягче». Здесь секретов и тонкостей, хоть отбавляй. Сейчас весь этот процесс называется «термообработка», и существует даже такая профессия — термист.

Дополнял оборудование кузницы массивный верстак из толстых деревянных плах. Незаменимая вещь — тиски — тоже неперенный атрибут. Тиски были специальные, кузнечные, так называемые «стуловые». Делают ли сейчас такие — не знаю. У меня обычные — большие слесарные, хотя хотелось бы иметь кузнечные. Стоял еще ящик с углем. Он всегда должен быть под рукой. Про уголь тоже существовали пословица. «Захотел от кузнеца угольев! Либо нет, либо самому надо», «У калачника дрожжей, а у кузнеца угольев не прося». Уголь был древесный, его выжигали из липы и березы (иногда из сосны) в угольных ямах или кучах, обсыпав костер землей или обложив дерном. Дрова должны были тлеть, но не гореть. Жечь уголь — это один из древнейших русских промыслов, благо, лесом-то мы не были обижены никогда. Сейчас древесным углем кузнецы уже не пользуются, дорогое это удовольствие. Горны работают на каменном угле. Жар от него больше, а вот качество значительно ниже. А уголь тот можно сейчас встретить лишь в деревнях, где им топят самовары, правда, теперь уже очень мало. Самовары в домах больше стоят «для интерьера». А готовили и готовят уголь так: хозяйка перед концом топки доставала из русской печи крупные уголья, раскаленные докрасна, но еще не перегоревшие, и клала их в специальное ведро с толстыми стенками на высоких ножках. Ведро сразу же закрывалось плотно подогнанной крышкой. Остывая, угли приобретали, так сказать, товарный вид. Так и называлось ведро — тушьло. Его вполне заменял большой старый ведерный чугунок.

По стенам кузни на здоровенных кованых гвоздях были развешены инструменты, приспособления, заготовки и прочая, не нужная на взгляд постороннего, но необходимейшая для кузнеца мелочевка. В углах, прислоненное к стенам, ждало своей участи железо, обычно кривое, ржавое и грязное. Но посмотрит на него кузнец, согреет в горне, погладит ручником, молотобоец пройдет по нему кувалдой, и вот уже приобретает оно надлежащий вид. Еще чуть-чуть, и вот уже лежит на полу, остывая, топор, лемех, шина для колеса. Универсалом был сельский кузнец. Чего только не приходилось ковать ему на своем веку! Плуги и бороны, лопаты, вилы и мотыги, серпы и косы, ухваты и кочерги, светцы и подсвечники. В лихую годину войны ковал кузнец ножи и сабли, мечи и рогатины, кольчуги и бронь, шлемы и щиты. А сколько гвоздей выкует кузнец за свою жизнь! Ковал печные приборы, без которых и печь — не печь. А разве мог плотник обойтись без кузнеца? Откуда у него пила, топор, молоток, бурав, долото, скобель? Да все оттуда, из кузницы. Недаром говорили: «Крестом да железом храм поднимается». Об инструментах самого кузнеца как-то и говорить неудобно. Все сам, своими руками. А сколькоковки требовали лошади, тащившие Русь на своих взмысленных холках. Подковы и стремяна, удила и седла, телеги и сани — в них тоже труд кузнеца.

В городах — иначе. Кузниц тоже было много. В Валдае,

например, в конце прошлого века их было около 50. Это на три (или около) тысячи населения. В Старой Руссе в семидесятых годах позапрошлого века их было 15 и работал в них 21 человек. Но в городах среди кузнецов была уже узкая специализация. Однако пора нам, наконец, отправиться в древний град на седом Волхове. А попасть в него довольно просто. Всего каких-то пять-восемь метров вниз, и вот мы уже на деревянных плахах древней мостовой. Этот Новгород открыли для нас археологи. И он удивил, поразил, ошарашил нас. Оказалось, что тысячу (!) лет назад в городе не носили лаптей, почти поголовно знали грамоту, исправно работала почта, а ремесленников было столько, сколько не было ни в одном другом городе. И среди ремесленного люда главное место по праву принадлежит кузнецам. Сами названия говорят об этом. Улицы Кузнечная, Щитная, Молотковская, Ковалево. ВЛ. Янин пишет: «Я не могу отказать себе в удовольствии прочесть, что такое новгородский культурный слой. Он дал нам на Неревском конце берестяных грамот — 398; монет X–XI веков — 1600; орудий труда, оружия — более 1800; ножей — 2100; ножниц — 110; замков, ключей, замочных деталей — 1200; предметов из цветного металла — 2100...». Ну, как говорится, комментарии излишни. Замечу только, что это данные на 1972 год и только по Неревскому концу. А раскопки в городе продолжаются, и «коллекция» из года в год пополняется.

Теперь нам не обойтись без мнения выдающегося авторитета и знатока новгородского металла и всего, что с ним связано Б.А. Колчина. Его фундаментальные работы — «Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси» и «Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого» — ответили на очень многие вопросы о том, как жили наши далекие-далекие предки. Б.А. Колчин считает, что уровень развития железообрабатывающего производства был очень высок и уж никак не ниже, чем у наших соседей в Европе. Одна специализация кузнецов чего стоила! Он выделяет 16 специальностей кузнецов-универсалов, оружейников, щитников, шлемников, бронников, стрельников, замочников, серповиков-косников, секирников-топорников, ножовщиков, гвоздочников, булавоочников, изготовлявших украшения, уздников, изготовлявших конную сбрую и кузнецов, изготовлявших весы. По этому списку понятно, чем занимались кузнецы. Но давайте еще подробнее. Длинная-длинная цитата из Б.А. Колчина: «На Неревском раскопе в слоях X–XV вв. среди разрушенных жилищ, в хозяйственных и иных постройках, в мастерских, дворах усадеб и на мостовых Великой, Холопьев и Кузьмодемьянской улиц найдены следующие изделия из железа и стали: из ремесленного металлообрабатывающего инструментария — наковальни, молотки, клещи, напильники, молотки, гвоздильни, пинцеты, зубила, клещи кричные и клещи ювелирные; среди деревообделочного инструмента — топоры, сверла, долота, пилы, тесла, скобели, скобельки, резцы разные, стамески, уторные пилки и гвоздодеры; из прочих орудий труда — ножи, ножницы, шилья, иголки, бритвы, резцы по кости, кочедыки и дрышлаг. Орудия сельскохозяйственного производства и промыслов представлены сошниками, серпами, косами, оковками лопат, мотыгами, медорезками, боталами, путами, рыбными крючками, острогами, гарпунами,

блеснами, баграми. Из оружия найдены копьа, стрелы, кольчуги, брони, булавы, боевые топоры, умбоны, детали мечей и сабель, из конского снаряжения — стремена, удила, псалии, шпоры, скребниции и подковы. Велико количество предметов домашнего обихода и утвари: замки всякие и нутряные, ключи к тем и другим, пружины, накладки, личины, пробойи, дверные крючки, дверные ручки, петли, дужки, обручи и ушки деревянных ведер, гвозди, заклепки, шайбы, крепежные скобы, весы, гири, светцы, кресала, подсвечники, таганки, сковороды, чапельники, разные цепи, ошейники. Из принадлежности костюма обнаружены булавки, фибулы, пряжки, кольца, скобы, подковы для обуви. Среди находок имеется музыкальный инструмент — варган. Наконец, впервые в русской археологии найдены тюремные оковы». Восхищаться надо новгородцами, которые все это изготовили, да и учеными, которые каждую вещь бережно достали из земли, очистили, исследовали и сказали нам: «Смотрите и помните, чьи вы, откуда вы, для чего вы!» Сегодня, уже в XXI веке, мы, торкая пальцами в клавиатуру компьютера, наивно думаем, что хлебали наши предки в те достопамятные времена щи лаптями. Ан, нет! Умны и хитры были наши предки. Взять хотя бы, к примеру, такую нехитрую вещь, как нож. Но нехитрая она — только на первый взгляд. Начать надо с того, что ножей было много видов. Б.А. Колчин выделяет следующие виды: 1. хозяйственные — кухонные; 2. хозяйственные — столовые; 3. рабочие — столлярные, бондарные и вообще для обработки дерева; 4. рабочие — косторезные; 5. рабочие — сапожные; 6. лекарские — хирургические; 7. рабочие — малые; 8. боевые ножи — «засапожники». Да были еще и складные ножи. Да-да! Тысячу лет назад! Добавить сюда надо бы еще и бритвы — наши предки отнюдь не были похожи на обезьян и уж тем более на медведей, что на нашем древнем гербе. А тогдашняя технология изготовления ножей и сейчас внушает искреннее восхищение. В X веке ножи делались по сложнейшей технологии. Из тонких пластин, трех или пяти, собирался пакет, и пластины сваривались с одновременной проковкой. В середину вставлялась стальная пластина, покрывали ее — железные, иногда покрытые еще и стальными. Нож такой использовался до полного стачивания клинка. К XII веку, в связи с установлением товарно-денежных отношений, технология значительно упрощается. Стальная пластина уже просто вваривается в железную с торца. При истирании стали нож выбрасывался. Был еще и промежуточный вариант, когда стальная пластина

вваривалась косо. В этих ножах взято рациональное от первого и второго вариантов. Нет, мастерство кузнецов не падало. Просто жизнь заставляла искать новые пути. Ножи из раскопа, пролежав в земле тысячу лет, после заточки прекрасно режут и сегодня. Вот вам и «щи лаптем...»

Много я уже написал... Но вот еще на чем надо бы нам остановиться. Помните лесковского Левшу? Того самого, «на щеке пятно родимое, а на висках волосья при ученье выдраны», который «со товарищи аглицкую блоху-нимфузорию» подковывал? Вспомнили? Так я не о нем, а о «волосьях, при ученье выдраных». Вот именно, при ученье. Надо сказать, что кузнецы на Руси были «однорукие и двурукие». Нет, к количеству рук это не имеет никакого отношения. Просто первые работали с одним подручным-молотобойцем, а вторые с двумя. Кузнец только показывал ручником, куда бить, а уж молотобоец кувалдой, которую раньше еще называли «балдой», выполнял эти указания. Так вот, в кузнецы выходили из молотобойцев. Об этом пишет Роберт Виснап в своей работе «О житье-бытье крестьянском», в недавно вышедшей книге «Марево — Земля Рюриковичей»: «Ремеслу кузнеца молодежь училась три года. Отец парня договаривался о плате за первые два года, а в третий уже кузнец платил подмастерью. Три года мастер был хозяином ученика. Он использовал его в домашней работе и в поле». Вот откуда эти «выдраные волосья». Можно тут вспомнить еще и Чехова, его Ваньку Жукова и «селедкой в харю». Мы при Советской власти плакали: «Ах, они бедненькие...». Но разные времена — разные методы обучения. Не будь, может быть, этих «вырванных волосьев», может, и таких мастеров на Руси не было бы?

А горн все журчит... Рассыпаются искры из-под ручника и молота. На полу растет гора поковок, скоро и шабаш. Завтра надо будет переключаться на сборку и сварку...

Не сохранилась, к сожалению, та иноземная лесковская блоха, которую только и увидеть можно было в мелкоскопе мастера Левши из Тулы, но существует на удивление всем раскидистая пальма, выкованная из куса рельса талантливыми русскими кузнецами А. Мерцаловым и Ф. Шкариным, которая в 1900 году на выставке в Париже была удостоена «Гран-при». Поет нам свою песню металлическое кружево Москвы и Петербурга. Стучат еще ручники в тысячах кузниц, и будет длиться эта музыка вечно. Всегда!

Фото В. Ищенко

ЛИТЕРАТУРА

1. Белов В.И. Лад. Очерки о народной Эстетике. Л., 1984.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1989.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1999.
4. Марево — Земля Рюриковичей. Великий Новгород, 2000.
5. Навроцкий А.Г. Кузнечное ремесло. М., 1988.
6. Лесков Н.С. Сочинения Т. 1–3. М., 1988.
7. Колчин Б.А. Железообрабатывающее производство Новгорода Великого. МИА № 65. М., 1959.
8. Федотов Г.Я. Звонкая песнь металла. М., 1990.
9. Тайные искусства / Перевод с английского О. Кубатько. М., 1996.
10. Тысячелетние корни русской культуры. Сборник. Новгород, 1972.

«СИРЕНЕВЫЙ ТУМАН» В СТРАСБУРГЕ

Меня пригласили в Страсбург для участия в Рождественской ярмарке. Предыстория этой поездки уходит в десятилетнюю давность, когда сотрудница городской мэрии по связям с общественностью Мишель Маргерон решила организовать во Франции гастроль известного питерского театра пантомимы «Лицедеи». Результатом такого сотрудничества стали, с одной стороны, успешные гастроли и последующая известность театра во Франции и совершенно фантастическая увлеченность русским языком, которую проявила Мишель, с другой. Эти обстоятельства сыграли заметную роль не только в судьбе театра, но и Новгорода Великого...

По мере овладения русским языком Мишель все больше связывала свои интересы с Россией. И вот четыре года назад ей пришла в голову идея подружиться Страсбург с каким-нибудь российским городом. Главные критерии подбора были следующие: чтобы он был старинным, чтобы имел потенциальные туристические возможности, а по площади и населению был бы сходным со Страсбургом. Рассматривались несколько городов, и выбор пал на Новгород. Думаю, что здесь нашему городу очень повезло. Найдя город, Мишель составила программу по развитию сотрудничества Страсбурга с ним и отправила ее на конкурс в Европейские организации, расположенные тут же, в Страсбурге, для получения финансовой поддержки. Ее ждал успех: из сотни проектов получил финансовую поддержку, в том числе и Новгородский. Прошло четыре года, и вот уже в Новгороде, в апреле-мае этого года планируется открытие туристического офиса «Красная изба».

То, что Мишель способна написать настоящую программу и детально ее проработать, прежде чем отправить на конкурс, я убедился, прочитав Памятку, которую составила и прислала мне эта женщина накануне моей поездки в Страсбург. В памятке была полная информация, которая могла бы мне понадобиться во время пребывания во Франции. Помимо номеров рейсов, времени прибытия, места встречи и т. д. там были указаны: максимальный вес багажа в компании «Люфт Ганза», адреса и телефоны мэрии, офиса туризма, торгово-промышленной палаты, телефоны Ассоциации ремесленников и коммерсантов района Крютино (где располагались наши места на ярмарке), генерального консула, а также всех других «контактных» лиц, предоставление велосипеда от мэрии в бесплатное пользование, разница во времени по отношению к Новгороду, курсы ведущих валют (рубля в том числе) по отношению к франку, телефонные номера, если звонить из

Страсбурга в Новгород, Санкт-Петербург и обратно, телефоны полиции, пожарной команды, справочной службы, врача с указанием имени и фамилии.

Прочитав эту справку, я понял, что такой «дотошный» специалист может составить качественно не один проект. Такой подробнейшей справки я еще не читал.

В свои тридцать с небольшим лет Мишель в совершенстве владеет русским, английским, немецким и итальянским языками и, безусловно, может заменить собой целый отдел мэрии по связям с иностранными государствами, что, собственно, и происходит. Поездка новгородских мастеров в Страсбург на Рождественскую ярмарку — это как бы череда мелких попутных дел Мишель в рамках Проекта.

За время работы над «Русским проектом» Мишель побывала в России около сорока раз. Ее 11-комнатная квартира в Страсбурге в старинном доме напоминает некую гостиницу для друзей на очень льготных условиях. В гостях у Мишель

побывало множество новгородцев, начиная с мэра Александра Корсунова. Мне также посчастливилось жить у Мишель во время моего пребывания в Страсбурге. В это же время в соседних комнатах останавливались: немка — работница телевидения, прибывшая в Страсбург на стажировку, парижская подруга Мишель, сестра мужа — студентка, и еще какие-то родственники. И никто никому не мешал.

Меня удивило искреннее желание Мишель подчеркнуть значимость моего пребывания в Страсбурге на правах представителя новгородских мастеров. Приблизительно через неделю после моего приезда мы как-то возвращались домой на машине Мишель, и она спросила у меня, заметил ли я флаг на ее доме. Пришлось сознаться, что флага пока не заметил. Тогда Мишель пояснила, что этот флаг города Новгорода, который подарил им Александр Владимирович Корсунов, они прикрепили на крыше в честь моего приезда! Думали, что я сразу же его замечу. А я молчу и молчу. Тогда Мишель и задала мне этот вопрос, на кото-

рый я не сразу нашелся, что и ответить, так как был сконфужен. Позже я разглядел флаг на крыше пятиэтажного дома.

Гостеприимству Мишель не было предела. Запомнился ужин, устроенный для нас с очень древним французским блюдом и хорошим красным вином. Главным здесь был, конечно, рецепт блюда. Это куски свежей сырой телятины и раскаленное масло, приготовленное из косточек винограда с добавками из разных специй. Масло доводится до кипения на плите и подается в специальном чугунном котелке со спирто-



Страсбург. Собор на площади
Гутенберга. Фото В. Ярыша

вой горелкой под ним, поддерживающей постоянную температуру. Стол сервируется необычно длинными вилками, которыми каждый накалывает очередной кусок сырого мяса и опускает в котелок с маслом на полминуты, минуту или полторы, то есть на столько, сколько необходимо для того, чтобы съесть предыдущий кусок, приправляя свежими листьями салата, разными майонезами и прихлебывая красным вином.

Да, французы, конечно, гурманы. Культ еды у них заметно прослеживается. Не зря даже в мэрии Страсбурга обеденный перерыв длится два часа, чтобы успеть поесть вкусно, провести деловую беседу за чашкой кофе или чего покрепче. Очень запомнился званый ужин в день моего приезда в одном из уютных ресторанчиков в центре города в компании с Мишель, вице-мэром Ивелин Монглен, генеральным консулом России Виктором Степановичем Карпенко и мастером из Санкт-Петербурга Рустэмом Зариповым. На четыре блюда — четыре различных сорта вина, именно обусловленных конкретным блюдом. Ресторанчик маленький, тесный. Одежду можно повесить прямо на спинку стула. Погрузившись на свое место, уже рискуешь оттуда не выбраться в течение всего вечера. Все шутят, веселятся, никто никому не мешает. Хозяева жизни, как мне показалось в тот момент, — это официанты в таких вот ресторанчиках. Под их руководством вечер проходит, как спектакль. Догадались же трое из них при нашем появлении в ресторане выстроиться в ряд в такой тесноте и пролепетать какие-то слова приветствия на ломаном русском. После этого в течение вечера мы были уже лучшими друзьями. Вот тогда-то я и понял, что официанты — это одна из составляющих современной французской культуры...

В другой раз, уже в конце нашего пребывания в Страсбурге, директор ресторанчика, где мы постоянно обедали, устроил нам вечер русской кухни. Ресторанчик назывался «Плюм арт», что в достаточно свободном переводе на русский, как нам сказали, значит — кровать для любовных утех. Думаю, для французов — это вполне приемлемое название. Директор ресторана Даниэль являлся в то же время председателем гильдии ремесленников квартала Крютино и занимался организацией нашей ярмарки.

Сначала нам подали салат из сырых шампиньонов. Потом жареную лосятину и превосходный десерт — что-то со сбитыми сливками, яйцом и каким-то спиртным напитком, кажется, коньяком. В начале вечера Даниэль объявил, что сегодня кухня для нас русская, и он намерен провести «экскурсию» по своим любимым винам. Мы смогли одолеть три бутылки любимого вина из разных концов Франции, а после десерта еще пили вкусный коньяк. Даниэль рассказывал нам, как трудно шла подготовка нашей ярмарки в квартале Крютино (именно там когда-то в старину селились ремесленники), какие были противоречия и разногласия между ее организаторами. В отдельные дни дискуссия шла так остро, что дело доходило до драки. И я этому сейчас не удивляюсь, узнав, насколько французы динамичны и подвижны в характере.

Дело в том, что ярмарку мастеров, представляющих традиционные ремесла, такие, как кузнечное дело, изготовление кольчуг, переплет книг, изготовление изделий из кожи, переписка книг вручную и т. д. в Страсбурге организовывали впервые. Решили ее совместить с огромной ежегодной Рождественской ярмаркой, разбросанной по всему городу и ничего общего не имеющей с традиционными ремеслами, демонстрацией этих ремесел мастерами в костюмах.

Рождественская ярмарка — это сотни и сотни рассыпанных по всему городу и преимущественно в центре на туристических маршрутах торговцев различными рождественскими сувенирами. «Сувенирщикам» предоставлены торговые деревянные домики с возможностью закрывать их на ночь под ключ, площадью пять-шесть квадратных метров и стоимостью аренды от 5 до 15 тысяч франков в зависимости от удаленности от центра города. Как бы это достаточно дорого, но ведь ярмарка длится месяц — с 25 ноября по 25 декабря и, видимо, все окупается.

Как продолжил потом Даниэль, некоторые организаторы, в том числе и он, предложили «разорвать» во времени Ярмарку традиционных ремесел и Рождественскую, так как первая — это всего 30–40 мастеров — может раствориться, потеряться во второй с многочисленными ее участниками.

Как продолжил потом Даниэль, некоторые организаторы, в том числе и он, предложили «разорвать» во времени Ярмарку традиционных ремесел и Рождественскую, так как первая — это всего 30–40 мастеров — может раствориться, потеряться во второй с многочисленными ее участниками.



Кузнец на ярмарке в квартале Крютино.

Фото В. Ярыша

Надо сделать самостоятельную ярмарку ремесел, допустим, летом, со своей рекламой и посетителями. Но возобладали другая точка зрения, и получилось не совсем удачно. Как говорится, «первый блин комом». Но Даниэль был полон решимости добиваться своего.

Я же остался уверен в том, что со временем все будет сделано так, как надо, ведь образец, к которому нужно стремиться, был и во время той огромной ярмарки. После беседы с вице-мэром и председателем гильдии ремесел всего города мне показали в Страсбурге место, расположенное достаточно далеко от центра, у вокзала. Там стоит огромная шатровая палатка, а внутри в тепле и при хорошем освещении работают четыре мастера, скульптора по дереву. Все опытные и преклонного возраста. Один из Швейцарии, другой — из Германии, двое — из Франции. Все четверо вырезают из толстых сосновых бревен большие статуи: кто девушки, кто старика, кто зверя. Работают целый месяц, демонстрируя свое мастерство, объясняя всем желающим тонкости ремесла. Я спросил у вице-мэра, (а именно он меня сопровождал), каковы условия участия этих мастеров в ярмарке. Ответ был, прямо скажем, удивительным. Оказывается, город уже закупил статуи, которые сделают в течение месяца мастера, и оплатил им командировочные расходы. «А статуи поставим где-нибудь в городе», — добавил он. Здесь, подумал я, сразу трех зайцев убивают. Вице-мэр также пояснил, что они не могут приглашать много мастеров на таких условиях, так как это дорого.

Да, действительно, место у железнодорожного вокзала (островок истинного творчества) сильно отличалось от нашего в квартале Крютино, где мы стояли на месте и пытались на пальцах объяснить горожанам художественные особен-

ности бересты и способы ее обработки в России. И тогда я очень хорошо понял Даниэля, почему он так рьяно отстаивал оригинальность нашего участка ярмарки, желая преподнести ее горожанам в особой упаковке, в надлежащее время и в надлежащем месте. В конце нашего ужина в «русском» стиле мы сошлись во мнении, что Страсбургу самобытная Ярмарка традиционных ремесел просто необходима.

Я думаю, что Страсбургу необходимо все это еще и потому, что город с населением 250 тысяч жителей, способный переваривать в год по шесть-семь миллионов туристов, может позволить себе многое.

Рассказывать об этом городе и легко и трудно. Легко потому, что город по населению и площади вполне соизмерим с Новгородом. А тяжело из-за того, что нашему менталитету пока еще не под силу осознать, как такой сравнительно небольшой город способен обеспечить «всем необходимым» неимоверную массу туристов.

Страсбург — город готических соборов, коих там несколько, и прекрасной средневековой гражданской архитектуры. Главная достопримечательность города — Кафедральный собор — «большой розовый Ангел Страсбурга» — по меткому определению одного французского поэта. Собор строился более 200 лет с XIII по XV века и является шедевром готической архитектуры Северной Франции.

В этом городе, куда бы ни пошел на прогулку, непременно выйдешь к собору. Он притягивает словно магнит.

Старый Страсбург сохранил идеальные черты средневекового города. Все отреставрировано, все приведено в порядок и доступно для обозрения. Особенно живописен квартал города «Малая Франция». А центр Страсбурга довольно большая территория, может быть, как раз, как Древний Новгород в черте земляного вала, расположен на острове. Это река Иль, разделяясь на две части, омывает его с двух сторон. У нас — земляной вал с деревянным забором, башнями и глубоким ровом с водой надежно охранял центр города от врагов, у них — река. История города уходит в седую старину, в Бронзовый век. В 12 году до нашей эры город был захвачен римлянами и превращен в укрепление для защиты от германцев. В 1697 году Страсбург становится французским. В 1870-м город входит уже в состав Германской империи. И с 1918 года по сию пору Страсбург вновь Французский. Такова нелегкая судьба этого удивительного города, сформированного несколькими европейскими культурами. Поэтому, наверное, именно Страсбург был избран в 1949 году штаб-квартирой Европейского Совета.

В Страсбурге все работает на имидж города. Как можно, например, связать многочисленные сантехнические колодцы, которых в обилии найдешь в любом городе мира, с готическим прошлым города? Оказывается, можно, если чугунные крышки таких колодцев отлить с рисунками, напоминающими великолепные «розетки» готических соборов. Такой колодец сразу приобретает вид произведения искусства. И не важно, что не каждый турист сможет это разглядеть. Такой простой ход как бы исподтишка будет влиять на прохожего. Проблема покажется решенной особенно блистательно, если вспомнить наши российские городские колодцы.

Как же все-таки отличается современный Страсбург от современного Новгорода! Турист там находит все, что пожелает?

Как-то вечером после работы на ярмарке отправился на велосипеде осматривать достопримечательности города. Такие поездки, на выданном мне в мэрии велосипеде на весь

срок пребывания, я совершал по вечерам, ближе к ночи, почти каждый день. Надо заметить, что велосипед, как городской транспорт, стоит в Страсбурге по массовости после автомашин и мотороллеров на первом месте. В среднем, велосипед стоит 1200-1500 франков (150-200 долларов). Он оснащен корзиной впереди руля и двумя замками, один из которых блокирует заднее колесо, а используя другой, можно пристегнуть машину к любому устойчивому предмету: специальным поручням на велосипедных стоянках, забору или фонарному столбу. Пристегнув велосипед к найденному предмету, можно оставить его там на пару часов или на пару дней, что, в принципе, одно и то же для горожан. Тем не менее, как нас предупредили в мэрии, за велосипедом нужен глаз да глаз, так как их воруют. Поэтому самое главное не оставлять велосипед не пристегнутым к забору. На велосипеде можно ездить везде, так как есть специальные дорожки и маленькие светофорчики. Едут на двух колесах и стар, и млад, и ученый, и торговец. Не проехать на велосипеде разве что в центре города из-за постоянной толчеи туристов, и приходится вести его пешим. На маленьких и очень юрких мотороллерах, которых тоже достаточно много в городе, предпочитает ездить только молодежь. В центре города встречаются даже массивные мотоциклы, которыми управляют уважаемые женщины.

Но я отвлекся. В тот вечер, проезжая где-то близко к центру города, я вдруг услышал вдалеке пение под аккордеон известного русского романа «В лунном сиянии... динь-динь-динь!.. Колокольчик поет...». Я был заинтригован. В центре французского города — русский романс на русском языке?! Я не сразу разглядел этого музыканта из-за спин туристов — пришлось проехать несколько домов, чтобы приблизиться к нему. Им оказался неопределенного возраста полный господин, сидящий прямо на мостовой с аккордеоном в руках. На голове приделаны красные рожки. Я здраво рассудил, что если он поет по-русски, то, наверное, и говорить умеет. Я обратился к нему с вопросом, откуда он знает этот старинный романс. Он посмотрел на меня непонимающим взглядом и продолжил свое пение. Я попытался «поддержать» с ним беседу по-русски, но результат был тем же. Через пару вопросов музыкант задумался о чем-то, что-то пробурчал, возможно,



Сантехнический колодец Страсбурга с красивым оформлением. Фото М. Чанга

по-французски и вдруг затянул другой известный русский романс. И я понял, что по-русски он говорить не умеет, а романсы выучил самым чудесным образом на злобу дня, из-за обилия русскоговорящих туристов вокруг.

Надо заметить, что в центре города прямо на улице везде продаются великолепно изданные фотоальбомы о Страсбурге и Эльзасе, в том числе и на русском языке. Это уже симптоматично. Русские в Страсбурге действительно встречаются часто, и русский язык — это не экзотика, а повседневная реальность. По крайней мере, за двухнедельный срок пребывания на ярмарке ко мне дважды подходили учителя русского языка — французы, говорящие превосходно по-русски. Подходил мальчик 13–14 лет из специализированного русского класса и сказал, что он мечтает выучить русский язык, чтобы владеть им в совершенстве.

Но больше всего меня поразила семья русского православного священника из эмигрантов второй волны. Зовут его Георгий Дробот. Он и все его многочисленные родственники в Страсбурге приходили несколько раз на ярмарку, чтобы поговорить с нами по-русски о России. Всего у Георгия пять детей и 28 внуков, все говорят чисто по-русски, потому что всегда говорили в семье только по-русски. Интересно, что самый младший внук в одной из семей, двухлетний Николай, даже не успел еще выучить французский. Его старшая сестра Александра 14 лет, изучающая немецкий и английский, мечтает жить в России в деревне. Я был искренне удивлен, когда она сказала мне, что вопрос о переезде в Россию серьезно обсуждается в ее семье. С Александрой я подружился и вел долгие беседы, так как она попросила меня поучить ее берестяному плетению и приходила на ярмарку несколько раз. Я не переставал удивляться тому, как эта девочка, ни разу не бывавшая в России, как будто родилась с русской идеей в сознании. Здесь, конечно, заслуга деда-священника. Он, к тому же еще иконописец, бывал в Новгороде в мастерской у реставраторов фресок Грековых с группой своих студентов, изучающих иконопись. А с Александром Петровичем Грековым он познакомился, когда тот какое-то время жил в Париже. Странно, как тесен мир. В конце одной из бесед о России с этим старцем, о ее успехах, о нашем оптимизме по этому поводу (а что мы другого могли сказать, ведь мы действительно приехали свободно во Францию), он расплакался. Я подумал, что ведь этот человек, наверное, пережил многое, коли скоро смог сохранить в своей семье русскую культуру, язык, веру в Россию и дождаться того периода, когда его внуки не только могли бы мечтать о России, но и реально поехать туда, чтобы жить.

Подходил московский профессор-математик, работающий временно в Страсбургском университете, и благодарил нас за то, что так здорово мы можем демонстрировать русское творчество в Страсбурге. Рассказал, что сам он уже подбросил своим московским друзьям-ученым западные контракты не на одну тысячу долларов.

Подходили три-четыре молодых россиянки, скоростеж-но «выскочивших» за французов. Жаловались, что трудно найти хорошую работу.

Подходил молодой мужчина странным образом, без «прописки», то есть нелегально, проживающий во Франции уже семь лет. Непонятно, чем занимается, но нашел интересным

долго поговорить с нами о разном на родном языке.

Во время ярмарки — Страсбург — словно большая сцена для уличных представлений. Особые артисты — это уличные клоуны. Люди, как правило, официально нигде не работающие, но регулярно появляющиеся в местах скопления народа на ярмарках, подобно этой, во многих странах мира.

В Страсбурге я любовался творчеством троих клоунов. Строгий фрак, шляпа-котелок и обильный грим на лице. Такой замрет и стоит в какой-нибудь необычной позе минуте-две, уставившись на сентиментальную девицу в толпе. Доводит эту даму до смущения и потом вдруг быстро меняет позу, двигая частями тела, как трансформер, чтобы уставиться в другую сторону, на другую сентиментальную рожицу. Это разминка. Потом идут фокусы с простейшими предметами и затем финал — приглашение людей опускать монеты в емкость у ног. После чего вновь «живая статуя», и часто уже на новом месте. Я не узнал бы ничего о жизни этих бродячих артистов, если бы не сфотографировал одного из них и не кинул за это в его емкость пару франков. Видимо, этим самым он запомнился мне лицом, так как, когда двумя-тремя часами позже он оказался у нашего киоска на ярмарке без грима, в обычной одежде, я сразу его узнал. Он почему-то заинтересовался бе-

рестьянскими шаркунками (погремушками). Ради шутки я заговорил с ним по-русски, заявив, что узнал его, что он клоун, и что я видел его недавно на площади, где фотографировал. После этого он ответил мне тоже по-русски, чем поверг меня в изумление. Оказалось, что он серб и родом из Югославии. Русский язык учил когда-то в школе, а потом у него во Франции была русская подруга. Живет сам в Лионе. В Страсбурге бывает только один месяц в году, во время Рождественской ярмарки. После этого поедет в Аргентину, потом в США, затем немного Германии, и так каждый год. Везде работает уличным клоуном. Зарабатывает, как говорит, неплохо. Еще и родственникам в Югославию посылает, так как там разруха. На мой вопрос, тревожат ли клоунов французские налоговые органы или культурные городские власти, ответил, что никто их, клоунов, здесь не тревожит. А на нашем месте, довольно



Уличный музыкант. Фото В. Ярыша

далеком от его постоянных «концертных площадок» у собора, оказался потому, что в этом районе есть только одна мастерская, которую он нашел, чтобы заказать какую-то особую рубашку. У них, у клоунов, свои причуды.

В другой вечер я поехал на велосипеде, и мое внимание привлекли бутылки новгородской водки «Довгань» в витрине одного из магазинов. Я решил остановиться, пристегнуть велосипед и войти в магазин. Еще больше я удивился, рассмотрев ассортимент этого маленького магазинчика. Рядом с экспортным вариантом в плоских бутылках и наклейками на немецком языке новгородской водки «Довгань» (в ассортименте) я обнаружил водки других областей России, русскую «кильку в томате», наше гущенное молоко, зефир в шоколаде, простенькие карамельки и многие другие повседневные наши продукты. Но больше всего я удивился, увидев бутылки с «Советским шампанским».

Оказалось, что магазином заведует армянин, советский, хорошо говорящий по-русски и лет пять-шесть назад перебравшийся сюда из Армении. Сначала держал пекарню, но дело не пошло. Потом, четыре года назад, решил организовать магазин российских продуктов. Бизнес оказался исключительно удачным. Новгородскую водку получает из Германии, куда наши экспортируют ее уже пару лет. А вообще-то, раз в месяц приходит машина с русскими продуктами из России. Ну ладно, спросил я его, килька, конфеты, но как советское шампанское по цене французского? Ничего, говорит, берут. И французы берут. Тут же у него есть и небольшая стойка с русскими видеофильмами, аудио кассеты и CD с русской музыкой, книги популярных русских классиков и современных авторов на русском языке.

Кто-то мне сказал потом, что знающие «туристы» возят ему частенько из Москвы по полсумки кассет и книжек. Армянин берет оптом и не по плохой цене. Сам же он сказал мне, что никто во всей округе здесь не откроет больше такого магазина. А я подумал про себя: «И здесь мафия».

А вообще, магазинов в Страсбурге много. Два огромных торговых центра одной и той же фирмы «Ошан», расположенных, как бы мы сказали, на рабочих окраинах. Это магазины-городб по американскому типу, где можно купить сразу все: от электродрели до шампанского и омаров.

Изящный магазин французской косметики «Сефора» в центре города. Как мы выяснили, цены на продукты питания и спиртные напитки тем дешевле, чем дальше от центра, а на косметику неизменны везде. Косметику можно купить любую и любой французской фирмы. Продается товар изысканно, доступно: все можно потрогать, понюхать. По любому флакону можно получить незамедлительную консультацию у хорошо одетой доброжелательной продавщицы и на английском языке, что достаточно нетипично для других магазинов в Страсбурге, даже больших, где чаще жмут плечами, разводят руками и оставляют тебя наедине с товаром и твоим английским. Когда-то, после Второй Мировой войны, поставив заслон на пути проникновения американской массовой культуры в страну прежде всего отрицанием английского языка в пользу родного, французы сделали большое дело, сохранив свою самобытность. Но это явление с годами из прогрессивного превратилось в некий тормоз на пути расширения международных контактов. Германия в этом плане выгодно отличается от Франции, хотя я не заметил какого-то беспокойства французов по этому поводу. Тем не менее, французы вполне признают, что их достаток приблизительно на 20 процентов ниже, чем немецкий, и многие страсбургцы ездят за Рейн, в Германию, заправлять бензином свои автомашины, так как там топливо дешевле.

Понятно, что косметику французы умеют продавать, а шампанское и сам догадаться, как купить. Кстати, здесь тоже есть свои особенности и необходимы элементарные знания.

Дело вот в чем. Французское шампанское производят только в провинции Шампань и стоит оно дорого, где-то от 85 до 150 и более франков за бутылку. Другие провинции тоже производят подобное игристое вино и превосходного качества, но по цене 35–50 франков. Они не имеют права называть его шампанским. Поэтому малоимущему туристу выгоднее купить хорошего игристого вина из другой провинции за 35–40 франков, нежели в два раза худшего шампанского (но настоящего) по цене 90–100 франков.

Я всегда думал, откуда у французов такой утонченный, изысканный вкус? А в том, что он у них именно такой я убедился, наблюдая за тем, как и что французские люди покупают на ярмарке. Ответ на этот вопрос может крыться, в том числе, и в следующей информации.

Например, в Бургундии вся земля поделена на небольшие клочки, иногда 100х100 метров, где выращивается виноград. На каждом таком клочке земли только свой сорт винограда, дающий только один сорт оригинального вина. Во время этой поездки я пробовал каждый день различное вино. Иногда три-четыре вида за вечер. Но однажды целых десять видов красного вина. Там, наверное, было больше, и я хотел попробовать все, но после трех-четырех бокалов мне было уже все равно, какой вид вина я пробую. И тогда я подумал, что люди, способные так тонко воспринимать вкусовые качества вин с двух, трех, десяти... соседних участков винограда, люди, способные производить и потреблять такую гамму прекрасных парфюмерных запахов, безусловно, должны обладать врожденным утонченным эстетическим вкусом. И это так. Чего стоит наблюдать за тем, как истинный француз выбирает подходящее вино для своей дамы в ресторане.

Одеваются горожане просто, практично, если не сказать примитивно при их возможностях. «Сапожник без сапог?» Но нет. Здесь, я думаю, большую роль играет динамичный, подвижный стиль жизни, когда выбор в пользу практичности просто необходим. Ведь Мишель, например, с утра часто приезжала к нам на авто, а после обеда на велосипеде. Вечером могла вновь приехать на авто...

И еще немного о Страсбурге.

В городе около 700 ресторанов и кафе, 60 гостиниц, национальный оперный театр, симфонический оркестр, два концертных зала на 2000 и 700 мест в Конгресс Холле и так далее. Шести-семи миллионам туристов есть, чем заняться. Главное мероприятие — это, безусловно, месячная Рождественская ярмарка — пик туристического нашествия на Страсбург, когда мест в гостиницах в радиусе 50 километров вокруг города не найти. В этот месяц количество туристов возрастает до полутора-двух миллионов. Такое большое скопление людей на квадратный метр, какое я наблюдал ежедневно в Страсбурге в течение ярмарки, я видел в Новгороде только однажды — в течение трех дней во время юбилейных торжеств летом два года назад.

Константин БУЗУЛУЦКИЙ

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО-СЛАВЯНСКИ

Летнее время — время практик. Когда заканчивается учебный год, успешно сданы экзамены весенней сессии, приобретенные знания можно закрепить на практике. И не только в России, но и за рубежом. По сложившейся с 1967 года традиции Новгородский Государственный университет каждое лето принимает на двухнедельную практику группу польских студентов, приезжающих из Лодзинского технического университета, а затем отправляет своих студентов на две недели в Лодзь. Программа практики обычно содержит следующие моменты: собственно практические занятия в лабораториях НовГУ и ЛТУ, посещение наиболее интересных предприятий и организаций, знакомство с памятниками истории и архитектуры города и окрестностей. В программу практики включается также знакомство с изюминками истории культуры и зодчества. В прошлые годы состоялись поездки польских студентов в Санкт-Петербург, Петродворец, Пушкиногорье. Наши студенты выезжали в Краков и его окрестности. Понятно, что и во время приема гостей, и в процессе практики, и в процессе экскурсий завязывались самые дружеские отношения — и не только у самых молодых людей, но и у более зрелых, более умудренных опытом. Так исторически сложилось, что пионером организации безвалютных практик, как принято ее называть, была секция микроэлектроники и технологии производства радиоаппаратуры, преобразованная к настоящему времени в кафедру ПТР физико-технического факультета. Позже, по мере приобретения опыта, добавились группа студентов-механиков. Но политико-экономические трудности сначала в Польской республике а затем и у нас, несколько притормозили развивающийся процесс. Он был частично восстановлен после образования Новгородского Государственного университета. В силу определенного ряда причин вместо группы студентов-механиков в Польшу поехала группа студентов-архитекторов и дизайнеров. С прошлого года количество групп обмена увеличилось до трех. Впервые с обеих сторон были сформированы группы студентов, проходящих практику по микропроцессорной технике. Инициаторами создания этого вида практики выступили польские коллеги. Именно они: профессор Хуберт Горский, профессор Алек-

сандр Пыч, проректор ЛТУ Аркадий Дембовский договаривались когда-то с ныне покойным Анатолием Михайловичем Кислевым, бывшим директором Новгородского филиала ЛЭТИ им. В.И. Ульянова (Ленина) об обмене студенческими практиками на безвалютной основе. И ректорат НовГУ дал «добро» на увеличение количества групп обмена практикантами до трех. А первого июля прошлого года три группы польских студентов со своими опекунами, говоря по нашему, руководителями, общей численностью 30 человек пересели на станции Луга с поезда Варшава–Санкт-Петербург в наш университетский автобус и, благополучно добравшись до Новгорода и определившись с общежитием, приступили к выполнению программы практики. Через две недели три группы наших студентов, возглавляемые преподавателем кафедры дизайна ФАИС А.М. Гавриловым, доцентом кафедры ПТР И.А. Корневым и доцентом кафедры радиосистем — вашим покорным слугой, поджидали на станции Батецкая поезд Санкт-Петербург–Варшава для того, чтобы продолжить начатое знакомство со своими польскими коллегами и... хотя бы чуть-чуть поближе увидеть, узнать и понять страну, о которой рассказывают много былей и небылиц...

Описывать будни студенческой практики в этой статье я не буду. Об этом, наверное, расскажут сами студенты. А вот впечатлениями о городах прекрасной страны поделюсь.

Основу коммунального транспорта в Лодзи составляет трамвай. Трамвайные линии пронизывают весь город и случается так, что трамвай забирается на самую узкую улочку, но, долго на ней не задерживаясь, выпрыгивает на магистраль. Почуввав свободу, он летит по ней со скоростью до 80 км в час, замирая на остановках в строго назначенное время для того, чтобы выпустить и принять пассажиров. На магистрали трамвайные линии и опоры электропитания располагаются в самой середине. Линии встречного движения разделены проволочной сеткой, окрашенной в ненавязчивый солнечно-желтый цвет. Эти линии, равно как и разделяющая их сетка, разграничивают полосы движения автотранспорта и сосредотачивают внимание пешеходов, не позволяя произвольно пересекать полосу движения. Знаки дорожного движения указывают маршруты грузовому автотранспорту. На перекрест-



Здание Сената Лодзьской Политехники. Фото К. Бузулуцкого

та в Лодзи составляет трамвай. Трамвайные линии пронизывают весь город и случается так, что трамвай забирается на самую узкую улочку, но, долго на ней не задерживаясь, выпрыгивает на магистраль. Почуввав свободу, он летит по ней со скоростью до 80 км в час, замирая на остановках в строго назначенное время для того, чтобы выпустить и принять пассажиров. На магистрали трамвайные линии и опоры электропитания располагаются в самой середине. Линии встречного движения разделены проволочной сеткой, окрашенной в ненавязчивый солнечно-желтый цвет. Эти линии, равно как и разделяющая их сетка, разграничивают полосы движения автотранспорта и сосредотачивают внимание пешеходов, не позволяя произвольно пересекать полосу движения. Знаки дорожного движения указывают маршруты грузовому автотранспорту. На перекрест-

ках разделительная сетка исчезает, потому и остановочные площадки трамвая привязаны к перекрестку. К перекрестку привязываются и остановочные площадки автобуса. Трамвайчики юркие, чистенькие, с электронным табло на «лбу» и у центральной двери.

Пригородный транспорт оснащен нашими привычными табличками. Это преимущественно транспорт частный или принадлежащий некоммунальному АО. Но чистота, кассовый аппарат и временная стабильность гарантированы. Такой автобус поможет вам добраться до города-спутника, до оптового рынка, до медицинского Центра матери и ребенка и до любой промежуточной остановки вне пределов господства городского транспорта и, разумеется, за отдельную плату. Пригородный авто-транспорт зарабатывает свои деньги. Он все-таки дешевле услуг такси, которые, к слову, обязательно точны, аккуратны и ненавязчивы.

Кондукторов, контролеров на городском транспорте практически не видно. Часы-компостеры отсчитывают не только время, но и пассажиров, воспользовавшихся услугами транспорта. Проездной билет длительного пользования важно иметь в кармане и совершенно обязательно предъявлять попутчикам и водителю. Столь сложный ребус «Совесть с тобой» очень даже легко решается размером штрафа за безбилетный проезд: хочешь ехать без билета, приготовься к оплате за целый месяц с выдачей соответствующей квитанции. А это сумма немалая. Поэтому дешевле все-таки купить в киоске талончик на 15, 30 или 45 минут в зависимости от длины пути.

Легковой автотранспорт — личный, акционерный или ведомственный, по номерам не разберешь, вывесками и рекламой отличаются только такси, столь же аккуратное. По-видимому, автомобили с разбитыми фарами, покореженными решетками и кузовом своевременно отправляются на свалку. Ни в городе, ни на дорогах вне города таких автомобилей нет, их просто зазорно выпускать на дороги, по которым бегут крошечные «Полонезы», польские «Фиаты», отличающиеся от наших «Жигулей» смягченными обводами кузова и капота, «Форды», «Фольксвагены», «Ауди», «BMW».

Дороги по состоянию под стать автомобилям. Дорожное покрытие — асфальт, брусчатка, булыжник — автоматически определяет категорию дороги. Понятно, что булыжная мостовая может быть отнесена к самой низшей категории. И сохраняется она там, где нет нужды в оживленном движении. Дорожные развязки двух- и трехъярусные. Они позволяют 800-тысячному городу обойтись без пробок и, по возможности, без серьезных ДТП.

Пешеходные переходы на всех перекрестках снабжены не только световой, но и звуковой сигнализацией. Нарушение правил дорожного движения обходится очень дорого. Жизнь все-таки дороже, да и лишних денег на уплату штрафа чаще всего не случается. В тех местах, где возникает острая необходимость пересечения улицы большим количеством пешеходов, а до перекрестка далековато, построены надежные переходы, вовсе не такие, какие мы привыкли видеть над десятками сходящихся железнодорожных линий. Эти переходы обладают удивительным свой-

ством. Они приглашают: «Поднимись, перейди улицу в этом месте, заодно посмотришь, как я устроен, посмотришь сверху на город, на парк, на Дворец Sports или торговый центр, заодно прицелишься, решишь, куда идти дальше. Во всяком случае получишь удовольствие!»

Тщательно продуманные и организованные маршруты городского транспорта понадобились этому городу в сравнительно недалекие времена, когда точно по расписанию необходимо было доставлять огромную массу людей из городов-спутников, из строящихся и уже оформившихся спальных районов города на многочисленные ткацкие фабрики, происхождением и загруженностью которых горд обязан России и ее армии.

Город Лодзь молод, несмотря на то, что первое упоминание о нем относится к концу XV века. Молод потому, что городской статус был получен магистратом в 1524 году, а через 300 лет, когда

началось интенсивное строительство ткацких фабрик, домов для рабочих, костелов, церквей и синагог, школ, банков, магазинов, рынков, он стал быстро наполняться людом и застраивать квартал за кварталом. Позже две ветки железной дороги, идущие от Варшавы, охватили еще не оформившееся окончательно будущее пространство города и вытянули его с северо-востока на юго-запад. Попутно в тех же рабочих и фабричных кварталах строились особняки владельцев фабрик. Вот тогда-то понадобились и хорошие дороги, и достойный транспорт...

Очень хотелось посмотреть Александров — город-спутник Лодзи. Сюда можно легко добраться на перекладных — трамвае и пригородном автобусе. Сюда мы получили приглашение от Петруша Лихвалы — самого молодого куратора студентов польской группы. Но дожди стояли сплошной стеной, оказалось возможным двигаться только мелкими перебежками от трамвая к автобусу и от автобуса к месту назначения. За хорошей погодой пришлось ехать в Краков. По пути навестили Святогорский католический монастырь в Ченстохове. Там дождь обессилел или же еще не успел окончательно завоевать пространство. Название Ченстохова переводится на русский — «часто прячется». Разумеется, по ассоциации с польскими названиями вспомни-



Факультет экономики и менеджмента Лодзской Политехники. Фото К. Бузулуцкого

лись близлежащие новгородские Кшентицы и Видогощь, Радгостицы и Наши. А Ченстохова и в самом деле часто прячется в холмах, что нисколько, однако, не мешает католическим паломникам, туристам добираться сюда и восхищаться творением рук человеческих и удивительной музыкальной архитектурного ансамбля монастыря.

О Кракове разговор особый, о нем много написано и, казалось бы, многое известно. И тем не менее, оказываясь здесь впервые, почему-то не испытываешь чувства растерянности, не чувствуешь себя чужим, инородным, ненужным. Краков — добрый, заботливый хозяин, готовый оказать теплый прием всем своим гостям. Иногда он обижается замечаниям пожилой краковчанки по поводу случайного скопления гостей, например, на велосипедной дорожке. Но проблема решается очень быстро и без обид, и город снова греет теплом и добродушием. На этот раз он подарил нам и новые впечатления, и новый вернисаж на старых крепостных стенах, и вечернюю рыночную площадь, и токкату ре-минор Баха с мягким польским акцентом и, наконец, хорошую погоду, которую нам удалось на некоторое время привезти в Лодзь.

Вот тогда-то мы и отправились в Александров. Над нашими ребятами взяли шефство польские студенты, а мы — опекуны — решили отдохнуть в пригороде. Костел, ухоженный сквер, рыночная площадь, конечно, уже все по-другому, по-александровски, но также прибрано и чисто, и цветы, цветы, цветы... В каждом дворике, на каждом балконе, разные, такие, что глаза разбегаются. Повсюду с ранней весны и до поздней осени цветы! По всей Польше. После недолгой пешеходной прогулки мы оказываемся у небольшого домика, двор которого примыкает и сосуществует с двором многоэтажного дома. В палисаднике опять цветы. Создается впечатление, что всюду в Польше культ цветов и каждый отдает цветоводству и разведению зеленых насаждений часть своего времени и долю своей фантазии. Во внутреннем дворе — лужайка, детские качели, хозяйственные постройки, гараж и истинно польский автомобиль «Сирена», чем-то напоминающий наш «Москвич-402». Но только внешне. Все остальное — и двигатель, и привод, и подвески, передняя и задняя — существенно отличаются. Такие автомобили в Польше уже вышли из моды, и большинство из них выработало свой ресурс. Этот реликтовый, но еще на ходу.

Нас встречает все семейство подруги нашего гида Пйтруша: отец, мать, сестра, зять и две племянки. К нашему визиту готовились, нас ждали, на лужайку вынесли стол, стулья, посуду и кулинарные творения Урсулы — подруги Пйтруша и ее сестры. Пока хозяйки хлопочут около стола, мы знакомимся с хозяином, с его младшей внучкой, под-

робно знакомимся с автомобилем, с планировкой двора. Внимания заслуживает и мини-огород, и черный лохматый пес, который отслеживает шаги своей подопечной — младшей внучки и время от времени инструктирует ее и окружающих негромким лаем.

Зенон, хозяин дома, приглашает и моих спутников на экскурсию по двору, Петруш при этом как-то загадочно улыбается. Нас подводят к небольшому строению. Хозяин открывает дверь, входит, мы — вслед за ним. За дверью, слева, большой верстак с полным слесарным обеспечением, прямо перед нами две машины, как оказалось, швейные, для сшивания носков, чулок и другой чулочно-носочной продукции. «Остановка текстильного производства в макроскопическом масштабе сопровождалась приватизацией средств производства, — поясняет шутя Зенон. — Обеспечиваю носками и колготками время от времени все семейство. Швейные машины все время в работе. Ты видел, в каких колготках бегают все мои внучки и дочки?» — он показывает кипу заготовок, садится за машину, запускает ее, сшивает быстро необходимый набор деталей, на этой же машине заделывает швы, устраняет лишнее — и пара колготок готова. «Когда набирается достаточное количество готовой продукции, колготки отправляются в покраску. А дальше — рынок, какие-никакие деньги. Покраской и общением с рынком занимается другой человек», — заключает он. Открытие для нас действительно неожиданное. До этого мы видели завод по производству пластиковых труб для холодной и горячей воды, удачно расположившийся в пакгаузе бывшей советской военной базы. На этом заводе работают восемь человек. Директор, технический директор, шестеро рабочих — сотрудники автоматической линии с микропроцессорным управлением и ЭВМ, выполняющей необходимые экономические и технологические расчеты. А вот цех по производству колготок, где работают всего два человека, да еще и в собственном владении, пришлось наблюдать впервые.

Экскурсия по дому завершается, в полную силу разгорелись дрова в гриль-жаровне, вынимаются из холодильника колбаски, кашанки, горчица, соусы, словом, все приправы, и стол уже полностью накрыт. Хозяйка для начала предлагает по чашке чая с чудесами кулинарии. Это уже традиция перед грилем обязательно слегка заправить гостей чаем. Предполагается продолжительная беседа, торопиться некуда, успеем и кашанок отведать и пива попить. Мы, в свою очередь, предъявляем на суд гостеприимных хозяев фирменный новгородский презент — нашу знаменитую водочку. Беседа продолжается. Переводчика, как ни странно, не требуется. Славяне со славянами размышляют по-славянски.

Маттиас Огрен родился на северо-востоке Швеции в административном центре провинции Вестерботен Умео. Там, в самом северном университете Швеции, а также в старейшем университете страны в Упсале он изучал политологию и русский язык.

В 1998 году по направлению Шведского института он приехал в Новгород, где более двух лет преподавал шведский язык на кафедре языков северных стран Гуманитарного института НовГУ. За два с половиной года пребывания в университете он завоевал любовь студентов и уважение коллег. С типичной для шведов основательностью и добросовестностью он обучал шведскому языку студентов и совершенствовал свой русский язык.



Маттиас ОГРЕН

Я ВОЗВРАЩАЮСЬ ДОМОЙ

Жизнь полна сюрпризов. Я помню, как в пятнадцатилетнем возрасте пытался представить себе, какой будет моя жизнь на пороге нового тысячелетия. Я полагал, что в 2000 году буду женат, у меня будут дети, я буду работать инженером и жить в собственном доме. В реальности всё обернулось иначе. После того как я познакомился с русским языком, моя жизнь и мои мечты изменились.

Два с половиной года я преподавал шведский язык в Новгородском государственном университете. Я приехал в Новгород в 1998 году и собирался остаться здесь только на один год. Тогда мне казалось, что один год — это долго. Я не мог даже представить, что мне так понравится. Поэтому мне и сейчас кажется, что летние дни 1998 года были как будто вчера. Однако многое произошло с тех пор, и за это время я научился многому, что мне пригодится в Швеции.

Хотя я не раз бывал в России до 1998 года, только теперь убедился, что восприятие страны меняется, когда там живешь и работаешь долгое время. Приезжать туристом — совсем другое дело. В столицах сохраняется международная атмосфера, а Новгород — исконно российский город.

К сожалению, я не помню, что конкретно я слышал про Новгород, но что-то, наверное, вызвало мой интерес, так как я хотел работать именно здесь. По прошествии этих двух с половиной лет могу сказать, что сделал правильный выбор. Я чувствовал себя в Новгороде как дома, несмотря на то, что жил один в чужой стране.

Преподавать родной язык в другой стране — очень необычный опыт. Шведский — не очень распространенный язык, и, конечно, я не без гордости наблюдал, какой интерес русские студенты проявляют к Швеции и шведскому языку. Кроме того, живя в России, я немного по-другому начал относиться к своему родному языку и к стране, в которой я родился. Многое в Швеции теперь не кажется само собой разумеющимся. Когда я приехал в Швецию в

О том, насколько он преуспел в последнем, можно судить хотя бы по тому, что эта статья не переведена со шведского, а написана им на русском языке так, как будто её писал не иностранец, а носитель языка.

Уже в студенческие годы русский язык был для Маттиаса не просто учебной дисциплиной, но и средством познания русской культуры, её духовных ценностей. Его особенно привлекает русская литература 1930-х годов, в частности творчество Д. Хармса, а также кинематография.

Сейчас Маттиас вернулся в Швецию, чтобы продолжить учебу в аспирантуре. Его ученики и коллеги желают ему успехов и надеются, что в недалеком будущем он вернется в Новгород.

отпуск, в первую неделю я пережил нечто вроде шока. Все говорят по-шведски! Постепенно мои мозги начинали переключаться на шведский. В России я заметил, что мыслю частично на шведском, русском и английском языках, и даже иногда — в картинах. Бывает, что я использую в шведском языке слова и конструкции, которые не выбрал бы в Швеции. Это можно рассматривать как свидетельство того, что наша речь формируется под влиянием среды, в которой мы находимся. В то же самое время в России я стараюсь говорить на правильном шведском, избегая сленга. В чистом шведском контексте это не так важно, и я думаю, что у русских, преподававших родной язык за рубежом, такой же опыт. Сленг — важная часть разговорного языка, которая имеет тенденцию быстро обновляться. За то время, что я жил в Новгороде, в Швеции стали употреблять слова и выражения, которые иногда мне непонятны или по крайней мере не совсем ясны. Это постепенный процесс, который не заметен, когда ты участвуешь в нём, но лучше видится извне.

И вот настало время покинуть Новгород. Я не мог представить себе, что будет так непросто вернуться в Швецию. Конечно, иногда я скучаю по друзьям и родственникам, но теперь мне так же будет не хватать друзей, коллег и студентов из Новгорода. Иностранцу бывает непросто в новой стране, но меня встретили здесь с таким гостеприимством, что я сразу почувствовал себя как дома. У всех есть стереотипы и предрассудки. Разумеется, надо быть осторожным с предрассудками. Иностранцы слышаны о гостеприимстве русских. Но это не миф, это реальность. Например, в Швеции довольно редко приглашают своих коллег домой, и я не знаю, почему это так. В России дом становится местом встречи. Одна маленькая особенность, которая может показаться тривиальной: в гостях у русских часто предлагают тапочки. Я не знаю, почему я так ценю именно это, но, может быть, потому, что это придает чувство, что я там желанный гость. Ещё одна приятная особенность — в Рос-

сии возраст не помеха в общении между людьми. Всегда приятно познакомиться с семьёй друзей, и я благодарен за это.

В России музыка играет важную роль в общении, и если кто-нибудь начинает петь песни, то другие подпевают или аккомпанируют на музыкальном инструменте. Надо признаться, что отношение шведов к музыке сложнее. С одной стороны, многие шведы занимаются музыкой с настоящим интересом, на что указывает тот факт, что Швеция занимает третье место в мире после США и Великобритании в области экспорта популярной музыки. Для такой маленькой страны, как Швеция, это, конечно, замечательно. Но чтобы завоевать широкую публику, в основном поют на английском языке. На самом деле, по русскому радио часто слышна шведская музыка, хотя не каждый знает, что она шведская. С другой стороны, пение на вечеринке может вызвать нервную реакцию, и некоторым не по себе от того, что их, может быть, заставят петь. В таких ситуациях шведы чаще слушают пластинки или компакт-диски. Мне жаль, что шведы воспринимают музыку либо как частное дело, либо как профессиональное. Не случайно шведы, в том числе и я, удивляются, что в русских ресторанах почти всегда играет музыка. Шведы ходят в ресторан, чтобы отдохнуть, пообщаться и поговорить спокойно. Им вовсе не хочется говорить громко или даже кричать, чтобы собеседник слышал, что ты говоришь. Однако я к этому уже привык, и если музыканты хорошо играют, то создаётся атмосфера, которой чаще всего не хватает в Швеции. В общем-то, было бы неплохо, если бы мы в Швеции смогли научиться отношению русских к музыке.

Ещё несколько слов о моей работе. Главная причина моего решения остаться больше чем на год, конечно, заключается в том, что работа преподавателя в университете мне понравилась. И, как сказано выше, я горжусь стремлением студентов изучать шведский язык. Всегда приятно видеть успехи студентов как в письменном языке, так и в устном. Кроме того, мне всегда интересно слушать мнения студентов о шведской литературе, особенно когда они делают замечания о таких явлениях, о которых я сам никогда не думал. И должно быть, верно, что отношение ко всему иностранному часто бывает внимательнее, чем к родному. По этой причине я иногда мучаю своих русских друзей вопросами типа: почему говорят «нас восемь» и «нас девять», а не «нас девятеро»? О таких вещах людям, у которых родной язык русский, думать не надо, а мне надо. Подобные вопросы о шведском языке задают мне студенты, хорошие вопросы, которые заставляют меня иначе взглянуть на шведский язык. Вследствие этого я всё больше стал думать о том, как шведы на самом деле говорят, какие слова выбирают и как они их произносят.

Литература особенно близка моему сердцу. За последние годы мы увидели в России настоящий «бум» шведской литературы в русских переводах. Я надеюсь, что это продолжится и что некоторые из наших студентов захотят работать со шведской литературой, занимаясь либо переводами, либо наукой. Литература — прекрасный способ изучать другую страну и другую культуру, и точно так же, как студент, изучающий иностранный язык, видит языковые явления, скрытые от носителя языка, переводчик и литературовед по-новому остро смотрит на текст. Таким

образом, произведение может рассматриваться извне, и это, по-моему, очень важный аспект литературоведения. Прежде всего речь идёт о современной литературе, которая с трудом поддаётся анализу в той общественной среде, которая нашла отражение в произведении. Русская литература известна и очень популярна в Швеции, и я полагаю, что количество интересных тем для дипломных работ и диссертаций по сравнительному анализу шведской и русской литературы бесконечно.

В Новгороде шведский язык преподаётся в Гуманитарном институте в бывшем здании духовной семинарии на территории Антониева монастыря. Само здание, может быть, не вполне удобное место для занятий. Из-за каменных стен и высоких потолков там довольно шумно днём, но историческая атмосфера в стенах института и вокруг монастыря вполне компенсирует недостатки такого рода.

Шведы в российском университете сразу бросается в глаза ещё то обстоятельство, что возраст первокурсников здесь ниже, чем в Швеции. В Швеции обучение в школе продолжается девять лет, после чего надо учиться ещё три года в гимназии, чтобы поступить в университет. Поэтому студенты в шведском университете старше, чем в российском, и это, конечно, влияет на учёбу. Чем старше студенты, тем больше у них опыта и знаний уже до поступления в университет. Система высшего образования в России отличается от шведской. Многие предметы, в том числе языки, в Швеции преподаются на отдельных курсах. Это значит, что можно сосредоточиться на одном языке. В конце каждого семестра студенты подают заявки на следующий семестр, и предметы можно выбирать свободно. Основная программа по предмету всего четыре семестра, после чего можно поступить в аспирантуру. К сожалению, в последние годы сократили количество часов, особенно на гуманитарных факультетах. Объясняется это финансовыми причинами. Когда я изучал русский язык в Швеции, у нас на него было всего восемь-десять часов в неделю. Следовательно, надо было много работать самостоятельно. Одно преимущество российской системы высшего образования в том, что количество часов по основным предметам больше, чем в Швеции.

Однако жаль, что студентам трудно влиять на программу. Программа, в принципе, определена уже в тот момент, когда молодой человек поступает в университет. Я сам не хотел бы делать окончательный выбор своего пути, когда впереди ещё пять лет обучения в вузе, а мне всего лишь шестнадцать лет. В эти годы юноша становится взрослым, и, сравнивая то, кем я хотел стать, когда мне было шестнадцать лет, с тем, к чему я стремился пять лет спустя, я радуюсь, что у меня была возможность повзрослеть и передумать. В Швеции можно одновременно учиться на разных факультетах. Поэтому историки и экономисты могут быть и специалистами по языкам. Это значительное преимущество, и я думаю, что в будущем потребуются всё больше специалистов, которые могут работать в разных областях. Об этом свидетельствует сегодняшнее направление мировой экономики, основанной на информационных технологиях.

Экономическая терминология всё чаще встречается в политических дискуссиях о высшем образовании в Шве-

ции, когда студентов рассматривают как покупателей знаний у преподавателей. Эта точка зрения, вероятно, повлияла на моё отношение к своей работе преподавателя. Плата студентов — их время, а моя обязанность как преподавателя — прислушиваться к тому, что они ждут от учёбы. Конечно, я часто предлагаю темы, которые считаю важными для них, но хочу, чтобы и студенты могли влиять на процесс преподавания. Однако есть вещи, которые, хотя студенты того или нет, необходимо знать. К примеру, Европейский Союз, где Швеция теперь один из 15 членов. Это шведская реальность, и тот, кто хочет работать переводчиком, должен иметь представление о том, как Европейский Союз организован и как он работает. Мало того, по моему мнению, этот «европейский проект» не будет успешным без близких контактов и сотрудничества с Россией, и в этом процессе нам всем необходимо больше узнавать друг о друге.

Реальность, между прочим, иногда так же важна, как и сам язык в процессе обучения, и они часто взаимосвязаны. Я приведу один пример. Одно из самых обычных слов в шведском языке это «task» (спасибо). В повседневной ситуации, скажем, в магазине, случается, что и продавец, и покупатель этим маленьким словом заканчивают каждое предложение. Может быть, это кажется преувеличением вежливости, но так чаще всего развивается разговор, и отсутствие этого слова может восприниматься как нарушение этикета, особенно если об этом забывает продавец. Употребление этого слова или отсутствие его расценивается в наших странах по-разному. Это надо понять и принять и, как говорится по-русски, в чужой монастырь со своим уставом не ездят.

Сложно то, что при изучении иностранных языков важно знать не только, как слова переводятся, но и как употребляются, в каких ситуациях. Я очень рад и благодарен за то, что мне предоставилась возможность жить и работать в Новгороде и узнать больше о России и, конечно, о русском языке. Я пытался объяснить друзьям в Швеции, как мне нравится каждый день говорить по-русски, но я не уверен, что они меня поняли. Хотя я и раньше изучал русский в Швеции, я понял, что читать Чехова или Булгакова не достаточно, чтобы освоить настоящую русскую речь. В первом семестре студенты сказали мне: «Маттиас, ты хорошо говоришь по-русски, но ты должен внимательнее слушать, как говорят русские». Я понял, что это было правдой, и я хочу надеяться, что за это время сделал определённые шаги в освоении разговорного языка.

Меня не раз спрашивали о том, чем отличается российский студент от шведских. Вопрос трудный, и я до сих пор не могу дать полноценного ответа. Я даже не знаю, есть ли другая разница кроме того, что студенты в Швеции старше. Во всех странах есть серьёзные студенты и те, которым, по разным причинам, трудно справиться с учёбой.

Единственное неприятное ощущение, которое омра-

чало мою преподавательскую работу, — это оценки. Главное в процессе учёбы — знания, но всегда существует риск, что оценка может стать самоцелью. А вообще, как оценить знание и как сравнить усердие с талантом? Разве только конкретный результат решает всё? Обидно, когда приходится ставить низкие оценки, но важно, чтобы они были справедливыми. Конечно, больше всего хочется всем поставить высокие оценки, но в таком случае оценки не говорят ни о чём.

В шведской системе высшего образования есть, за несколькими исключениями, две оценки: «удовлетворительно» и «очень удовлетворительно». Если не сдашь экзамен, то имеешь право пересдавать его сколько угодно раз. На оценку «удовлетворительно» требуется не менее 65 процентов баллов, а на «очень удовлетворительно» — не менее 90 процентов. При этом оценки в Швеции не так важны, как в России. Вообще, можно сказать, что чем больше оценок, тем сложнее определить границы между ними, и так как считается, что оценки играют важную роль, я иногда очень мучился, когда их ставил.

В то же время, когда я начал внимательнее слушать, как говорят русские, стал я так же внимательно прислушиваться к речи шведов. Если «спасибо» часто встречается в шведском языке, то такие слова как «плохо» или «неправильно» гораздо реже, по крайней мере, если они обращены к человеку, с которым непосредственно общаешься. Вместо «плохо» по-шведски говорят «не так хорошо» или «не очень удачно». Однако плохая погода называется плохой и по-шведски. По-русски чаще говорят прямо, не смягчая выражения. А почему нет? Если, например, работа сделана плохо, то к чему нам эвфемизмы? Я не знаю, откуда такая тактичность в шведском языке, но прямая критика, бывает, воспринимается как критика личности, и вполне осознанно не хочется портить настроение другому человеку. Мне всё ещё сложно сказать кому-нибудь, что он или она плохо говорит по-шведски. Это звучит слишком резко и воспринимается иногда так, будто совсем непонятно, о чём человек говорит.

Что остаётся сказать? Отчасти меня привлекали сюда исторические контакты между Новгородом и Швецией. Сейчас я знаю, что эти связи существуют и продолжают развиваться. В последние два года эти контакты были особенно заметны: на семинарах, конференциях, выставках, лекциях, кинофестивалях... У студентов часто имелась возможность переводить, и я надеюсь, что такие мероприятия пробуждали интерес к Швеции у широкой общественности Новгорода.

Собственно говоря, суть обучения иностранным языкам — строить мосты между людьми, передавать знания о другой стране. Я надеюсь, что мне удалось более конкретно представить Швецию на занятиях. Как-то странно не вернуться в Россию в учебном семестре, но я уверен, что скоро приеду. Приеду ли я просто в гости или опять в роли преподавателя — пока неизвестно.

В НОМЕРЕ ПУБЛИКОВАЛИСЬ:

Владимир АНДРЕЕВ, офицер запаса.
Юрий БОЛЬШАКОВ, кузнец.
Константин БУЗУЛУЦКИЙ, кандидат технических наук, преподаватель НовГУ.
Игорь БУТКЕВИЧ (1941–1996), доктор филологических наук.
Валерий ВАСИЛЬЕВ, кандидат филологических наук, преподаватель НовГУ.
Владимир ВИКТОРОВ, поэт.
Валентина ГРЕКОВА, художник-реставратор, лауреат Государственной премии СССР, почетный гражданин Великого Новгорода.
Татьяна ДАНЬКО, заведующая отделом использования документов ГАНО.
Виктор ДУДКИН, доктор филологических наук, декан филологического факультета НовГУ.
Александра ЗВЕГИНЦЕВА, студентка Института медицинского образования НовГУ.
Сергей МАНТЕЙФЕЛЬ, поэт.
Юрий МАРКИТАНОВ, военнослужащий.
Наталья МОРЫЛЕВА, главный библиотекарь научной библиотеки НовГУ.
Анатолий ОБЪЕДКОВ, инженер завода «Старт», член Союза писателей.
Маттиас ОГРЕН, преподаватель кафедры языков северных стран Гуманитарного института НовГУ, кандидат поли-

тологии, магистр филологии.
Людмила ПЕТРОВА, главный библиотекарь Новгородской областной научной библиотеки.
Наталья ПЕТРОВА, старший научный сотрудник Кирилло-Белозерского музея-заповедника.
Людмила СЕКРЕТАРЬ, старший научный сотрудник НГОМЗ.
Ирина САВИНОВА, член Союза журналистов России.
Тамара СИГАЛОВА, член Союза журналистов России, главный редактор альманаха «Чело».
Илья СМЕРНОВ, заместитель директора по научной работе Кирилло-Белозерского музея-заповедника.
Владимир ТЮРИН, профессор НовГУ, заслуженный работник культуры России, член Союза писателей России.
Юлий ЦИРКИН, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории НовГУ.
Андерс ШЁБЕРГ (1926–1990), шведский славист, преподаватель Русского института Стокгольмской высшей школы, профессор Института славянских и балтийских языков Стокгольмского университета.
Владимир ЯДРЫШНИКОВ, старший научный сотрудник Отдела хранения архитектурных памятников НГОМЗ.
Владимир ЯРЫШ, член Союза художников России, преподаватель фольклорных дисциплин Музыкальной школы русского фольклора.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

173007, Россия, Великий Новгород, ул. Льва Толстого (Чудинцева ул.), д. 6/64
Телефон: (816-22) 11-55-60. E-mail: chelo@info.novsu.ac.ru

Альманах зарегистрирован в Комитете РФ по печати.
Рег. номер 013934.
Подписано в печать 16.04.2001. Заказ № .
Бумага 80 г/м². Формат 60х84/8. Тираж 1000 экз.

Графика на обложке Владимира ПОВЕТКИНА
Художники: Владимир ПОВЕТКИН, Геннадий СЕНЕЧКО,
Анатолий МИЩЕНКО, Александра ГОРОДЕЦКАЯ

Тираж отпечатан в ЗАО «Новгородский Технопарк». Телефон: (816 22) 27-683

*Редакция не рецензирует и не возвращает присланные рукописи.
Перепечатка допускается по согласованию с редакцией,
ссылка на «Чело» обязательна.
Мнение редакции может не совпадать с мнениями авторов.*

Над номером работали:
Главный редактор – Тамара СИГАЛОВА
Инженер-программист – Ирина АЛЕКСАНДРОВА
Ведущий редактор – Елена БАРКАНОВА
Редактор отдела культуры, корректор – Наталия ПУНЖИНА
Редактор отдела – Юлия СИЛКО